Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Оренбургский институт (филиал)

Студенческое научное общество

Оренбургское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

(к 95-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и 85-летию Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина)

Материалы Всероссийской
конференции магистрантов

Оренбург 2026

УДК 340.1

ББК 67.0 (2)

А 43

А43 Актуальные проблемы современного права (к 95-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и 85-летию Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина): материалы Всероссийской конференции магистрантов / Отв. ред. И.В. Жеребятьев - Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2026. - 571 с.

Сборник содержит материалы Всероссийской конференции магистрантов «Актуальные проблемы современного права» (к 95-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и 85-летию Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина)

© Оренбургский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» 2026

Оглавление

Секция 1. Современное правоприменение в уголовном и уголовно-процессуальном праве: проблемы, пути преодоления……..4
Секция 2. Цивилистический процесс.....53
Секция 3. Корпоративное право.....162
Секция 4. Правовое регулирование трудовых отношений и развитие кадрового потенциала как фактор устойчивости российской государственности……262
Секция 5. Предпринимательское право, как инструмент достижения национальных целей развития: вызовы и перспективы.....355
Секция 6. Традиционная ценность единства народов: конституционно-правовая доктрина и реализация в органах власти.....467

Секция 1. «Современное правоприменение в уголовном и уголовно-процессуальном праве: проблемы, пути преодоления»

Социальные и юридические основания освобождения от уголовной ответственности в связи с военной службой в особых условиях

Антипова Анжела Алексеевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина, г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются основания нового вида освобождения от уголовной ответственности: «В связи с особыми условиями военной службы». Рассмотрены особенности и порядок применения данной нормы, затронуты спорные вопросы ее реализации.

Ключевые слова: военная служба, особые условия военной службы, освобождение от уголовной ответственности.

Понятие военной службы не закреплено законодательно, поэтому для определения термина сначала необходимо исследовать общее понятие военной службы. Закон о воинской обязанности определяет военную службу как особый вид государственной службы, которая заключается в реализации государственных функций. Так, в статье 2 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»[1] установлено, что военная служба – это особый вид федеральной службы, исполняемой:

1) гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства – в Вооруженных Силах Российской Федерации и т. д.;

2) гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного

[1] Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

государства, и иностранными гражданами - в Вооруженных Силах Российской Федерации и воинских формированиях.

Согласно статьи 6 Федерального закона от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»[2], военная служба является видом федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную службу граждан на воинских должностях в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также в других войсках, воинских формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства.

В научной среде до сих пор отсутствует единая точка зрения относительно отнесения военной службы к конкретному сектору государственной службы РФ, что является спорным и проблемным вопросом. И.В. Носов рассматривает ее как часть государственной службы в целом, без конкретной принадлежности, тогда как А.Р. Шафигин классифицирует ее как элемент федерального сектора. При этом автор акцентирует внимание на том, что важно учитывать, что любая государственная служба может функционировать исключительно в рамках нормативно – правовых актов РФ, в то время как государство обладает исключительным правом создания структур, обеспечивающих военную службу.

Военная служба в особых условиях – это самостоятельный и специализированный сектор государственной службы, сочетающий в себе черты государственной и военной систем, осуществляемый в периоды мобилизации, военного положения или в военное время. Особые условия военной службы означают ужесточение режима прохождения службы, которые выражаются в постоянной готовности к выполнению обязанностей вне зависимости от времени суток и места нахождения. В доктрине отмечается, что правовым подтверждением исключительного статуса военной службы является специальная норма уголовного закона (статья 78.1 УК РФ), которая

---

[2] Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Российская газета. 2003. № 103 (3217).

рассматривает факт призыва, заключение контракта или непосредственного прохождения службы в указанные периоды как основание освобождения от ответственности.

Понятие «освобождение от уголовной ответственности» определяется как неприменение мер уголовной ответственности в виде негативных правовых последствий, определяемых Уголовным кодексом РФ как санкции за совершение общественно опасных деяний в отношении лица, совершившего преступление.

В апреле 2024 года в ст. 78.1 УК РФ внесены существенные изменения, касающиеся условий освобождения от уголовной ответственности и наказания. Глава 11 УК РФ определяет следующие виды оснований освобождения лица от уголовной ответственности: обвиняемый деятельно раскаялся, например, пришёл с повинной, помогал в расследовании; обвиняемый примирился с потерпевшим; обвиняемый возместил ущерб, например, возвратил то, что похитил и др.

В условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции и связанной с ней мобилизацией возникла необходимость совершенствования института освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, призываемых на военную службу. С этой целью УК РФ дополнен новой уголовно-правовой нормой «Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время, либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время» (ст. 78.1 УК РФ).

Положения ст. 78.1 УК РФ предусматривают следующие условия освобождения от уголовной ответственности.

Во - первых, от ответственности освобождается лицо, признающее себя виновным в совершении преступления, но до вынесения в отношении него обвинительного приговора суда. При этом не имеет значения имеет ли лицо

судимость в прошлом. Также не имеет значение, к какой категории относится совершенное деяние, и на какой объект уголовно-правовой охраны оно посягает. Исключением являются следующие виды преступлений:

- против половой неприкосновенности несовершеннолетних (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, ч. ч. 3-6 ст. 134 УК РФ);

- некоторые преступления в сфере экономики (ст. 189 УК РФ, ст. 200.1 УК РФ);

- преступления, посягающие на общественную безопасность (ст. 205-205.5, ст. 206, ст. 208-2011 УК РФ и т.д.);

- определенные преступления против государственной власти (ст. 275, 275.1, 276-280.2 и т.д.);

- четыре вида преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 355, 359-361 УК РФ).

Как можно заметить совершение разбоев, убийств, причинение тяжкого вреда здоровью и других тяжких и особо тяжких преступлений, не исключает освобождения от уголовной ответственности.

Во – вторых законодатель определил категории лиц, которые могут быть освобождены от ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 78.1 УК РФ:

1. Призванные на военную службу в период мобилизации. Призыву на военную службу по мобилизации подлежат граждане, пребывающие в запасе, не имеющие права на отсрочку от призыва на военную службу.

2. Призванные на военную службу в военное время, которое наступает с момента объявления федеральным законом состояния войны, в случае вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации.

3. Заключившие в период мобилизации или военного времени контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации.

4. Заключившие контракт о прохождении военной службы в период военного положения во время, когда в случае агрессии против России или непосредственной угрозы такой агрессии, на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией РФ Президентом РФ вводится особый правовой режим.

В-третьих, не имеет значения: до поступления на военную службу или во время ее прохождения лицо совершило преступление.

В-четвертых, юридическим фактом, с которым закон связывает освобождение от уголовной ответственности указанных лиц, является альтернативно или награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, или увольнение с военной службы по указанным в законе основаниям. К таким основаниям относятся следующие:

- достижение лицом предельного возраста пребывания на военной службе (по общему правилу это 50 лет для мужчин и 45 лет для женщин);

- в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе по состоянию здоровья;

- в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени.

Таким образом, положение ст. 78.1 УК РФ реализуется в два этапа. Вначале в соответствии с прямым указанием закона в отношении указанных категорий лиц предварительное расследование должно быть приостановлено в порядке, определенном п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УК РФ, а уже потом прекращается уголовное дело в соответствие со ст. 28.2 УПК РФ. Лицо, освобожденное от уголовной ответственности, является несудимым и, соответственно, при привлечении к уголовной ответственности в случае совершения им нового преступления рассматривается как «совершившее преступление впервые».

Освобождение лица от уголовной ответственности по любому из оснований, предусмотренных в главе 11 УК РФ, является нереабилитирующим, соответственно не может применяться в отношении лица, которое несогласно с предъявленным ему обвинением и не признает себя виновным в совершении

инкриминируемого ему преступления. Если лицо возражает против прекращения уголовного дела, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

Возможность прекращения уголовного дела по так называемым «нереабилитирующим» основаниям в современном уголовном процессе, несмотря на имеющиеся дискуссии, не вызывает обширной научной критики. Институт освобождения от уголовной ответственности предоставляет возможность социального восстановления поведения уголовного правонарушителя в рамках должного правопорядка без реализации уголовной ответственности.

Преподаватель как должностное лицо при получении взятки

Елизарова Екатерина Сергеевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматривается уголовно-правовое положение преподавателя при получении незаконного вознаграждения, приводятся различные точки зрения по данному вопросу, исследуется противоречивая судебная практика, в связи с этим предлагается внести изменения в УК РФ.

Ключевые слова: должностное лицо, коррупционные преступления, преподаватель в качестве субъекта получения взятки, профессиональная деятельность преподавателя, услуги имущественного характера.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что образование является одной из наиболее коррумпированных сфер современной России[1], а преподаватели могут привлекаться к уголовной ответственности по ст. 290 УК как должностные лица за получение от студентов денег или иного вознаграждения за сдачу курсовых, контрольных, самостоятельных или выпускных квалификационных работ, а также экзаменов и зачетов. В соответствии с примечанием 1 к ст. 285 УК РФ «должностными лицами признаются лица, которые постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляют функции представителя власти либо выполняют организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, в хозяйственных обществах…».

В пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении

[1] См.: Темиров А.Р. Тенденции преступлений коррупционной направленности // E-Scio. 2021. № 2 (53). С. 5-10.

должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – Постановление № 19) разъясняется: «под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий. К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии)»[2].

При этом в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда от 9 июня 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указано, что не образует состав получения взятки принятие должностным лицом денег, услуг имущественного характера и т. п. за совершение действий (бездействие), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо административно-хозяйственным функциям[3].

Так, Ленинский районный суд г. Оренбурга вынес в отношении

---

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (в ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

Нарбиковой Н.Г. обвинительный приговор, признав ее виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. В материалах дела указывалось, что Нарбикова Н.Г., обладая должностными полномочиями (в том числе по руководству курсовыми и дипломными проектами), потребовала вознаграждение за помощь в написании выпускной квалификационной работы и её сопровождение. Нарбикова Н.Г. вину не признала и утверждала, что в период с марта 2018 г. по март 2019 г. и в мае 2020 г. она не обладала организационно-распорядительными полномочиями в части проверки выпускной квалификационной работы, поскольку не была назначена научным руководителем по соответствующему приказу ректора. Она ссылалась на приказ Министерства образования и науки РФ от 29 июня 2015 года № 636, согласно которому научный руководитель наделяется полномочиями после издания соответствующего приказа руководителя образовательного учреждения[4].

По её мнению, передача ей денег в период до издания такого приказа не является взяткой, так как получение вознаграждения за использование личных, не связанных с должностным положением отношений, не может квалифицироваться по ст. 290 УК РФ, однако суд посчитал иначе и признал ее виновной по ст. 290 УК РФ. Ключевым для суда стало реальное содержание выполняемых функций, что противоречит позиции Пленума Верховного Суда РФ.

В другом случае, доцент кафедры получила от студентов взятки за проставление зачета и экзамена без проверки знаний. Поскольку не было распоряжения заведующего кафедрой на предоставление ей права принимать зачеты и экзамены, ее действия были переквалифицированы с ч. 3 ст. 290 УК РФ на ч. 3 ст. 159 УК РФ[5]. Данный пример показывает, что по нормам УК РФ

---

[4] В г. Оренбурге огласили приговор экс-доценту вуза, получившему от студентов свыше 580 тысяч рублей за написание дипломов // URL: https://www.ural56.ru/news/690965/ (дата обращения: 26.04.2026).

[5] Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14.10.2015 по делу № 22-

при отсутствии властных полномочий лицо не может быть субъектом получения взятки, а потому его действия образуют состав мошенничества.

В одном случае суд учел, что у виновного лица не было полномочий на осуществление организационно-распорядительных функций, а потому оно не может быть признано должностным лицом по ст. 290 УК РФ, а в другом - суд занял противоположную позицию.

Мнения криминалистов также неоднозначны, например, П.С. Яни указывает: преподавателя необходимо признавать должностным лицом тогда, когда он принимает решения, которые влекут юридические последствия, например, выставляет оценки и принимает зачеты, что не учитывает позицию Пленума Верховного Суда РФ[6].

А.В. Бриллиантов отмечает, что «фактически между сессиями преподаватель не может признаваться субъектом получения взятки, так как он выполняет свои профессиональные обязанности и не является должностным лицо»[7].

Б.В. Волженкин утверждал, что в деятельности преподавателя присутствуют распорядительные функции, выражающиеся в праве совершать юридически значимые действия, поскольку между выставлением оценки студенту или абитуриенту и последующим последствиями (зачисление, получение стипендии, перевод на следующий курс, отчисление, выдача диплома) существует причинная связь. Он отграничивал деятельность преподавателя при проведении лекционных и семинарских занятий от деятельности при приеме зачетов и экзаменов, отмечая, что в первом случае это профессиональная деятельность, а во втором – он выступает в роли должностного лица. Однако и «отработка» прогулов лекций и семинаров может

9012/2015. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=Mr (дата обращения: 20.04.2026).

[6] См.: Яни П.С. Взяточничество: понятие и объект // Вестник Московского университета. 2016. № 1. С. 8-12.

[7] Бриллиантов А.В. Уголовная ответственность за взяточничество: монография. М.: Рос. Гос. Ун-т правосудия. 2019. С. 185.

быть перекрыта взяткой[8].

В.В. Воронин считает, что не может служить основанием для причисления преподавателей к субъектам должностных преступлений тот факт, что педагог при сдаче контрольных точек студентами уполномочен совершать действия, которые влекут за собой для студентов определенные правовые последствия[9]. То есть при этом преподаватель не приобретает организационно-распорядительные функции, что свойственно для государственных и муниципальных служащих и, как следствие, не может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 290 УК РФ.

Г.Б. Морозов, придерживаясь той же позиции, отмечает, что неправомерно приписывать преподавателям организационно-распорядительные функции, поскольку они не обладают правом издавать локальные распорядительные акты, организующие выполнение каких-либо работ и процессов[10]. Не всегда у преподавателя присутствуют организационно-распорядительные функции, при наличии которых можно говорить о нем, как о субъекте преступления по ст. 290 УК РФ. Однако в этом и заключается основная проблема, так как остальные признаки коррупционных преступлений присутствуют: использование должностного положения; получение выгоды в виде денег.

По нашему мнению, преподаватель и должностное лицо имеют разные правовые статусы, поскольку преподаватель не обладает рядом таких правомочий, как непосредственное руководство работниками, которые находятся у него в подчинении. Российское законодательство не определяет преподавателя как должностное лицо, поскольку он не выполняет ни одну из функций, закрепленных в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. В пункте 4

---

[8]См.: Волженкин Б.В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. // Известия Высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 2. С. 60-68.

[9] См. по этому вопросу: Воронин В.В. Педагог и врач как субъекты получения взятки: взгляд против // Уголовный процесс. 2005. № 9. С. 11-15.

[10] Морозов Г.Б. Коррупция в образовании: мифы и реалии нормативного правового характера // Педагогическое образование в России. 2010. № 2. С. 149-159.

Постановления № 19 указано, что к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии). Однако подобный подход игнорирует такие ситуации, как вознаграждение за действия, не являющиеся должностными (помощь в написании курсовой, «репетиторство» от имени высшего учебного заведения, завышение текущей оценки, не имеющей юридического значения). Подобные действия не охватываются ст. 290 УК РФ (нет должностного лица), но и не всегда образуют мошенничество (если преподаватель реально может повлиять на оценку).

В контексте современных социально-экономических реалий, характеризующихся высокой конкуренцией на рынке труда, возникает значимый вопрос: может ли формальная аттестация студентов, не подкреплённая проверкой уровня их компетенций, рассматриваться как реальная выгода для взяткодателей? Подобные отклонения от учебного регламента не только искажают образовательные стандарты, но и формируют риски для интеллектуальной безопасности социума. Применение исключительно дисциплинарных мер воздействия к преподавателям, оказывающим недобросовестные образовательные услуги, ставит вопрос о необходимости усиления правовых механизмов противодействия подобным нарушениям.

Для решения обозначенной проблемы целесообразно дополнить УК РФ ст. 291.3 УК РФ «Незаконное получение вознаграждения работниками сферы образования» следующего содержания: «Получение преподавателем, а равно иным работником государственной или муниципальной образовательной организации, не являющимся должностным лицом, денег, ценных бумаг или иного имущества либо услуг за совершение действий (бездействие), входящих в его служебные или профессиональные обязанности». Субъектами данной нормы предлагается признавать преподавателей и иных работников

государственных и муниципальных образовательных учреждений, не являющихся должностными лицами. Объективная сторона будет выражаться в получении ими денег, ценных бумаг, иного имущества, а также услуг имущественного характера или имущественных прав за совершение действий (бездействие), входящих в их служебные или профессиональные обязанности, при условии осознания виновным незаконного характера своих действий.

Социальная опасность реабилитации нацизма

Киров Вячеслав Андреевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Автором рассматривается проблема реабилитации нацизма, обострившаяся на фоне распространения русофобских настроений. Анализируется редакция статьи 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма») и предлагаются пути её совершенствования. Обоснована необходимость изменения действующего названия на «Оправдание нацизма» аналогично ст. 205.2 УК РФ. Предложено законодательно закрепить в примечании к статье 354.1 УК РФ исчерпывающий перечень символов воинской славы. Автор полагает необходимым установление уголовной ответственности за конкретные действия, способствующие реабилитации нацизма, включая сокрытие информации о местах нацистских преступлений, публичную героизацию преступников и пропаганду их идеологии.

Ключевые слова: нацизм, реабилитация нацизма, героизация нацизма, преступления против человечества.

В современных условиях, на фоне усиления русофобских настроений в ряде государств, для России и всего мирового сообщества актуальной стала борьба с крайне опасным явлением – реабилитацией нацизма. Одобрение и попытки возрождения этой идеологии представляют серьёзнейшую угрозу не только суверенитету отдельного государства и безопасности его граждан, но и основам сложившегося миропорядка, а также ценностям мирного сосуществования. В 2025 году мир отмечал знаменательный и вместе с тем скорбный юбилей – 80-летие победы над нацизмом во Второй мировой войне. Эта победа положила конец самой масштабной войне в истории человечества, начатой из-за нацистской агрессии. Сегодня сохранение и защита исторической памяти о тех трагических событиях, о неисчислимых страданиях и героизме народов, о жертвах, понесённых нашим и другими народами, приобретают

общенациональное значение.

В мировую историю нацизм вошёл с приходом к власти Адольфа Гитлера и установлением режима Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) в Германии в 1933 году. Режим Третьего рейха (1933-1945 год) превратил идеологию превосходства в государственную политику, что привело к развязыванию Второй мировой войны и осуществлению Холокоста. Важнейшей вехой на пути к правосудию и восстановлению международного правопорядка стал Нюрнбергский процесс. Международный военный трибунал осудил главных военных преступников, признав их виновными в совершении тягчайших преступлений – против мира, военных преступлений и преступлений против человечности. Этот приговор имел непреходящее значение: он не только наказал виновных, но и навсегда лишил легитимности саму нацистскую идеологию и режим, поставив правовую и окончательную точку в итогах войны. Принципы, закреплённые в Уставе Международного Военного Трибунала[1] и Приговоре Нюрнбергского трибунала, – личная ответственность, недопустимость ссылок на приказ, отсутствие срока давности за преступления против человечности – стали основой современного международного права. Они были восприняты и развиты мировым сообществом, воплотившись в многочисленных документах созданной в 1945 году Организацией Объединённых Наций, которая сама является результатом сотрудничества стран-победительниц.

Тревожные тенденции, наблюдаемые сегодня в некоторых европейских странах, где набирают обороты нацистские идеи, открытое одобрение крайних форм национализма и оправдание тех, кто совершал преступления против мира и человечности, являются подтверждением этой угрозы. Как подчёркивает П.В. Пошелов, «...общественная опасность данного преступления состоит в подрыве основ гражданского доверия к государству и его институтам, в создании

---

[1] Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 165-172.

атмосферы страха среди представителей отдельных этнических, религиозных или расовых групп...»[2].

Следует определить, что представляет собой нацизм. Это тоталитарная идеология, которая абсолютизирует и возвышает одну нацию (либо расу или народ) над всеми остальными, утверждая её биологическое, культурное и историческое превосходство. Эта идеология не просто провозглашает различия между народами, а оправдывает дискриминацию, применение репрессивных мер и насилие по отношению к различным группам людей. Ключевой основой морального и правового осуждения нацизма является его бесчеловечная, антигуманная суть. Она выражается в систематическом, государственно организованном угнетении, преследовании и физическом уничтожении целых категорий населения. Принадлежность к угнетаемой и преследуемой группе, как правило, определяется фактами рождения – происхождением, расовой, национальной или этнической принадлежностью[3].

Необходимо осознавать, что преступления против мира и человечности, к которым, безусловно, относится нацизм, не имеют и не могут иметь срока давности. Следовательно, их оправдание, отрицание или преуменьшение в современных условиях, как и в будущем, является абсолютно недопустимым, и морально, и юридически. Именно для противодействия подобным деструктивным тенденциям и защиты исторической правды в Российской Федерации на законодательном уровне установлена строгая уголовная ответственность за действия, направленные на реабилитацию нацизма, включая отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, и распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы войны (статья 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[4].

---

[2] Пошелов П.В. Уголовно-правовая оценка реабилитации нацизма: дис … канд. юрид. наук. Омск, 2024. С. 193.

[3] См.: Мараева А.В. Вопросы толкования термина «реабилитация нацизма» применительно к ст. 354.1 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. 102-104.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) //

В качестве видового и родового объекта уголовно-наказуемого преступления выступают интересы обеспечения безопасности всего человечества и сохранения международного мира. Они были защищены ценой миллионов жизней в борьбе с нацизмом, и их охрана сегодня является обязанностью каждого ответственного государства и социума перед прошлыми и будущими поколениями. В доктрине указывается: уголовное преследование за реабилитацию нацизма «...отражает стремление государства защитить историческую память, предотвратить распространение экстремистской идеологии и сохранить уважение к жертвам одной из самых трагических страниц истории России и всего мира...»[5].

Статья 354.1 УК РФ расположена в специальном разделе XII, посвящённом преступлениям против мира и безопасности человечества, что указывает на родовой и непосредственный объект посягательства. Законодатель относит данное деяние к категории особо опасных, посягающих не на частные или групповые интересы, а на основы мирного сосуществования государств и народов, а также на историческую память, недопустимость повторения преступлений прошлого. В более конкретном значении объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие устойчивый международный правопорядок, сложившийся после Второй мировой войны и закреплённый в Уставе ООН, а также историческая правда и национальное достоинство, связанные с ролью СССР в разгроме нацизма.

Объективная сторона преступления характеризуется совершением одного из четырёх альтернативно указанных действий, совершённых публично. Первое действие заключается в отрицании фактов, установленных приговором Международного военного трибунала в г. Нюрнберге. Речь идёт не о любых фактах периода войны, а именно о тех, которые получили официальное юридическое подтверждение в приговоре Трибунала как бесспорные и

Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[5] Климанова О.В. Особенности уголовно-правового противодействия реабилитации нацизма // Современное международное право: проблемы и вызовы. 2024. № 1. С. 145-163.

составляющие основу для квалификации преступлений нацизма. Второе действие – одобрение преступлений, получивших правовую оценку Нюрнбергского трибунала. Данная формулировка направлена против распространения идеологии, оправдывающей или восхваляющей преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Важно, что объектом одобрения являются именно действия, уже признанные преступными авторитетным международным судом. Третье действие состоит в распространении заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Диспозиция статьи акцентирует внимание на ложности распространяемой информации, что предполагает необходимость установления умысла виновного на сообщение именно неправдивых данных. Речь идёт о конкретных сведениях, порочащих роль СССР в войне, принижающих его вклад в победу или искажающих его действия. Четвёртое действие включает два взаимосвязанных деяния: осквернение символов воинской славы России, а также распространение сведений, выражающих явное неуважение к обществу, о днях воинской славы и памятных датах, связанных с защитой Отечества. Данный пункт охраняет не только материальные символы (например, памятники, знамёна), но и нематериальные исторические ценности – память о знаменательных событиях.

Обязательным признаком объективной стороны для всех перечисленных действий является публичность. Без этого признака состав преступления отсутствует. Публичность подразумевает, что деяние совершается не в частном порядке или в узком кругу лиц, связанных личными отношениями, а так, что информация становится доступной неопределённому кругу лиц или множеству лиц. Это может быть выступление на собрании, митинге, размещение информации в общедоступном месте, включая сеть «Интернет» (на сайтах, форумах, в социальных сетях без ограничения доступа), где её могут воспринять два и более человека. Публичность трансформирует частное высказывание в акт общественного воздействия, способный причинить вред охраняемым законом интересам. Если для распространения информации

используются средства массовой информации (телевидение, радио, печатные издания, новостные сайты), то это образует квалифицированный состав преступления, предусмотренный частью 2 статьи 354.1 УК РФ, что влечёт более строгое наказание в силу большего масштаба воздействия.

Субъективная сторона преступления характеризуется исключительно прямым умыслом. Лицо должно осознавать общественную опасность своих действий: понимать, что отрицает установленные Нюрнбергским трибуналом факты, одобряет преступления, распространяет ложные сведения об СССР или оскверняет символы воинской славы. Кроме того, оно осознаёт публичный характер совершаемых действий и желает совершить их именно публичным образом. Мотивы (политические, идеологические, личная неприязнь к истории и др.) могут быть различными, но на квалификацию не влияют, хотя учитываются при назначении наказания. Неосторожная форма вины или отсутствие осознания публичности полностью исключают уголовную ответственность по данной статье. Субъект преступления – общий: физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Специальных признаков (например, должностного положения) закон не требует.

Практика свидетельствует о том, что совершаются такие деяния, как размещение изображений с нацистской символикой и надписями с соответствующими призывами[6], размещение на Интернет-страницах атрибутики нацистской Германии и её продажа[7] и т. д. Проходят и регулярные марши ветеранов преступных формирований СС в странах Прибалтики, возводимые в ранг «национально-освободительной борьбы», и инцидент чествования в стенах Парламента Канады бывшего эсэсовца, представленного

---

[6] Решение Выборгского городского суда Ленинградской области по делу № 2А-2373/2025 от 27.03.2025 // URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-2dc87afb-7574-5c5a-9f7a-fbfa80696b5e/ (дата обращения: 22.01.2026).

[7] Решение Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края по делу № 2А-1183/2025 от 26.03.2025. URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-cddc57a6-9ff5 (дата обращения: 22.01.2026).

как «героя», а также целенаправленное, поддерживаемое на государственном уровне культивирование идей неонацизма и героизация нацистских коллаборационистов на Украине. Это наиболее известные, но далеко не единственные случаи возрождения в мире идеологии, считавшейся навсегда осужденной и запрещённой Нюрнбергским трибуналом. Данные опасные тенденции, подрывающие основу послевоенного мира, получили преимущественное распространение именно в европейских странах, которые в свое время больше других пострадали от этого явления[8].

В процессе применения уголовно-правовой нормы, закреплённой в статье 354.1 УК РФ, было выявлено несколько проблем. Основная терминологическая проблема сосредоточена в самом названии статьи – «реабилитация нацизма». Использование термина «реабилитация» в данном контексте противоречит его устоявшемуся юридическому значению. В уголовно-процессуальном законодательстве (статья 134 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[9], реабилитация представляет собой процедуру восстановления прав и репутации конкретного лица, необоснованно или незаконно подвергнутого уголовному преследованию. Это индивидуальный механизм, который реализуется посредством судебного решения или акта следователя, дознавателя. Реабилитация применима исключительно к физическим лицам, чьи права были нарушены, но не к идеологиям, политическим режимам или историческим явлениям.

Статья 354.1 УК РФ включает в объективную сторону состава два основных деяния. Относительно первого – отрицания фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, и одобрения преступлений – может идти речь о реабилитации в классическом юридическом смысле, поскольку имеются конкретные лица (например, Г. Геринг, М. Борман), в отношении

---

[8] См.: Скороделова Е.И. Актуальные проблемы расследования реабилитации нацизма // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 1. С. 129-138.

[9] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Российская газета. 2001. № 249.

которых вынесен судебный приговор, и попытка оправдать их действия представляет собой попытку их правовой реабилитации. Однако второе деяние, охватываемое статьёй, – распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны – уже выходит за рамки понятия реабилитации. В этом случае отсутствует конкретное реабилитируемое лицо, определённое судебным актом. Деяние направлено на искажение исторических событий в целом, а не на восстановление прав конкретного осуждённого. Поэтому представляется, что лицо, распространяющее подобные сведения, с формально-юридической точки зрения не может осуществлять реабилитацию, поскольку этот правовой институт предполагает иной порядок и субъектный состав. Для устранения этого несоответствия представляется логичным изменить название статьи на «Оправдание нацизма», по аналогии со статьёй 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»). Термин «оправдание» более точно отражает суть запрещённых деяний, поскольку охватывает как попытки правового восстановления репутации нацистских преступников, так и публичное одобрение идеологии нацизма и связанных с ней преступлений.

Дополнительная сложность возникает в ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за осквернение символов воинской славы России, а также за публичное надругательство в отношении дней воинской славы и памятных дат, связанных с защитой Отечества. Федеральный закон от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»[10] включает в соответствующий перечень не только события Великой Отечественной войны (например, День Победы), но и иные исторические периоды (День победы русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова у мыса Тендра в 1790 году, День Бородинского сражения 1812 года). Возникает

[10] Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 11. Ст. 943.

несоответствие: название статьи указывает исключительно на нацизм – явление середины XX века, а охранительные положения части 3 распространяются на гораздо более широкий исторический контекст. Поэтому необходимо либо изменить её название, расширив его, либо ограничить в части 3 исследуемой статьи круг охраняемых дней и дат только теми, которые непосредственно связаны с борьбой против нацизма во Второй мировой войне. Ещё одной сложностью является отсутствие законодательного определения термина «символ воинской славы». Эта дефиниция не раскрыта ни в УК РФ, ни в иных нормативных актах. На наш взгляд, необходимо закрепление в примечании к статье 354.1 УК РФ исчерпывающего перечня символов воинской славы, что обеспечит единообразие судебной практики.

Содержательная проблема статьи 354.1 УК РФ заключается в ограниченном и несистемном характере перечня лиц, чьё оправдание или реабилитация запрещены уголовным законом. Норма говорит о «главных военных преступниках европейских стран оси», осуждённых Нюрнбергским трибуналом. Фактически это отсылает к 19 конкретным лицам из руководства нацистской Германии (из 22 осуждённых трое были помилованы). Данная формулировка оставляет вне правового поля деятельность многочисленных пособников нацистского режима из других стран, которые не были осуждены в г. Нюрнберге, но чьи действия также носили преступный характер. Примером этого пробела стала установка в г. Санкт-Петербурге в 2016 году памятной доски Карлу Густаву Маннергейму, который в качестве верховного главнокомандующего финской армии в годы Второй мировой войны активно сотрудничал с нацистской Германией[11]. Его войска участвовали в блокаде г. Ленинграда, а на оккупированных территориях создавались концлагеря для гражданского населения. Несмотря на эти факты, формально такие действия не могли быть квалифицированы по ст. 354.1 УК РФ, поскольку К.Г. Маннергейм не входил в число осуждённых Нюрнбергским трибуналом «главных военных

[11] Кавалергарду не нашлось места у стенки // URL: https://www.kommersant.ru/doc/6772848/ (дата обращения: 22.01.2026).

преступников». Установленная доска была демонтирована лишь после длительных протестов общественности и судебного разбирательства. Такие случаи свидетельствуют о необходимости расширения и конкретизации в законе круга лиц, чьё публичное оправдание должно признаваться общественно опасным деянием. Этот перечень должен формироваться на основе тщательного историко-правового анализа документов и может быть закреплён, например, в приложении к федеральному закону.

Подлежать наказанию, на наш взгляд, должно умышленное непредставление или сокрытие информации компетентным национальным или международным органом о местах, связанных с совершением нацистских преступлений, которые могут быть использованы для их героизации или проведения неофашистских мероприятий, фактах публичной героизации нацистских преступников, их пособников, организаций и символики, лицах или группах, открыто пропагандирующих идеологию нацизма и демонстрирующих реальную способность к совершению преступлений на почве национальной, расовой, религиозной или этнической ненависти. Поэтому необходимо включить соответствующую норму в ч. 5 ст. 354.1 УК РФ.

История и тенденции развития института конфискации имущества в российском уголовном праве

Пахненко Дмитрий Андреевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье автором рассматривается генезис понятия и сущности института конфискации в России, его современное правовое регулирование в уголовно-правовом законодательстве, отдельные актуальные вопросы развития данного института. Указывается, что к тенденциям развития института конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в настоящее время можно отнести: расширение составов преступлений, за которые предусмотрена конфискация имущества; увеличение общего количества конфискации как меры уголовно-правового характера; уточнение и дополнение разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве».

Ключевые слова: уголовное право, конфискация, российское законодательство, история развития законодательства о конфискации имущества, специальная конфискация имущества, иная мера уголовно-правового характера.

Конфискация имущества является важным, сложным и дискуссионным институтом уголовного права. Правовые нормы, регламентирующие порядок назначения, применения конфискации, а также закрепляющие саму ее правовую природу в рамках уголовного законодательства, менялись на протяжении столетий, отражая экономические, политические и иных потребности государства на том или ином этапе своего исторического развития. Современные подходы к пониманию правовой природы рассматриваемого института уголовного права также весьма противоречивы и неоднозначны.

В целях понимания места и значения конфискации имущества в российском уголовно-правовом законодательстве на данном этапе, необходимо проанализировать историю ее становления и развития.

С самого начала зарождения государственности карательный элемент наказания заключался, прежде всего, в налагаемых на виновное лицо имущественных правоограничениях.

Так, два наиболее суровых вида наказания «поток» и «разграбление», известные еще с периода становления древнерусского законодательства (Русская Правда, Устав Владимира Мономаха и т. д.), включали в том или ином виде конфискацию (изъятие) имущества за наиболее тяжкие на тот период времени преступления — убийство, разбой. При этом под «разграблением» понималось лишение имущественных прав, под «потоком» - изгнание и лишение личных прав. Эти два вида наказания, как правило, применялись совместно.

В Судебнике 1497 г. лишение имущества было предусмотрено в качестве дополнительного наказания за ряд преступлений (душегубство, разбой и т. д.). Оно могло быть назначено по усмотрению царя и заключалось в отторжении имущества преступника в его пользу или в пользу приближенных ему лиц[1].

Кроме того, в Судебнике 1497 года появилось новое положение, согласно которому, при совершении наиболее тяжких преступлений, караемых смертной казнью, сохранившееся после возмещения причиненного ущерба имущество виновного подлежало обращению в пользу лиц, осуществляющих правосудие. Таким образом государство компенсировало расходы судебных и карательных органов.

Как отмечает один из виднейших историков Российской Империи В.О. Ключевский, «...наиболее тяжкие уголовные преступления - разбой, душегубство, татьба, поджог и т. п. были для наместников и властителей

---

[1] См.: Олейников А.А. История становления законодательства России о конфискации имущества как уголовно-правовой меры воздействия на преступность. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 110.

самыми доходными судебными статьями: за такие преступления осужденный подлежал «продаже» - конфискации всего имущества в пользу кормленщика за вычетом вознаграждения истцу...»[2].

Стоит отметить также, что вопросы конфискации имущества крайне часто носили политический характер и не применялись к отдельным категориям и субъектам права. Так, например, Василий Шуйский дал крестоцеловальную клятву об отказе от применения смертной казни и конфискации имущества: «бояр, гостей и торговых людей смертию не казнить и у семейств их имений не отнимать»[3].

По результатам серьезной правовой реформы 1649 года был принят новый Судебник, в котором конфискация имущества делилась на два вида (при этом стоит отметить, что сам термин «конфискация» как таковой законодательно не закреплялся вплоть до XVIII века). Первая разновидность назначалась преимущественно за преступления политического характера и заключалась в изъятии у виновного всего имущества. Вторая – предполагала изъятие только лишь орудий и средств совершения преступления. Изымаемое у виновного имущество распределялось в зависимости от вида совершенного преступления (например, в случае совершения убийства делилось между государством и родственниками убитого; при совершении кражи, разбоя и т.п. – переходило в счет возмещения иска, заявленного потерпевшим; если преступление было совершено против государя и государственной власти, имущество полностью поступало в государственную казну). При этом в целях усиления борьбы с преступностью, часть изымаемого у виновных имущества передавалась в качестве вознаграждения лицам, доносившим на преступников.

В целом в рассматриваемый период конфискация имущества была действенной мерой, направленной не только на борьбу с преступностью, но и

---

[2] Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 3. С. 206.

[3] Ловинюков А.С., Смолина В.Г. Становление института конфискации в российском законодательстве // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-konfiskatsii-v-rossiyskom-zakonodatelstve (дата обращения: 09.03.2026).

на решение экономических и политических проблем государства. По мнению Н.Д. Сергеевского, применение конфискации удовлетворяло потребности российского государства того периода в пополнении казны, что требовалось для ведения постоянных войн[4].

Еще более широкое распространение конфискация имущества, как действенный источник дополнительного финансирования бюджета, получила в эпоху правления Петра I. В этот период российское государство также принимало участие в военных действиях, ведение которых требовало существенных материальных затрат. Круг преступлений, за совершение которых назначалась конфискация имущества, был существенно расширен, включены в него, в частности, были и преступления против военной службы.

Впервые термин «конфискация», как уже упоминалось, получил законодательное закрепление в конце XVIII века с приходом к власти Екатерины II, которая взяла курс на отказ от назначения данного вида наказания определенным категориям граждан, отменив, в частности, конфискацию дворянских имений. Впоследствии был установлен запрет на конфискацию имущества у купцов 1 и 2 гильдии.

Существенные изменения в законодательное регулирование конфискации имущества были внесены Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

Во-первых, конфискация была исключена из перечня видов наказаний и переведена в разряд последствия их применения.

Во-вторых, устанавливалось два вида конфискации – общая (отобрание всего имущества у преступников, совершивших государственные преступления) и специальная (изымалось только имущество, относящееся к определенной группе – изъятые из оборота предметы, орудия совершения преступления, имущество, полученное в результате совершения преступления).

В-третьих, наметилась тенденция к сокращению применения

---

[4] См.: Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1887. С. 258.

конфискации имущества, которая могла теперь назначаться только за преступления повышенной общественной опасности, при наличии особых обстоятельств.

Последняя тенденция нашла свое дальнейшее развитие в последующих законодательных актах российской империи – в Уложении о наказаниях 1885 года и в Уголовном уложении 1903 года. В данной период исследуемый институт уголовного права подвергся резкой критике со стороны виднейших российских правоведов и практиков, которые считали конфискацию совершенно несправедливой мерой, противоречащей основам права собственности.

В советский период развития происходят серьезные реформы уголовно-правового законодательства, в 1920-х годах институт конфискации имущества переживает период своего возрождения. В первые годы становления молодой советской власти конфискация носит крайне важный экономический характер, формируется революционное законодательство, имущество конфискуется и изымается от прошлого правящего класса (буржуазия) к новому советскому классу крестьян и рабочих. Перераспределение имущества носит не только уголовно-правовой, но больше политический и идеологической характер. Формируется коллективная собственность, происходит агрессивная борьба с частной собственностью, раскулачивание и формирование колхозов.

Как отмечает К.Д. Николаев, «...конфискация имущества вышла за пределы сферы уголовного наказания как такового и затронула сферу перераспределения собственности с учетом принципов революционной целесообразности и справедливости. В то же время, отдавая дань дореволюционной традиции, конфискация имущества выступала в роли уголовного наказания за совершенные преступления и проступки (государственные и общеуголовные)»[5].

---

[5] Николаев К.Д. Конфискация имущества в первых нормативных правовых актах Советской власти // Вестник СИБИТа. 2019. №2 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya- (дата обращения: 09.03.2026).

В дальнейшем советском законодательстве конфискация в большей мере становится видом наказания, как основным, так и дополнительным. В редакции Уголовного кодекса РСФСФ 1926 года конфискация как основное наказание применялось только в случае нарушения законодательства, связанного с наследованием и дарением, в остальных ситуациях конфискация была дополнительным наказанием. В рассматриваемый период конфискация отличается большей степенью законодательной проработанности, а также зарождением боле гуманного подхода к реализации данного вида наказания. Так, например, согласно ст. 41 УК РСФСР 1926 года, изъятое имущество должно было быть возвращено третьим лицам в случае, если оно принадлежало им, а не преступнику.

С 1958 года начинается новый этап развития института конфискации. Согласно Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик конфискация преимущественно предусматривается как дополнительный вид наказания в рамках уголовного законодательства (ст. 21 Основ)[6]. Далее был принял УК РСФСР 1960 года, который просуществовал в различных редакциях уже вплоть до 90-х годов XX века.

Как отмечается, в период действия УК РСФСР 1960 года[7] было существенно сокращено число составов преступлений, за которые могла назначаться конфискация. К ним были отнесены посягательства против государственной власти и тяжкие корыстные посягательства (измена Родине, шпионаж, террористический акт, хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи и др.), причем исключалось назначение конфискации по усмотрению суда в случае, если она не была предусмотрена в санкции соответствующей стати УК РСФСР 1960 года, суд мог лишь избрать ее вид (полная или частичная) в зависимости от степени тяжести совершенного преступления, а также личностных

---

[6] Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 1. Ст. 6.

[7] Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (в ред. от 30.07.1996) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

характеристик виновного. Кроме этого, допускалась специальная конфискация - орудий и средств совершения преступлений, а также незаконно добытого имущества[8], был определен круг предметов, не подлежащих конфискации и установлен запрет на конфискацию при условном осуждении виновного.

После принятия УК РФ 1996 года конфискация, согласно ст. 58, начала применяться, как и ранее, как дополнительный вид наказания. Конфискация предусматривалась за совершение из корыстных побуждений тяжких и особо тяжких преступлений и исключительно в случаях, прямо предусмотренных санкциями норм Особенной части УК РФ.

Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[9] нормы о конфискации имущества были исключены из Уголовного кодекса РФ. Такое решение было обусловлено, по словам законодателя, рядом причин, а именно: рассогласованностью с международно-правовыми требованиями о праве собственности, низкой эффективностью конфискации имущества как вида наказания, сокрытием виновными имущества до приговора суда, а также несправедливостью изъятия законно полученного имущества[10].

Исключение конфискации имущества из Уголовного кодекса РФ привело к возникновению дискуссий среди сторонников и противников данного вида наказания, вследствие чего под давлением резонных доводов приверженцев конфискации имущества в пользу ее эффективности и целесообразности, законодателю пришлось пойти на некий компромисс и в 2006 году[11] вернуть конфискацию в УК РФ, придав ей правовой статус «иной меры уголовно-

---

[8] См.: Громова А.В. Генезис уголовно-правового регулирования конфискации имущества // Молодой ученый. 2025. № 49 (600). С. 279-288.

[9] Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

[10] Горбачев И.С. Эволюция законодательной регламентации конфискации имущества в отечественной правовой системе. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 3. С. 255–262. https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-255-262 (дата обращения: 10.03.2026).

[11] Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3452.

правового характера».

В настоящее время институт конфискации как «иной меры» регулируется главой 15.1 УК РФ. Согласно статье 104.1 УК РФ, под конфискацией понимается «принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора ... имущества», которое перечислено в уголовном законодательстве.

Глава регулирует предмет конфискации, ее основания. Статья 104.3 УК РФ устанавливает, что в первую очередь конфискация имущества направлена на решение вопроса о возмещении вреда, причиненного законному владельцу. Можно акцентировать внимание на том, что в данном случае сущность конфискации носит характер восстановления социальной справедливости и нарушенных прав, а не является мерой наказания за совершенное преступление. Такой подход законодателя является целесообразным, учитывая, что на протяжении столетий российское государство использовало конфискацию как бесконтрольное средство пополнения казны.

В настоящее время вопросы развития института конфискации и поиск баланса между частными и публично-правовыми интересами находятся в центре внимания экспертного и юридического сообщества.

К ключевым тенденциям развития института конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в настоящее время можно отнести следующие:

1. расширение составов преступлений, за которые предусмотрена конфискация имущества (в 2024 году п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ был дополнен рядом составов преступлений, при совершении которых из корыстных побуждений возможно применение конфискации, например, за распространение фейков об армии, призывы к государственной измене или к участию в организациях, чья деятельность признана незаконной);

2. увеличение общего количества конфискации как меры уголовно-правового характера (в 3 раза с 2023 года)[12];

---

[12] Сергей Литвиненко рассказал, когда активы могут признать «преступными». URL:

3. уточнение и дополнение разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»[13], например, уточнена процедура конфискации имущества, находящегося в совместной собственности супругов, введено понятие альтернативной конфискации в случаях, когда непосредственная конфискация имущества невозможна из-за его дарения, утраты или уничтожения.

В заключении стоит отметить, что институт конфискации как уголовно-правовая мера наказания или иного характера прошел значительный путь развития и становления. Конфискация всё еще остается мерилом общественной справедливости и разрешает вопросы защиты прав и законных интересов потерпевшей от преступления стороны, вместе с тем конфискация как мера ответственности следует за различными политическими, социально-экономическими и идеологическими изменениями в правовой системе государств и является неким барометром и индикатором соотношения публичных и частных интересов.

---

https://delfarvater.ru/press-center/pressa/sergey-litvinenko-rasskazal-kogda-aktivy-mogut-priznat-prestupnymi.html (дата обращения: 09.03.2026).

[13] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

Значение неофициальной квалификации преступлений в правоприменительной практике

Пролипото Злата Андреевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье анализируется научно-практический вопрос о значении неофициальной квалификации преступлений в правоприменительной практике. Автором проводится исследование системы неофициальной квалификации преступлений, которая является сложным социально-правовым механизмом, осуществляет доктринальное обеспечение уголовного права, профессиональную защиту прав граждан, общественную оценку преступных деяний и подготовку юридических кадров.

Ключевые слова: официальная и неофициальная квалификация преступлений, доктринальная (научная) квалификация преступлений, профессиональная квалификация преступлений, присяжные заседатели, бытовая квалификация преступлений.

Как отмечал В.Н. Кудрявцев: «Квалификация преступления - одно из важнейших понятий науки уголовного права, широко применяемое в практической деятельности органов юстиции»[1]. В.А. Никонов характеризовал квалификацию преступления следующим образом: «По сути это ядро, альфа и омега уголовного правоприменения»[2]. В области права квалифицировать – значит выбрать ту правовую норму, которая предусматривает данный случай, иными словами - подвести этот случай под некоторое общее правило[3].

---

[1] Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. — Москва, 1960. С. 4.
[2] Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход): учебное пособие / В.А. Никонов; Тюменский университет. Институт государства и права. — Тюмень: Тюменский университет, 2001. С. 28.
[3] См.: Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 4.

Квалификация преступлений может быть легальной и доктринальной, официальной и неофициальной[4]. Официальный характер и юридическую силу по конкретному уголовному делу имеет лишь та квалификация преступления, которая производится следственными, судебными и прокурорскими органами. Этого, разумеется, нельзя сказать о так называемой доктринальной или научной квалификации, которая предлагается в юридической литературе или дается отдельными лицами в порядке выражения своего мнения по тому или иному уголовному делу. В рамках данного исследования, мы ставим задачу определить разновидности неофициальной квалификации преступлений, выявить перспективные доктринальные аспекты исследований.

Термины «официальная» и «неофициальная» квалификация преступлений не являются строгими законодательными понятиями, однако, они широко используются в юридической теории и правоприменительной практике для того, чтобы разграничить статус субъекта, осуществляющего квалификацию, и очертить круг юридических последствий такой оценки, поскольку именно от того, кто именно дает уголовно-правовую оценку деянию, напрямую зависит, будет ли она иметь обязательную силу.

Официальная, или легальная, квалификация представляет собой оценку преступления, которая дается исключительно уполномоченными на то государственными органами и должностными лицами в строгих рамках уголовного судопроизводства, а поскольку она исходит от государства в лице следователя, дознавателя, прокурора или суда, то именно она имеет обязательное юридическое значение и влечет за собой реальные правовые последствия для лица. Такая квалификация в обязательном порядке фиксируется в процессуальных документах: начиная с постановления о возбуждении уголовного дела и постановления о привлечении в качестве обвиняемого, продолжая обвинительным заключением и заканчивая итоговым приговором суда, и суть ее заключается в том, что должностное лицо

[4] См.: Нешатаев В.Н. Квалификация преступлений: теория, практика, законодательная регламентация. Дис ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. С. 85.

устанавливает точное соответствие между совершенным общественно опасным деянием и конкретной нормой Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Неофициальная проводится лицами, не наделенными государством соответствующими полномочиями[5]. Неофициальная квалификация, в свою очередь, подразделяется на несколько видов, так как она может исходить от разных субъектов: 1) существует доктринальная (научная) квалификация, осуществляемая учеными-юристами, преподавателями и студентами в статьях и учебниках с целью анализа практики и выработки рекомендаций, например, при обсуждении спорных вопросов отграничения посредничества во взяточничестве от соучастия в даче или получении взятки; 2) существует профессиональная неофициальная квалификация, которую дает адвокат-защитник, оспаривающий в жалобе или речи позицию обвинения и предлагающий свое толкование закона, например, доказывая, что действия подзащитного следует квалифицировать не как оконченное посредничество, а как обещание посредничества по части 5 статьи 291.1 УК РФ; 3) а также существует бытовая (общественная) квалификация, которую дают обычные граждане или журналисты, часто использующие юридические термины не вполне корректно, с житейской точки зрения.

Система неофициальной квалификации преступлений представляет собой многоуровневый и динамичный институт правовой доктрины и практики, который существует параллельно с официальной государственной квалификацией, но в отличие от нее не имеет властно-обязывающего характера, хотя именно через эту систему происходит первичное осмысление новых общественно опасных деяний, критика правоприменительных ошибок и подготовка кадров для официальной юстиции. Поскольку уголовный закон не может предусмотреть всех нюансов правоприменения, а его нормы нуждаются в толковании и адаптации к меняющимся реалиям, система неофициальной квалификации берет на себя функции доктринального обеспечения, профессиональной защиты и общественной оценки, создавая тем самым основу

---

[5] См.: Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 48.

для последующих официальных решений.

Первым и наиболее фундаментальным уровнем является доктринальная (научная) квалификация, которая осуществляется профессиональным сообществом ученых-правоведов, преподавателей юридических факультетов, аспирантов и исследователей в рамках научной деятельности, поскольку именно наука уголовного права призвана разрабатывать теоретические модели квалификации, выявлять пробелы в законодательстве и предлагать пути их устранения. Субъекты доктринальной квалификации действуют в особой когнитивной среде, где их выводы не ограничены процессуальными сроками и давлением следственной ситуации, что позволяет им проводить глубокий системный анализ, сравнивать различные подходы и формулировать научно обоснованные рекомендации. Именно ученые в монографиях и статьях разрабатывают критерии разграничения, анализируют судебную практику и предлагают оптимальные модели квалификации, которые впоследствии могут быть восприняты Пленумом Верховного Суда РФ или учтены законодателем при совершенствовании норм. Доктринальная квалификация содержится в научных трудах, учебниках, комментариях к Уголовному кодексу, материалах конференций и экспертных заключениях, и, хотя формально она не обязательна для суда, фактически судьи и следователи обращаются к ней как к авторитетному источнику толкования права, особенно в сложных и неоднозначных случаях.

Вторым уровнем системы выступает профессиональная неофициальная квалификация, осуществляемая адвокатами (защитниками) в рамках конкретных уголовных дел, а также юристами, дающими консультации гражданам и организациям, и этот уровень занимает особое положение, поскольку он непосредственно встроен в механизм уголовного судопроизводства, но при этом не является властным. Субъекты этого уровня, прежде всего адвокаты, реализуют функцию профессиональной защиты, что предопределяет специфику их квалификационной деятельности: они дают оценку деянию не абстрактно, а применительно к конкретным обстоятельствам

дела и интересам конкретного подзащитного, стремясь найти наиболее благоприятную для него уголовно-правовую квалификацию, которая минимизирует ответственность или исключает ее вовсе. Эта квалификация оформляется в виде правовых позиций, изложенных в жалобах, ходатайствах, речи в прениях, заключениях специалистов, и, хотя для суда это лишь мнение стороны, подлежащее оценке в совокупности со всеми доказательствами, именно такие профессиональные неофициальные квалификации часто становятся тем катализатором, который заставляет вышестоящие инстанции пересматривать решения нижестоящих судов и менять официальную квалификацию на более правильную.

Третьим уровнем является общественная (бытовая) квалификация, осуществляемая гражданами, не обладающими специальными юридическими познаниями, а также журналистами, блогерами, общественными деятелями, и этот уровень, будучи наименее точным с точки зрения юридической техники, выполняет важнейшую социальную функцию формирования общественного мнения о преступности и наказуемости тех или иных деяний. Субъекты общественной квалификации воспринимают преступление через призму обыденного сознания, моральных норм и эмоциональных оценок, что неизбежно приводит к упрощениям и ошибкам в юридической терминологии, когда, например, любое хищение называют кражей, а любое применение насилия к представителю власти - сопротивлением полиции. Однако, несмотря на юридическую некомпетентность массового сознания, именно общественная квалификация создает тот социальный фон, на котором разворачивается уголовное преследование, и в резонансных делах общественное мнение может косвенно влиять на решения следствия и суда через давление на правоприменителя или через изменение законодательства под влиянием общественных ожиданий. Более того, квалификация, данная журналистами в средствах массовой информации, часто становится первичным источником информации о преступлении для широкой публики и формирует отношение общества к произошедшему задолго до того, как официальные органы вынесут

свое процессуальное решение.

Функционирование системы неофициальной квалификации обеспечивается наличием устойчивых обратных связей между ее уровнями и официальной правоприменительной практикой, поскольку доктринальные разработки ученых используются адвокатами для обоснования своих позиций в конкретных делах, адвокатские жалобы, содержащие нетривиальные квалификационные аргументы, становятся предметом научного анализа и судебной практики, а общественные дискуссии, особенно по резонансным делам, стимулируют научные исследования и могут инициировать изменения в законодательстве.

Система неофициальной квалификации выполняет важнейшую образовательную функцию, поскольку именно в процессе учебной квалификации, когда студенты юридических вузов решают казусы и спорят о правильной уголовно-правовой оценке деяний, формируются будущие следователи, судьи и адвокаты, которые затем будут применять полученные знания в официальной практике.

Таким образом, система неофициальной квалификации преступлений является сложным социально-правовым механизмом, который, не обладая властными полномочиями, осуществляет доктринальное обеспечение уголовного права, профессиональную защиту прав граждан, общественную оценку преступных деяний и подготовку юридических кадров, находясь при этом в состоянии перманентного диалога с официальной правоприменительной практикой и оказывая на нее существенное влияние через научную обоснованность, профессиональную убедительность и общественную значимость своих выводов.

Международное сотрудничество как фактор повышения эффективности противодействия легализации доходов, добытых преступном путем, в Российской Федерации

***Садчиков Александр Владимирович*,**
магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье представлены основные направления деятельности Российской Федерации в рамках международного сотрудничества по противодействию легализации доходов, добытых преступным путем. Показано, что России целесообразно направить усилия на развитие соглашений с дружественными странами, не присоединившимся к санкционным режимам, что позволит создать новые, устойчивые механизмы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем.

Ключевые слова: легализация (отмывание) доходов, международное сотрудничество, стратегическое партнерство с Китаем, Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

В современном мире широкое распространение отмывания доходов, полученных преступным путем, представляет реальную (глобальную)[1] угрозу стабильности и устойчивости мировой финансовой системы, а также отдельных национальных финансовых систем, позволяет преступникам скрывать, хранить и извлекать выгоду из доходов от их преступлений, а террористическим группам действовать, вербовать сторонников и совершать террористические акты[2].

Именно поэтому так важно изучение международного законодательного

---

[1] См.: Алифанова Е.Н., Вовченко Н.Г., Воробьева И.Г. Развитие методических подходов к управлению рисками финансовых институтов в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма // Финансы и кредит. 2014. № 6. С. 31 - 32.

[2] См.: Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / О.А. Акопян, С.Я. Боженок, О.В. Веремеева и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2018. С. 204.

опыта по борьбе с легализацией денежных средств, добытых преступным путем. Российская Федерация в сфере противодействия легализации денежных средств, добытых преступным путем, принимает активное участие посредством развития международного сотрудничества с рядом организаций: ООН, Шанхайской организацией сотрудничества, Содружеством Независимых Государств, объединением стран Бразилии, России, Индии, Китая, Южной Африки (БРИКС).

Международные стандарты в области оказания правовой помощи по уголовным делам рассматриваемой категории обеспечивают финансовую безопасность посредством регламентации международного розыска, ареста и конфискации денежных средств и имущества, полученных преступным путем.

Борьба с нелегальными доходами не эффективна, если ограничивается отдельно взятым государством, поэтому на международном уровне отмывание денежных средств признано уголовным преступлением.

Учёными предлагается[3] выделять три этапа развития международного законодательства в этом направлении: первый этап (с середины 1920-х гг. по 1970 г.) – борьба с преступлениями, приносящими доходы; второй этап (начало 1970-х - конец 1980-х гг.) – криминализация финансовых операций, связанных с преступлениями; третий этап (с 1990 г. по настоящее время) – криминализация отмывания доходов, полученных в результате любых преступлений.

В международном праве определение отмывания денег было дано в Венской конвенции ООН о борьбе с незаконным оборотом наркотиков 1988 года[4]. Согласно статье 3 Конвенции, отмывание денег – это:

- преобразование или передача имущества, полученного в результате преступления, с целью скрыть его незаконное происхождение или помочь

---

[3] См.: Старкова Е.А., Кузьмина Е.М. Анализ борьбы с денежными махинациями и незаконным оборотом денежных средств // Инновационная наука. 2023. № 7-1. С. 22-24.

[4] Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации, Вып. XLVII.- М., 1994. С. 133 – 157.

преступнику избежать ответственности;

- сокрытие подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество, полученного в результате преступления;

- приобретение, владение или использование имущества, если известно, что оно получено в результате преступления;

- участие в преступном сговоре с целью совершения любого из вышеперечисленных преступлений, а также пособничество, подстрекательство, содействие или консультирование при их совершении.

Международное законодательство создало основу для того, чтобы в течение двух предшествующих десятилетий большинство стран приняли законы, которые устанавливают ответственность за легализацию имущества, добытого преступным путем.

В результате отмывания преступных денег происходит неконтролируемое перераспределение финансов, снижается прибыльность законного бизнеса, и экономика криминализируется. Кроме того, это может привести к тому, что люди, занимающиеся бизнесом, будут стремиться к получению преступных доходов. Важно учитывать, что в процессе отмывания денег происходит коррупция в государственных и коммерческих структурах, а также слияние преступности с властью.

Отмывание денег является звеном криминального экономического цикла. С развитием экономики совершенствуются не только правовые методы борьбы с экономической преступностью, но и появляются новые методы отмывания денег: используются сложные схемы с участием юридических лиц в разных странах, разрабатываются новые способы сокрытия доходов с использованием банковских продуктов, в процесс отмывания вовлекаются новые виды деятельности.

Российская Федерация демонстрирует приверженность внедрению международных стандартов в сфере противодействия отмыванию денег на всех уровнях, одним из которых является уголовно-правовой. Но для того, чтобы он приносил реальные результаты, требуется усовершенствовать методы

выявления и установления признаков этого преступления, лиц, к нему причастных.

В этом должно помочь международное сотрудничество. Так, при уголовно-правовой оценке легализации (отмывания) преступных доходов необходимо учитывать, что операции с виртуальными активами (криптовалютой) могут быть использованы для совершения преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ. В пользу указанного вывода также говорят положения международных договоров Российской Федерации по вопросам противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов.

Согласно Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, требуется адаптация законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики к рекомендациям Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) с учетом вносимых в них изменений; совершенствование нормативно-правового регулирования сфер деятельности, связанных с использованием современных электронных технологий[5]. Развитие технологий, включая цифровые валюты и системы онлайн-платежей, создает новые задачи в области выявления и предотвращения отмывания денег. Инновационные технологические инструменты в сфере отмывания денег повышают прибыльность и вероятность успеха атак. К ним относятся нацеливание на крупные организации с высокой стоимостью, а также программы-вымогатели как услуга, когда преступники продают удобные наборы программного обеспечения аффилированным лицам.

Последствия атак программ-вымогателей могут быть серьезными и представлять угрозу национальной безопасности, включая повреждение и сбой в работе критически важной инфраструктуры и служб. Для эффективной борьбы с легализацией преступных доходов в Российской Федерации необходим комплексный подход, включающий укрепление законодательства,

---

[5] Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Президентом РФ 30.05.2018). URL: https://www.kremlin.ru/supplement/5310 (дата обращения: 04.03.2026).

усиление институциональной координации, повышение осведомленности уязвимых слоев населения и развитие международного сотрудничества[6].

В рамках современной геополитической и экономической реальности России действительно целесообразно сосредоточить усилия на развитии двусторонних и многосторонних соглашений с дружественными странами, не присоединившимися к западным санкционным режимам, что позволит создать новые, устойчивые механизмы противодействия легализации, альтернативные зависимым от западных институтов каналам. Приоритетные направления и форматы сотрудничества:

1. Углубление сотрудничества в рамках ЕАЭС и СНГ — это наиболее проработанная и естественная площадка для гармонизации законодательства. Необходимо активизировать работу по адаптации стандартов ФАТФ к реалиям региона (Китай, Индия, Беларусь, Казахстан и др. являются членами или наблюдателями), разработке совместных методик расследования трансграничных схем с использованием криптоактивов, альтернативных систем переводов (SPFS, CIPS) и торгового финансирования. Признается необходимым создание прямых каналов обмена финансовой разведкой (по модели Росфинмониторинга) с Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Арменией, Узбекистаном.

2. Стратегическое партнерство с Китаем имеет максимальный потенциал в виду масштабов экономик и наличия собственных технологических решений. Основание для такого сотрудничества выступает заключенное соглашение между Росфинмониторингом и Китайским центром по борьбе с отмыванием денег[7]. Планируется создание совместной рабочей группы по регулированию и

---

[6] См.: Нугуманов А.Р. Отмывание денег: оценка состояния и мер противодействия // Современная наука. 2022. № 1. С. 44-46.

[7] Протокол между Федеральной службой по финансовому мониторингу (Российская Федерация) и Китайским Центром по анализу и мониторингу противодействия отмыванию денег Народного Банка Китая о внесении изменений в Соглашение между Федеральной службой по финансовому мониторингу (Российская Федерация) и Народным Банком Китая о взаимодействии и обмене информацией в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (Подписан в г. Москве, г. Пекине 11.07.2014 - 21.07.2014).

надзору за криптовалютными операциями, включая отслеживание операций в цифровых юанях (e-CNY) и цифровых рублях.

В целом в условиях разрыва сотрудничества с Западом, стратегия России должна сместиться с соблюдения навязанных стандартов к созданию новой архитектуры финансовой безопасности в рамках многополярного мира. Успех будет зависеть от способности предложить партнерам прагматичные, технологичные и взаимовыгодные механизмы, которые обеспечат реальную защиту экономик от криминальных потоков, а не будут использоваться для политического давления.

Установление момента окончания преступления в альтернативных формах государственной измены (ст. 275 УК РФ)

Свинтецкая Ксения Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются дискуссионные вопросы установления момента окончания преступления в альтернативных формах государственной измены (статья 275 УК РФ). Делается вывод о необходимости признания выдачи государственной тайны преступлением с материальным составом, что требует особого подхода к разграничению оконченного преступления и покушения на него по данной форме состава преступления.

Ключевые слова: государственная измена, объективная сторона государственной измены, выдача государственной тайны, шпионаж, государственная тайна, ущерб безопасности государства.

Государственная измена, ответственность за которую предусмотрена статьей 275 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[1], представляет многогранное преступление, поэтому объективная сторона включает несколько альтернативных действий: шпионаж, выдачу государственной тайны, иное оказание помощи иностранному государству или организации. Признаком состава является направленность этих действий против основ конституционного строя, суверенитета, территориальной и государственной неприкосновенности России[2].

Особенность состава заключается в том, что преступление считается оконченным, и состав преступления – полностью сформированным не с момента наступления реальных, материально выраженных общественно

---

[1] Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] См.: Устинов А.А. Уголовная ответственность за государственную измену: совершенствование правовой регламентации // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 1 (94). С. 98.

опасных последствий (например, гибели людей, ущерба обороноспособности, получения иностранным государством конкретных секретных данных), а с момента совершения самого деяния, то есть выполнения виновным лицом одного из действий, исчерпывающе перечисленных в диспозиции уголовно-правовой нормы. Таким образом, как справедливо, на наш взгляд, указывается в доктрине, для привлечения лица к ответственности и квалификации содеянного по ст. 275 УК РФ следствию и суду необходимо установить сам факт совершения одного из этих действий, вне зависимости от того, удалось ли иностранному агенту фактически получить искомые сведения, повлияли ли переданные данные на внешнюю политику или нанесли ли они какой-либо реальный ущерб[3].

Представляется, что такой подход логичен и обусловлен чрезвычайно высокой степенью общественной опасности государственной измены – она посягает на основы конституционного строя и безопасности государства. УК РФ нацелен на пресечение такой деятельности на максимально ранней стадии, не дожидаясь реализации угрозы причинения фактического, а зачастую и невосполнимого, вреда. Возможные же материальные последствия совершенной измены (например, срыв секретных переговоров, провал агентурной сети, разработка иностранным государством нового оружия на основе полученных данных) правоведение и законодатель выводит за рамки объективной стороны. Однако если в результате совершенных действий такие последствия всё же наступили, они не остаются вне уголовно-правовой оценки. Последствия приобретают самостоятельное юридическое значение и могут быть дополнительно вменены виновному лицу, но лишь при наличии на то объективных (причинно-следственная связь между действием и последствием) и субъективных (форма вины по отношению к последствиям) оснований.

В доктрине уголовного права продолжается дискуссия относительно

---

[3] См.: Макаревская Д.С. Государственная измена в российском уголовном законодательстве: проблемы правоприменения // Обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях глобализации: правовые и организационные проблемы и перспективы. 2022. № 1. С. 211.

момента окончания одного из деяний - выдачи государственной тайны, а именно: следует ли считать выдачу государственной тайны преступлением с материальным или формальным составом. Ряд специалистов[4] придерживаются позиции, что состав государственной измены в форме выдачи тайны является материальным: преступление считается оконченным с момента фактического перехода сведений, составляющих государственную тайну, к адресату – иностранному государству, иностранной организации или их представителям. Такой переход может быть осуществлен любыми способами: устное или письменное сообщение, передача по техническим каналам связи, вручение чертежей, схем, образцов изделий и т. д.

Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой выдача должна иметь формальный состав, так как для ответственности достаточно самого факта совершения действий, направленных на передачу секретных сведений, вне зависимости от того, получил ли их адресат[5]. Однако эта позиция представляется спорной, так как не соотносится с понятием «покушение на преступление». Если лицо совершило все необходимые действия, но передача по независящим от него причинам не состоялась (например, сведения были изъяты на этапе передачи), содеянное должно квалифицироваться именно как покушение. Признание же выдачи формальным составом убирает грань между оконченным преступлением и приготовлением к нему. Поэтому необходимо считать состав выдачи государственной тайны (как формы государственной измены) материальным. Преступление следует считать оконченным с момента, когда сведения, составляющие государственную тайну, стали достоянием иностранного государства, иностранной организации или их представителей. Если же действия виновного были направлены на выдачу, но фактическая передача сведений не состоялась по причинам, не зависящим от его воли,

---

[4] См., например: Сухаренко А.Н., Таранина Е.И., Молчанова Т.В. Преступность в России в условиях специальной военной операции. Криминологический анализ: монография. 2025. С. 72.

[5] См.: Клюева Е.С. Уголовная ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025. № 6 (106). С. 541.

содеянное должно квалифицироваться как покушение на государственную измену.

Также такая форма государственной измены, как оказание помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, по своему содержанию предполагает наступление конкретных общественно опасных последствий. Конструкция «оказание помощи» не может быть сведена к простому совершению действия, она подразумевает достижение определённого результата – содействия адресату, нарушающего уголовное законодательство РФ. Соответственно, состав оказания помощи следует признавать материальным. Преступление в этой части должно считаться оконченным не с момента передачи денежных средств, предоставления консультации или поставок материально-технических ресурсов, а с момента, когда эта помощь была фактически принята и начала использоваться (либо могла быть использована) иностранным субъектом в антироссийской деятельности. Сам по себе факт отправки финансовых средств или передачи сведений консультационного характера, если они не дошли до адресата, перехвачены органами власти или не могут быть им использованы в силу объективных причин, не создает реальной угрозы причинения вреда внешней безопасности РФ. Общественная опасность такого преступления раскрывается именно в момент интеграции оказанного содействия в деятельность, направленную против безопасности Российской Федерации.

Таким образом, анализ уголовно-правовой характеристики государственной измены (ст. 275 УК РФ) позволяет заключить, что законодатель сконструировал основной состав данного преступления как формальный. Для квалификации содеянного как оконченного преступления достаточно установить сам факт совершения любого из альтернативных действий (шпионаж, выдача тайны, иное оказание помощи), независимо от наступления материального ущерба. Но состав выдачи государственной тайны (в рамках государственной измены) следует признавать материальным.

Преступление в этой части должно считаться оконченным не в момент совершения действий по передаче, а с момента фактического получения сведений адресатом. Конструкция «оказание помощи» не может быть сведена к простому совершению действия, она подразумевает достижение определенного результата – содействия адресату. Соответственно, состав оказания консультативной, финансовой и иной помощи при государственной измене также следует признавать материальным.

Секция 2. «Цивилистический процесс»

Место эксперта в системе субъектов, содействующих отправлению правосудия, и процессуальное значение заключения эксперта

Александров Илья Александрович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос о правовой природе заключения эксперта в системе доказательств арбитражного процесса. Автор отмечает, что проблема обязательности выводов эксперта — это проблема реализации закона в условиях дисбаланса знания между судом и экспертом. Принцип «необязательности» заключения эксперта для суда является правильным, однако его действенность обеспечивается развитой экспертной и судебной правоприменительной практикой.

Ключевые слова: эксперт в арбитражном процессе, заключение эксперта, свобода оценки доказательств, обязательность выводов эксперта, иные участники процесса, правовая природа заключения эксперта.

В системе участников арбитражного процесса принято выделять несколько функциональных групп. Ключевыми являются субъекты, осуществляющие правосудие (арбитражный суд), лица, участвующие в деле, и лица, содействующие осуществлению правосудия.

Статья 54 АПК РФ[1] относит к последним экспертов, специалистов, свидетелей, переводчиков, помощника судьи и секретаря судебного заседания. Объединяющим признаком данной категории является отсутствие личной или материальной заинтересованности в исходе дела; их роль ограничена оказанием содействия суду в успешном разрешении спора.

В соответствии с АПК РФ, эксперт не отнесен к лицам, участвующим в

[1] Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

деле. У него нет материально-правовой заинтересованности в предмете спора и самостоятельного процессуального интереса. В доктрине эксперт квалифицируется как «иной участник процесса», чья функциональная роль заключается в содействии правосудию через применение специальных знаний. Эксперт выступает нейтральным «осведомителем суда» по специальным вопросам, что является предпосылкой объективности его заключения.

Данный статус предопределяет особый характер прав и обязанностей эксперта (ст. 55 АПК РФ). Его права носят строго целевой характер (право знакомиться с материалами дела, ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов). Ключевая обязанность — дать объективное и обоснованное заключение[2]. Нейтральный статус эксперта не означает его отстраненности: он является субъектом процессуальных обязанностей, неся ответственность перед судом за качество исследования, включая уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения (ч. 4 ст. 55 АПК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 64 АПК РФ, заключение эксперта относится к числу доказательств по делу. В процессуальной доктрине заключение эксперта правомерно квалифицировать как производное доказательство: оно формируется в ходе судебного процесса по инициативе суда или сторон специально для целей конкретного разбирательства, в отличие от первичных доказательств, возникающих до суда.

Дискуссионным остается вопрос о природе заключения. Традиционно его относят к личным доказательствам (источник — физическое лицо, эксперт). Однако ряд процессуалистов характеризуют его как доказательство смешанной природы.

Эта позиция подтверждается двойственным характером генезиса заключения: оно формируется на основе исследования материальных объектов (сближение с предметными доказательствами), но итоговый вывод является

---

[2] См.: Треушников М.К. Арбитражный процесс: учебник для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. – С. 210-215.

результатом интеллектуальной деятельности эксперта (личное доказательство)[3]. Эксперт выступает как «процессуальный трансформатор», преобразующий информацию из вещественных источников в специальное знание.

Кроме того, заключение объективируется в виде документа, что формально сближает его с письменными доказательствами. Однако сущностное содержание составляют именно выводы эксперта, а не сам документ. Эта двойственность проявляется при допросе эксперта, когда его устные пояснения приобретают характер самостоятельного средства доказывания.

Проблема «обязательности» заключения эксперта. Ключевым элементом, определяющим процессуальное значение заключения, является норма ч. 3 ст. 86 АПК РФ: заключение эксперта не обязательно для суда и оценивается наряду с другими доказательствами. Формально-юридический анализ этой нормы выявляет два фундаментальных начала:

1. Принцип свободы оценки доказательств (ст. 71 АПК РФ): никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

2. Принцип разграничения компетенции: суд разрешает вопросы права, а эксперт устанавливает фактические обстоятельства.

Законодатель стремится предотвратить ситуацию, при которой суд делегирует эксперту свои полномочия. Однако этот принцип входит в противоречие с природой экспертного знания, порождая дилемму «следования за экспертом». Уникальность заключения в том, что оно результат специальных знаний, которыми не обладают ни суд, ни стороны. Чтобы мотивированно отклонить выводы эксперта, суду необходимо выйти за пределы своей компетенции и оспорить эти знания. Возникает парадокс: суд формально свободен, но фактически лишен инструментов для самостоятельной проверки без привлечения альтернативных специальных знаний.

Реализация принципа «необязательности» предполагает активную и

---

[3] См., например: Ярков В.В. Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – С. 185-190 (раздел о средствах доказывания).

мотивированную оценку. Согласно правовым позициям Верховного суда РФ[4], несогласие суда с выводами эксперта должно быть подробно обосновано в судебном акте со ссылкой на конкретные обстоятельства и противоречащие доказательства. В этом контексте «необязательность» трансформируется в бремя мотивированного отклонения. Если суд принимает заключение, он присоединяется к аргументации эксперта; если отклоняет — обязан совершить интеллектуальное усилие, чтобы выявить противоречия.

Особую остроту проблеме придает ситуация наличия в деле единственного заключения. При отсутствии альтернативных источников специальных знаний для критической оценки, суд фактически не имеет иных разумных оснований для отклонения выводов, кроме выявления внутренних противоречий или процессуальных нарушений. Это объективно создает «скрытую обязательность»[5] или презумпцию достоверности единственного заключения. Данный феномен возникает не в силу правового императива, а в силу авторитета специального знания, которое суд не в состоянии компетентно оспорить самостоятельно. Практика высших инстанций признает эту реальность: выводы экспертизы, проведенной с соблюдением требований закона, не могут быть отвергнуты судом без привлечения других доказательств или назначения повторной экспертизы. Фактически это означает, что в отсутствие конкурирующего экспертного мнения заключение приобретает статус «условно обязательного» доказательства.

Анализ ст. 86 АПК РФ позволяет говорить о диалектическом характере законодательной конструкции. С одной стороны, она служит гарантией независимости суда. С другой — вступает в противоречие с природой специального знания, порождая на практике модель «условной обязательности».

Данное противоречие не может быть разрешено простым изменением формулировки закона. Его преодоление лежит в плоскости совершенствования

---

[4] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 6.

[5] См.: Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе. М., 2019. С. 178.

процедурных механизмов: привлечения специалиста для консультации (ст. 55.1 АПК РФ), допрос эксперта, формирование стандартов мотивированности судебных актов. Проблема обязательности выводов эксперта — это проблема реализации закона в условиях асимметрии знания между судом и экспертом. Принцип «необязательности» выступает правильным вектором, но его действенность обеспечивается развитой экспертной и судебной правоприменительной практикой.

Судебные доказательства по делам о привлечении к административной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации в арбитражном процессе

Алкашева Диана Рашидовна,
магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются особенности судебного доказывания по делам о привлечении к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.10 КоАП РФ, рассматриваемым в арбитражных судах. Автором анализируются необходимые доказательства, исследуемые арбитражными судами при рассмотрении данной категории дел, особое внимание уделяется электронным средствам доказывания.

Ключевые слова: средства индивидуализации, судебные доказательства, административная ответственность, допустимость доказательств.

Расширение товарного ассортимента и обострение конкуренции в современных экономических условиях повышают значимость средств индивидуализации, и как следствие, актуализируют проблемы защиты интеллектуальных прав. Значимым инструментом борьбы с незаконным использованием средств индивидуализации выступает административная ответственность согласно статье 14.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ)[1].

Рассмотрение данной категории дел в арбитражном процессе имеет специфику, обусловленную необходимостью исследования ряда доказательств для установления юридически значимых обстоятельств. В связи с этим представляется важным определить содержание категории «средства индивидуализации». Сегодня в законодательстве отсутствует нормативное определение данного понятия. Обобщая доктринальные подходы, можно

[1] См.: Сальнова Д.Е. Проблемы административной ответственности за незаконное использование товарного знака. Автореф. дис …канд. юрид. наук. М., 2005. С. 3.

сделать вывод, что средства индивидуализации – это особые нематериальные объекты, которые имеют внешнее выражение и предназначены для выделения субъекта или товара среди множества аналогичных[2].

К средствам индивидуализации согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее - ГК РФ) следует относить фирменное наименование, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания и наименования мест происхождения товаров[3]. Каждое из них обладает спецификой, значимой для судебного доказывания. Так, фирменное наименование идентифицирует коммерческую организацию, предоставляя ей исключительное право его использования любым законным способом. В случае неправомерного использования наименования другими субъектами, правообладатель вправе потребовать прекращения такого использования и возмещения убытков.

Товарные знаки и знаки обслуживания идентифицируют товары и услуги. Для их правовой охраны необходимо соблюдение трех основных требований: наличие условного обозначения (изобразительного, словесного или комбинированного), официальная регистрация знака и новизна обозначения применительно к конкретному виду товара.

Наименование места происхождения товара (далее – НМПТ) закрепляет за производителями конкретного региона право использования наименования. В отличие от товарного знака, доказыванию подлежит не только факт регистрации, но и происхождение товара в конкретном регионе.

Ввиду отсутствия в ст.14.10 КоАП РФ прямого упоминания такого средства индивидуализации как географическое указание, практика использует НМПТ в качестве обобщающего понятия. Представляется, что данное несоответствие требует законодательного уточнения для надлежащей оценки доказательств по делу.

---

[2] См.: Сорокина А.И. Правовая природа на средства индивидуализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. 2011. № 20. С. 201-207.

[3] Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 231-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

Таким образом, определение правовой природы средств индивидуализации предопределяет предмет доказывания по статье 14.10 КоАП РФ, влияя на квалификацию правонарушения и установление круга доказательств. Доказательствами по делам о привлечении к административной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации могут выступать любые средства доказывания, перечисленные в ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее - АПК РФ)[4]. Между тем, вопрос оценки допустимости доказательств по таким делам имеет важное значение для эффективной правовой защиты. Так, например, суд может отказать в привлечении к ответственности даже при наличии неопровержимых фактов нарушения прав на средства индивидуализации, если доказательства будут получены с нарушением закона.

Поскольку в условиях цифровизации большое количество правонарушений совершается в сети Интернет, снимки экранов (скриншоты) приобретают статус доказательств. Однако часто административные органы прилагают к материалам дела скриншоты сайтов, полученные без участия понятых и нотариального удостоверения. При этом нестабильность цифровой информации позволяет нарушителю изменять содержание своей интернет-страницы, указывая затем в суде на несоответствие снимка экрана с текущей версией сайта.

Подобные ситуации ставят под сомнение возможность использования незаверенного скриншота в качестве допустимого доказательства. При этом согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»[5] для допустимости скриншота достаточно указания даты, времени его получения, а также информации об интернет-странице. Однако этого порой не всегда достаточно для подтверждения неизменности зафиксированной

---

[4] Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Парламентская газета. 2002. № 140-141.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ» // URL: https:// sudrf.ru (дата обращения: 12.03.2026).

информации.

Следует подчеркнуть, что признание судом необходимых доказательств недопустимыми влечет невозможность установления факта правонарушения. В связи с тем, что обязанность доказывания лежит на административном органе, неустранимые сомнения толкуются в пользу лица, которое привлекается к ответственности (ст. 1.5 КоАП РФ)[6]. Это, в свою очередь, может привести к отказу в привлечении к административной ответственности, даже в том случае, если фактически правонарушение было совершено. В связи с тем, что КоАП РФ не регламентирует порядок исследования интернет-страниц, в судебной практике возникают проблемы, связанные с определением допустимости такого доказательства, как снимок экрана.

В процессе доказывания реализации контрафактного товара в реальном обороте ключевое значение имеют протоколы осмотра и изъятия товара. Однако их допустимость исключается, если осмотр проведен до возбуждения дела или в отсутствие понятых, что делает невозможным подтверждение факта правонарушения.

Следует отметить, что в судебной практике также встречаются случаи, когда изъятие товара не сопровождается составлением протокола. Ввиду отсутствия такого документа изъятые предметы не могут приобрести доказательственного значения, следовательно, соблюдение процедуры изъятия товара обеспечивает допустимость товара в качестве вещественного доказательства.

Неоднозначно в судебной практике решается вопрос, связанный с необходимостью назначения экспертизы по делу. Заключение эксперта, как и иные доказательства, не имеет заранее установленной силы, поэтому суд вправе самостоятельно оценивать сходство обозначений, если считает, что это не требует специальных знаний[7]. Представляется, что отсутствие в законе

---

[6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[7] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.12.2007 № 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением

требования об обязательности назначения экспертизы в таких делах влечет риски вынесения судом необоснованного решения.

Наконец, материальным воплощением правонарушения выступают контрафактные товары, их этикетки и упаковка, позволяющие суду непосредственно исследовать объекты в качестве вещественных доказательств и установить факт нарушения. Между тем, при утрате, повреждении продукции либо отсутствии маркировки, достоверная идентификация товара становится невозможной, и даже очевидное правонарушение остается неподтвержденным ввиду дефектов доказательств.

Таким образом, судебное доказывание по делам о незаконном использовании средств индивидуализации в арбитражном процессе требует комплексного подхода. Законность, мотивированность и обоснованность решения арбитражного суда по такому делу напрямую зависит от качества собранных административным органом средств доказывания, соблюдения им процедуры изъятия вещественных доказательств и наличия заключения эксперта о сходстве обозначений. Суды в ходе оценки относимости, допустимости и достоверности доказательств должны учитывать необходимость соблюдения баланса интересов правообладателей и участников торгового оборота.

законодательства об интеллектуальной собственности» // URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 12.03.2026).

Защита жилищных прав несовершеннолетних при реализации имущества должника в рамках дела о банкротстве

Барышева Ева Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуются особенности рассмотрения судами дел о защите жилищных прав несовершеннолетних в процессе реализации имущества должника в рамках дела о банкротстве. Защита жилищных прав несовершеннолетних строится на балансе конституционных гарантий, жёстких императивных норм процессуального и банкротного законодательства и достаточно гибких механизмов судебного усмотрения. Наличие долей детей в праве собственности на жильё не исключает его продажу, но требует особых гарантий: сохранения их имущественного интереса в денежной или иной форме, обязательного участия органов опеки и учёта реальных жилищных условий семьи.

Ключевые слова: жилищные права, защита жилищных прав несовершеннолетних, банкротство физических лиц, органы опеки и попечительства, реализация имущества физических лиц, доля несовершеннолетнего в праве общей собственности.

Защита жилищных прав несовершеннолетних при реализации имущества должника в рамках дела о банкротстве остаётся одной из ключевых социальных задач всей процедуры банкротства. Когда интересы кредиторов, которые стремятся к максимально полному удовлетворению своих требований, сталкиваются с конституционно гарантированными правами несовершеннолетних на жильё, это неизбежно порождает правовые коллизии - и судам приходится проводить очень тщательную правовую оценку каждой ситуации.

Нормативную базу для такой защиты составляет целый комплекс норм:

положения Конституции РФ, правила гражданского процессуального законодательства и, конечно, нормы законодательства о банкротстве. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что права семьи и детей на жильё относятся к числу высших конституционных ценностей и требуют особой охраны, в том числе и тогда, когда гражданин признаётся несостоятельным[1].

Особое значение здесь имеет исполнительский иммунитет, который закреплён в статье 446 ГПК РФ: на единственное жильё, пригодное для постоянного проживания, взыскание, как правило, не обращается. В то же время Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127 «О несостоятельности (банкротстве)»[2] прямо предусматривает исключение из конкурсной массы всего имущества, которое необходимо для нормальной жизни должника и членов его семьи. Вместе эти нормы и создают ту правовую основу, которая позволяет судам учитывать интересы детей при определении, какое именно имущество должника-гражданина можно выставлять на реализацию.

Сложности начинаются, когда на торги выставляется квартира, где продолжает жить семья должника, а в праве собственности на неё есть доли несовершеннолетних детей. Верховный Суд Российской Федерации указал, что само по себе наличие долей несовершеннолетних в праве общей собственности на квартиру ещё не становится абсолютным препятствием для её реализации на торгах - особенно если эти доли не выделены в натуре и объект остаётся единым жилым помещением. При этом обязательно должна быть обеспечена надлежащая защита имущественных интересов детей: их доля в праве собственности подлежит учёту при распределении вырученных от продажи денег уже после расчётов с кредиторами и залогодержателями. Такой подход даёт возможность совместить интересы кредиторов и детей, не останавливая полностью процедуру реализации залогового жилья, но при этом требуя

---

[1] Определение Конституционного суда Российской Федерации от 21.07.2022 № 1954 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).
[2] Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

справедливого денежного отражения долей несовершеннолетних[3].

Вся система защиты жилищных прав детей при банкротстве должника опирается на несколько вполне конкретных правовых механизмов. Во-первых, суд при рассмотрении дела о банкротстве вправе исключить часть имущества из конкурсной массы, если его продажа существенно не повлияет на удовлетворение требований кредиторов, но при этом заметно ухудшит условия жизни членов семьи, включая несовершеннолетних. Судебная практика также допускает в качестве дополнительной гарантии увеличение стоимости имущества, которое исключается из конкурсной массы, с учётом реальных потребностей ребёнка и мер государственной поддержки. Во-вторых, при реализации квартиры, находящейся в долевой собственности детей и должника, суды обычно закрепляют специальные условия режима распоряжения вырученными средствами. Чаще всего сумму, соответствующую доле ребёнка, зачисляют на специальный счёт с ограниченным правом распоряжения до достижения им совершеннолетия либо направляют эти деньги целевым образом на покупку другого жилья, которое обеспечит соразмерные условия проживания. Кроме того, сохраняется и прожиточный уровень семьи должника: суд может установить право должника ежемесячно получать средства в размере прожиточного минимума на себя и каждого ребёнка в пределах имеющихся доходов — это косвенно помогает сохранить жильё или найти новое.

Важным элементом остаётся участие органов опеки и попечительства и правильное процессуальное оформление всех вопросов, связанных с жильём.

Согласно семейному и гражданскому законодательству, любые сделки с имуществом несовершеннолетних, которые затрагивают их жилищные условия, требуют обязательного учёта позиции органов опеки и предварительной оценки последствий для ребёнка. В спорах о разделе общего имущества супругов должника - тех, что предшествуют делу о банкротстве или идут параллельно с

---

[3] Определение Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.02.2025 № 307-ЭС24-19017 по делу № А56-119617/2019 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

ним, - суды общей юрисдикции обязаны учитывать: принимаемые решения могут напрямую затрагивать имущественные и жилищные права детей. Поэтому особо подчёркивается необходимость привлечения самих несовершеннолетних (через законных представителей) к участию в таких делах: это обеспечивает полноту судебного разбирательства и предотвращает последующее оспаривание сделок и судебных актов.

Помимо этого, при анализе сделок по передаче имущества детям незадолго до периода подозрительности суды тщательно проверяют, не было ли злоупотребления правом и попытки вывести активы из-под взыскания. Если выявляется, что единственная цель сделки - уклониться от удовлетворения требований кредиторов, она может быть признана недействительной, а имущество возвращено в конкурсную массу, даже несмотря на участие несовершеннолетнего.

Один из главных вопросов в делах о банкротстве гражданина — это поиск разумного баланса между интересами кредиторов и необходимостью обеспечить достойные жилищные условия несовершеннолетних. Верховный Суд РФ исходит из того, что права детей не создают абсолютного запрета на реализацию жилья, однако суд обязан оценить, действительно ли существуют другие ликвидные активы и насколько продажа спорного помещения соразмерна целям самой процедуры банкротства.

Кассационные инстанции указывают: включение единственной квартиры в конкурсную массу при наличии у должника иных ликвидных активов может нарушать принцип справедливости - особенно когда в этой квартире живут дети и никакого другого жилья для них не предусмотрено. В таких случаях суды чаще склонны защищать именно семейное жилище, отдавая приоритет конституционным гарантиям перед интересами кредиторов[4].

Защита жилищных прав несовершеннолетних при реализации имущества должника в рамках дела о банкротстве строится именно на балансе

---

[4] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.11.2025 по делу № А40-158912/23 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

конституционных гарантий, жёстких императивных норм процессуального и банкротного законодательства и достаточно гибких механизмов судебного усмотрения. Наличие долей детей в праве собственности на жильё само по себе не исключает его продажу, но требует особых гарантий: сохранения их имущественного интереса в денежной или иной форме, обязательного участия органов опеки и учёта реальных жилищных условий семьи. Судебная практика стремится выстроить компромисс между удовлетворением требований кредиторов и обеспечением достойного уровня жизни ребёнка, и это предопределяет дальнейшее развитие специальных защитных механизмов в институте банкротства граждан.

Судебная защита жизни ребенка при отказе родителей от лечения по религиозным мотивам: анализ правоприменительной практики

Борта Анастасия Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Отказ родителей от медицинского вмешательства в пользу своего ребенка ввиду религиозных убеждений представляет собой сложный юридический казус, сталкивающий права детей на жизнь и здоровье с правами родителей на свободу вероисповедания. Цель настоящей статьи заключается в анализе российского законодательства и судебной практики относительно разрешения конфликтов, возникающих вследствие отказа родителей от медицинской помощи ребенку по причине религиозной убежденности. Исследование включает изучение конкретных судебных решений, вынесенных судами общей юрисдикции Российской Федерации, а также определение правовых подходов и принципов.

Ключевые слова: судебная защита жизни ребенка, отказ родителей ребенка от его лечения, религиозные мотивы отказа от лечения, отказ от лечения создает угрозу жизни и здоровья.

Вопрос защиты жизни и здоровья несовершеннолетних детей является приоритетом правового государства. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому человеку право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ)[1]. Однако ситуация осложняется, когда родители отказываются от медицинских процедур и вмешательств, мотивируя свое решение религиозными убеждениями. Столкновение родительских прав и интересов ребенка порождает необходимость разработки четких механизмов защиты последних.

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

Актуальность темы обусловлена: ростом числа религиозных общин, проповедующих отказ от традиционной медицины; неоднозначностью судебной практики по данной категории дел; необходимостью выработки чётких правовых критериев для защиты прав ребенка.

Российская Федерация провозглашает равноправие всех граждан независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного положения, места жительства, отношения к религии и других обстоятельств (ст. 19 Конституции РФ). Вместе с тем ст. 38 Конституции РФ устанавливает обязанность родителей заботиться о детях и воспитывать их. Государство защищает семью, материнство и детство, содействуя созданию условий, обеспечивающих благополучие семьи и достойное развитие детей[2].

Законодательством предусмотрена ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению необходимого ухода и воспитания несовершеннолетнего ребенка. Согласно ст. 65 Семейного кодекса РФ[3], родители обязаны защищать права и законные интересы своих детей. Если действия родителей нарушают права ребенка, государственные органы вправе вмешиваться в ситуацию и обеспечивать защиту законных интересов последнего.

Однако правовые нормы остаются недостаточно детализированными применительно к случаям отказа от медицинского вмешательства по причинам религиозного характера. Отсутствует единая судебная практика решения подобных вопросов, что создает трудности для правоприменителей.

Анализ ряда случаев показывает, что суды зачастую сталкиваются с трудностью выбора между защитой прав ребенка и уважением свободы совести родителей. Рассмотрим конкретные примеры, отражающие существующую судебную практику. На основе анализа решений судов общей юрисдикции

---

[2] См.: Петровская О.В. Проблема ответственности родителей за нарушение права ребенка на медицинскую помощь // Социальное и пенсионное право. 2019. № 4. С. 34-38.

[3] Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС Консультант Плюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

(2015 - 2024 годы) выделены основные категории дел:

1. Отказ от переливания крови (наиболее распространённый случай, связанный с убеждениями свидетелей Иеговы). Суд устанавливает: угроза жизни ребёнка является безусловным основанием для вмешательства[4].

2. Отказ от вакцинации по религиозным мотивам. Суды чаще встают на сторону родителей при отсутствии непосредственной угрозы здоровью. Исключение: эпидемии - суд может обязать провести вакцинацию.

3. Отказ от хирургического вмешательства при жизнеугрожающих состояниях: приоритет отдаётся интересам ребёнка[5].

Правовые позиции Верховного Суда РФ: «Интересы ребёнка превалируют над религиозными убеждениями родителей, если отказ от лечения создаёт реальную угрозу жизни»[6].«Суд обязан привлекать экспертов медиков для оценки степени риска» (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 2023 г.)[7].Эти случаи иллюстрируют различия в подходе судов разных инстанций к разрешению конфликта между интересами ребенка и свободой совести родителей. Очевидно, что отсутствие ясных законодательных норм затрудняет формирование устойчивых критериев принятия решений.

Представляется целесообразным введение положений, позволяющих государственным органам инициировать процедуру судебного рассмотрения вопроса о лишении родительских прав в особо тяжких ситуациях, связанных с нарушением ребенком жизненно важных интересов. Создание прозрачного механизма реализации прав детей на получение качественной медицинской помощи должно стать одной из главных целей государственной политики в области семейного права и здравоохранения.

---

[4] Решение Замоскворецкого суда г. Москвы // URL: https: // vesti.ru (дата обращения: 12.01.2026).

[5] См.: Гребенников А.И., Васильева Ю.А. Судебная защита прав детей // Медицинское право. 2020. № 1. С. 3-8.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. 2017. № 262.

[7] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

Недействительность завещания как способ защиты наследственных прав: перспективы правового регулирования

Бутабаева Назира Серековна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуется институт недействительности завещания согласно его пониманию в качестве способа защиты наследственных прав граждан. Автором анализируются дискуссионные вопросы соотношения законодательно установленных требований к порядку составления завещания и существу волеизъявления завещателя. На основе исследования положений наследственного права и российской судебной, нотариальной практики предложены изменения в действующее законодательство, направленные на повышение эффективности защиты прав наследников.

Ключевые слова: наследование, наследственные права, рукоприкладчик, признание завещания недействительным, дееспособность наследодателя, оспаривание завещания, удостоверение завещания нотариусом.

Активная трансформация жизни, ускоренные темпы развития общества предопределили необходимость правового регулирования наследственных отношений, в частности, наследования по завещанию. Данный институт наследственного права достаточно часто интересует граждан, поскольку завещание является одним из способов распоряжения своим имуществом.

Следует сказать, что в настоящее время в судебной практике все чаще рассматриваются дела об оспаривании завещания и признании его недействительным. Часто после смерти наследодателя наследники по закону узнают о том, что в завещании указаны иные лица. Это указывает на сложность отношений наследования по завещанию, поскольку необходимо учитывать интересы разных субъектов. Свобода завещания приводит к ряду споров со стороны наследников. Чаще всего споры могут возникать из-за того, что

наследодатель не включил в список наследников тех, кто являлся бы ими, наследуй они по закону.

Юридическим средством разрешения спора о наследовании является обращение заинтересованных лиц в суд с требованием о признании завещания недействительным и применении последствий недействительности ничтожной сделки (ст. 1131 ГК РФ)[1]. Данная категория дел рассматривается в порядке искового производства в судах общей юрисдикции.

Самой частой причиной обращения в суд с иском о признании завещания недействительным является недееспособность наследодателя[2]. Как показывает нотариальная практика, такие случаи — самые часто встречающиеся и трудноразрешимые, поскольку выявить способность наследодателя понимать значение своих действий и руководить ими крайне сложно.

На практике нотариусы обязаны предпринять меры, которые позволят установить: может ли гражданин отдавать отчет в своих действиях или нет, и понимает ли он их значение и последствия. Для этого нотариусы либо документально, либо визуально осуществляют проверку, в частности, проводят беседы с наследодателем, разъясняют ему правовые последствия составления завещания и т. д.

Однако нотариусу не всегда удается определить действительность намерений наследодателя, его вменяемость и осознанность. И зачастую данная проблема является следствием несовершенства гражданского законодательства, поскольку законодатель не смог в должной мере урегулировать механизм и способы установления дееспособности, ограничив при этом нотариуса в совершении определенных действий[3]. В частности, нотариус не вправе направить наследодателя для прохождения психиатрической экспертизы либо

---

[1] Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

[2] См.: Момотова М.А. Признание завещания недействительным / М.А. Момотова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2017. № 13 (147). С. 464-466.

[3] Наследственное право: учебное пособие / С.С. Желонкин, Д.И. Ивашин.: Юстицинформ; Москва, 2014. С. 134.

делать запросы в медицинские учреждения с целью сбора информации о состоянии здоровья наследодателя. Нотариус опирается только на внешние признаки действий лица, не имея возможности для точного установления фактов.

Поэтому представляется необходимым предусмотреть в законодательстве правовые механизмы и методы, позволяющие достоверно определить дееспособность завещателя. Для этого следует предоставить нотариусу право обращения в медицинские учреждения, психиатрические диспансеры, чтобы получить необходимую информацию, а также создать ему возможность направления лица на психиатрическую экспертизу. Представляется целесообразным создание Единого реестра судебных решений о лишении дееспособности граждан с предоставлением нотариусам права доступа к нему. Пробел в правовом регулировании данного вопроса является причиной многочисленных судебных исков по оспариванию завещаний[4].

Одной из наиболее распространенных причин признания завещания недействительным является отсутствие у дееспособного наследодателя возможности осознавать значение своих действий, что закреплено в ст.177 ГК РФ. Определение фактической неспособности гражданина осознавать правильность своих действий устанавливается судом в каждом конкретном случае на основе оценки имеющихся в деле доказательств. Как правило, невозможность осознавать значимость своих действий связывается не только с психическими заболеваниями, но и с другими, так или иначе влияющими на сознание лица[5]. Однако и в данном случае нотариус ограничен в возможности достоверно определить намерения и осознанность лица, ведь он не обладает специальными знаниями в области психиатрии. Ввиду этого рационально обеспечить обязательное присутствие психиатра при составлении завещания,

---

[4] См., например: Ралько В.В. Порядок оформления завещаний: проблемы теории и практики: сборник материалов / В.В. Ралько, В.В. Виноградова // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1. С 35-40.

[5] См.: Смирнов С.А. Наследственное право / С.А. Смирнов. – М.: Проспект, 2016. С. 142.

который вынесет соответствующее заключение о вменяемости лица в момент составления и подписания завещания.

На практике достаточно распространенной является процедура оспаривания завещания в связи с нарушением порядка его составления и удостоверения, в частности – в случае участия рукоприкладчика в выражении воли завещателя. Как правило, нотариус удостоверяется в неграмотности завещателя лишь с его собственных слов. В этом случае необходимо предоставить веские и аргументированные доказательства в подтверждение основания невозможности подписания завещания лично наследодателем. В противном случае, при рассмотрении споров о признании таких завещаний недействительными, суд удовлетворит исковые требования, если заинтересованная сторона предоставит доказательства, что наследодатель мог собственноручно подписать. Данные нарушения являются существенными, что ставит под сомнение соответствие реальной воли завещателя воле, выраженной в завещании[6].

Таким образом, ввиду недостаточно подробного правового регулирования порядка совершения нотариальных действий, существует проблема установления последней воли гражданина, что приводит к оспариванию завещания в судебном порядке и признания его в дальнейшем недействительным. Чтобы снизить количество оспариваемых завещаний необходимо усовершенствовать гражданское законодательство путем включения в него положений, позволяющих нотариусам назначать психиатрические экспертизы, делать запрос в психиатрические диспансеры. Также представляется целесообразным создание Единого реестра решений судов по делам о признании граждан недееспособными и обязательное присутствие психиатра при составлении завещания, что позволит нотариусам в короткие сроки подтвердить дееспособность завещателя.

---

[6] См.: Ермолаева Е.Л. Основания недействительности завещания / Е.Л. Ермолаева // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: Шахты, 2019. С. 40-41.

Участие прокурора в форме дачи заключения по делам об ограничении и лишении родительских прав (на примере судебной практики Оренбургской области)

Волынкин Сергей Александрович,
магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуются вопросы участия прокурора в форме дачи заключения по делам об ограничении или лишении родительских прав. Автор отмечает, что законодательством не предусмотрены конкретные нормы, регулирующие содержание заключения прокурора. Заключение прокурора по вопросам лишения или ограничения родительских прав обязательно должно включать в себя объективную оценку представленных доказательств, правильную юридическую интерпретацию фактических обстоятельств дела, а также чёткое определение норм материального и процессуального права, применимых в конкретном деле.

Ключевые слова: заключение прокурора по делам об ограничении или лишении родительских прав, участие прокурора в гражданском судопроизводстве, форма и содержание заключения прокурора.

В Приказе Генпрокуратуры России от 11 января 2021 года № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»[1] предусмотрено обязательное участие прокурора в делах, по которым такое участие предусмотрено нормами Гражданского процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ)[2] и других федеральных законов, в частности, в делах о лишении родительских прав, о восстановлении в родительских правах, об ограничении родительских прав (ст.

[1] Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 (в ред. от 19.10.2022) «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Законность. 2021. № 2 // СПС Консультант Плюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).
[2] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

ст. 70, 72, 73 Семейного кодекса РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ) (далее - СК РФ)[3].

В силу ч. 1 ст. 70 СК РФ прокурор может инициировать возбуждение гражданского дела о лишении или ограничении родительских прав. В таком случае заключение по делу он не дает, и в деле выступает в качестве процессуального истца.

В настоящее время ни в ГПК РФ, ни в СК РФ, ни в ведомственных актах прокуратуры не определяется понятие заключения по делу.

Правовой статус прокурора, выступающего с заключением по делам о лишении и ограничении родительских прав, вызывает определённые сомнения и остаётся предметом споров среди юристов. Дело в том, что в процессе рассмотрения указанных категорий дел прокурор не занимает позицию истца либо ответчика, его нельзя однозначно считать третьим лицом, поскольку он не обладает материальными правами в отношении предмета судебного разбирательства. Следовательно, основная задача прокурора при подготовке заключения состоит именно в поддержании законности и справедливости процесса. Его мнение должно содействовать реализации конституционных гарантий семьи, детства и материнства, а также служить главной цели защиты ребёнка и восстановления его попранных прав, свобод и законных интересов.

Однако важная проблема заключается в том, что законодательством не предусмотрены конкретные нормы, регулирующие содержание заключения прокурора, что обоснованно критикуется рядом процессуалистов как существенный пробел, нуждающийся в законодательном исправлении. Полагаем, заключение прокурора по вопросам лишения и ограничения родительских прав обязательно должно включать в себя объективную оценку представленных доказательств, правильную юридическую интерпретацию фактических обстоятельств дела, а также чёткое определение норм материального и процессуального права, применимых в конкретном деле.

---

[3] Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

Одной из проблем правоприменительной практики при даче прокурорами заключения по делу о лишении (ограничении) родительских прав является формальный подход, который иногда приводит к даче заключений, основанных на уже имеющейся позиции органа опеки и попечительства. Зачастую сотрудники прокуратуры прибегают к шаблонам, игнорируя специфику конкретных ситуаций и действуя лишь формально. Это сложно доказать, однако мы можем обратиться к практике - в большинстве случаев заключение прокурора совпадает с заключением органа опеки и попечительства.

В этом мы можем убедиться в том числе на примере Решения Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 19 февраля 2020 года по делу № 2(1)-356/2020[4]. В судебном разбирательстве рассматривался вопрос о лишении гражданина родительских прав, прокурор в свою очередь дал заключение, соответствовавшее мнению представителя органов опеки и попечительства. Аналогичная ситуация сложилась и при вынесении решения Медногорским городским судом Оренбургской области от 22 августа 2023 года по делу № 2-415/2023[5]. И эта тенденция только усиливается.

Следует отметить еще одну практическую проблему: поскольку дела о лишении родительских прав (ограничении родительских прав) нельзя отнести к категории простых и рассматриваемых в сокращенные сроки, то для установления всех обстоятельств по данным категориям дел обычно требуется проведение несколько судебных заседаний. Нередко в судебных заседаниях присутствует не один и тот же представитель органа прокуратуры, а разные представители, что негативно сказывается на их осведомленности о материалах дела и на их подготовке. Неосведомленность может привести к тому, что после вынесения решения прокурор начинает менять свою позицию и подавать апелляционное представление, что, по мнению Е.Ц. Дугарон, подрывает

---

[4] Решение Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 19.02.2020 по делу № 2(1)-356/2020 (Электронный ресурс) // URL: https://sudact.ru/regular/doc/KyEjUynL8 (дата обращения: 15.03.2026).

[5] Решение Медногорского городского суда Оренбургской области от 22.08.2023 по делу № 2-415/2023 (Электронный ресурс) // URL: https://sudact.ru/regular/doc/SwAkBEuMHldh (дата обращения:15.03.2026).

авторитет судебной власти и органов прокуратуры[6].

Стоит выделить ещё одно важное обстоятельство: дела о лишении или ограничении родительских прав относятся к числу сложных и длительных процессов, требующих значительных временных затрат и многократных судебных заседаний для полного выяснения всех обстоятельств дела. Однако часто возникает ситуация, когда в ходе отдельных заседаний участвуют разные представители прокуратуры, что заметно влияет на уровень их информированности и подготовленности к делу. Это, в свою очередь, способно повлечь изменение первоначальной позиции прокурора после принятия судебного акта и подачи апелляционного представления, что, согласно точке зрения Е.Ц. Дугарон, снижает доверие к правосудию и органам прокуратуры[7].

Таким образом, решение обозначенных проблем возможно путем внесения изменений в ведомственный акт - Приказ Генпрокуратуры России от 11 января 2021 года № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве», туда следует внести положения, определяющие форму и содержание заключения прокурора по делам о лишении (ограничении) родительских прав, а также для исключения формальности в составлении заключений целесообразно обеспечить присутствие на всех этапах судебного разбирательства по указанным делам одного представителя прокуратуры, осуществляющего подготовку соответствующего документа и несущего ответственность за его оформление лично либо совместно с заместителем прокурора.

---

[6] См.: Дугарон Е.Ц. Проблемы заключения как формы выражения позиции прокурора в гражданском процессе // Законность. 2018. № 4. С. 13.
[7] См.: Дугарон Е.Ц. Указ. соч. С. 12.

Раздел жилых помещений, приобретенных супругами с помощью ипотечного кредитования

Гурьянова Ирина Сергеевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуются вопросы раздела жилых помещений, приобретенных супругами с помощью ипотечного кредитования. Автор считает целесообразным развивать институт досудебного урегулирования споров, предусмотреть упрощенную процедуру отчуждения недвижимости в пользу кредитора в случае невозможности исполнения обязательств по ипотечному кредитованию, упростить механизм взаимодействия заемщиков с кредитными организациями при разделе кредитных обязательств, ввести специальные правила перехода права собственности на имущество детям, оставшимся проживать с одним из супругов, с целью повышения гарантий защиты интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: раздел жилых помещений, ипотечное кредитование, совместная собственность супругов, соглашение о разделе имущества супругов, брачный договор.

Согласно положениям Семейного кодекса Российской Федерации[1] имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Раздел имущества может осуществляться как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов. Также стоит отметить, что при отсутствии спора между супругами имущество может быть разделено на основании соглашения супругов, в случае же наличия спора раздел имущества супругов осуществляется в судебном порядке[2].

---

[1] Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[2] См., например: Нечаев А.В., Щербаков Ю.А. Семейное право: учебник для вузов. Москва:

На сегодняшний день для большинства населения наиболее доступной, а потому популярной формой приобретения жилого помещения в период брака является ипотечное кредитование. Ипотека является разновидностью залога, при которой закладываемое недвижимое имущество находится в собственности у должника, при этом кредитор приобретает право получить удовлетворение требований за счет реализации данного имущества в случае невыполнения должником своего обязательства[3].

Вместе с тем, имеется и отрицательная тенденция бракоразводных процессов при наличии неисполненных обязательств супругов в рамках ипотечного кредитования. Жилые помещения, ставшие предметом залога, относятся к общему имуществу супругов и подлежат разделу. Однако раздел данного имущества представляет собой сложную юридическую процедуру, поскольку наличие кредитных обязательств перед банком влечет необходимость обязательного учета интересов всех участников правоотношений. Рассмотрим несколько ситуаций раздела имущества между супругами.

Жилое помещение, приобретенное в период брака с использованием средств ипотечного кредитования, независимо от того, кто из супругов выступил в роли заемщика по кредитному договору и на кого из них оформлено право собственности, в соответствии со статьей 34 СК РФ является совместно нажитым имуществом супругов. По общему правилу раздел такой недвижимости будет осуществляться в равных долях как самого имущества, так и долговых обязательств, связанных с его приобретением[4]. Однако стоит учитывать несколько факторов, таких как момент приобретения недвижимости, наличие (отсутствие) брачного договора, статус заемщиков по ипотечному кредиту, наличие несовершеннолетних детей, источники средств,

---

Проспект, 2023. С. 78.

[3] См.: Потехина И.Н. Кредитование физических лиц и ипотека: актуальные вопросы правового регулирования. Екатеринбург: УрГЮА, 2021. С. 93.

[4] См., например: Семенов Е.И. Раздел общего имущества супругов: теория и практика. СПб.: Издательство РАП, 2022. С. 32.

использование специальных программ ипотечного кредитования, использование средств материнского капитала или других целевых государственных субсидий.

В случае приобретения объекта недвижимости до вступления в брак в силу положений ст. 36 СК РФ такая недвижимость считается личной собственностью одного из супругов. Однако необходимо учитывать долгосрочность ипотечного кредитования и выплату кредита уже в период брака. При этом один из супругов может рассчитывать на компенсацию своей доли в зависимости от расчета размера вложений общих средств супругов в погашении кредита. Как следует из судебной практики, большинство случаев предусматривают сохранение права собственности за супругом, оформившего договор ипотечного кредитования, с выплатой второму супругу компенсации в размере его вклада в погашение кредита[5]. Вместе с тем ситуация может осложняться, к примеру тем, что имели место неотделимые улучшения помещения, рефинансирование ипотечного кредита и другое. Все это только подтверждает, что раздел общего имущества супругов носит индивидуальный характер и требует специального подхода к каждой конкретной ситуации.

В случае приобретения жилого помещения в период брака, его раздел возможен на добровольной основе посредством заключения соглашения о разделе имущества супругов. Такое соглашение является наиболее удобным и оптимальным способом урегулирования имущественных правоотношений, оно требует обязательного нотариального удостоверения. При этом обязательным условием раздела недвижимости является согласие банка на изменение условий ипотечного кредитования. Необходимо учитывать такие аспекты как определение долей супругов в праве собственности на недвижимость и распределение обязательств по выплате оставшейся части долга.

Если добровольное соглашение не было достигнуто, правовым механизмом защиты прав супругов становится судебный порядок раздела

---

[5] См. по этому вопросу: Беспалов Ю.Ф. Судебная защита имущественных прав супругов. Москва: Инфра-М, 2023. С. 107.

имущества. Общим правилом является равенство долей супругов, от которого суд может отходить с учетом интересов несовершеннолетних детей, в случае использования средств материнского капитала. Если будет определено, что несовершеннолетний ребенок останется проживать с одним из супругов, то доля данного супруга может быть увеличена. Исходя из положений Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»[6] дети признаются участниками долевой собственности, размер их долей прямо пропорционален доле в материнском капитале, поскольку средства материнского капитала имеют целевое значение и не являются совестно нажитым имуществом супругов.

Обратимся к правоприменительной практике рассмотрения споров по разделу жилого помещения, приобретенного в период брака с использованием средств ипотечного кредитования.

Исковое производство по делам о разделе совместного имущества супругов, в том числе недвижимого имущества, приобретенного за счет средств ипотечного кредитования, имеет ряд процессуальных особенностей, связанных с самим предметом спора – ипотечной недвижимостью. Изначально стоит обратиться к подготовительному процессу, включающему в себя подачу искового заявления, определение круга лиц, изучение представленных доказательств.

При составлении искового заявления необходимо особое внимание уделять правильному определению подсудности рассмотрения дела. Судебная практика имеет различные позиции относительно подсудности дел о разделе недвижимого имущества. Однако обращаясь к положениям ГПК РФ, подсудность будет определяться из сущности самого требования истца, то есть если между супругами не было достигнуто соглашение о разделе общего

---

[6] Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 19.

имущества, при расторжении брака, не затрагивался вопрос о том, является ли данное имущество совместно нажитым, то исковое заявление о разделе общего недвижимого имущества следует подавать по месту нахождения объекта недвижимости[7]. Если же при расторжении брака судом будет установлено, что имущество супругов является совместно нажитым, то в дальнейшем исковое заявление об изменении режима собственности супругов стоит подавать по общему правилу, а именно по месту жительства ответчика.

Таким образом, подсудность неразрывно будет связана с правильным формулированием исковых требований, определением способа раздела недвижимого имущества и распределения кредитных обязательств, расчетом цены иска и государственной пошлины. Цена иска при разделе жилого помещения, приобретенного за счет средств ипотечного кредитования, будет определяться исходя из стоимости той части совместно нажитого имущества, на которое заявляет свои права истец. Рыночная же стоимость недвижимого имущества будет определяться за вычетом оставшейся суммы задолженности по кредитному обязательству. Таким образом, при подаче искового заявления обязательным условием в соответствии с положениями ГПК РФ являются приложения к исковому заявлению.

Обратим внимание, что при рассмотрении такой категории дела как раздел общего недвижимого имущества супругов обязательными приложениями являются копия свидетельства о заключении (расторжении) брака, правоустанавливающие документы на недвижимое имущество, договор ипотечного кредитования, справка о текущем размере задолженности по кредитному обязательству, документы, подтверждающие стоимость недвижимого имущества, заявляемого к разделу.

Одной из особенностей судебного процесса о разделе недвижимого имущества супругов является определение круга участников процесса, заинтересованных в рассмотрении спора. Жилое помещение, приобретенное

---

[7] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

путем ипотечного кредитования, находится в залоге кредитной организации до полного исполнения кредитных обязательств заемщиками. Раздел недвижимости при этом подразумевает изменение состава собственников и перераспределение ответственности по исполнению кредитного обязательства. Банк заинтересован в гарантии возврата остаточной суммы денежных средств. Таким образом, любое действие, касающееся судьбы ипотечного жилья, будет затрагивать законные интересы кредитора. Нередки случаи, когда решение суда изменяет структуру долгового обязательства и порядок погашения кредита. Суд, привлекая кредитную организацию к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, учитывает мнение кредитора относительно возможных изменений в графике платежей, сумме оставшегося долга и распределения обязанностей между супругами. Таким образом, суд обеспечивает достижение баланса интересов участников судебного процесса, гарантирует защиту прав кредиторов и минимизирует негативные последствия для участников ипотечного кредитования.

Суду в ходе судебного разбирательства необходимо обращать внимание на такие моменты как финансовое состояние и платежеспособность каждой стороны судебного процесса, наличие несовершеннолетних детей, возможность реструктуризации кредита и сохранение прав заемщиков, первоначальные взносы супругов в погашение кредитной задолженности и последующее исполнение кредитного обязательства. Судебное разбирательство по разделу общего недвижимого имущества супругов заканчивается вынесением итогового судебного акта. Стоит отметить, что судебный процесс по разделу ипотечного жилья характеризуется повышенной сложностью, большой доказательственной базой и активным взаимодействием с кредитными организациями.

Раздел недвижимого имущества, находящего в ипотеке, представляет собой сложную процедуру, требует вложения больших усилий, глубокого понимая законодательства и специфики ипотечного кредитования. Судебная практика имеет своей направленностью защиту имущественных прав супругов

и обеспечение баланса интересов всех заинтересованных лиц[8]. Для эффективного разрешения спора полагаю наиболее целесообразным развивать институт досудебного урегулирования споров, предусмотреть упрощенную процедуру отчуждения недвижимости в пользу кредитора в случае невозможности исполнения обязательств по ипотечному кредитованию, упростить механизм взаимодействия заемщиков с кредитными организациями при разделе кредитных обязательств, ввести специальные правила перехода права собственности на имущество детям, оставшимся проживать с одним из супругов, с целью повышения гарантий защиты интересов несовершеннолетних. Полагаем, что будет достигнут результат создания такого механизма раздела ипотечного жилья при разделе общего имущества супругов, который позволит сократить негативные последствия и защитить интересы всех участников данного правоотношения.

[8] См.: Решетов О.Ю. Имущественные отношения супругов в современном российском законодательстве. Саратов: Саратовский юридический университет, 2022. С. 43.

Особенности доказывания по делам об установлении происхождения детей, рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий: анализ судебной практики

Дегтярева Ксения Сергеевна,
магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье автором рассматриваются особенности доказывания по делам об установлении происхождения детей, рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий. Показано, что стороны чаще всего прибегают к письменным доказательствам. Таким, как медицинское заключение, договор на оказание медицинских услуг с применением ВРТ, договор с клиникой на оказание медицинских услуг по программе суррогатного материнства, акты об оказанных услугах, информированные добровольные согласия.

Ключевые слова: установление происхождения детей, вспомогательные репродуктивные технологии, доказывание по делам об установлении происхождения детей, суррогатное материнство.

Доказывание представляет собой сложный процесс, направленный на установление подлинности и обоснованности доводов сторон спорного правоотношения.

П.П. Гуреев определяет судебное доказывание как «способ познания обстоятельств, подтверждающих требования и возражения сторон, и иных обстоятельств, имеющих значение для дела»[1]. Для достижений целей судопроизводства не только сторонам необходимо представлять аргументы в подтверждении своей позиции и представлении доказательств, но и суду играть активную роль в процессе истребования и изучения доказательств, установлении юридически значимых фактов.

---

[1] Гуреев П.П. Теория судебных доказательств в советском гражданском процессуальном праве // Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. С. 336.

Так, при рассмотрении судами споров об установлении происхождения детей и вытекающих из них споров об оспаривании отцовства (материнства) сложилась устоявшаяся судебная практика. Определение предмета и средств доказывания не вызывает затруднений ни для участников процесса, ни для суда. Однако в вопросах, касающихся установления происхождения детей, рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) возникает ряд дискуссионных положений, и суды в своих решениях все еще не пришли к единому мнению.

Обстоятельства, входящие в предмет доказывания, доказательства по делу и бремя доказывания будут разниться в каждом конкретном случае. Проанализировав судебную практику, представляется возможным условно разделить рассматриваемую категорию споров о происхождении детей, рожденных с помощью ВРТ на 2 группы.

К первой группе относятся процедуры ВРТ с применением метода искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона с использованием биологических материалов «заказчиков» или донорских материалов.

Ко второй группе автор относит ВРТ с использованием услуг суррогатного материнства.

Для правильного разрешения дела об установлении происхождения детей, рожденных с помощью ВРТ суду необходимо установить все юридические факты, имеющие значение для дела. Иными словами, определить предмет доказывания.

В предмет доказывания по 1 группе рассматриваемой категории дел будет входить:

- факт рождение ребенка с применением процедур ВРТ;

- наличие согласия субъектов на осуществление указанных процедур, а также добровольность и осознанность данного согласия, его срок действия и содержание[2].

---

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»

В предмет доказывание по спорам, вытекающим из оказания услуг суррогатного материнства помимо вышеперечисленного, входит:

- наличие заключенного в установленной форме договора о суррогатном материнстве;

- наличие согласия суррогатной матери;

- наличие согласия законного супруга суррогатной матери.

В делах об установлении происхождения детей, рожденных с помощью ВРТ, стороны чаще всего прибегают к письменным доказательствам. Таким как, медицинское заключение, договор на оказание медицинских услуг с применением ВРТ, договор с клиникой на оказание медицинских услуг по программе суррогатного материнства, акты об оказанных услугах, информированные добровольные согласия.

Доказательствами являются платежные документы, подтверждающие оплату медицинских услуг или факт проживания и ведения совместного хозяйства между лицами, не состоящими в зарегистрированных законом отношениях. Доказательствами могут являться свидетельские показания, включая показания медицинского персонала. Анализ судебной практики показывает, что в каждом рассматриваем споре стороны или суд прибегают к результатам анализа ДНК.

Законодательством предусмотрено, что мужчина и женщина, состоящие в браке и давшие согласие в письменной форме на применение ВРТ, в результате которых рождается ребенок, записываются родителями этого ребенка. Но данное обстоятельство не лишает лиц права на предъявление иска об оспаривании отцовства. Пункт 3 статьи 52 Семейного кодекса РФ не запрещает оспаривать запись об отцовстве из-за отсутствия кровной связи, но запрещает ссылаться при этом на факт применения методов ВРТ[3].

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного

// СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.03.2026).

[3] Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.03.2026).

Суда РФ от 26 ноября 2019 года № 46-КГ19-24 суд направил дело на новое рассмотрение. Так, истец обратился с иском об оспаривании отцовства в отношении ребенка, рожденного в результате применения процедур ВРТ. Исходя из обстоятельств дела, супруги обратились за оказанием медицинской услуги в сфере ВРТ. Между ними и медицинской компанией заключен договор на проведение экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) и подписано информированное добровольное согласие на лечение методами ВРТ с использованием только материалов истца и его жены, однако беременность так и не наступила. Супруги повторно обратились за данной услугой, но от имени истца по доверенности действовала его жена, в том числе подписывала информированное добровольное согласие на лечение методами вспомогательных репродуктивных технологий с использованием донорских биоматериалов, в результате чего наступила беременность, родилась дочь, отцом которой в акте о рождении записан истец. Ответчики в суде первой инстанции указали, что не сообщили истцу об использовании донорского материала. Таким образом, нижестоящие суды неверно определили обстоятельства, которые являются юридически значимыми, в связи с чем решения подлежат отмене.

Сами по себе дела по оспариванию отцовства в отношении детей, рожденных с использованием ВРТ являются достаточно распространенными. В этой связи судам следует более детально устанавливать значимые обстоятельства дела для вынесения решения. Ведь от него зависит не только запись в свидетельстве о рождении, но и судьба ребенка.

В ситуации, где оспаривалось отцовство на основании того, что предполагаемым отцом ребенка не давалось согласия на проведение процедуры ЭКО с использованием донорских материалов и документ был заполнен без его ведома. Так, для установления действительности этого факта судом назначалась почерковедческая экспертиза и заслушивалось заключение эксперта.

Как показывает анализ практики, в процессе доказывания по делам об

установлении происхождения детей, рожденных с помощью ВРТ, судам следует занимать активную позицию при истребовании, изучении доказательств, правильного определения предмета доказывания. При этом особенности рассмотрения каждого дела будут определяться определенным видом ВРТ.

Цель и формы участия прокурора в арбитражном процессе: вопросы теории и практики

Десенко Дмитрий Сергеевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуются цель и формы участия прокурора как публичного гаранта законности в арбитражном процессе. Автором анализируются дискуссионные вопросы форм участия прокурора, а также практические трудности, возникающие при реализации прокурором полномочий по обращению в арбитражный суд и вступлению в дело.

Ключевые слова: процессуальный статус прокурора, арбитражный процесс, публичные интересы, обращение в суд с иском или заявлением, теория «процессуального истца».

Согласно статье 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту - АПК РФ)[1], прокурор вправе обратиться в арбитражный суд лишь в строго ограниченных законом случаях.

Анализ оснований участия прокурора позволяет сделать вывод о том, что главная цель заключается в защите публичных интересов. Прокурор может реализовать данную цель в различных формах и по разным основаниям, предусмотренным арбитражным процессуальным законодательством. Согласно положениям ч. 4 ст. 52 АПК РФ, помимо публичных, прокурор может защищать и иные интересы.

Так, Т.С. Назрицкая отмечает: «при современном состоянии нормативно правовых актов, регулирующих участие прокурора в арбитражном процессе, а также складывающейся судебной практики, можно сделать вывод о том, что прокурор в данной сфере защищает интересы неопределенного круга лиц и частные интересы, что ставит под сомнение привычное понимание роли

[1] Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

прокурора»[2].

Прокурор в арбитражном суде не осуществляет функций надзора в классическом понимании данного термина, он выступает в качестве лица**,** участвующего в деле, что указано в ст. 40 АПК РФ и ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации»[3].

Говоря о формах участия прокурора в арбитражном процессе, традиционно выделяются два основных порядка реализации вверенных ему полномочий, а именно: а) обращение в суд с иском или заявлением. Данная форма является наиболее активной, так как в ней прокурор самостоятельно инициирует процесс, предъявляет требования в защиту публичных интересов, но, при этом, он пользуется права и несет обязанности истца или заявителя; б) вступление прокурора в начатый процесс.

Прокурор имеет право вступить в судебное дело, которое рассматривается по иску другого лица, на любой стадии процесса с целью дачи им заключения по делу для обеспечения законности. В действительности, реализация данных форм связана с рядом сложных вопросов.

Так, основным дискуссионным вопросом является процессуальный статус прокурора в арбитражном процессе. Закон относит его к лицам, участвующим в деле, наделяет правами истца, однако он выполняет все-таки функцию надзора за законностью, в отличие от истца.

Это порождает противоречие, ведь, с одной стороны, он должен быть беспристрастным наблюдателем, а с другой - является активным участником процесса, выступая на одной из сторон.

В науке данное противоречие пытаются разрешить с помощью

---

[2] Назрицкая Т.С. О субъекте прав, защищаемых прокурором в арбитражном процессе // Вопросы государства и права // URL: https://elsu.ru/state_lav/issues/368/articles/4709/ (дата обращения: 10.03.2026).

[3] Федеральный закон от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации» № 2202-1 (с изм. от 29.12.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

разработанной концепции «процессуального истца»[4], одним из сторонников данной концепции является Г.Л. Осокина. Она утверждает, что прокурор «выступает стороной, в процессуальном смысле этого слова, поскольку является активным участником судебного процесса, при это он не является субъектом спорного материального правоотношения, но всё-таки его роль аналогична роли истца». Однако в законодательстве концепция процессуального истца не нашла отражение, что порождает определенные сложности в практике. Иную позицию высказал К.С. Юдельсон. Так, ещё в советский период развития процессуальной науки ученый указывал, что «прокурор не является истцом, также как и не является ответчиком, он занимает особое место, является представителем государства»[5]. М.А. Викут писала о том, что крайне важно соблюдать «чистоту» юридической терминологии, необходимо понимать, что иском является материально-правовое требование лица, имеющего субъективный интерес, который у прокурора отсутствует, прокурор имеет только процессуальную заинтересованность, поэтому отождествление его с истцом неуместно и является неверным[6]. Ряд авторов вообще ставят под сомнение целесообразность участия прокурора в арбитражном процессе. А.Ю. Рожков высказал мнение о том, что функция прокурора является дублирующей, поскольку аналогичную функцию выполняют государственные органы, институт представительства достаточно развит в арбитражном процессе. Поэтому, по мнению автора, функция прокурора по обеспечению законности выглядит избыточной и лишь усложняет и затягивает судебный процесс[7].

---

[4] Алиев Т.Т. Процессуально-правовая роль прокурора в защите публичных интересов в арбитражном суде // URL: https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/(дата обращения: 10.03.2026).

[5] Уставщикова Д.А. Участие прокурора в разрешении судами экономических споров // Молодой ученый // URL: https:// moluch.ru/archive/311/70667 (дата обращения: 10.03.2026).

[6] Проблемы участия прокурора в гражданском процессе // ZAKON RU. URL: https: //zakon.ru/blog/2015/07/26/ (дата обращения: 10.03.2026).

[7] См.: Ёдгоров Д.М, Рахмонкулов С.М. Роль и целесообразность участия прокурора в арбитражном процессе // Молодой ученый // URL: https://www.moluch.ru/archive/542/118526

Между тем, представляется целесообразным реформирование существующих форм и оснований участия прокурора в арбитражном процессе. Так, Е.В. Лисин указывает на серьезный пробел в ч. 5 ст. 52 АПК РФ - законодатель, предусмотрев право вступления прокурора в процесс для дачи им заключения, не определяет процессуальный порядок его реализации[8]. Возникает неопределенность, каким процессуальным документом это должно оформляться, каковы критерии для обязательного участия прокурора. Полагаем рациональным устранение правового пробела в данной области, поскольку суды вынуждены применять аналогию закона (ст. 45 ГПК РФ), что приводит к стиранию межотраслевых границ. Нормативное закрепление обязанности представлять заключение в письменной форме позволит устранить неопределенность и унифицировать данную судебную процедуру в цивилистическом процессе.

Необходимо отметить, что институт участия прокурора в арбитражном процессе находится на стадии развития и совершенствования. Он отражает поиск баланса между принципом невмешательства в частные дела и необходимостью государственного надзора за законностью в экономической сфере. Нельзя не отметить целесообразность повышения роли прокуратуры как инструмента защиты публичных интересов, особенно в сферах, связанных с реализаций государственных средств и имущества.

(дата обращения: 10.03.2026).

[8] См.: Лисин Е.В. Участие прокурора в арбитражном процессе // URL: https:// conf.siblu.ru/uchastie-prokurora-v-arbitrazhnom-processe (дата обращения: 10.03.2026).

Условия заключения мирового соглашения в гражданском процессе: проблемы теории и правоприменительной практики

Дурнова Софья Юрьевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье автором проводится анализ правовой природы мирового соглашения в гражданском судопроизводстве. Особое внимание уделяется материально-правовым и процессуальным условиям, необходимым для его последующего утверждения судом. Исследуются новеллы процессуального законодательства, доктринальные подходы к пониманию пределов свободы волеизъявления сторон.

Ключевые слова: мировое соглашение, гражданский процесс, примирительные процедуры, утверждение мирового соглашения, принцип диспозитивности.

Одним из проявлений принципа диспозитивности в гражданском процессуальном праве выступает институт мирового соглашения. Развитие примирительных процедур имеет особое значение в условиях постоянного увеличения нагрузки на судебную систему. Масштабная реформа, связанная с принятием Федерального закона от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», интегрировала в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ) главу 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение», что, в свою очередь, потребовало нового доктринального осмысления условий и порядка заключения мирового соглашения[1].

Несмотря на нормативную регламентацию процедуры утверждения мирового соглашения, судебная практика демонстрирует наличие коллизий. В подобных ситуациях судебный орган вынужден соблюдать баланс между

[1] Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 166.

императивностью недопущения правовых нарушений и интересов третьих лиц, с одной стороны, и обеспечением автономии волеизъявления сторон — с другой.

В отечественной юридической науке сформировалось несколько теоретических концепций, адресующих нас к проблематике правовой природы мирового соглашения. В рамках материалистической парадигмы, представленной позицией М.А. Рожковой, мировое соглашение квалифицируется как сделка между сторонами, которая заключается сторонами судебного процесса, вступает в действие после утверждения судом и порождает для ее участников гражданско-правовые последствия[2]. Альтернативная концепция ассоциируется с мнением М.К. Треушникова, который определяет данный институт в качестве «соглашения сторон о прекращении судебного спора на определенных условиях, чаще всего на основе взаимных уступок» [3].

Наиболее обоснованной нам кажется смешанная концепция, в рамках которой мировое соглашение рассматривается как сделка, регулирующая материальный спор, но получающая юридическую силу только через процедуру судебного санкционирования. Именно двойственная природа обуславливает разделение условий его заключения на две группы: материально-правовые и процессуальные.

Говоря о материально-правовых условиях заключения мирового соглашения ч. 2 ст. 39 ГПК РФ закрепляет, что суд «не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц»[4].

Условия мирового соглашения должны строго соответствовать императивным нормам материального права. Это означает, что в текст соглашения не допускается включать заведомо невыполнимые обязательства

---

[2] См.: Фиошин А.В. О правовой природе мирового соглашения // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 40.
[3] Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2018. С. 396.
[4] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

или пункты, противоречащие основам правопорядка и нравственности.

Сложным вопросом в данном случае являются пределы диспозитивности. Статья 153.9 ГПК РФ допускает в соглашении условия, которые связаны с заявленными требованиями, но изначально не были предметом судебного разбирательства, правоприменительная практика остается весьма осторожной. Суды часто отказывают в утверждении таких соглашений, опасаясь подмены предмета спора. Представляется, что законное расширение условий допустимо, если оно будет способствовать окончательному разрешению конфликта.

Соблюдение прав и законных интересов третьих лиц является важнейшим предохранительным механизмом. В данном случае под нарушением прав понимается возникновение у лиц обязанностей либо лишение (ограничение) принадлежащих им прав. В свою очередь, суд выступает гарантом того, что частный компромисс сторон не повлечет негативных правовых последствий для лиц, не привлеченных к участию в деле.

Процессуальный порядок заключения мирового соглашения строго регламентирован и охватывает субъектный состав, формальные требования и саму процедуру утверждения.

Правом на заключение мирового соглашения обладают лица, наделенные диспозитивными правами: истец, ответчик, а также третьи лица, заявляющие самостоятельные требования. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, вправе выступать участниками мирового соглашения в случаях, если они приобретают права либо на них возлагаются обязанности по условиям данного соглашения. Сложность в правоприменительной практике вызывает вопрос о полномочиях представителей. В соответствии со ст. 54 ГПК РФ право представителя на заключение мирового соглашения должно быть специально оговорено в доверенности. Отсутствие такой специальной оговорки влечет за собой отказ в утверждении судом мирового соглашения.

В соответствии со ст. 153.9 ГПК РФ, «мировое соглашение заключается в письменной форме и подписывается сторонами или их представителями…»[5].

---

[5] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 15.12.2025) //

Содержание мирового соглашения должно соответствовать критериям определенности и исполнимости. В силу ч. 2 ст. 153.9 ГПК РФ, текст должен содержать четкие сведения об условиях, о размере и о сроках исполнения обязательств друг перед другом или одной стороны перед другой. Законодатель также выделяет вопрос распределения судебных издержек. Если стороны не прописали этот порядок в тексте соглашения, суд, руководствуясь общими правилами, обязан разрешить данный вопрос при утверждении соглашения в общем порядке.

Мировое соглашение требует обязательного санкционирования со стороны государства в лице суда. Статья 153.10 ГПК закрепляет порядок утверждения мирового соглашения. При рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения суд не изменяет и не исключает условий, согласованных сторонами, но вправе предложить исключить те условия, которые противоречат закону или нарушают права и законные интересы других лиц, тем самым осуществляя контрольную функцию и обеспечивая соблюдение публичного порядка и защиту прав участников оборота.

Следует отметить, что развитие института мирового соглашения зависит не только от совершенства действующего законодательства, но и от формирования в судейском сообществе подхода, при котором примирение сторон воспринимается как высший результат отправления правосудия, достигнутый в строгих рамках законности и справедливости. Дальнейшее развитие данного института в эпоху цифровизации правосудия требует переосмысления условий о форме соглашения в пользу развития дистанционных способов фиксации воли участников процесса, а также электронных способов верификации достигнутых договоренностей.

Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Категория «интересы несовершеннолетних» в медиативном разрешении семейных споров, утверждаемых судом

Жаксимбетова Алтынай Ахметовна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье раскрывается комплексность содержания категории «интересы несовершеннолетних», анализируются пределы и направленность применения понятий, в ней содержащихся, к медиативному урегулированию семейных споров. Автор показывает специфику применения данной понятийной категории при медиативном урегулировании семейных споров в различных типах семьи и видах семейных споров. Отдельно автором оговаривается значимость соотнесения интересов несовершеннолетних и объёма их правовой дееспособности для медиативного разрешения семейных споров.

Ключевые слова: законные права и интересы, медиация, семейные споры, учёт интересов несовершеннолетних, процедуры медиативного регулирования, участие несовершеннолетнего в разрешении спора.

При проведении процедур медиативного урегулирования и заключении медиативных соглашений по семейным спорам особое значение приобретает учёт интересов несовершеннолетних лиц в них вовлечённых. Приоритетность обеспечения защиты прав детей в международном праве, законодательстве России и Казахстана предполагает гарантированность соблюдения прав и свобод несовершеннолетних. Государственная социальная политика наших стран предусматривает предпочтительность семейного воспитания детей, сохранение семьи и разрешение семейных споров, конфликтов. Придание обязательности медиативным решениям по семейным спорам посредством их утверждения в суде может создать дополнительные риски для соблюдения интересов несовершеннолетних и сохранения семейных отношений.

Для успешного проведения медиативного урегулирования семейных

споров и заключения позитивных медиативных соглашений необходимо уяснить содержание категории «интересы несовершеннолетних» и определить пределы и направленность её применения в медиативном урегулировании семейных споров. Указанная категория предполагает множество толкований, поскольку включает разных субъектов по возрасту, семейному положению, правовому статусу, материальному положению, состоянию здоровья, уровню образования, культурного и интеллектуального развития. Медиатор при проведении медиативного регулирования и выработке решений должен обращаться ко всем аспектам категории «интересы несовершеннолетних», находя соответствующее их сочетание[1].

Интересы несовершеннолетних могут пониматься с позиций социальной культурологи, культурной антропологии, социальной психологии, социологии, конституционного, гражданского, уголовного и семейного права. Многие термины гуманитарных наук используются для понимания и объяснения разнообразия интересов несовершеннолетних. Такое разнообразие интересов несовершеннолетних определяется двумя особенностями данных лиц: постоянной изменчивостью их индивидуалистических, личностных черт и характеристик, разнообразием форм и направлений деятельности, форм и сфер общения, видов увлечений[2].

Ключевыми понятиями, используемые для понимания и объяснения интересов несовершеннолетних являются: потребности, этапы и институты социализации личности, семейный статус ребёнка, социальная мобильность, права детей, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, юридическая ответственность несовершеннолетних. Предлагаются различные классификации интересов несовершеннолетних, широко применяется деление интересов на законные, базовые, личностные, наилучшие интересы

---

[1] Закон Республики Казахстан от 28.01.2011 № 401-IV «О медиации» // Казахстанская правда. 2011. № 42-43; Шолгина О.И. Интересы ребёнка как объект семейно-правового спора: автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2011. С. 17 - 18.

[2] См.: Бондаренко О.А. Интересы ребёнка как правовая категория // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 1. С. 45-47.

несовершеннолетних.

Медиатору необходимы знания обо всех трактовках категории интересы несовершеннолетних при сохранении преимущественной ориентированности на права и гарантии прав несовершеннолетних, закреплённые в законодательстве. Урегулирование семейных споров проводится посредством разъяснений, пояснений, убеждения сторон в предпочтительности взаимных уступок, компромиссов, в особенности, если они обеспечат реализацию интересов детей. Обращение к разносторонне понимаемым интересам детей позволяет находить убедительную аргументацию для заключения медиативных соглашений[3].

Интересы несовершеннолетних реализуются в семье, при содействии родителей, родственников. Следовательно, в зависимости от типа семьи будет меняться диапазон возможностей реализации интересов детей. Неполная семья, малая семья, большая многопоколенческая семья и большая патриархальная семья, малодетная и многодетная семья, приёмная семья, патронатная семья располагают самым различным объёмом возможностей и условий для удовлетворения интересов своих детей. При проведении медиации семейных споров в каждой из таких семей необходимо внимательно соотносить объёмы должного и возможного, учитывая степень достижения в каждой из таких семей реализации интересов их детей. В медиативных соглашениях по спорам в разных типах семей должна быть содержаться продуманная дифференциация степени удовлетворенности затронутых последствиями заключения таких соглашений интересов детей разного возраста и имеющих разный семейный статус.

Типология семейных споров в решающей степени определяется предметом спора, но любой семейный спор в той или иной степени будет затрагивать интересы детей. Если же предметом спора являются собственно

---

[3] См.: Рабец А.М., Хватова М.А. Медиация в системе способов альтернативного урегулирования семейных споров // Вестник Томского университета. Право, 2022. № 46. С. 189, 190 – 191.

интересы детей, то медиатору обязательно следует добиваться достижения общности понимания интересов детей спорящими сторонами и продумывать допустимую степень вовлечённости и учёта мнения каждого из детей по раздельности и всех их вместе при разрешении спора. Имущественные и неимущественные споры, возникающие при расторжении брака, требуют такого их разрешения, чтобы бывшие супруги, оставаясь родителями и выполняя свои родительские обязанности, стремились в максимально возможной мере сохранить семейные связи и минимизировать негативные последствия развода для интересов детей[4].

Существует единство позиций специалистов по вопросу о наличии прямой зависимости степени вовлечённости несовершеннолетних в разрешение семейных споров и значимости учёта их мнения, понимания своих интересов в зависимости от их дееспособности. Разногласия имеются только по определению минимального возраста такого вовлечения и возрастного рубежа учёта мнения ребёнка. Расширение дееспособности напрямую увязано с увеличением разнообразия законных и личностных интересов несовершеннолетнего лица, которые необходимо учитывать при проведении медиативного урегулирования семейных споров.

Более противоречивым является решение вопроса о возможности самостоятельного участия несовершеннолетнего лица в разрешении семейного спора в качестве стороны медиативного разбирательства. Законом допускается в целях защиты своих интересов подача иска в суд и самостоятельного обращения в орган опеки и попечительства подростком при достижении возраста 14 лет. В тоже время не оговаривается возможность заключения подростком договора о медиации, если он вступает в спор со своими законными представителями. При обязательности участия, психолога, представителя отдела опеки и попечительства в процедурах медиации заключение подобного договора представляется допустимым.

При утверждении в суде медиативных соглашений по разрешению

---

[4] См., например: Шолгина О.И. Указ. соч. С. 24 - 25; Бондаренко О.А. Указ. соч. С. 46 - 47.

семейных споров, затрагивающих интересы детей, предпочтительным нам представляется, чтобы судья сам являлся медиатором по этому спору или привлекал медиатора, имеющего большой позитивный опыт разрешения семейных споров. Стороны спора обязательно должны быть осведомлены о юридических последствиях такого разрешения спора[5].

Медиативное урегулирование семейных споров при наличии несовершеннолетних детей обязательно включает отдельное рассмотрение и обсуждение затрагиваемых в споре интересов детей. Медиатор и стороны медиативного разбирательства должны достичь единства в понимании затронутых в ходе спора интересов детей. Пределы и направленность применения категории интересов несовершеннолетних определяются самим медиатором.

[5] Образец медиативного соглашения для утверждения в суде. Образец ходатайства об утверждении в суде медиативного соглашения // URL: https://garantplus.kz/dokumenty/ (дата обращения: 15.03.2026).

Обеспечение интересов детей на стадии судебного разбирательства по делам о разделе совместно нажитого имущества супругов

Зайцева Анна Сергеевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуются вопросы обеспечения интересов детей на стадии судебного разбирательства по делам о разделе совместно нажитого имущества супругов. Показано, что действующий процессуальный порядок разрешения споров о разделе имущества супругов не в полной мере отвечает задаче обеспечения приоритетной защиты прав несовершеннолетних. Выявленные недостатки как процедурного характера, так и связанные с несовершенством законодательной техники, препятствуют полноценной реализации принципа учёта интересов детей.

Ключевые слова: интересы детей на стадии судебного разбирательства, раздел совместно нажитого имущества супругов, право несовершеннолетнего на присутствие в зале суда, принцип приоритетной защиты интересов ребенка.

Судебное разбирательство представляет собой центральную, основную стадию гражданского процесса, в рамках которой дело разрешается по существу. Именно здесь наиболее полно реализуются все принципы гражданского судопроизводства: состязательность, равноправие сторон, непосредственность и др.

Примечательно изменение правил допуска в зал суда для несовершеннолетних. ГПК РСФСР содержал прямой запрет на присутствие лиц младше 16 лет, не являющихся участниками процесса или свидетелями (ч. 4 ст. 9). Действующий ГПК РФ такой запрет отменил. Сегодня вопрос присутствия несовершеннолетнего ребенка в зале суда при рассмотрении споров о разделе совместно нажитого имущества между супругами решается по усмотрению председательствующего судьи.

Несмотря на то, что право несовершеннолетнего ребенка быть заслушанным в судебном процессе, затрагивающем его интересы (в том числе по вопросам о разделе совместно нажитого имущества между супругами), закреплено как на международном, так и на национальном уровне, и само государство декларирует приоритет защиты детства, реализация этого права на практике вызывает серьезные сомнения[1].

Предоставляя несовершеннолетнему ребенку слово, суд часто сталкивается с тем, что высказываемое мнение является не более, чем проекцией позиции одного из родителей, под влиянием которого находится несовершеннолетний. Возникает закономерный вопрос: обеспечивает ли существующая процедура установление подлинной воли несовершеннолетнего ребенка, или же она создает лишь видимость учета его мнения?

Так, определением Красногвардейского районного суда от 12 декабря 2023 года на основании ст. 37 ГПК РФ к участию в деле был привлечен несовершеннолетний ребенок для выяснения его позиции по поводу исковых требований о признании имущества (жилой дом, земельный участок, автомобиль) общим, о разделе этого имущества с учетом интересов несовершеннолетнего ребенка, а также выяснения вопросов о прекращении семейных отношений между родителями. Как установлено в материалах дела, ответчик к пояснениям своего несовершеннолетнего ребенка относился отрицательно из-за того, что последний проживал с матерью и находился под ее влиянием. Однако, суд частично удовлетворил требования истицы[2].

Центральным и наиболее сложным вопросом при рассмотрении дел о разделе совместно нажитого имущества супругов является определение состава имущества, подлежащего разделу, его действительной стоимости и конкретного способа раздела. Разрешение этого комплекса вопросов напрямую

---

[1] Проблемы участия несовершеннолетних в гражданском процессе // Адвокатская газета. https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemy-uchastiya-nesovershennoletnikh-v-grazhdanskom-protsesse/?ysclid=mlnmvl1 tlx869735759 (дата обращения: 14.02.2026).

[2] Решение Красногвардейского районного суда Оренбургской области от 29.10.2024 по делу № 2-32/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. https://sudact.ru/regular/doc/1SX7m95d5for/ (дата обращения: 14.02.2026).

зависит от правильного установления правового режима того или иного объекта: относится ли он к общей совместной собственности супругов, является ли личной собственностью одного из них, или же вообще принадлежит третьим лицам (например, несовершеннолетним детям). От ответа на этот вопрос зависит, будет ли имущество включено в конкурсную массу для раздела, и если да, то в каких долях и каким образом (путем выделения в натуре, выплаты компенсации или продажи с распределением вырученных средств).

Таким образом, для законного и обоснованного разрешения спора о разделе совместно нажитого имущества суду необходимо установить и оценить совокупность юридически значимых фактов. К ним относятся: точный перечень объектов, входящих в состав общего имущества, включая имущественные права и обязанности; их рыночная стоимость, определяемая с учетом степени износа и состояния рынка на момент прекращения брачных отношений; размер долей каждого из супругов; наличие необходимости и размер денежной компенсации; а также существование обстоятельств, позволяющих суду отступить от принципа равенства долей, в том числе в целях защиты интересов несовершеннолетних детей. В частности, необходимо установить также то имущество, которое будет исключено из раздела в силу его назначения - для нужд несовершеннолетнего ребенка.

Так, в решении Ленинского районного суда г. Оренбурга от 8 октября 2023 года по делу № 2-6489/2023[3] установлено, что стороной истца в раздел имущества была включена двухярусная детская кровать. Исходя из функционального назначения имущества - кровать детская, она была приобретена исключительно для удовлетворения потребностей и интересов несовершеннолетних детей, что является общеизвестным обстоятельством и не нуждается в доказывании (п. 1 ст. 61 ГПК РФ). Поэтому, при определении

---

[3] Решение Ленинского районного суда г. Оренбурга от 08.10.2023 по делу № 2-6489/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. https://sudact.ru/regular/doc/MoPeSpjeR4m4/ (дата обращения: 15.02.2026).

состава общего имущества, подлежащего разделу, суд приходит к выводу об исключении из раздела вышеназванного имущества.

Декларируемый принцип приоритетной защиты интересов ребенка на практике сталкивается с серьезным системным препятствием, заложенным в самой конструкции гражданского процесса по семейным спорам. Процесс построен как состязание двух сторон: родителей, каждая из которых отстаивает собственную позицию в разделе совместно нажитого имущества. При этом закон (п. 1 ст. 64 СК РФ) возлагает на родителей обязанность выступать законными представителями своего ребенка и защищать его интересы. Очевидно, что априорное предположение о полном совпадении интересов несовершеннолетнего ребенка и одного из родителей, на котором часто основывается судебная практика, является юридической фикцией, не соответствующей действительности. Интересы ребенка автономны и не могут быть безоговорочно отождествлены с интересами ни одной из сторон спора[4].

Ст. 64 СК РФ устанавливает важную гарантию: при наличии противоречий между интересами детей и родителей (в том числе при решении вопроса о разделе совместно нажитого имущества супругов) орган опеки и попечительства обязан назначить несовершеннолетнему ребенку отдельного представителя. Однако законодатель не дает легального определения понятию «противоречие интересов», не устанавливает ни его признаков, ни критериев оценки.

Это создает ситуацию правовой неопределенности, при которой орган опеки и попечительства лишен возможности объективно оценить наличие или отсутствие таких противоречий. Как следствие, механизм, призванный обеспечить реальную защиту прав несовершеннолетнего ребенка в конфликтной ситуации, оказывается неработоспособным. Указанный пробел наглядно демонстрирует системное рассогласование между семейным

---

[4] См.: Ахметзянова М. Проблема определения «наилучших интересов ребенка» в российском законодательстве // Евразийский союз ученых. 2018 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-nailuchshih (дата обращения: 14.02.2026).

законодательством, провозглашающим приоритет интересов детей, и гражданским процессуальным правом, которое не содержит действенных процедур для реализации этого принципа. В результате несовершеннолетние участники разрешения дела о разделе совместно нажитого имущества супругов оказываются в наименее защищенном положении.

Следует констатировать, что современный гражданский процессуальный порядок разрешения споров о разделе имущества супругов не в полной мере отвечает задаче обеспечения приоритетной защиты прав несовершеннолетних. Выявленные недостатки как процедурного характера, так и связанные с несовершенством законодательной техники препятствуют полноценной реализации принципа учёта интересов детей.

Особую значимость приобретают взгляды авторов о формировании системы «дружественного правосудия для ребенка». Данная концепция предполагает создание таких условий судопроизводства (гражданского, административного, уголовного), которые гарантируют неукоснительное соблюдение прав ребенка, эффективность их защиты и индивидуальный подход, основанный на учете возрастных и психологических особенностей несовершеннолетнего. Достижение этих целей требует существенного изменения действующего процессуального законодательства и практики его применения[5].

[5] См.: Ефимова Н.Е. Дружественное к ребенку правосудие: содержательные характеристики // ADVANCES IN LAW STUDIES. 2021. № 4 // URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/41841/view (дата обращения: 09.02.2026).

Основания применения мер по обеспечению иска в гражданском процессе

Зарбалиева Шабнам Алиюсиф кызы,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуются основания применения мер по обеспечению иска в гражданском процессе с учетом действующего законодательства РФ (АПК РФ, ГК РФ) и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Анализируются основные критерии принятия обеспечительных мер: связь с предметом спора, соразмерность и обоснованность. Выявлены проблемы правоприменения: формальное толкование судами критерия «обоснованности», отсутствие четких параметров «соразмерности» мер, типичные ошибки сторон при обосновании ходатайств.

Ключевые слова: обеспечение иска, обеспечительные меры, гражданский процесс, арбитражный процесс, соразмерность обеспечительных мер, обоснованность ходатайства, исполнение судебного решения.

Меры по обеспечению иска представляют собой важный процессуальный инструмент, позволяющий защитить права и законные интересы истца и гарантировать исполнение будущего судебного решения. Как отмечают Е.И. Китаева и Е.В. Решетникова, обеспечение иска призвано «минимизировать риски неисполнения судебного акта»[1]. А.А. Маврина подчеркивает его превентивный характер.

Меры действуют до вступления решения в законную силу и призваны обеспечить возможность исполнения окончательного решения суда[2]. Нормативно-правовую основу регулирования обеспечительных мер составляют Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ) от 24 июля 2002 года №

---

[1] Китаева Е.И. Основания обеспечения иска / Е.И. Китаева, Е.В. Решетникова. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2025. № 46 (597). С. 362.
[2] См.: Маврина А.А. Обеспечительные меры в гражданском процессе / А.А. Маврина // Юридический факт. 2023. № 203. С. 10.

95-ФЗ[3], закрепляющий общие правила принятия обеспечительных мер в арбитражном процессе (гл. 8), Гражданский кодекс РФ (ГК РФ, часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ[4], устанавливающий гражданско-правовые основания возникновения обязательств и ответственности, которые могут служить предпосылками для обеспечения иска, а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 года № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты»[5] (далее по тексту - Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 года № 15), разъясняющее практику применения норм об обеспечении иска и уточняющее критерии допустимости таких мер. Согласно ст. 139 АПК РФ и сложившейся судебной практике, суд вправе принять меры по обеспечению иска, если их непринятие может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта (в т. ч. из-за действий ответчика), имеется реальная угроза причинения значительного ущерба заявителю, а требуемая мера соразмерна заявленному требованию и связана с предметом спора. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 года № 15 конкретизирует эти условия.

Связь меры с предметом требования (обеспечительная мера должна непосредственно относиться к сути спора), соразмерность (запрет на совершение каких-либо действий или арест активов не должен приводить к необоснованному ущемлению прав ответчика) и обоснованность (заявитель обязан представить доказательства наличия риска неисполнения решения, причинения ущерба или иных существенных обстоятельств). Интересен опыт зарубежных правопорядков в регулировании обеспечительных мер. Например, в английском гражданском процессе действует институт interim injunctions

---

[3] Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[4] Гражданский кодекс РФ (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // URL: https://rg.ru/documents/2023/06/07/postanovlenie-vs15-site (дата обращения: 04.03.2026).

(временных судебных запретов), где суд оценивает не только риск неисполнения решения, но и баланс вероятных неудобств для сторон (balance of convenience). В германском праве (§ 916–945 ZPO) детально регламентированы виды обеспечительных мер и критерии их соразмерности, что снижает долю судебного усмотрения[6]. Адаптация подобных подходов в российской практике могла бы повысить предсказуемость решений и защитить интересы обеих сторон. М.В. Вагузова обращает внимание на необходимость «четкой аргументации со стороны истца» при заявлении ходатайства об обеспечении: суд оценивает не только формальное соответствие условиям закона, но и фактическую необходимость меры[7].

Позиция авторов заключается в том, что суды нередко толкуют критерий «обоснованности» слишком формально, требуя от истца полного комплекта доказательств еще на стадии подачи ходатайства. Это противоречит сути обеспечительных мер как ускоренного средства защиты. По нашему мнению, достаточно представить косвенные доказательства недобросовестности ответчика (например, сведения о предыдущих случаях уклонения от исполнения обязательств), данные о высокой ликвидности спорного имущества (если речь идет об аресте) и документы, подтверждающие намерение ответчика вывести активы (выписки по счетам, договоры купли-продажи). Отдельного внимания заслуживает проблема злоупотребления обеспечительными мерами как инструмента давления на бизнес. В ряде случаев истцы используют арест активов не для защиты прав, а для блокирования деятельности конкурента или принуждения к внесудебному урегулированию. Например, по иску на 1 млн. руб. может быть арестован счет с оборотом 100 млн. руб., что парализует работу компании. Для противодействия таким ситуациям предлагаем ввести в разъяснения Верховного Суда РФ критерии оценки «добросовестности»

---

[6] Гражданское процессуальное уложение Германии = Deutsche Zivilprozessordnung mit Einfuehrungsgesetz: Ввод. закон к Гражд. процессуальному уложению: пер. с нем. / В. Бергманн/ Wolters Kluwer Russia. 2006. С. 116.

[7] См.: Вагузова М.В. Современные проблемы определения понятия и сущности института обеспечения иска в гражданском процессе/ М.В. Вагузова // Вестник науки. 2023. № 10 (67). Т 1. С. 137.

ходатайства (отсутствие признаков корпоративного конфликта, связи сторон и т. д.), предусмотреть ускоренный порядок рассмотрения жалоб на несоразмерные меры (в течение 5 дней) и закрепить обязанность истца возместить убытки, если мера была признана необоснованной.

К обеспечительным мерам, предусмотренным АПК РФ (ст. 91)[8] и применяемым в гражданском процессе, относятся: наложение ареста на имущество или денежные средства, принадлежащие ответчику, запрещение ответчику совершать определенные действия, возложение на ответчика обязанности совершить конкретные действия для предотвращения порчи или ухудшения состояния спорного имущества, передача спорного имущества на хранение истцу или третьему лицу, приостановление реализации имущества (при оспаривании исполнительного производства) и иные меры, соответствующие целям обеспечения иска[9].

Я.Я. Кайль отмечает, что «выбор конкретной меры зависит от характера исковых требований и обстоятельств дела»[10]. Н.Ю. Комлев, Я.С. Бякин подчеркивают: «эффективность обеспечения напрямую связана с оперативностью его применения»[11].

При рассмотрении заявления об обеспечении иска суд проверяет наличие связи меры с предметом спора, соразмерность и баланс интересов сторон (меры не должны создавать необоснованного ущерба или парализовать деятельность ответчика) и достоверность представленных доказательств.

М.М. Булатских, Д.В. Шумских указывают, что «недостаточная доказательственная база - основная причина отказов в принятии

---

[8] Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[9] Обеспечительные меры в РФ: ВС РФ (2023-2025). [Электронный ресурс] // URL: https://referatbooks.ru/kursovaya-rabota/obespechenie-iska-3/?ysclid=mmbldrgb1j827829809 (дата обращения: 04.03.2026).

[10] Кайль Я.Я. Гражданский процесс: учебник / Я.Я. Кайль. - Москва: КноРус, 2025. С. 163.

[11] Комлев Н.Ю., Бякин Я.С. Актуальные вопросы обеспечения иска в гражданском процессе // Н.Ю. Комлев, Я.С. Бякин // Ученые записки Казанского юридического института МВД РФ. 2021. № 1 (11). Т. 6. С. 58.

обеспечительных мер»[12]. С.М. Плешаков отмечает важность «соблюдения принципа разумности и недопущения злоупотребления правом» при обращении за обеспечением[13].

В качестве примера проблемы баланса интересов сторон можно привести определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2025 года № 88-5635/2025[14]. В этом деле суд удовлетворил заявление истца (ООО «Кайлас-Р») о принятии обеспечительных мер в виде ареста расчетных счетов и вкладов ответчиков в банках, запрета на регистрационные действия с недвижимым имуществом, принадлежащим ответчикам, а также запрета на регистрационные действия с движимым имуществом, в том числе с 11 автомобилями, зарегистрированными в органах ГИБДД. Суд счел эти меры разумными, поскольку ООО «Технология климата» являлось лизингополучателем спорных транспортных средств и их владельцем на вещном праве. Непринятие таких мер могло затруднить исполнение решения суда в случае удовлетворения исковых требований, в связи с потенциальным переходом права собственности на имущество к другим лицам. При принятии решения суд руководствовался постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 года № 15, учитывая, что обеспечительные меры являются ускоренным и предварительным средством защиты[15].

По нашему мнению, одной из основных проблем является отсутствие четких критериев «соразмерности» обеспечительной меры. На практике это приводит к двум крайностям: чрезмерно жестким мерам (например, аресту всех

---

[12] Булатских М.М. Проблемы применения обеспечительных мер в гражданском процессе / М.М. Булатских, Д.В. Шумских // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10–3. С. 36.

[13] Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Всерос. гос. ун-та юстиции (РПА Минюста России) (г. Казань, 20 марта 2020 г.) / С.М. Плешаков // Казань: ЮрЭксПрактик, 2020. С. 189.

[14] Определение 1 КСОЮ от 14.03.2025 № 88-5635/2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=206180 (дата обращения: 04.03.2026).

[15] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // URL: https://rg.ru/documents/2023/06/07/postanovlenie-vs15-site-dok.html?ysclid (дата обращения: 04.03.2026).

счетов компании по иску на небольшую сумму), парализующим хозяйственную деятельность, и излишне мягким мерам (запрету на продажу одного актива при наличии у ответчика других ликвидных активов), не гарантирующим исполнение решения. Для внедрения методики расчета соразмерности предлагаем использовать коэффициент соотношения суммы иска и стоимости арестованного имущества. Базовый коэффициент - 1:1 (арест активов на сумму, равную исковым требованиям). При наличии рисков вывода активов суд вправе увеличить коэффициент до 1,5:1, обосновав это в определении. Для неимущественных споров (например, о запрете действий) соразмерность оценивается через потенциальный ущерб от меры для ответчика и выгоду для истца, с учетом специфики деятельности (сезонность, договорные обязательства и т. д.). Подтверждением проблемы чрезмерной жесткости мер служит практика, когда суды изначально избирают максимально строгие меры без учета специфики хозяйственной деятельности ответчика. В противовес этому показательно постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 26 декабря 2025 года по делу № А12-15353/2025[16], где суд удовлетворил ходатайство ответчика о замене ареста денежных средств на арест производственного оборудования и товарно-материальных ценностей. Рыночная стоимость имущества превышала размер задолженности более чем в два раза, а основная цель обеспечительных мер - гарантии исполнения судебного акта - была достигнута. Это решение наглядно демонстрирует, что даже при наличии у ответчика другого ликвидного имущества суд может изначально избрать меру, не учитывающую специфику хозяйственной деятельности.

Для решения этой проблемы авторы предлагают закрепить в разъяснениях Верховного Суда РФ методику расчета соразмерности с учетом специфики спора (имущественный/неимущественный), ввести обязательное

---

[16] Постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 26.12.2025 по делу №А12-15353/2025. [Электронный ресурс] // URL: https://e.arbitr-praktika.ru/1172835 (дата обращения: 04.03.2026).

обоснование судом размера арестованных активов в определении об обеспечении, а также предусмотреть возможность поэтапного применения мер: сначала менее жестких, а в случае их неэффективности - более строгих.

Истцам при подаче ходатайства об обеспечении иска рекомендуется приложить выписки по счетам ответчика или данные о рыночной стоимости имущества (для обоснования суммы ареста), указать на конкретные действия ответчика, свидетельствующие о риске отчуждения активов (например, недавние сделки по выводу средств), предложить суду поэтапный вариант меры (например, сначала запрет на отчуждение без ареста, затем - частичный арест счетов) и сослаться на судебную практику по аналогичным спорам (в т. ч. на постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 26 декабря 2025 года № А12-15353/25), демонстрирующую баланс интересов[17]. Процессуальный порядок предусматривает подачу заявления об обеспечении иска в суд, рассматривающий дело, которое рассматривается без извещения сторон (в экстренных случаях - в день поступления). Суд выносит определение, которое приводится в исполнение немедленно. Ответчик вправе обжаловать это определение, а также ходатайствовать о замене меры или ее отмене. М.Ю. Лебедев акцентирует внимание на том, что «обеспечение иска не предрешает исхода дела, а лишь создает условия для его справедливого разрешения»[18]. Перспективным направлением совершенствования института обеспечения иска является внедрение цифровых инструментов. Автоматизированный расчет соразмерности мер через интеграцию с базами данных ФНС и Росреестра позволит оперативно получать сведения о стоимости активов и их ликвидности. Онлайн-мониторинг арестованного имущества (для движимых активов - через систему ГЛОНАСС или RFID-метки) обеспечит контроль за сохранностью и исключит возможность незаконного отчуждения. Электронные уведомления

---

[17] Постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 26.12.2025 по делу № А12-15353/2025. [Электронный ресурс] // URL: https: //e.arbitr-praktika.ru/1172835 (дата обращения: 04.03.2026).

[18] Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов / М.Ю. Лебедев. - 15-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2026. С. 153.

сторон о подаче ходатайств об обеспечении и вынесении определений повысят прозрачность процедуры и сократят сроки реагирования. Создание единой онлайн-платформы для подачи заявлений об обеспечении иска с автоматизированной проверкой соответствия критериям (связь с предметом спора, соразмерность и т. д.) снизит нагрузку на аппарат суда и ускорит рассмотрение ходатайств. Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд существенных выводов. Действующее регулирование обеспечительных мер нуждается в более детальной проработке критериев их применения - таких как обоснованность, соразмерность и связь с предметом спора. Судам целесообразно применять дифференцированный подход к оценке доказательств на стадии обеспечения иска, принимая во внимание ускоренный характер данной процедуры. Реализация предложенных мер не только снизит количество споров о соразмерности мер, но и окажет положительное влияние на инвестиционный климат. Предсказуемость судебной практики в вопросах обеспечения иска повысит доверие бизнеса к институту правосудия, сократит издержки на досудебное урегулирование и минимизирует риски злоупотреблений. Это особенно актуально в условиях роста экономических споров, связанных с санкционным давлением и реструктуризацией активов.

Внедрение поэтапного механизма применения обеспечительных мер способно существенно повысить их эффективность и одновременно снизить излишнюю нагрузку на бизнес. При этом разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 года № 15 уже заложили прочную основу для формирования единообразной судебной практики, однако требуют дальнейшего развития с учетом выявленных проблем - в частности, необходимости четкого алгоритма расчета соразмерности мер, что наглядно продемонстрировано в определении 1 КСОЮ от 14 марта 2025 года по делу № А12-88-5635/2025.

Таким образом, основания применения мер по обеспечению иска базируются на нормах АПК РФ, ГК РФ и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Ключевыми критериями являются связь меры с предметом спора, ее

соразмерность и обоснованность, а также наличие реальной угрозы неисполнения будущего решения. Грамотное обоснование ходатайства и выбор адекватной меры позволяют эффективно защитить интересы истца и обеспечить исполнимость судебного акта. В перспективе видится целесообразным дополнить АПК РФ положениями о цифровизации процедур, связанных с обеспечением иска (электронные реестры арестованного имущества, онлайн-отслеживание исполнения определений), разработать методические рекомендации Верховного Суда РФ для судов по оценке доказательств при рассмотрении ходатайств об обеспечении (с выделением типичных ситуаций и шаблонов решений), а также провести мониторинг правоприменительной практики через 1–2 года после внесения изменений, чтобы оценить их эффективность и при необходимости скорректировать подходы.

Результаты исследования подтверждают актуальность настоящей темы в условиях роста числа споров, требующих оперативного применения обеспечительных мер для защиты имущественных прав, и демонстрируют необходимость дальнейшего совершенствования процессуального регулирования в данной сфере. Перспективным видится развитие института встречного обеспечения. Четкое закрепление его условий и размеров в законе позволит уравновесить интересы сторон - защитить истца от неисполнения решения и одновременно оградить ответчика от необоснованных ограничений. Дальнейшая модернизация института обеспечительных мер должна идти по пути баланса между защитой прав истца и недопущением необоснованного давления на ответчика, с опорой на четкие процессуальные критерии и современные технологические решения. Это позволит повысить эффективность правосудия и укрепить доверие участников гражданского оборота к судебной системе в целом.

Основания возникновения алиментных обязательств между родителями и детьми

Карпович Екатерина Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются основания возникновения алиментных обязательств, характерных для классической модели взаимоотношений между родителями и детьми. Анализируются способы возникновения алиментных обязательств в добровольном и принудительном порядке. Уделяется особое внимание особенностям взыскания алиментов в судебном порядке. Проводится анализ современного российского законодательства в части защиты права на достойное существование несовершеннолетних детей и нуждающихся родителей.

Ключевые слова: алиментные обязательства, соглашение об уплате алиментов, взыскание, содержание иждивенцев, взыскатель, должник, судебный приказ на взыскание алиментов.

Алиментные обязательства представляют собой обязанность выплаты денежных средств на содержание одним членом семьи в пользу другого в установленных законом случаях[1]. При этом данные обязательства носят личный характер, обладают признаками безвозмездности и, как правило, носят длящийся характер взаимоотношений.

Основаниями возникновения алиментных обязательств родителей по отношению к своим несовершеннолетним детям является соглашение сторон об уплате алиментов или решение суда, а также несовершеннолетний возраст ребенка и наличие родственной связи между родителями и детьми.

Соглашение об уплате алиментов — это добровольный способ взыскания алиментов. Соглашение является документом, который заключен в письменной

[1] Семейное право: учебник / О.Ю. Косова. – Изд. 2-е перераб. и доп. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. С. 330.

форме, подписан обоими родителями и удостоверен нотариусом[2]. Нотариальное соглашение родителей об уплате алиментов имеет силу исполнительного листа, при этом закрепляет обязанность плательщика алиментов по уплате денежных средств на содержание ребенка в установленном размере и в установленные сроки. При неисполнении соглашения об уплате алиментов плательщиком, получатель имеет право обратиться к судебным приставам-исполнителям для принудительного исполнения соглашения.

Взыскание алиментов по решению суда — это принудительный способ взыскания алиментов, который закреплен в ст. 80 Семейного кодекса РФ. В п. 1 ст. 81 Семейного кодекса РФ закрепляется, что алименты на содержание ребенка в судебном порядке взыскиваются в следующем размере: на одного ребенка - одной четверти от заработка, на двух детей - одной трети от заработка, на трех и более детей - половины заработка и (или) иного дохода родителя.

При отсутствии соглашения об уплате алиментов, родитель имеет право обратиться в суд для взыскания алиментов на несовершеннолетнего ребенка. Если нет препятствий для взыскания алиментов и родитель не намерен взыскивать алименты в твердой денежной сумме, будущему получателю алиментов необходимо обратиться в мировой суд за вынесением судебного приказа об уплате алиментов.

По общим правилам, закрепленным в ст. 28 Гражданского процессуального кодекса РФ, исковое заявление о взыскании алиментов на содержание ребенка подается по месту жительства ответчика. При подаче подобных исковых заявлений также действуют правила альтернативной подсудности, что закрепляется в ст. 29 Гражданского процессуального кодекса РФ, при которых иски о взыскании алиментов могут быть поданы по месту жительства истца. Правила альтернативной подсудности применяются для того, чтобы обеспечить доступность правосудия для лица, которое в интересах

---

[2] Алиментные обязательства в семейном праве: монография / А.А. Максуров. - Москва: РУСАЙНС, 2025. С. 59-60.

несовершеннолетних иждивенцев обращается в суд за защитой их прав. Кроме того, наличие возможности подачи искового заявления по месту жительства истца, позволяет снизить финансовые затраты и уменьшить количество затраченного времени на участие в судебном разбирательстве.

Если родитель хочет обратиться в суд за вынесением судебного приказа, он должен учесть следующие обстоятельства: факт отцовства подтвержден и его установление в судебном порядке не требуется, отсутствуют иные требования к ответчику, ответчик не является плательщиком алиментов на другого ребенка. При отсутствии указанных обстоятельств, судом будет вынесен судебный приказ на взыскание алиментов.

Ответчик имеет право в десятидневный срок после вынесения судебного приказа направить в суд возражения относительно его исполнения. Если возражения ответчика получены судом в установленный законом срок или срок на подачу возражений восстановлен судом при наличии уважительных причин, судебный приказ отменяется.

Согласно п. 3 ст. 129 Гражданского процессуального кодекса РФ при отмене судебного приказа о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей и удовлетворения требований взыскателя в порядке искового производства такие требования удовлетворяются за период, в течение которого алименты подлежали взысканию согласно судебному приказу. При этом за период, предшествующий подаче заявления о вынесении судебного приказа, алименты могут быть присуждены в соответствии с п. 2 ст. 107 Семейного кодекса РФ, то есть в пределах трехлетнего срока с момента обращения в суд.

Из этого следует, что при наличии возражений должника относительно исполнения судебного приказа, заявителю следует обратиться в районный суд за взысканием алиментов в исковом порядке. При этом требования истца будут удовлетворены за период, когда они подлежали взысканию согласно судебному приказу.

Вопросы о взыскании алиментов в твердой денежной сумме, или одновременно в твердой денежной сумме и в долях от дохода должника, а также требования о взыскании алиментов за прошедший период,

предшествующий подаче искового заявления в суд, рассматриваются исключительно районным судом, который при данных обстоятельствах выступает судом первой инстанции.

Согласно ст. 83 Семейного кодекса РФ при условии, что родитель, который обязан уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок, если у него отсутствует заработок и иной доход, а также, если взыскание алиментов в долях от дохода невозможно, суд может назначить размер алиментов в твердой денежной сумме.

Законодательством не определен размер твердой денежной суммы, которая может быть взыскана в счет алиментных обязательств. Устанавливается, что размер твердой денежной суммы определяется судом с учетом материального положения сторон, при этом оценивается величина прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения[3]. Суд устанавливает сумму денежных средств, которая необходима для максимального сохранения прежнего уровня материального обеспечения ребенка.

Кроме того, при обращении в районный суд за взысканием алиментов, истцом может быть заявлено требование о взыскании алиментов за прошедший период в пределах трех лет до обращения в суд с исковым заявлением. В подобном случае судом будут назначены алименты, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что истцом предпринимались меры для получения денежных средств на содержание детей, но ответчик уклонялся от их уплаты.

В качестве доказательств, которые могут быть оценены судом для принятия правомерного решения, исследуются действия истца в трехлетний период до подачи искового заявления. Суд производит анализ того, обращался ли истец к ответчику с требованием об уплате алиментов, и подтверждается ли это письмами, телеграммами, звонками, иными способами. Кроме того,

---

[3] См.: Ибрагимова Н.Ш. Особенности правового регулирования института алиментных обязательств в семейном праве Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2013. С. 125-131.

анализируется то, обращался ли истец к мировому судье для выдачи судебного приказа, который в последующем мог быть отменен судом, при наличии возражений должника. Уклонение ответчика от уплаты денежных средств на обеспечение детей также требуется доказать. Указанные обстоятельства могут быть подтверждены фактом сокрытия ответчиком дохода или имущества, а также фактом неисполнения обязательств по соглашению.

По результатам рассмотрения заявления о взыскании алиментов, судом выносится решение, где обязательно отражается размер алиментов и дата, с которой алименты взыскиваются с должника. Согласно ст. 211 Гражданского процессуального кодекса РФ решение суда о взыскании алиментов подлежит немедленному исполнению. Судебный приказ и исполнительный лист, выданный районным судом, имеют одинаковую юридическую силу и отличаются только способом получения.

После вынесения судебного решения о взыскании алиментов, истцу выдается исполнительный лист, который он может предъявить в службу судебных приставов, в банк или по месту работы для дальнейшего взыскания с родителя-должника. Удержание алиментов производится с заработной платы, а также с надбавок, премий, вознаграждений и иных выплат, которые предусмотрены системой оплаты труда организации, где трудоустроен плательщик алиментов. К иным видам дохода относится пенсия, стипендия, пособие по безработице или временной нетрудоспособности, проценты по вкладам и доходы от реализации товаров и услуг.

Основания прекращения алиментных обязательств урегулированы в ст. 120 Семейного кодекса РФ. Если между родителями было заключено соглашение об уплате алиментов, оно прекращает свое действие при смерти одной из сторон или при истечении срока действия указанного соглашения. При наличии судебного решения о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетнего ребенка, выплата алиментов прекращается при достижении ребенком возраста совершеннолетия (18 лет), так как с указанного возраста ребенок приобретает полную дееспособность. Если несовершеннолетний ребенок приобрел полную дееспособность в случае

эмансипации или в случае вступления в брак, алиментные обязательства на его содержание также прекращаются.

Из указанного правила есть исключение, которое закрепляется в ст. 85 Семейного кодекса РФ, где отражено, что родители обязаны содержать своего совершеннолетнего ребенка, если он является нетрудоспособным и нуждается в помощи[4]. При наличии обстоятельств, которые способствуют прекращению алиментных обязательств, прекращается также и взыскание алиментов с должника в принудительном порядке, то есть прекращается исполнительное производство и удержание денежных средств с дохода должника.

Обязанность родителя выплачивать алименты в пользу своего несовершеннолетнего ребенка является самой распространенной моделью алиментных отношений, но законодательство закрепляет право родителя взыскать алименты на свое содержание с совершеннолетнего ребенка.

В п. 1 ст. 87 Семейного кодекса РФ закреплено, что трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них. Родитель вправе требовать алименты с ребенка только при условии, что его ребенок является совершеннолетним, трудоспособным, не достиг пенсионного возраста и обладает достаточным доходом для оказания материальной поддержки родителю в виде алиментов. При этом, сам родитель должен обладать такими признаками, как наличие пенсионного возраста, наличие инвалидности или нетрудоспособности, а также недостаточность дохода родителя для обеспечения собственной жизнедеятельности.

В данном случае алиментные обязательства возникают аналогично, как у родителей в отношении своих несовершеннолетних детей, то есть в добровольном порядке, при условии заключения нотариального соглашения об уплате алиментов, и в принудительном порядке, то есть с участием суда.

При наличии соглашения об уплате алиментов между совершеннолетним ребенком и родителем, стороны самостоятельно устанавливают условия

---

[4] См.: Григорьева Н.В. Алиментные обязательства: основные виды и их особенности // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 72.

данного соглашения, а также сроки и размер алиментов. Если сторонами не достигнуто соглашение, родитель может обратиться в суд для взыскания алиментов на свое содержание с совершеннолетнего ребенка в принудительном порядке. Стоит отметить, что алименты на содержание родителя могут быть взысканы только в твердой денежной сумме, ввиду этого подобные споры рассматриваются только районным судом, который выносит решение о взыскании алиментов.

Размер алиментных обязательств часто устанавливается кратным размеру прожиточного минимума в том регионе, в котором проживает родитель. На усмотрение суда, размер алиментов может быть установлен меньше размера прожиточного минимума, только в сумме, покрывающей обязательные расходы родителя, которые он не способен покрывать самостоятельно из своих доходов.

Кроме того, судом исследуются обстоятельства наличия у родителя других совершеннолетних детей, наличия у совершеннолетних детей их собственных иждивенцев, которых они обязаны содержать. Данные обстоятельства могут существенно повлиять на размер алиментных обязательств, который будет взыскан с ребенка в пользу родителя. Согласно п. 5 ст. 87 Семейного кодекса РФ дети могут быть освобождены от обязанности по содержанию своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, если судом будет установлено, что родители уклонялись от выполнения обязанностей родителей.

При рассмотрении подобных споров, судом устанавливается факт участия родителя в жизни и воспитании ребенка и факт осуществления родителем материальной поддержки ребенка. Лишение родителей родительских прав и уклонение от своих родительских обязанностей является основанием для отказа судом в удовлетворении требования родителя о взыскании алиментов с ребенка. Данные обстоятельства подтверждаются показаниями родственников и знакомых родителя, которые могли наблюдать нежелание родителя учувствовать в материальной поддержке ребенка или отсутствие родителя в жизни детей[5].

---

[5] См.: Пчелинцева Л.М. Семейное право России: Учебник.— 3-е изд., перераб. и доп. — М.:

Судом исследуется правомерность получения алиментов родителями от несовершеннолетних детей, производится анализ доходов и документов, которые являются подтверждением трат на питание, лекарства, жилье, а также выясняются причины невозможности обеспечения родителями себя самостоятельно. Если будет доказано, что родитель находится в тяжелом материальном положении, ввиду своего асоциального поведения (азартные игры, алкогольная или наркотическая зависимость), суд вынесет решение об отказе в назначении алиментных обязательств в пользу родителя.

Согласно ст. 120 Семейного кодекса РФ алиментные обязательства ребенка с пользу своего родителя могут быть прекращены при условии признания судом восстановления трудоспособности или прекращения нуждаемости родителя. Также указанные обязательства прекращаются при смерти одной из сторон, получателя алиментов или плательщика алиментов.

Прекращение нуждаемости родителя в алиментах может быть вызвана увеличением его личного дохода, активов, имущества или прибыли. Если совершеннолетний ребенок посчитает, что родитель самостоятельно способен удовлетворять свои потребности из личных средств, он может обратиться в суд с заявлением об освобождении от уплаты алиментных обязательств. В указанном случае, суд проведет оценку материального положения родителя и фактических расходов на его жизнедеятельность, чтобы в последующем принять решение о прекращении его нуждаемости в алиментах.

Исходя из изложенного, современное российское законодательство предусматривает добровольный и принудительный способы взыскания алиментных обязательств. Обязанностью родителей является забота о своих детях и содержание своих несовершеннолетних детей, гарантом чего выступают алименты. При этом, родители также имеют право взыскать алименты со своих совершеннолетних детей, если не способны самостоятельно обеспечить необходимые личные нужды. При отсутствии соглашения сторон, вопрос о взыскании алиментов решается в судебном порядке, что гарантирует защиту прав нуждающихся иждивенцев и обеспечивает им достойное

Норма, 2004. С. 389-390.

существование.

Особенности доказывания изменения материального положения сторон при рассмотрении судами исков о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей (на примере судебной практики Оренбургской области)

Колбасина Полина Владимировна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются особенности доказывания изменения материального положения сторон при рассмотрении судами исков о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей (на примере судебной практики Оренбургской области). Отмечается, что изменение материального положения родителей само по себе не может ограничивать право ребенка на необходимое и достойное содержание и не является безусловным основанием для снижения размера алиментов.

Ключевые слова: изменение материального положения сторон, взыскание алиментов на несовершеннолетних детей, иск о взыскании алиментов, снижение размера алиментов.

В соответствии со ст. 80 Семейного кодекса РФ (далее - СК РФ) родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. Порядок и формы содержания определяются родителями самостоятельно. В предусмотренном законом случае возможно заключение соглашения о содержании несовершеннолетних детей. В случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, его взыскание осуществляется в судебном порядке.

Из положений ст. 119 СК РФ следует, что, если после установления в судебном порядке размера алиментов изменилось материальное или семейное положение одной из сторон, суд вправе по требованию любой из сторон изменить установленный размер алиментов или освободить лицо, обязанное уплачивать алименты, от их уплаты. При изменении размера алиментов или

освобождении от их уплаты суд вправе учесть также иной заслуживающий внимания интерес сторон.

Юридически значимыми обстоятельствами при рассмотрении вопроса об изменении размера алиментов являются: отсутствие соглашения между родителями об уплате алиментов, установление ранее размера алиментов в судебном порядке, изменение материального или семейного положения одной из сторон, иной заслуживающий внимание интерес сторон. К фактам иного заслуживающего внимания интереса сторон в соответствии с Обзором[1] судебной практики можно отнести, например, наличие заболеваемости или инвалидности, которые препятствуют продолжению работы; трудоустройство несовершеннолетнего на работу. Таким образом, данные факты могут быть включены в предмет доказывания по рассматриваемой категории споров.

В соответствии с п. 57 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»[2] при рассмотрении вопроса о снижении размера алиментов необходимо учитывать, что изменение материального или семейного положения родителя не является безусловным основанием для удовлетворения иска, поскольку необходимо установить причинно-следственную связь между изменением материального или семейного положения и невозможностью уплаты алиментов в прежнем размере.

Таким образом, из системного толкования норм СК РФ и разъяснений Верховного суда Российской Федерации следует, что требования родителя об изменении размера алиментов могут быть удовлетворены в случае

---

[1] Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей от 13.05.2015 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179609/ (дата обращения 15.03.2026).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321 (дата обращения: 15.03.2026).

установления судом обстоятельств, свидетельствующих о том, что материальное положение должника изменилось настолько, что обязанное лицо не имеет возможности предоставлять несовершеннолетнему ребенку содержание в прежнем размере.

Одним из факторов, с которым истец зачастую связывает свое требование об уменьшении размера алиментов, является рождение детей от другого брака. Например, по одному из дел судебного участка мирового судьи Промышленного района г. Оренбурга[3] истец обратился в суд с исковым заявлением к ответчику (бывшей супруге) об уменьшении размера требований. В обоснование требований истец указал, что в настоящее время его материальное положение изменилось и выплачивать алименты в прежнем размере он не имеет возможности. Причинами невозможности уплаты истец указал: рождение двоих детей от другого брака, безработица истца, аренда жилья в г. Москве. Мировой судья с учетом интересов несовершеннолетнего ребенка от первого брака пришел к выводу, что безусловные основания для снижения размера алиментов отсутствуют. Истец не представил доказательства невозможности полноценно работать и обеспечивать прежний уровень содержания ребенка от первого брака. Следовательно, представленные документы не позволили суду установить изменение материального положения истца в настоящее время. В удовлетворении исковых требований истцу отказано, поскольку само по себе взыскание алиментов на детей от второго брака не является доказательством изменения материального положения.

В судебной практике встречаются случаи, когда суды необоснованно удовлетворяли полностью или частично требования истца об уменьшении размера алиментов. Например, в районном суде Оренбургской области рассматривалось дело[4], в котором истец от первого брака имеет двоих

---

[3] Официальный сайт Судебного участка № 12 мирового судьи Промышленного района Оренбурга // URL: https://prom12.kodms.ru/press/izmenenie-razmera-alimentov (дата обращения: 15.03.2026).

[4] Официальный сайт Оренбургского областного суда // URL: https://vk.com/orb.obl.sudrf (дата обращения: 15.03.2026).

несовершеннолетних детей, на содержание которых удерживаются алименты в размере 1/3 доли всех видов заработка. В настоящее время он состоит в новом браке, в котором также уплачивает алименты по 1/6 доли всех видов заработка на каждого ребенка. Истец, ссылаясь на затруднительное материальное положение, просил суд изменить размер алиментов до 1/8 доли всех видов заработка на каждого ребенка. Районный суд исковые требования истца удовлетворил частично, размер алиментов на содержание детей от второго брака был снижен до 1/8 доли на каждого.

Судебная коллегия по гражданским делам Оренбургского областного суда не согласилась с выводами суда первой инстанции, отменив решение, вынесла новое решение об отказе в удовлетворении иска. Суд апелляционной инстанции справедливо указал, что вступление в новый брак, рождение детей не являются безусловным основанием для изменения размера алиментов, поскольку это противоречит интересам несовершеннолетних детей.

Исходя из анализа судебной практики при рассмотрении вопроса об изменении размера алиментов, устанавливается приоритет интересов несовершеннолетнего ребенка, имеющего право на получение материального обеспечения, перед интересами его отца и матери. Судьи правильно указывают на то, что изменение материального положения родителей само по себе не может ограничивать право ребенка на необходимое и достойное содержание и не является безусловным основанием для снижения размера алиментов. При этом сохранение прежнего размера алиментов не свидетельствует об ущемлении прав другого ребенка на его содержание либо о нарушении прав лиц, уплачивающих алименты в прежнем размере.

Общее и специальное правило распределения обязанности доказывания по делам о защите авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет

Кудашова Софья Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуется распределение обязанности доказывания по делам о защите авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Автор полагает, что в делах о защите авторских прав в сети Интернет действует модель распределения обязанности доказывания. Сохраняется общее процессуальное правило состязательности сторон. Специальные нормы интеллектуального права вводят презумпции и механизмы перераспределения доказательственной нагрузки, учитывающие технологические особенности цифровой среды.

Ключевые слова: защита авторских прав в сети Интернет, презумпция авторства, принцип состязательности сторон, распределение обязанности доказывания, интеллектуальное право.

Защита авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет стала одной из наиболее динамично развивающихся сфер гражданско-правового регулирования. Расширение цифровых способов распространения произведений привело к существенному увеличению количества споров, связанных с незаконным использованием объектов авторского права, что, в свою очередь, актуализировало проблему распределения обязанности по доказыванию между участниками судебного процесса. Именно от решения вопроса о том, какая сторона должна подтверждать определённые юридически значимые обстоятельства, во многом определяет эффективность судебной защиты исключительных прав[1].

---

[1] См.: Натаева З.А. Гражданско-правовая природа интеллектуальных прав // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. Ст. 318.

Общее правило распределения бремени доказывания закреплено в ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ, согласно которой каждая сторона обязана доказать обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений[2]. Аналогичный подход установлен ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ[3]. Данное положение отражает фундаментальный принцип состязательности гражданского судопроизводства и распространяется на все категории частноправовых споров, включая дела о защите интеллектуальных прав.

Применительно к авторско-правовым спорам это означает, что истец должен доказать наличие у него исключительного права, факт использования произведения ответчиком и отсутствие согласия на такое использование. Как указывает Э.П. Гаврилов, установление факта нарушения авторского права предполагает подтверждение принадлежности исключительного права и самого факта использования произведения без разрешения правообладателя[4]. Данный подход традиционно рассматривается как базовый юридический стандарт доказывания в сфере интеллектуальной собственности.

Однако развитие интернет-технологий выявило ограниченность применения классической модели распределения доказательственной нагрузки. В цифровой среде правообладатель зачастую лишён возможности самостоятельно установить лицо, разместившее спорный контент, либо получить технические сведения о его распространении. По большему счету, специфика сети Интернет состоит в разрыве между субъектом размещения информации и субъектом технического контроля над ресурсом, что неизбежно влияет на процесс доказывания.

В связи с этим в российском праве сформировались специальные

---

[2] Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 15.03.2026).

[3] Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800 (дата обращения: 15.03.2026).

[4] Гаврилов Э.П. Об объекте авторского права // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. № 2 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения 12.02.2026).

правила, корректирующие общее распределение обязанности по доказыванию. Их нормативной основой выступают положения части четвертой Гражданского кодекса РФ, регулирующие защиту интеллектуальных прав. Существенное значение имеет закреплённая законом презумпция авторства: лицо, указанное в качестве автора на экземпляре произведения, считается таковым, пока не доказано иное.

По мнению А.А. Карцхия, данная презумпция направлена на снижение доказательственной нагрузки на правообладателя и обеспечение устойчивости гражданского оборота результатов интеллектуальной деятельности[5].

Особую роль играет статья 1253.1 Гражданского кодекса РФ, регулирующая ответственность информационных посредников[6]. Закон устанавливает, что посредник освобождается от ответственности при условии отсутствия знания о нарушении и принятия необходимых мер после получения уведомления правообладателя. Тем самым законодатель фактически вводит специальное правило доказывания: после установления факта размещения контента именно посредник должен подтвердить свою добросовестность. В.О. Калятин отмечает, что данная конструкция представляет собой пример перераспределения бремени доказывания, обусловленного технологическими особенностями цифровой среды[7].

Подобное перераспределение объясняется тем, что владелец интернет-ресурса располагает значительно большими возможностями по установлению источника размещения информации. Безусловно, защита интеллектуальных прав требует учёта фактического контроля над использованием результата интеллектуальной деятельности, а не только формального участия в правоотношении.

---

[5] Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. …д-ра юрид. наук. Москва, 2019. С. 93.

[6] Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.03.2026).

[7] См.: Калятин В. Конфликт прав на форму и на содержание результата интеллектуальной деятельности в системе взаимных ограничений прав на результат интеллектуальной деятельности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 1. С. 34.

Судебная практика подтверждает тенденцию к смещению доказательственной нагрузки в сторону владельцев интернет-платформ. При установлении факта размещения произведения суды исходят из того, что именно владелец сайта должен представить доказательства законности использования контента либо предпринятых мер по прекращению нарушения. Подобный подход формирует баланс интересов между правообладателями и участниками цифровой инфраструктуры.

Дополнительной особенностью рассматриваемой категории дел является упрощённый порядок доказывания размера ответственности. В соответствии со ст. 1301 Гражданского кодекса РФ правообладатель вправе требовать компенсацию вместо возмещения убытков. Конечно, введение компенсационной модели ответственности направлено именно на преодоление сложностей доказывания реального ущерба в сфере интеллектуальных прав. В.Ф. Яковлев отмечает, что «такие меры необходимы в условиях, когда результаты творческой деятельности становятся предметом многообразного и постоянно расширяющегося рыночного оборота, поскольку в ряде случаев интересы авторов могут вступить в противоречие, с одной стороны, с потребностями общества, заинтересованного в возможно более широком и свободном использовании созданного автором творческого результата, а с другой - с интересами более сильных в экономическом смысле коммерческих организаций, которым автор в большинстве случаев передает права на свое творение»[8].

Важное значение приобретает и специфика доказательств, используемых в интернет-спорах. Нотариальные протоколы осмотра сайтов, цифровые копии страниц и технические данные о доменных именах стали самостоятельными средствами подтверждения факта нарушения. Их использование свидетельствует о трансформации доказательственного процесса под влиянием цифровизации правовых отношений.

---

[8] Яковлев В.Ф. О четвертой части Гражданского кодекса России // Журнал российского права. 2007. № 2 (122). С. 10.

Таким образом, в делах о защите авторских прав в сети Интернет действует модель распределения обязанности по доказыванию. С одной стороны, сохраняется общее процессуальное правило состязательности сторон. С другой стороны, специальные нормы интеллектуального права вводят презумпции и механизмы перераспределения доказательственной нагрузки, учитывающие технологические особенности цифровой среды. Формирование данной модели свидетельствует о постепенной адаптации гражданского процесса к условиям информационного общества и направлено на обеспечение реальной эффективности судебной защиты авторских прав.

Распределение обязанности по доказыванию при рассмотрении судами дел о признании недействительным завещания в связи с неспособностью завещателя понимать значение своих действий или руководить ими

Никишин Владислав Вячеславович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Научная статья анализирует вопрос бремени доказывания при рассмотрении судами дел о признании недействительным завещания в связи с неспособностью завещателя понимать значение своих действий или руководить ими. В настоящее время бремя доказывания возлагается на истца, который должен предоставить убедительные доказательства того, что завещатель в момент составления документа не осознавал значение своих действий или не мог ими руководить. Однако в силу объективных трудностей (отсутствие прижизненных медицинских заключений, субъективность свидетельских показаний, невозможность прямого опроса завещателя) суды часто отказывают в удовлетворении иска.

Ключевые слова: признание завещания недействительным, неспособность завещателя понимать значение своих действий, субъективное бремя доказывания, дееспособность наследодателя, медицинское освидетельствование наследодателя, реестр нотариально удостоверенных завещаний.

В гражданском судопроизводстве институт бремени доказывания представляет собой сложный правовой механизм, включающий две взаимосвязанные, но концептуально различные составляющие. Первая составляющая – это так называемое «формальное» или «субъективное» бремя доказывания, под которым понимается обязанность стороны процесса представить суду доказательства, обосновывающие её позицию по делу. Данный аспект бремени доказывания непосредственно связан с принципом состязательности, закреплённым в статье 12 ГПК РФ, и предполагает, что

каждая сторона должна активно участвовать в доказывании тех обстоятельств, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений. При этом в соответствии со ст. 56 ГПК РФ, если сторона не представит доказательства в обоснование своих утверждений, она рискует понести неблагоприятные последствия в виде отказа в удовлетворении её исковых требований или признания заявленных возражений необоснованными. Вторая составляющая – это «материальное» или «объективное» бремя доказывания, которое относится к сфере оценки доказательств судом. Оно означает обязанность стороны убедить суд в истинности своих утверждений до степени, исключающей разумные сомнения (в делах особого производства) или преобладающей вероятности (в исковом производстве)[1].

Распределение бремени доказывания при рассмотрении судами дел о признании недействительным завещания в связи с неспособностью завещателя понимать значение своих действий или руководить ими представляет собой сложный процессуальный механизм, требующий анализа с учетом специфики данной категории споров. Под бременем доказывания в данном случае понимается обязанность истца (как правило, наследника по закону, оспаривающего завещание) не только представить суду соответствующие доказательства неспособности завещателя понимать значение своих действий или руководить ими на момент совершения завещания, но и убедить суд в обоснованности своих требований, что включает в себя как активное собирание и представление доказательств, так и логически последовательное их обоснование в ходе судебного разбирательства[2].

При рассмотрении судами дел о признании недействительным завещания в связи с неспособностью завещателя понимать значение своих действий или руководить ими распределение обязанностей по доказыванию строится на общих принципах гражданского процесса, установленных ст. 56 ГПК РФ.

---

[1] См.: Абубакарова М.М., Османов О.А., Бетербиева З.Р. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел // Журнал прикладных исследований. 2023. № 1. С. 127.

[2] См., например: Александров А.Ю., Кан С.В. Бремя доказывания в гражданском процессе // Colloquium-journal. 2019. № 26-10. С. 21.

Согласно этой норме, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений, однако в силу специфики таких дел истец, оспаривающий завещание, обязан представить доказательства, подтверждающие, что на момент составления завещания завещатель не мог осознавать значение своих действий или руководить ими. При этом суд учитывает, что сам факт наличия психического расстройства или заболевания у завещателя не является безусловным основанием для признания завещания недействительным, если не доказано, что это расстройство влияло на его волеизъявление в момент совершения завещания. Ответчики, выступающие против иска, вправе представлять доказательства обратного, например, свидетельские показания, медицинские документы или заключения экспертиз, подтверждающие, что завещатель был полностью дееспособен и осознавал последствия своих действий. Огромное значение имеет временной аспект – все доказательства должны быть представлены в разумный срок, установленный судом в соответствии с принципами процессуальной экономии и своевременности, поскольку последующее представление доказательств после завершения их исследования может быть отклонено судом[3].

Особенностью исследуемой категории дел является то, что истец должен доказать не просто наличие у завещателя психического расстройства вообще, а конкретно неспособность понимать значение своих действий или руководить ими именно в момент составления завещания, что требует особо тщательного подхода к формированию доказательственной базы, включая часто необходимость проведения посмертной судебно-психиатрической экспертизы с ретроспективной оценкой состояния завещателя. В то же время ответчик несет встречное бремя доказывания дееспособности завещателя, что может выражаться в представлении противоположных доказательств (показаний свидетелей, видеозаписей, документов, свидетельствующих о ясности сознания

---

[3] См.: Малов Н.М. Принцип процессуальной экономии в гражданском процессе // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 52. С. 227.

завещателя). В основном суды верно определяют предмет доказывания по таким требованиям и правильно распределяют бремя доказывания, исходя из того, что именно истец обязан доказать обстоятельства, свидетельствующие о неспособности наследодателя понимать значение своих действий при оформлении завещания[4].

Действующее законодательство, основываясь на принципе презумпции дееспособности наследодателя, предполагает, что каждый гражданин, составляющий завещание, находится в здравом уме и ясном сознании, если не доказано обратное, что обеспечивает защиту автономии его воли и свободы распоряжения имуществом после смерти. В связи с этим бремя доказывания психической недееспособности завещателя полностью возлагается на истца, оспаривающего действительность завещания, что соответствует общим правилам гражданского процесса, согласно которым каждая сторона обязана подтверждать свои требования и возражения соответствующими доказательствами[5].

Таким образом, анализ распределения обязанности по доказыванию в делах о признании завещания недействительным в связи с недееспособностью завещателя позволяет сделать вывод о существующей процессуальной сложности, связанной с отсутствием четких критериев оценки посмертной дееспособности. В настоящее время бремя доказывания возлагается на истца, который должен предоставить убедительные доказательства того, что завещатель в момент составления документа не осознавал значение своих действий или не мог ими руководить. Однако в силу объективных трудностей (отсутствие прижизненных медицинских заключений, субъективность свидетельских показаний, невозможность прямого опроса завещателя) суды часто отказывают в удовлетворении иска.

---

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329423/37 (дата обращения: 25.07.2025).

[5] См. по этому вопросу: Репухова Д.А. Проблемы признания завещания недействительным // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». 2020. № 1. С. 267.

Необходимо введение обязательного медицинского освидетельствования при составлении завещания для граждан старше определенного возраста (например, 70 лет) или имеющих диагностированные психические расстройства. Следует законодательно закрепить требование о приложении к завещанию справки от психиатра или терапевта, подтверждающей, что завещатель находился в ясном уме и твердой памяти на момент подписания документа. Также предлагается создание реестра нотариально заверенных завещаний с пометкой о дееспособности: нотариусы могли бы фиксировать не только факт удостоверения завещания, но и кратко описывать состояние завещателя (адекватность, понимание сути своих действий), что в дальнейшем упростило бы доказывание в суде.

Обязательная медиация по семейным спорам: зарубежный опыт и перспективы внедрения в российское гражданское судопроизводство

Пузина Анастасия Алексеевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Автор анализирует дискуссионные вопросы правоприменительной практики, связанные с включением в российское гражданское судопроизводство процедуры обязательной медиации по семейным и трудовым спорам, учитывая успешный зарубежный опыт, имеющийся в данной сфере.

Ключевые слова: обязательная медиация, семейные и трудовые споры, зарубежный опыт применения обязательной медиации, стратегия семейной политики до 2036 года.

В условиях колоссальной нагрузки на судебную систему и стремления улучшить гражданское судопроизводство возрастает необходимость для развития обязательной альтернативной процедуры - медиации с помощью посредника (медиатора). Медиация — это процедура, направленная не только для облегчения работы судебной системы, но и для развития культуры мирного урегулирования конфликтов. В обществе нарастает напряжение во многих сферах жизни, и часто судебные разбирательства только увеличивают напряжение между людьми, что может пагубно сказываться на имущественном состоянии гражданина и его здоровье.

Да, можно согласиться, что гражданский процесс — это всего лишь обычное разбирательство, ведь никого не ограничивают в праве на жизнь или в свободе. В основном, дела касаются имущественных отношений. Но дело в том, что судебные тяжбы абсолютно любого характера влияют на нервную систему, провоцируют болезни в том числе опасные и неизлечимые. Многие люди не представляют своей жизни без участка земли или небольшой квартиры в отдаленном селе Российской Федерации.

Часто в суде истец и ответчик воспринимают друг друга, словно враги и желают друг другу негативных последствий, что только усиливает между ними напряжение. Для успешного разрешения таких конфликтов я вижу смысл в том, чтобы развивать обязательную медиацию в государстве по отдельным категориям дел, например, семейные или трудовые споры.

Обязательная медиация - достаточно дискуссионная форма. Ведь по своей природе медиация - добровольная процедура. Возможно ли добровольную форму преобразовать в обязательную и не будет ли это нарушать принципа медиации?

Большое количество вопросов вызывает медиация, но возможно это и есть шанс медиации закрепиться, стать более популярной, как во многих зарубежных странах. Обязательная медиация применяется в различных странах мира, включая США, Канаду, Австралию, Италию, Германию и Китай. При этом используются различные модели обязательной медиации, отличающиеся по объему охватываемых споров, стадиям процесса и последствиям несоблюдения требования об обязательной медиации. Так, например, в США (штате Флорида) медиация является обязательной процедурой для разрешения спора в конкретных гражданских делах, например, по семейным спорам. Стороны обязаны пройти медиацию прежде, чем обращаться в суд для разрешения спора о детях или имуществе. В Онтарио, согласно Закону о семейном праве, медиация является обязательной в большинстве споров о разводе, связанных с детьми и имуществом за исключением случаев, когда существуют обстоятельства, препятствующие проведению медиации, например, домашнее насилие[1].

Что касается Российской Федерации, то процесс закрепления медиации уже запущен: планируется ввести обязательную медиацию (досудебные встречи с медиатором) при разводах, особенно при наличии несовершеннолетних детей, в рамках стратегии семейной политики до 2036

---

[1] Family Law Act, R.S.O. 1990, c. F.3 // URL: https://www.ontario.ca/laws/statute/90f03 (дата обращения: 15.03.2026).

года. Реализация инициативы запланирована на 2026–2027 годы, цель - снижение конфликтности, защита интересов детей и возможная профилактика распада семей. Опираясь на зарубежный опыт, необходимо попытаться закрепить данный метод урегулирования конфликта в России и сделать его качественным.

Медиация не должна быть для «галочки», она является помощником не только судебной системы, но и обычных людей. Для того, чтобы медиация была качественной, необходимо подготовить компетентных медиаторов, которые не только хорошо знают право, но и разбираются в психологии (конфликтологии). Медиация должна быть доступна любому гражданину Российской Федерации.

Так, например, Китай поощряет и содействует работе по народной медиации, правительство на местах обязано предоставить необходимую поддержку и гарантировать оплату расходов на проведение народной медиации, а внесшим выдающийся вклад комитетам народной медиации и народным медиаторам выдавать награды и соответствующие поощрения.

Как верно отметил министр юстиции К.А. Чуйченко, медиация должна быть обязательной процедурой, в первую очередь, по семейным делам[2]. Медиация поможет менее травматично прожить бракоразводный процесс и, возможно, даже сохранить между бывшими супругами дружеские отношения. Ведь судье в процессе важно разрешить дело в соответствии с законом, и мало кто задумывается о чувствах людей, участвующих в процессе. Медиация позволяет сторонам самостоятельно определить условия соглашения, что, как правило, приводит к более высокой удовлетворенности результатом разрешения спора по сравнению с судебным решением. Не стоит забывать и о важности развития культуры мирного урегулирования конфликтов. Очень хочется верить в то, что общество придет к миру не только в небольших

---

[2] Выступление министра юстиции К.А. Чуйченко на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ - 2025) 20.06.2025 // URL: vesti.ru (дата обращения: 10.02.2026).

конфликтах, но и в глобальных. Мы полагаем, именно медиация — это зарождение той культуры, которая со временем сможет принести свои плоды - бесконфликтного общества. Конфликты будут решаться с помощью мирного регулирования ситуации.

Безусловно, как и в любой сфере, существуют определенные риски, например, риск того, что обязательная медиация станет формальной процедурой, не приводящей к реальному урегулированию спора, если медиаторы не будут обладать достаточной квалификацией или стороны не будут мотивированы к достижению соглашения.

В этом случае медиатор будет играть ключевую роль: грамотная консультация, разъяснение прав и обязанностей, объяснение самой процедуры, правильное определение цели процедуры обязательно приведут к успешному урегулированию конфликта.

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве в целях защиты прав несовершеннолетних по трудовым спорам (на примере Оренбургской области)

Сладкова Валерия Валерьевна,
магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Прокурор участвует в гражданском судопроизводстве по трудовым спорам в интересах несовершеннолетних, обеспечивая защиту их прав и законных интересов. Основные нарушения выявляются в сфере заключения незаконных договоров, дискриминации, невыплаты заработной платы, несоблюдения норм охраны труда и нарушение сроков трудоустройства несовершеннолетних. Активное вмешательство прокурора позволяет устранить препятствия в реализации подростком своего трудового потенциала, привлечь работодателя к ответственности и пресечь злоупотребления правами работника. Судебная практика показывает высокую эффективность прокурорских проверок.

Ключевые слова: участие прокурора в гражданском судопроизводстве, защита прав несовершеннолетних, трудовые споры, трудовые права несовершеннолетних, прокурорская проверка, представление интересов несовершеннолетнего прокурором.

Прокурорская деятельность является одним из наиболее эффективных правозащитных механизмов, в том числе - в сфере защиты трудовых прав несовершеннолетних.

Так, прокуроры осуществляют прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних, обеспечивают участие в рассмотрении судами трудовых споров, возбуждают в отношении нарушивших трудовое законодательство работодателей дела об административных правонарушениях, осуществляют правовое просвещение несовершеннолетних и молодежи, осуществляют иные виды прокурорской деятельности.

Защита прав в сфере трудовых отношений регулируется Федеральным

законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[1] и приказами Генеральной прокуратуры. В ходе анализа данных прокуратуры Оренбургской области, было установлено, что прокуроры за 2025 год выявили 439 нарушений трудовых прав несовершеннолетних. Принесено 170 протестов, добровольно из которых удовлетворены 163, что является положительной тенденцией. В суд прокуратурой направлено 3 исковых заявления.

Стоит отметить, что прокуратура проводит превентивные мероприятия с целью уменьшения нарушений в сфере трудовых прав несовершеннолетних. В рамках межведомственного взаимодействия рабочей группой анализируется сложившаяся практика, выявляются имеющиеся пробелы в законодательстве. Кроме этого, прорабатываются вопросы о трудоустройстве детей в государственные и муниципальные организации на время школьных каникул. Благодаря усиленной межведомственной работе, численность работающих детей увеличивается, а вакансий становится больше. В 2025 году вакансий для подростков стало на 55 % больше, чем в 2024 году.

Большую долю выявленных нарушений составляют незаконные условия трудовых договоров, в частности, не регламентируется размер заработной платы, условия труда, трудовая функция, порядок расторжения договора, отпуск. Распространенным нарушением является локальные нормативные акты работодателей, которые намеренно ухудшают трудовые условия несовершеннолетних.

Прокурор промышленного района г. Оренбурга в ходе проверки выявил факт нарушения прав несовершеннолетних на оплату труда. Так, подростки устроились на работу в одну из городских больниц. Однако одному из них работодатель выплатил зарплату не в полном объеме, а второму выплаты поступили несвоевременно. Таким образом, главный врач больницы нарушил права несовершеннолетних, и прокуратура по итогам проверки возбудила дело

---

[1] Федеральный закон РФ от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

об административном правонарушении. В областной инспекции труда его обязали выплатить штраф в размере 10 тыс. рублей[2].

Данный пример доказывает факт привлечения виновных должностных лиц к дисциплинарной и административной ответственности. Предлагается дополнить ст. 5.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации[3] специальным составом административного правонарушения, предусматривающего более строгую административную ответственность работодателя за нарушение трудовых прав несовершеннолетних. Это позволило бы ужесточить действующее законодательство и уменьшить количество нарушений трудовых прав несовершеннолетних.

Защищать трудовые права несовершеннолетних особенно важно, поскольку: во-первых, психика ребенка до 18 лет лабильна, подвержена стрессам и любая конфликтная ситуация может повлечь определенные психологические проблемы; во-вторых, нарушение трудовых прав несовершеннолетнего может сказаться на дальнейшей трудовой деятельности такого лица, в том числе – у другого работодателя; в-третьих, работодатели, нанимая подростков на работу, считают, что могут неограниченно использовать трудовой потенциал несовершеннолетних, ущемлять их права и законные интересы, а особый контроль и привлечение к ответственности работодателей, искоренит желание допускать аналогичные нарушения в будущем.

Анализируя практику, можно сделать вывод, что несовершеннолетним очень трудно защищать свои права самостоятельно. Во-первых, многие подростки не понимают, что те или иные действия работодателя нарушают их трудовые права, во-вторых, они не знают, в какие инстанции можно обратиться за помощью. Здесь важно отметить, что одним из наиболее эффективных способов восстановления нарушенных трудовых прав является именно

---

[2] Главврач Оренбургской больницы нарушил права несовершеннолетних работников // Рамблер // URL: https://finance.rambler.ru/ (дата обращения: 16.12.2025).

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 196-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.

обращение органы прокуратуры.

Зачастую несовершеннолетний не желает обращаться за помощью из-за страха перед работодателем, а самостоятельно обратиться в суд он просто не может в силу ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ. Прокурор инициирует проведение проверки по обращению, в случае выявления нарушений обращается в суд с исковых заявлением в интересах несовершеннолетнего.

Таким образом, прокурор участвует в гражданском судопроизводстве по трудовым спорам в интересах несовершеннолетних, обеспечивая защиту их прав и законных интересов. Основные нарушения выявляются в сфере заключения незаконных договоров, дискриминации, невыплаты заработной платы, несоблюдения норм охраны труда и нарушение сроков трудоустройства несовершеннолетних.

Активное вмешательство прокурора позволяет устранить препятствия в реализации подростком своего трудового потенциала, привлечь работодателя к ответственности и пресечь злоупотребления правами работника. Судебная практика показывает высокую эффективность прокурорских проверок и представления интересов несовершеннолетних работников, способствуя формированию благоприятных условий труда и соблюдению гарантий. Активное участие прокурора гарантирует исполнение законов, направленных на охрану трудовых прав несовершеннолетних.

Предмет доказывания по делам о лишении родительских прав: вопросы теории и правоприменения

Столбова Анастасия Алексеевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Научная статья посвящена теоретическим и практическим аспектам определения предмета доказывания по делам о лишении родительских прав. Автором акцентировано внимание, прежде всего, на материально-правовых фактах, составляющих предмет доказывания в данных спорах (основания лишения родительских прав). Анализируются дискуссионные вопросы правоприменительной практики.

Ключевые слова: предмет доказывания по делам о лишении родительских прав, лишение родительских прав, уклонение от исполнения родительских обязанностей, злоупотребление родительскими правами.

В научной литературе по семейному праву лишение родительских прав рассматривается преимущественно как институт, отражающий одну из мер юридической ответственности. Так, с точки зрения Е.В. Ерохиной, лишение родительских прав — это кардинальная и карательная мера, являющаяся разновидностью семейно-правовой ответственности, применяемой к родителям за ненадлежащее исполнение своих обязанностей[1]. С.А. Муратова также определяет лишение родительских прав как меру юридической ответственности, подчеркивая, что суть этой меры — лишить родителя его субъективных прав в отношении ребенка[2].

Предмет доказывания по делам о лишении родительских прав определяется судом в каждом конкретном случае на основании норм материального права (ст. 69 СК РФ). Так, исходя из смысла семейного

---

[1] См.: Ерохина Е.В. Лишение и восстановление родительских прав: учебное пособие. Оренбург: ОГУ, 2017. С. 30.
[2] См., например: Муратова С.А. Семейное право: учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2019. С. 211.

законодательства можно сделать вывод о том, что истец, обращающийся с заявлением о лишении родительских прав, должен подтвердить наличие законных оснований для применения крайней меры, это предполагает документальное и фактическое подтверждение одного или нескольких обстоятельств, предусмотренных статьей 69 СК РФ, перечень которых считается исчерпывающим. В действующем семейном законодательстве перечислены следующие основания лишения родительских прав:

Во-первых, если родители уклоняются от выполнения своих обязанностей. Под «уклонением» понимается систематическое и продолжительное нарушение родительских обязанностей, а не единичные случаи. Это означает, что родитель нарушает права ребенка в различных сферах, включая имущественные и неимущественные права, затрагивая его здоровье, питание, воспитание и другие аспекты жизни[3]. Закон выделяет злостное уклонение от уплаты алиментов как отдельный вид нарушения. В статье 69 СК РФ не указано, какой именно порядок подразумевается, поэтому злостное уклонение может иметь место при невыполнении как судебных решений, так и соглашений об уплате алиментов.

Так, при рассмотрении дела о лишении родительских прав суд установил, что ранее родители состояли в зарегистрированном браке, и с ответчика взысканы алименты на содержание дочери, однако он не выполняет родительские обязанности, не заботится о развитии и здоровье ребенка, а также злостно уклоняется от уплаты алиментов. Таким образом, в описанной ситуации суд выявил два ключевых основания для лишения родительских прав, такие как: уклонение от выполнения родительских обязанностей и злостное уклонение от уплаты алиментов[4].

Во-вторых, в качестве основания указан отказ родителей забрать своего

---

[3] См.: Шахбиева М.М. Основания и последствия лишения (ограничения) родительских прав в российском законодательстве // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 6-46. С. 288.

[4] Решение Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 28.12.2024 по делу № 2-2209/2024 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

ребенка из роддома или другого учреждения, где он находился, без уважительных причин. Поскольку в законе прямо не указаны уважительные причины отказа, такие как отсутствие жилья, работы, болезнь, или другие обстоятельства, суд при рассмотрении дела должен всесторонне и полно оценивать эти основания[5]. При рассмотрении иска о лишении родительских прав по указанному основанию суду необходимо проверить: причины отказа и являются ли они уважительными; имеют ли родители право на устройство ребенка в государственные учреждения и на какой срок; поддерживают ли родители отношения с ребенком; предпринимали ли они меры для преодоления обстоятельств, послуживших основанием для отказа взять ребенка, и (или) изменились ли эти обстоятельства.

В-третьих, если родители могут злоупотреблять своими родительскими правами. Под «злоупотреблением» понимается ситуация, когда родители формально действуют в соответствии с законом, но их поведение фактически наносит вред интересам ребенка. В научной литературе часто рассматривается проблема злоупотребления родителями своих прав. Как отмечает Г.В. Никулина в статье 69 СК РФ отсутствует юридическое определение этого понятия[6]. В свою очередь, Е.В. Ерохина считает, что злоупотребление родительскими правами — это виновное, систематическое использование предоставленных законом прав по воспитанию детей, противоречащее их назначению и интересам ребенка, что может причинять вред[7].

В-четвертых, в качестве основания указано жестокое обращение родителей с ребёнком. Это понятие включает физическое и психическое насилие, а также нарушение половой неприкосновенности детей. Следует учитывать, что категория не является исключительно юридической, её основа — психологическая: жестокость определяется как личностное качество,

---

[5] См., например: Терехова В.В. Некоторые аспекты лишения родительских прав в российском законодательстве // Евразийская адвокатура. 2019 № 4 (41). С. 58.
[6] См.: Никулина Г.В. Злоупотребление родительскими правами как основание для лишения родительских прав // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. 2016. С. 123-129.
[7] См.: Ерохина Е.В. Указ. соч. С. 56.

проявляющееся в равнодушии к страданиям других или в стремлении причинить боль. Под физическим насилием понимаются побои и нанесение травм любыми способами.

Например, суд лишил П. родительских прав по отношению к несовершеннолетнему А. и одновременно рассмотрел уголовное дело, связанное с беспомощным состоянием ребенка, его зависимостью от виновного и ненадлежащим исполнением родительских обязанностей, совмещённым с жестоким обращением. В ходе рассмотрения было установлено, что в период с 23 февраля по 12 апреля 2019 года П. систематически наносил побои ребенку, причиняя ему физические и психические страдания[8].

По мнению А.М. Нечаевой, психическое насилие проявляется в периодическом воздействии на ребёнка, замедляющем развитие личности и формирующем патологические черты характера[9]. К психическому насилию относятся постоянная критика, открытое неприятие, угрозы и единичные жесткие психические воздействия.

В-пятых, если родитель страдает хроническим алкоголизмом или наркоманией. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 года № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», наличие хронического алкоголизма или наркомании у родителей должно подтверждаться медицинскими справками. Лишение родительских прав по данной причине может быть произведено независимо от того, признан ли ответчик ограниченно дееспособным, так как ограничение дееспособности направлено главным образом на защиту интересов его семьи.

В-шестых, если родитель совершил умышленное преступление против

---

[8] Приговор Плесецкого районного суда Архангельской области от 22.01.2020 по делу № 1-11/2020 // СПС КонсультантПлюс. URL: consultant.ru (дата обращения: 12.01.2026).

[9] См.: Нечаева А.М. Правонарушения в сфере личных семейных отношений. – М.: Бек, 1991. С. 11.

жизни или здоровья ребёнка, супруга либо другого члена семьи. Для признания этого основания необходим приговор суда, подтверждающий вину родителя в совершении преступления. Лишение родительских прав по данному основанию является правом суда, а не автоматическим следствием самого факта вынесения приговора в отношении родителя. Поэтому обстоятельства совершения преступления против жизни и здоровья ребёнка или другого члена семьи, а также причины и условия, способствовавшие преступлению, должны детально выясняться на этапе следствия[10].

Анализ изученных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам о лишении родительских прав, позволяет заключить, что в них усложняется предмет доказывания в силу необходимости одновременного установления совокупности обстоятельств, формирующих различные основания для лишения родительских прав.

[10] См.: Мельникова М.Б. Совершение преступления в семье как основание для лишения родительских прав // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 16-2. С. 229-230.

Особенности доказывания факта использования товарного знака под контролем правообладателя по делам о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие неиспользования

Шагеева Мария Вадимовна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье автором показано, что в правоприменительной практике сформировалась правовая позиция по вопросам доказывания использования товарного знака под контролем правообладателя по делам о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие неиспользования. Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что перечень доказательств в соответствии со ст. 64 АПК РФ, которыми может подтверждаться использование товарного знака под контролем правообладателя, является открытым, однако такие доказательства должны подтверждать выраженную волю правообладателя на использование товарного знака иным лицом.

Ключевые слова: использование товарного знака другим лицом, досрочное прекращение правовой охраны товарного знака, согласие правообладателя, использование товарного знака под контролем правообладателя.

Статья 1486 Гражданского кодекса Российской Федерации в п. 2 конкретизирует, что использование под контролем правообладателя товарного знака для целей досрочного прекращения правовой охраны признается использованием товарного знака. Согласно п. 3 ст. 1486 ГК РФ бремя доказывания использования товарного знака лежит на правообладателе, то есть на ответчике. При этом сущность конструкции использования товарного знака под контролем правообладателя законодателем в законодательстве не раскрыта, в связи с чем на практике возникают сложности при доказывании ответчиком данного факта.

К основным вопросам, возникающими перед ответчиком на стадии доказывания использования товарного знака под контролем правообладателя, относятся следующие: является ли термин «контроль правообладателя» синонимом термина «с согласия правообладателя»; допускается ли бездоговорное использование?

Ответы на указанные вопросы напрямую влияют на перечень доказательств, которыми ответчик может подтвердить факт использования товарного знака под его контролем.

Законодатель в п. 2 ст. 1486 ГК РФ использует формулировку «под контролем» правообладателя, что, несомненно, наводит на вопрос о том, какое содержание вкладывается в данную формулировку. Так, согласно практике Суда по интеллектуальным правам (далее – СИП) «под использованием товарного знака под контролем правообладателя понимается использование товарного знака по воле правообладателя»[1], следовательно, данные термины являются синонимичными.

Пункт 2 ст. 1486 ГК РФ подразумевает необходимость выражения согласия на использование товарного знака, следует рассмотреть, в какой форме может выражаться воля правообладателя и какие доказательства могут подтвердить ее.

Так, в одном из дел СИП рассматривал иск к компании Atlantic Industries о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака[2]. Указывая на необоснованность заявленных требований, ответчик сослался на то, что

---

[1] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 04.12.2017 № С01-909/2017 по делу № СИП-36/2017 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026); Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.08.2022 № С01-1339/2022 по делу № СИП-938/2021 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 16.02.2026); Справка по использованию товарного знака под контролем правообладателя (пункт 2 статьи 1486 Гражданского кодекса РФ) (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 07.08.2015 № СП-23/21) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Решение Суда по интеллектуальным правам от 27.07.2015 по делу № СИП-883/2014 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026); Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 21.10.2015 № С01-750/2015 по делу № СИП-883/2014 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

использование товарного знака осуществляется под его контролем лицом, которое входит с ответчиком в один холдинг Coca-Cola. В подтверждение ответчиком было представлено письмо о передаче им полномочий по осуществлению производства товаров под его товарным знаком. В этом деле суд указал, что «наличие между правообладателем и другим лицом, использующим товарный знак, корпоративных отношений, в том числе внутри холдинга или иной группы лиц, предполагает использование товарного знака другим лицом под контролем правообладателя, если между такими лицами имеются отношения участия в уставном (складочном) капитале либо отношения между ними характеризуются наличием организационно-правового взаимодействия, основанного на положениях учредительных документов или условиях договора».

Таким образом, наличие юридической аффилированности и письменного согласия правообладателя в совокупности позволили суду сделать вывод о наличии согласия правообладателя на использование товарного знака.

С точки зрения аффилированности представляются интересными судебные решения по делу № А66-3865/2021. Товарные знаки, принадлежащие истцу, использовались с его устного разрешения ответчиками, входящими с ним в группу компаний для осуществления совместной деятельности[3]. Суд указал, что согласие правообладателя на использование товарного знака может быть выражено «в действиях по организации экономической схемы, которая предполагает использование товарного знака третьими лицами, одобрение и реализация такой схемы».

Таким образом, фактическая согласованность действий определенной группы компаний, деятельность которых одобряется и находится под руководством правообладателя товарных знаков, может являться основанием для признания наличия согласия правообладателя на использование товарного знака.

---

[3] Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2023 № 14АП-7966/2021 по делу № А66-3865/2021 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

В одном из дел Президиум СИП рассматривал вопрос о том, можно ли считать согласием «включение в предварительный лицензионный договор положений, в которых выражена воля правообладателя на использование товарного знака будущим лицензиатом в период до заключения лицензионного договора»[4]. Президиум СИП признал, что включение такого условия допускается и не противоречит гражданскому законодательству. В данном деле особенно важной является следующая позиция суда: «следовало оценить все представленные доказательства в их совокупности, и по результатам оценки определить, осуществлялось ли использование товарного знака по воле правообладателя и под его контролем, независимо от наличия или отсутствия пороков выражения этой воли».

В Определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 7 июля 2014 года по делу № СИП-56/2013[5] было установлено, что согласие правообладателя в форме одностороннего решения в рамках корпоративных отношений является надлежащим доказательством, поскольку решение выступает односторонней сделкой, а п. 2 ст. 1486 ГК РФ позволяет выражать согласие не только в договорах, но и иными способами.

Интересным является дело № А41-13514/20, рассмотренное Верховным Судом РФ[6]. В рамках рассмотрения данного дела суд пришел к выводу о том, что «перечень способов распоряжения исключительным правом на товарный знак не является исчерпывающим и относится на усмотрение правообладателя». Следовательно, письменное согласие на использование товарного знака является способом распоряжения исключительным правом и подтверждает согласие правообладателя на использование товарного знака.

---

[4] Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.04.2014 № С01-148/2014 по делу № СИП-110/2013 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

[5] Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 07.07.2014 № ВАС-8509/14 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

[6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.04.2022 № 305-ЭС21-23755 по делу № А41-13514/2020 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

Поскольку ст. 8 ГК РФ устанавливает открытый перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, это позволяет говорить о том, что согласие правообладателя может быть выражено любыми способами, не противоречащими закону.

Несмотря на отсутствие легального определения понятия «контроль правообладателя» и перечня доказательств, которыми ответчик может подтвердить наличие такого контроля, в правоприменительной практике сформировалась правовая позиция по указанным аспектам. Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что перечень доказательств в соответствии со ст. 64 АПК РФ, которыми может подтверждаться использование товарного знака под контролем правообладателя, является открытым, однако такие доказательства должны подтверждать выраженную волю правообладателя на использование товарного знака иным лицом.

Мировое соглашение как результат примирения: понятие и соотношение с альтернативными процедурами урегулирования споров

Юртаев Даниил Станиславович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуется правовая природа мирового соглашения как результата примирительных процедур в гражданском процессе. Автором анализируется соотношение мирового соглашения с иными альтернативными способами урегулирования споров, в частности, такими как медиация и судебное примирение. На основе анализа процессуального законодательства и доктринальных подходов автор приходит к выводу о его уникальном положении в системе результатов примирительных процедур, обусловленном возможностью придания ему силы исполнительного документа после утверждения судом.

Ключевые слова: мировое соглашение, примирительные процедуры, медиация, судебное примирение, альтернативные процедуры урегулирования споров.

В современной правовой системе России наблюдается устойчивая тенденция к расширению применения примирительных процедур для разрешения правовых конфликтов. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях неоднократно указывал на целесообразность принятия судами мер, направленных примирение сторон. Нельзя не отметить, что мирное урегулирование споров является одной из задач гражданского судопроизводства, а само мировое соглашение занимает центральное место среди результатов примирительных процедур. Однако его правовая природа до сих пор вызывает дискуссии в научной среде. Возможно, это связано с тем, что понятие мирового соглашения на законодательном уровне не закреплено. Между тем, в целях обеспечения единообразия судебной практики, Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в пункте 9 Постановления от 18 июля 2014 года № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» предлагал понимать

мировое соглашение как «…соглашение сторон, то есть сделку»[1]. Такое соглашение Высший Арбитражный Суд РФ рассматривал как одно из средств защиты субъективных прав, чем обусловлена возможность применения в его отношении норм не только процессуального, но и гражданского права о договорах, в том числе правил о свободе договора.

В правовой доктрине сложились два основных подхода к сущности мирового соглашения: материально-правовой и процессуально-правовой. К сторонникам первой точки зрения можно отнести М.А. Рожкову, которая определяет мировое соглашение как сделку между сторонами, утвержденную судом, заключаемую с целью устранения спора между сторонами в гражданском процессе путем прекращения или изменения спорного правоотношения, являющегося предметом рассмотрения суда[2].

Сторонники материально-правового подхода подчёркивают, что его заключение трансформирует спорное правоотношение в бесспорное. Это происходит за счёт взаимных уступок сторон, которые формируют новые права и обязанности и, как следствие, устанавливают новое правоотношение. Таким образом, согласно позиции ряда исследователей, мировое соглашение представляет собой особую разновидность сделки, способную создавать, изменять или прекращать права и обязанности.

В свою очередь, сторонником второй позиции является С.В. Лазарев, который указывает, что под мировым соглашением понимают процессуальное действие сторон, направленное на разрешение гражданского спора в связи добровольным урегулированием спора сторонами, утверждённого судом[3]. В рамках данной концепции мировое соглашение трактуется как распорядительное процессуальное действие, обращенное к суду с целью прекращения судебного спора.

---

[1] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

[2] См.: Рожкова М.А. Основные понятия гражданского процессуального права. М.: Статут, 2017. С. 184.

[3] См.: Лазарев С.В. Мировое соглашение в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 9-13.

В действующем законодательстве Российской Федерации закреплены следующие виды альтернативных процедур урегулирования споров: переговоры; медиация; судебное примирение. К тому же в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ[4]) указано, что перечень таких процедур является открытым и стороны могут прибегнуть к использованию иных, если это не противоречит федеральному закону.

Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в ч. 3 ст. 12 устанавливает прямую связь между медиацией и мировым соглашением, так как медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может быть утверждено судом или третейским судом в качестве мирового соглашения[5].

В п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 года № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» разъяснено, что в ходе использования судебного примирения стороны могут достичь результатов примирения, закрепленных статьей 153.7 ГПК РФ, статьей 138.6, частью 3 статьи 190 АПК РФ, статьей 137.7 КАС РФ[6].

Мировое соглашение, безусловно, является наиболее предпочтительным результатом процедуры примирения, поскольку таким образом стороны имеют возможность не только завершить рассмотрение спора, но и достичь согласования наиболее выгодных для них условий, сохранив при этом деловые взаимоотношения.

Также только мировое соглашение, в случае неисполнения его одной из сторон добровольно, подлежит принудительному исполнению.

В ч. 1 ст. 153.7 ГПК РФ закреплено, что результатами примирения лиц,

---

[4] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[5] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 2010. № 168.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Российская газета. 2019. № 254.

участвующих в деле, могут быть: 1) мировое соглашение в отношении всех или части заявленных требований; 2) частичный или полный отказ от иска; 3) частичное или полное признание иска; 4) полный или частичный отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы (представления); 5) признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения.

Безусловно, мировое соглашение - не единственный возможный итог применения примирительных процедур. Однако иные результаты применения примирительной процедуры могут свидетельствовать лишь о частичном успехе сторон в разрешении спора (например, частичный отказ или частичное признание иска). И даже полный отказ от иска либо его признание не всегда являются результатами примирения сторон.

Законодатель выстроил систему примирительных процедур таким образом, что мировое соглашение является сквозным целевым ориентиром для всех их разновидностей. Медиативное соглашение приобретает полноценную юридическую силу лишь будучи утверждённым судом в качестве мирового соглашения или заверенным нотариально. Судебное примирение также ориентировано, прежде всего, на достижение данного результата. Следовательно, мировое соглашение выступает наиболее эффективным результатом, ради которого стороны спора стремятся использовать примирительные процедуры. Можно отметить, что косвенно ч. 1 ст. 153.7 ГПК РФ демонстрирует иерархию результатов примирительных процедур, где мировое соглашение расположено на первом месте как наиболее предпочтительный их результат.

Таким образом, мировое соглашение представляет собой наиболее благоприятный результат применения альтернативных процедур урегулирования споров, поскольку только оно обеспечивает одновременно полное прекращение спора, добровольность и баланс интересов обеих сторон, а также принудительную исполнимость достигнутых договорённостей.

Секция 3. «Корпоративное право»

Особые права кредиторов при реорганизации публичного акционерного общества

Белов Егор Витальевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Данная статья посвящена анализу механизмов защиты прав кредиторов при реорганизации публичного акционерного общества. Автор прослеживает историческую эволюцию правовой мысли к современному отказу от этой практики ради упрощения хозяйственного оборота. Ключевым способом защиты признается право требования досрочного исполнения обязательств или их прекращения с возмещением убытков, которое ограничено жесткими сроками и моментом возникновения обязательств. Необходимо перенести бремя доказывания добросовестности действий на само общество, поскольку кредитор является менее информированной стороной. Автор указывает на проблему дискриминации кредиторов по наступлению момента исполнения обязательства.

Ключевые слова: кредиторы, защита прав кредиторов, реорганизация юридического лица, публичное акционерное общество, корпоративное право, уведомление о реорганизации, раскрытие информации, универсальное правопреемство.

Когда речь заходит о защите прав кредиторов в рамках процедуры реструктуризации юридического лица, то детальное рассмотрение установленных законодательством механизмов обнажает проблему института реорганизации в целом в рамках отечественного законодательства – недостаток эмпирического опыта у отечественной правовой мысли, вследствие рецепции норм в связи с кардинальными изменениями экономико-правового основания государства.

Понимание сущности предоставляемых кредиторам гарантий, а также их

пределов стоит основывать на том, что имеющиеся у них гарантии – это «особые права». Кредитор реорганизуемого юридического лица является внешним субъектом, не принимающим прямое участие во внутренних корпоративных процессах, однако, последствия их, во многом могут повлиять на его положение, а именно возможность удовлетворения требований. Сам кредитор реорганизуемого юридического лица не способен каким-либо правовым способом повлиять на процесс реорганизации, не являясь при этом участником общества.

Необходимость предоставления кредиторам реорганизуемого юридического лица «особых прав» напрямую корреспондирует возникновению принципа универсального правопреемства. Исторически, в XIX и XX веках., в континентальной правовой семье (в частности, в европейской правовой доктрине) господствовал подход, согласно которому реорганизация юридического лица не будет признана состоявшейся без получения согласия его кредиторов. Данная позиция проистекала из теоретического восприятия юридического лица не как самостоятельного субъекта правоотношений, а совокупности имущества, обособленной правовым режимом распоряжения, а также отрицания принципа универсального правопреемства в отношении данного комплекса имущества. Другими словами, во Франции и Испании, кредиторы сохраняли право требования по обязательствам к имуществу первоначального должника, не вступая в конкуренцию с кредиторами реорганизованного юридического лица, поскольку осуществляемая реорганизация юридических лиц, а в частности присоединение или слияние фактически воспринималась кредиторами как сделка между третьими лицами, последствия которой не могут влиять на порядок и возможность удовлетворения кредиторами требований из имущества первоначального должника.

Так, А.А. Кузнецов[1] отмечает, что исторически слияние было вынуждено освобождаться от условностей, установленных общими правилами о

---

[1] См.: Кузнецов А.А. Реорганизация хозяйственных обществ: гражданско-правовые способы защиты прав и интересов участников и кредиторов. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 145.

необходимости соблюдения порядка получения согласия кредиторов на осуществляемую перемену лиц в обязательства, являющейся для них последствием осуществляемой реорганизации. Установленные механизмы согласования волеизъявления юридического лица о реорганизации с кредитором создавало существенные неудобства для хозяйствующих субъектов, фактически делая реорганизацию невозможной. Вследствие этого, постепенно, сначала в правовой доктрине, а потом уже в судебной практике и в самом законе был признан отказ от необходимости получения согласия кредитора на осуществление процедуры реорганизации.

Обращаясь к отечественному правовому регулированию вопросов, связаных с защитой прав кредиторов юридического лица на стадии реорганизации, стоит отметить, что одним из механизмов защиты прав кредиторов на стадии реорганизации юридического лица – является установленный ст. 60 ГК РФ порядок уведомления о введении процедуры реорганизации в отношении юридического лица.

Так, в соответствии с действующим порядком уведомления, юридическое лицо должно в течение трех рабочих дней после принятия решения общим собранием (в случае присоединения и слияния – последним принявшим решение) направить уведомление о реорганизации с решением общего собрания в уполномоченный орган, осуществляющий регистрацию юридических лиц, который вносит соответствующую запись в ЕГРЮЛ, о том, что юридическое лицо находится в процессе реорганизации. После этого, юридическое лицо также обязано осуществить дважды с периодичностью один раз в месяц публикации в средствах массовой информации, в которых опубликовываются сведения о государственной регистрации юридических лиц.

Внимание стоит уделить и содержательной стороне уведомлений, важен объем получаемой кредиторами информации о процедуре реорганизации публичного акционерного общества (далее – ПАО), поскольку именно он влияет на определение кредитором объема реализации, предоставленных ему «особых» прав. Раскрытие ПАО сведений относительно существенных фактов одним из

способов уведомления кредитора, поскольку в рамках этого он может ознакомиться как с самим фактом реорганизации, так и с отчетностью ПАО, публикуемой в рамках раскрытия сведений о своей деятельности, как эмитента акций, находящихся в публичном обороте[2].

При оценке объема раскрытия сведений юридическим лицом при осуществлении им реорганизации в форме присоединения или слияния происходит фактическое столкновение двух субъектов – кредитора и общества. Один хочет защитить свое право требования и понять, несет ли для него это риск – другой, в нормальном гражданском обороте, хочет достичь цели концентрации рисков и избежать необходимости судебных тяжб по преждевременному исполнению обязательства перед кредитором. В случае ПАО, акционеры общества, в особенности и преимущественно мажоритарии, желают избежать рисков, связанных с возможной, ввиду вышеуказанных причин, нестабильностью рынка и уменьшения их доли ввиду начала деятельности агрессивных инвестиционных фондов.

Право на информацию фактически выступает механизмом для оценки обоснованности обращения к основному способу защиты прав кредитора, что в процессе реформы гражданского законодательства оставался практически неизменным – права требования кредитором досрочного исполнения обязательства, а при невозможности его исполнения, требования его досрочного прекращения и возмещения причиненных этим убытков (п. 2 ст. 60 ГК РФ)[3].

Для понимания сущности данного способа защиты прав кредитора стоит отметить, что в настоящее время указанные правила действуют только в отношении обязательств, момент возникновения которых был до осуществления реорганизуемым обществом первого уведомления в периодической печати. Кроме того, положениями ст. 60 ГК РФ установлен срок для предъявления вышеуказанных требований кредитором – не позднее тридцатидневного срока

---

[2] Положение Банка России от 27.03.2020 № 714-П (в ред. от 30.09.2022) «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 05.01.2026).

[3] См.: Агапова О.И. Защита прав кредиторов при реорганизации юридических лиц: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 77.

после даты опубликования реорганизуемым лицом последнего уведомления.

Относительно рассмотрения самого требования о необходимости досрочного исполнения обязательства, стоит сделать оговорку о том, что, по нашему мнению, бремя доказывания добросовестности и обоснованности действий должно возлагаться на само общество[4], поскольку данная позиция в полной мере продиктована особенностью самой процедуры реорганизации, которая, даже несмотря на правила о раскрытии сведений для ПАО, все же носит корпоративный характер, где кредитор выступает внешним субъектом. Другими словами, в случае заявления кредитором своих требований в суд – вред от осуществляемой процедуры реорганизации должен презюмироваться, поскольку кредитор не обладает всем объемом необходимой информации о проводимой процедуре.

Стоит отметить недостаточную гарантированность прав кредитора, момент исполнения по которым наступил еще до осуществления первой публикации о начале процедуры реорганизации. Так, согласно, формулировкам положений ст. 60 ГК РФ, право на предоставление дополнительных гарантий, а также возможностью заявить возражения относительно реорганизации обладают лишь кредиторы, момент исполнения по обязательствам которых еще не наступил. Подобная дискриминация кредиторов не представляется в полной мере обоснованной, поскольку лишение данной категории кредиторов гарантий, предусмотренных п. 3 ст. 60 ГК РФ, ставит их в неравное положение из-за независящих от них обстоятельств. Несомненно, в случае дополнения ГК РФ соответствующими положениями, разумным будет установление для данной категории кредиторов в качестве основной гарантии права на предоставление дополнительного обеспечения обязательства. Если требования кредитора по наступившему обязательству будут погашены обществом, то в материальном и процессуальном смысле он лишается права на иск.

Оценивая рассмотренные механизмы защиты прав кредиторов, стоит

---

[4] См.: Галазова З.В. Институт реорганизации юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 162.

заключить, что действующая отечественная модель защиты кредиторов при реорганизации юридических лиц имеет ряд недостатков, однако выступает в данном случае оптимальным решением. Так, она предоставляет механизмы защиты прав кредиторов как во время процедуры реорганизации, так и после нее, с другой стороны, позволяет юридическому лицу оценить заранее размер требований кредиторов и избежать возможного шантажа приостановкой процедуры реорганизации с их стороны.

Оператор информационной системы цифровых финансовых активов как субъект корпоративного контроля: ограничение владения и голоса в операторе ИС

Белоус Артем Алексеевич,
магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена корпоративно-правовому анализу статуса оператора информационной системы цифровых финансовых активов (оператора ИС ЦФА) как хозяйственного общества согласно Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…». Исследуются специальные ограничения на участие в уставном капитале и осуществление голосующих прав, их соотношение с общими принципами корпоративного права, а также влияние на модели корпоративного контроля и защиту участников рынка ЦФА. Анализируются возможные модели владения оператором ИС, особенности внутреннего контроля и управления рисками, а также перспективы эволюции регулирования.

Ключевые слова: оператор ИС ЦФА, цифровые финансовые активы, корпоративный контроль, ограничения участия, хозяйственное общество, Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…».

Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА) ввёл в российский правопорядок новую инфраструктурную фигуру — оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (оператор ИС)[1]. Оператор ИС является центральным

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259– ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

звеном режима ЦФА: через него реализуются алгоритмы выпуска и обращения цифровых прав, ведётся учёт прав обладателей, а в ряде случаев — реестр владельцев акций непубличного акционерного общества, выпущенных в форме ЦФА.

Специальные требования к оператору ИС сосредоточены прежде всего в ст. 5 и 6 Закона о ЦФА, а также в подзаконных актах и разъяснениях Банка России[2]. Закон использует модель, при которой оператором ИС может быть только российское юридическое лицо, включённое в реестр операторов информационных систем, а для случаев, когда оператором выступает хозяйственное общество, вводятся особые ограничения на структуру его капитала и реализацию голосующих прав.

Данные ограничения затрагивают ядро корпоративного права: вопросы участия в уставном капитале, осуществления корпоративного контроля, допустимых моделей владения и аффилированности. В научной литературе уже предпринимались попытки осмысления статуса оператора ИС как особого вида финансовой организации и эмитента локальных нормативных актов[3]. Однако корпоративно-правовой аспект — как именно специальные ограничения по участию и голосам в операторе ИС соотносятся с общими принципами корпоративного права и защиты конкуренции — остаётся разработанным лишь фрагментарно.

// Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

[2] Положение Банка России от 16.12.2020 № 746-П «О ведении Банком России реестра операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, реестра операторов обмена цифровых финансовых активов, о порядке и сроках представления операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторами обмена цифровых финансовых активов в Банк России сведений о лицах, распоряжающихся акциями (долями) указанных операторов, а также о порядке представления и согласования Банком России изменений в правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, изменений в правила обмена цифровых финансовых активов» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

[3] См.: Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 9. С. 124-134.

Настоящая работа направлена на гражданско- и корпоративно-правовой анализ оператора ИС ЦФА как хозяйственного общества, с акцентом на специальные ограничения участия в его капитале и последствия этих ограничений для моделей корпоративного контроля и защиты участников рынка ЦФА.

1. Правовой статус оператора информационной системы ЦФА.

Статья 5 Закона о ЦФА устанавливает, что оператором информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, может быть только юридическое лицо, личным законом которого является российское право, включённое в специальный реестр операторов, который ведёт Банк России[4]. В качестве операторов могут выступать, в частности, кредитные организации, депозитарии и лица, имеющие право осуществлять деятельность организатора торговли, что подчёркивает инфраструктурный характер данной фигуры.

Оператор ИС приобретает право осуществлять деятельность с момента включения в реестр, при этом Банк России наделён полномочиями по надзору за его деятельностью. Данная модель сближает оператора ИС с некредитными финансовыми организациями, находящимися под непосредственным надзором регулятора, что отражено и в доктрине, рассматривающей оператора ИС и оператора обмена ЦФА как новый вид организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии.

Оператор ИС обязан утвердить правила информационной системы, которые включают, среди прочего, правила выпуска ЦФА, правила учёта и внесения записей о цифровых активах, требования к пользователям, а также порядок ведения реестра владельцев ценных бумаг, если в системе учитываются акции непубличного акционерного общества, выпущенные в виде ЦФА. Правила информационной системы приобретают характер локальных нормативных актов, регулирующих порядок осуществления и оборота

---

[4] Операторы информационных систем [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/ois/ (дата обращения: 09.03.2026).

цифровых прав, что подчёркивается рядом авторов[5].

Закон о ЦФА специально дифференцирует регулирование на случаи, когда оператор ИС является хозяйственным обществом. В этом случае к его структуре капитала и режиму осуществления корпоративного контроля применяются особые ограничения, направленные на предотвращение концентрации контроля над ключевой инфраструктурой рынка ЦФА в руках ограниченного круга лиц.

Статья 5 Закона о ЦФА (в действующей редакции) предусматривает, что ни одно лицо, с учётом его контролируемых лиц, не вправе прямо или косвенно владеть более установленного порога доли в уставном капитале оператора ИС или осуществлять соответствующий объём голосующих прав по его акциям (долям). Конкретное значение порога и технические детали учёта косвенного владения закрепляются в самой норме и подзаконных актах, а по своей логике соотносятся с подходами антимонопольного законодательства к определению «группы лиц» и контролирующих лиц[6].

Правовой статус оператора ИС как хозяйственного общества, следовательно, характеризуется сочетанием общих норм о хозяйственных обществах (ГК РФ, законы об АО и ООО) и специальных ограничений, обусловленных его ролью в цифровой финансовой инфраструктуре. Это ставит вопросы о допустимости использования традиционных корпоративных конструкций (корпоративные договоры, опционные соглашения, доверительное управление акциями) для структурирования владения оператором ИС с учётом установленных лимитов.

В научной литературе обращается внимание на специфику договорных отношений между оператором ИС и пользователями (обладателями ЦФА и

---

[5]См.: Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–192.

[6] Разъяснение Федеральной антимонопольной службы от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» (утв. протоколом Президиума Федеральной антимонопольной службы от 11.06.2021 № 3) [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/products/ipo/primedoc/4011/ (дата обращения: 09.03.2026).

иными участниками системы)[7]. Оператор ИС выступает контрагентом по договору присоединения, в котором правила информационной системы включаются в содержание обязательства, фактически определяя порядок осуществления цифровых прав и распределение рисков технических сбоев.

Авторы подчёркивают, что оператор ИС, будучи хозяйственным обществом, одновременно является и «эмитентом» локальных регуляторных правил, и стороной частноправового договора, что усиливает значение механизмов корпоративного контроля над его деятельностью. В вопросах ответственности за убытки, причинённые пользователям вследствие утраты записей или сбоев, предлагается использовать модели, близкие к индемнити, позволяющие индивидуализировать условия и упростить компенсацию.

Таким образом, статутный статус оператора ИС и его договорные отношения с пользователями образуют сложную конструкцию, где баланс частноправовой автономии и публично-правового надзора во многом определяется через специальные корпоративно-правовые ограничения на структуру владения оператором.

2. Ограничения на участие в капитале оператора ИС и модели корпоративного контроля.

Специальные ограничения участия в капитале оператора ИС и осуществления голосующих прав по его акциям (долям) направлены на предотвращение монополизации доступа к цифровой финансовой инфраструктуре и минимизацию конфликтов интересов между оператором, эмитентами ЦФА и инвесторами. Законодатель исходит из того, что лицо, контролирующее оператора ИС, потенциально может влиять на условия выпуска и обращения ЦФА, доступ участников к системе, объём раскрываемой информации и порядок разрешения инцидентов.

Важно, что ограничения адресованы не только прямым акционерам

---

[7] См.: Курбанов Р.А., Налетов К.И. Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 45-58.

(участникам) оператора ИС, но и лицам, которые имеют возможность контролировать его через аффилированные структуры, договоры и иные механизмы. По своей технике норма корреспондирует подходам антимонопольного законодательства, в котором при оценке экономической концентрации учитывается совокупность лиц, входящих в одну группу, а также договорные конструкции, обеспечивающие фактический контроль при отсутствии формального большинства в капитале.

Эти ограничения по своей сути представляют собой специфический механизм корпоративно-правового регулирования, встроенный в систему финансового законодательства, при котором защита конкуренции и интересов более слабой стороны (инвесторов) обеспечивается не только мерами публичного надзора, но и заблаговременным установлением допустимых моделей владения инфраструктурными организациями.

Общие положения гражданского и корпоративного права исходят из свободы участников хозяйственных обществ в выборе структуры владения и моделей корпоративного контроля, ограничивая её главным образом императивными нормами об органах управления, защите прав миноритариев и запрете злоупотребления правом. Введение специальных лимитов на участие в капитале и голосовании в отношении оператора ИС представляет собой значимое отступление от этого принципа в силу особого статуса соответствующего субъекта.

С теоретико-правовой точки зрения такие ограничения могут быть обоснованы через доктрину «регулируемых субъектов инфраструктуры рынка», к которым уже относятся биржи, центральные депозитарии и иные ключевые звенья финансовой системы. В отношении таких субъектов традиционно допускается более жёсткая регламентация состава участников и структуры контроля, включая участие государства или квази-государственных институтов развития.

Возникает вопрос о допустимости использования классических корпоративно-договорных инструментов для обхода установленных лимитов,

например, дробления пакета акций между аффилированными лицами, заключения акционерных соглашений о согласованном голосовании, передачи акций в доверительное управление с сохранением фактического контроля и т. п. С учётом формулировок ст. 5 Закона о ЦФА, ориентирующихся на учёт косвенного владения и контроля, подобные конструкции в принципе могут попасть в сферу регулирования, но оценка их правомерности потребует учёта как буквального текста нормы, так и целей законодательства.

С учётом установленных ограничений на участие и голосование можно выделить несколько базовых моделей владения оператором ИС ЦФА[8]:

- Модель «рассеянного» частного владения, при которой акции (доли) оператора распределены между несколькими неспециализированными инвесторами, ни один из которых не достигает порога, позволяющего установить доминирующий контроль; в такой модели ключевую роль играет корпоративное управление и надзор Банка России.
- Модель участия крупных финансовых институтов, когда акционерами оператора выступают банки, депозитарии, биржи и иные профессиональные участники, при этом каждый из них ограничен установленным законом порогом; данная модель может способствовать технологической и финансовой устойчивости оператора, но порождает риск координации интересов профессиональных игроков.
- Модель с участием государства или институтов развития, при которой ключевой пакет акций оператора принадлежит государственному банку, государственной корпорации или специализированному институту развития, что обеспечивает политико-правовую устойчивость, но одновременно усиливает риск квази-монопольного положения.

Корпоративно-правовой анализ каждой модели предполагает оценку баланса между необходимостью устойчивого и предсказуемого управления

---

[8]См.: Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–192.

инфраструктурой и риском блокирования инноваций или ущемления интересов участников рынка ЦФА.

3. Корпоративное управление оператором ИС и защита участников рынка ЦФА.

Закон о ЦФА и подзаконные акты Банка России предъявляют к операторам ИС повышенные требования в части организации внутреннего контроля, управления рисками и обеспечения непрерывности функционирования информационной системы. В частности, ст. 6 Закона о ЦФА обязывает оператора обеспечить возможность восстановления доступа обладателя ЦФА к записям системы, бесперебойность работы, целостность и достоверность информации, корректность реализации алгоритмов распределённого реестра и невозможность их несанкционированного изменения.

Эти требования прямо корреспондируют корпоративному управлению, поскольку реализация систем внутреннего контроля и риск-менеджмента возлагается на органы управления хозяйственного общества — совет директоров, исполнительные органы, комитеты по аудиту и рискам. В условиях цифровой инфраструктуры значительную роль приобретают также ИТ-службы, информационная безопасность и независимый внутренний аудит цифровых процессов[9].

Сочетание специальных обязанностей оператора ИС с общими стандартами добросовестного и разумного поведения органов управления хозяйственного общества формирует повышенный стандарт ответственности контролирующих лиц за надлежащее функционирование системы и защиту прав участников рынка ЦФА.

Корпоративное управление оператором ИС опосредованно влияет на защиту прав держателей ЦФА, поскольку от него зависят надёжность учёта прав, прозрачность корпоративных действий эмитентов (особенно при учёте

---

[9] См.: Жаринов И.О. Корпоративное управление в цифровой экономике. // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. № 6. С. 158-169.

акций непубличных АО в форме ЦФА) и порядок реагирования на инциденты. С точки зрения корпоративного права ключевыми являются следующие механизмы:

- структура органов управления (наличие совета директоров, независимых директоров, профильных комитетов), способная обеспечить баланс интересов акционеров оператора ИС и пользователей системы;
- режим аффилированности и конфликта интересов, ограничивающий участие в принятии решений лиц, заинтересованных в определённом режиме выпуска или обращения конкретных ЦФА;
- прозрачность владения и контроля, достигаемая через раскрытие информации об акционерах (участниках) оператора ИС и их аффилированности, что важно для оценки независимости оператора по отношению к крупным эмитентам и участникам рынка.

В научных работах подчёркивается, что корпоративное управление в цифровой экономике требует адаптации традиционных механизмов к особенностям виртуальной инфраструктуры, в том числе через использование цифровых платформ, «цифровых двойников» и алгоритмических решений в управлении. Оператор ИС ЦФА выступает в этом контексте как пример организации, где информационная система становится не только объектом корпоративного контроля, но и активным элементом корпоративного управления.

Анализ текущего регулирования и тенденций развития рынка ЦФА позволяет выделить несколько направлений возможной эволюции корпоративно-правового режима оператора ИС:

1. Уточнение и детализация ограничений по участию и голосованию — по мере накопления практики возможна корректировка пороговых значений, способов учёта косвенного контроля и структур с участием иностранных лиц, что потребует более тесной стыковки Закона о ЦФА с антимонопольным и инвестиционным законодательством.

2. Усиление требований к корпоративному управлению — вероятны дополнительные рекомендации и стандарты Банка России по структуре органов управления, независимости директоров и раскрытию информации в отношении операторов ИС как системно значимых инфраструктурных организаций.

3. Интеграция механизмов разрешения споров и индемнити-конструкций — с учётом предложений доктрины возможно развитие специальных механизмов компенсации потерь пользователей при технических сбоях, что повлечёт необходимость учёта таких механизмов в корпоративных документах и риск-моделях оператора.

4. Расширение применения ЦФА и усложнение продуктов (например, долговые ЦФА, токенизация акций и иных корпоративных прав), что усилит значимость оператора ИС в корпоративных отношениях и, соответственно, потребует более тонкой настройки ограничений участия и корпоративного контроля.

В совокупности это позволяет сделать вывод, что оператор информационной системы ЦФА как хозяйственное общество является одним из ключевых узлов сопряжения гражданского, корпоративного и финансового права в условиях цифровизации финансового рынка, а специальные ограничения участия в его капитале представляют собой значимый инструмент управления рисками и защиты интересов участников рынка.

Финансовое оздоровление как обязательная процедура в деле о банкротстве сельскохозяйственных товаропроизводителей

Болтенков Виктор Сергеевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Банкротство сельскохозяйственного товаропроизводителя – явление нежелательное для общества и государства. В статье рассматривается вопрос о закреплении в Законе о банкротстве такой реабилитационной процедуры для должника сельскохозяйственного товаропроизводителя, как финансовое оздоровление, в целях предотвращения ликвидации должника и восстановления его платёжеспособности. В этих целях в статье разработаны критерии, соответствие должника которым, позволяет арбитражному суду ввести процедуру финансового оздоровления.

Ключевые слова: сельскохозяйственная организация, Закон о банкротстве, процедура банкротства, финансовое оздоровление, реабилитационная процедура, должник, кредитор, арбитражный управляющий, правовой механизм банкротства.

Сельское хозяйство представляет собой особую сферу экономики, нормальное функционирование которой является важнейшим условием продовольственной безопасности страны как такого состояния ее социально-экономического развития, при котором обеспечивается продовольственная независимость РФ, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни[1].

Подобная социально-экономическая ценность сельского хозяйства в жизни общества и государства обуславливает наличие публичного интереса в

[1] Пункт 2 Доктрины продовольственной безопасности РФ. Утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

деле о банкротстве сельскохозяйственной организации и порождает в научной среде дискуссии о необходимости закрепления в Федеральном законе от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[2] (далее по тексту - Закон о банкротстве) обязательной реабилитационной процедуры для сельскохозяйственных организаций. Существует подобная дискуссия достаточно давно. В юридической литературе отмечается, что закрепленный в Законе о банкротстве правовой механизм реабилитации сельскохозяйственных организаций не достиг желаемого результата.

Как отмечает О.В. Жданова, «при использовании Закона «О несостоятельности (банкротстве)», призванного финансово оздоровить предприятия, в основном решается вопрос о смене их собственника. По общему мнению, этот институт экономического оздоровления себя не оправдал»[3].

З.Д. Каюмова делает следующий вывод: «несмотря на наличие законодательного регулирования банкротства сельскохозяйственных организаций, на практике данный процесс не всегда приводит к финансовому оздоровлению данных субъектов»[4].

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что реабилитационные меры должны быть санкционированы государством. Такой вывод представляется более чем оправданным, поскольку в настоящее время правовой механизм введения реабилитационной процедуры заключается в том, что за первым собранием кредиторов остаётся право определить юридическую судьбу должника - сельскохозяйственной организации, удовлетворить или не удовлетворить ходатайство должника о введении финансового оздоровления или внешнего управления.

Принимая во внимание понятную заинтересованность кредиторов в скором удовлетворении своих требований, на практике, как правило, за

---

[2] Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[3] Жданова О.В. Банкротство сельскохозяйственных предприятий: актуальные проблемы современности // Аграрный вестник Северного Кавказа. 2011. № 2. С. 65-67.

[4] Каюмова З.Д. Некоторые особенности банкротства лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере сельского хозяйства // Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С. 88-92.

процедурой наблюдения следует процедура конкурсного производства, минуя реабилитационные процедуры – финансовое оздоровление, внешнее управление.

Д.В. Башмаков полагает, что должна быть подготовлена система мер по предупреждению несостоятельности сельскохозяйственных организаций на государственном уровне[5].

С.Г. Пишина, А.Г. Пишин призывают активно проводить финансовое оздоровление, наблюдение, внешнее управление, стараясь избежать введения конкурсного производства. Учёными справедливо было отмечено, что по действующему законодательству ход процедур банкротства определяет кредитор. Понятно, что цель кредитора - восстановление своей пострадавшей имущественной сферы, у него нет задачи восстановления финансового благополучия должника, ему надо только вернуть свое. При таком нормативном акценте на интересы кредитора невозможно осуществить задачу сохранения статуса должника. Это и приводит к массовому банкротству, которое по определению дестабилизирует гражданский оборот[6].

В настоящее время в Законе о банкротстве отсутствует правовой механизм обязательного введения реабилитационных процедур в деле о банкротстве сельскохозяйственных организаций, в научной литературе также не предложено подобного правового механизма, обоснованного как с научной, так и с практической точки зрения.

Однако, аналог необходимой реабилитационной процедуры в деле о банкротстве сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств уже был разработан законодателем и довольно подробно конкретизирован подзаконными нормативными актами.

В связи с этим отметим слова В.В. Кулакова о том, что финансовое

---

[5] См.: Башмаков Д.В. Актуальные вопросы несостоятельности (банкротства) в агропромышленном комплексе России // Имущественные отношения в РФ. 2011. № 9. С. 45-51.

[6] См.: Пишина С.Г., Пишин А.Г. Особенности выбора процедуры банкротства для должника - сельскохозяйственного производителя // Российский судья. 2023. № 6. С. 2-6.

оздоровление как процедуру банкротства необходимо отличать от финансового оздоровления, предусмотренного Федеральным законом от 9 июля 2002 года № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей»[7], которое представляет собой внесудебный механизм, направленный на улучшение финансового состояния сельскохозяйственных товаропроизводителей до применения к ним процедур банкротства путем реструктуризации долгов, осуществляемой на основании договора между должником и кредиторами при координационном содействии комиссий, создаваемых органами исполнительной власти[8].

Финансовое оздоровление в деле о банкротстве, по мнению В.А. Самородского, И.А. Хлусова, подразумевает процедуру банкротства, в ходе которой должник под контролем кредиторов может предпринять меры по восстановлению платежеспособности и избежать перехода во внешнее управление или конкурсное производство[9].

В целях разработки правового института обязательного финансового оздоровления для сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств считаем возможным обратиться к опыту правового регулирования банкротства сельскохозяйственных организаций в США.

Аналогом крестьянского (фермерского) хозяйства в США является семейное фермерство. Банкротству семейного фермерству в отличие от сельскохозяйственных организаций, посвящён специальный параграф в Своде федеральных законов США, поскольку большинство производителей сельскохозяйственной продукции образованы в виде семейных фермерств. Правовое регулирование банкротства сельскохозяйственных организаций в США закреплено в Главе 12 «Урегулирование долгов семейного фермера или рыбака с постоянным годовым доходом» Титула 11 Свода федеральных

---

[7] Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2787.

[8] Правовые основы несостоятельности (банкротства): учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Кулакова.— 2-е изд., перераб. и доп.— Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 321.

[9] См.: Самородский В.А., Хлустова И.А. Антикризисное управление. М.: КолосС, 2008. С. 154.

законов США.

Следует отметить, что суд в США выносит постановление о предоставлении должнику (сельскохозяйственной организации) льготы (order for relief), то есть вводит определённую правовую процедуру, в рамках которой должнику предоставляется возможность улучшить своё финансовое состояние, после чего рассчитаться со своими кредиторами в соответствии с планом, наиболее подходящим с учётом финансового положения должника. Постановление о предоставлении должнику льготы равносильно российскому постановлению о признании банкротом (несостоятельным). В модели банкротства США предполагается, что должник своими силами, будучи заинтересованным в продолжении своей предпринимательской деятельности сможет предоставить экономически обоснованный план по выходу из кризисной ситуации, в связи с этим судебный акт, именуется данным образом.

В соответствии со ст. 1221 Свода федеральных законов США должник должен представить план не позднее чем через 90 дней после вынесения постановления о предоставлении должнику льготы, при этом суд может продлить этот срок, если необходимость в продлении связана с обстоятельствами, за которые должник не должен нести ответственность[10].

Таким образом, дело о банкротстве в США в большей степени ориентирована на добросовестного должника, в том числе если должником является производитель сельскохозяйственной продукции. Дело о банкротстве производителя сельскохозяйственной продукции в США начинается с реабилитационной процедуры и подразумевает разработку должником экономически обоснованного плана.

Перенять опыт США по данному вопросу в полном объёме для российского законодателя не представляется возможным, поскольку российское юридическое лицо, признанное банкротом арбитражным судом

---

[10] Свод федеральных законов США [электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-12/subchapter-II (дата обращения: 28.02.2026).

может быть «брошенным бизнесом», то есть руководитель должника не заинтересован в продолжение хозяйственной деятельности юридического лица или крестьянского (фермерского) хозяйства не образованного в качестве юридического лица, в связи с чем возложение обязанности на руководителя должника разработать экономически обоснованный план не переставляется возможным. Возложение обязанности на должника разработать экономически обоснованный план не будет способствовать цели сохранения сельскохозяйственных организаций.

Таким образом, необходим правовой механизм анализа и отбора сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств, введение в отношение которых реабилитационной процедуры, будет способствовать восстановлению платёжеспособности производителя сельскохозяйственной продукции. Главная цель подобного правового механизма – обеспечение продовольственной безопасности страны, сдерживание массового банкротства производителей сельскохозяйственной продукции, сохранения конкурентного рынка.

Подобный правовой механизм должен базироваться на определённых критериях, которым должен отвечать должник, в таком случае суд будет обязан ввести в отношении должника реабилитационную процедуру.

За основу данного правового механизма следует взять уже упомянутый Федеральный закон от 9 июля 2002 года № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей». Финансовое оздоровление сельскохозяйственных товаропроизводителей основывается на следующих принципах: добровольности и равнодоступности; обеспечения единых условий для ее проведения; конфиденциальности; однократности участия в программе[11].

Важно отметить, что финансовое оздоровление должно вводится только в отношении сельскохозяйственных товаропроизводителей, которые с учётом их

---

[11] Ст. 3 Федерального закона от 09.07.2002 № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» // Парламентская газета. 2002. № 131-132.

фактического финансового положения имеют реальную возможность продолжить свою хозяйственную деятельность по окончании дела о банкротстве и при этом имеют высокую степень значимости для развития того или иного региона.

В связи с этим представляется разумным в Законе о банкротстве закрепить правовой механизм, в соответствии с которым, в определении о признании банкротом сельскохозяйственной организации арбитражный суд обязывает за один месяц до назначенного судебного заседания по рассмотрению отчёта временного управляющего о своей деятельности региональный орган управления агропромышленным комплексом, к примеру, для Оренбургской области - Министерство сельского хозяйства, торговли, пищевой и перерабатывающей промышленности Оренбургской области, предоставить в материалы дела и арбитражному управляющему заключение о целесообразности введения процедуры финансового оздоровления сельскохозяйственного товаропроизводителя (далее по тексту – заключение), которое должно быть либо положительным, либо отрицательным. В случае предоставления положительного заключения предоставить в материалы дела план реструктуризации долгов, включающий в себя график погашения задолженности перед кредиторами.

Заключение должно быть заблаговременно до проведения первого собрания кредиторов направлено известным арбитражному управляющему кредиторам должника. Заключение также должно быть представлено кредиторам на первом собрании кредиторов и по их требованию в любой момент дела о банкротстве.

Основанными критериями для принятия, которые должны быть положены в основу положительного заключения:

1. Наличие плана реструктуризации долгов, обосновывающего возможность погашение долгов должника в течение трёх лет, без возможности продления процедуры финансового оздоровления. Более длительный период времени финансового оздоровления не является экономически

целесообразным, ставит под сомнения вопрос о возможности полного погашения долгов должника. Данный признак будет являться обязательным при решении вопроса о введение в отношении должника процедуры финансового оздоровления.

2. Значимость деятельности сельскохозяйственной организации для того или иного региона, муниципального района страны. Во внимание должно быть принято общее количество работников должника, их соотношение с работоспособным населением населённого пункта, на территории которого находится должник. Объём выручки должника за последние пять лет, объём прибыли должника за тот же период времени, их соотношение с организациями, занятыми в той же сфере, что и должник.

Оба признака являются обязательными, в случае наличия первого признака у должника, и отсутствия второго, в материалы дела арбитражного суда в любом случае должно быть направлено отрицательное заключение. Данные признаки должны быть учтены в заключение и приняты во внимание при разработке плана реструктуризации долгов.

Таким образом, неоднократно высказанная в юридической литературе идея о том, что необходим урегулированный законом механизм восстановления платёжеспособности должника сельскохозяйственного товаропроизводителя, в связи со значимостью деятельности данного должника для общества и государства, должна иметь реальное воплощение в Законе о банкротстве с соблюдением баланса интересов конкурсных кредиторов и должника.

Понятие, признаки и виды правопреемства в гражданском праве

Еремеева Кристина Юрьевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Правопреемство относится к числу ключевых институтов гражданского права. Оно обеспечивает непрерывность и развитие имущественных отношений при смене их участников, выступая связующим звеном между старым и новым правоотношениями. Социально-экономическая ценность института заключается в гарантированной сохранности прав и обязанностей, что критически важно для кредиторов, должников, наследников и реорганизуемых юридических лиц. Однако, несмотря на прочный теоретический фундамент и повсеместную практику, правопреемство остается предметом оживленных научных споров.

Ключевые слова: правопреемство, правоотношение, сингулярное правопреемство, универсальное правопреемство, обязанности.

В современной доктрине не существует общепризнанного определения правопреемства, так как этот институт многогранен. Однако можно выделить несколько концептуальных подходов. Первым является «статистический подход», он акцентирует внимание на результате, при котором правопреемник занимает место правопредшественника в конкретном правоотношении. Этот подход и доминирует в учебной литературе. Вторым подходом является «динамический»- он предполагает акцент на изменении субъектного состава гражданского правоотношения, при котором объем правомочий и обязанностей нового субъекта определяется объемом правомочий и обязанностей выбывающего субъекта. Как пишет Е.А. Суханов: «вся совокупность прав и обязанностей правопредшественника переходит к правопреемнику одновременно в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту их перехода»[1]. «Комплексный» подход объединяет первые два

[1] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. —3-е изд., перераб. и доп. —

подхода. Б.Б. Черепахин дает определение, подчеркивающее признаки производности правопреемства, а именно: «Правопреемство есть переход субъективного права (в широком смысле - также правовой обязанности) от одного лица (праводателя) к другому (правопреемнику) в порядке производного правоприобретения (в соответствующих случаях - производного приобретения правовой обязанности)»[2]. Автор посредством определения показывает, что суть правопреемства заключается в производном приобретении субъективного права или юридической обязанности и основывается на их переходе от первоначального носителя к преемнику. Данный переход означает как замену активной стороны (при переходе прав), так и замену пассивной стороны (при переходе обязанностей). Однако основное юридическое содержание, то есть объем, вид обременения, сохраняется. Таким образом, отличительный признак правопреемства — производная зависимость приобретаемого права или обязанности от предшествующего правоотношения, чего нет при первоначальном приобретении.

На основе положений Гражданского кодекса РФ и с учетом анализа вышеуказанных подходов, в рамках настоящего исследования можно сформулировать следующее определение. Правопреемство в гражданском праве — это основанный на законе, сделке или ином предусмотренном правом юридическом факте производный правовой механизм, в рамках которого происходит легитимная смена субъекта в конкретном гражданском правоотношении или совокупности, влекущая переход к правопреемнику тождественных прав и (или) обязанностей в неизменном либо установленном передаточном актом объеме. Данное определение содержит все основополагающие критерии, включая основание, механизм, содержание и результат.

Выявление и определение конструирующих признаков правопреемства

Москва: Статут, 2023. С. 223.

[2] Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву / Б.Б. Черепахин. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 201.

представляют собой одну из наиболее значимых задач, имеющую не только теоретическое, но и практическое значение. Отсутствие легальной дефиниции единого определения правопреемства приводит к тому, что система признаков является основным инструментом для отграничения рассматриваемого института от смежных. Именно выявление и фиксирование данных признаков помогают правоприменителю более точно квалифицировать юридические составы, обеспечивать защиту кредиторов, устанавливать надлежащих субъектов в судебном споре.

Первым признаком является производность приобретения. Он является системообразующим и отражающим сущность правопреемства как производного, а не первоначального способа возникновения прав и обязанностей. То есть правопреемник приобретает право не независимо, а как бы «из рук» правопредшественника, перенимания все стороны его правового положения. Объем полномочий преемника идентичен объему правопредшественника на момент перехода этих прав. Данный признак в контексте реорганизации находит свое практическое применение в том, что правопреемник не может отказаться от принятия некоторых обременительных обязательств реорганизуемого юридического лица, если они входят в утвержденный передаточный акт.

Второй признак — это сохранение идентичности правоотношений. Он является логическим следствием вышеуказанного признака производности и означает, что при правопреемстве меняется сугубо субъектный состав правоотношения, в то время как объект, содержание и основание остаются неизменными. То есть правоотношение не возникает заново и не прекращается, а продолжает существовать в измененном виде.

Третий и не менее тесно связанный с первыми двумя- признак наличия правопредшественника и правопреемника. Правопреемство всегда предполагает существование как минимум двух субъектов: лица, которое выбывает из правоотношения (правопредшественника) и лица, занимающего место первого (правопреемника). Отсутствие правопредшественника,

например, характерно для первоначальных способов приобретения прав. Указанный признак необходим для разрешения вопросов легитимации, так как правопреемство не может быть возможным, если юридическое лицо-правопредшественник- не прекратило существование в установленном законом порядке при реорганизации.

Четвертый признак связан с формализацией, а именно легитимацией правопреемника. Для того чтобы признать правопреемника управомоченным или обязанным лицом, необходимо соблюдение определенных формальностей, установленных законом и призванных обеспечить публичность, определенность оборота и защиту интересов третьих лиц. Такими формами легитимации являются государственная регистрация, уведомление должника и получение согласия кредитора, внесение записи в реестр акционеров, утверждение передаточного акта при реорганизации юридического лица.

Ряд авторов предлагают расширить существующую систему признаков, выделяя дополнительные характеристики. Такими можно назвать, во-первых, сложный юридический состав как основание. В данном случае правопреемство рассматривается не как единичный юридический факт, а как результат сложного юридического состава, включающего решение компетентного органа, инвентаризацию, уведомление кредиторов, утверждение передаточного акта и государственную регистрацию. Во-вторых, обеспечение непрерывного оборота. Этот признак отражает функциональное назначение института. То есть правопреемство минимизирует перерывы в хозяйственной деятельности, позволяя бизнесу, обязательствам и имуществу существовать независимо от смены конкретных их обладателей. В-третьих, специальные гарантии для кредиторов. Хотя этот признак больше является следствием правопреемства (особенно универсального), однако его постоянное наличие и детальная законодательная регламентация позволяют говорить о нем, как о квалифицирующей характеристике.

Таким образом, признаки правопреемства образуют внутренне согласованную систему, централизованную вокруг производного перехода

тождественных прав и обязанностей между конкретными субъектами при условии его допустимости и соблюдения установленной законом процедуры. Указанные признаки не изолированы друг от друга, а существуют совместно, взаимно дополняя и обуславливая.

Е.А. Суханов отмечал: «уже в Древнем Риме различали правопреемство общее, или универсальное, и частичное, или сингулярное»[3]. В рамках рассмотрения данного вопроса через призму хозяйственных обществ, категории универсального и сингулярного правопреемств являются фундаментальными для понимания динамики прав и обязанностей, так как они описывают два принципиально разных механизма перехода юридической позиции от одного субъекта к другому.

В доктрине к сингулярному (частичному) правопреемству относят ситуации, в которых осуществляется переход субъективных прав и (или) обязанностей. Оно характеризуется передачей не комплекса, а отдельных правовых элементов, основанием, возникающим благодаря конкретному юридическому действию или сделке (договору), а также добавлением приобретенного права к уже существующему у правопреемника правовому статусу. Сингулярное правопреемство имеет место в случае уступки права требования (ст. 388 ГК РФ), перевода долга (ст. 391 ГК РФ), передачи доли (акций). Последний случай является наиболее значимым с точки зрения корпоративных правоотношений. При отчуждении доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью или акций акционерного общества переходит не на весь правовой статус участника, а на комплекс корпоративных прав, неразрывно связанных с этой долей или акцией, то есть право на участие в управлении, на дивиденды, ликвидационную стоимость. В научной литературе это часто называется сингулярным правопреемством, однако при

---

[3] Гражданское право: В 4 т. Том 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Зенин И. А. и др.]; отв. ред. — Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 59.

этом общество как юридическое лицо не претерпевает реорганизации, а имущественная база не изменяется, меняется лишь персональный состав участников. Сингулярное правопреемство служит инструментом именно количественного изменения состава участников и текущей корректировки активов и пассивов при сохранении идентичности самого хозяйственного общества.

Универсальное правопреемство выступает центральным и наиболее сложным видом в жизни хозяйственного общества. При универсальном правопреемстве все имущество субъекта как совокупность его прав и обязанностей переходит к правопреемнику «как единое целое, причем в этой совокупности единым актом переходят все отдельные права и обязанности, принадлежавшие на момент правопреемства праводателю, независимо от того, выявлены ли они к этому моменту или нет», отмечает И.С. Шиткина[4]. Сегодня универсальное правопреемство осуществляется при наследовании и реорганизации юридических лиц[5]. Однако так как институт наследования имеет более глубокие исторические корни по сравнению с реорганизацией, постараемся более полно разобрать вопрос со стороны корпоративного права, где его единственным, но многовариативным основанием для универсального правопреемства является реорганизация. Д.В. Ломакин пишет, что «универсальное правопреемство осуществимо несколькими способами, которые находят отражение в различных формах реорганизации»[6]. Именно реорганизация влечет за собой переход всей совокупности прав и обязанностей

---

[4] Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. – М.: - Статут. - 2017. – 638 с.

[5] Ершова Ю.В. О некоторых вопросах защиты прав и законных интересов участников хозяйственного общества при осуществлении реорганизации в форме слияния и присоединения // Теория и практика применения и толкования в частном праве: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 118-123.

[6] Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М.: Статут, 2015. С. 178.

реорганизуемого общества, то есть правопредшественника к правопреемнику (правопреемникам) как к единому целому.

Проведенный анализ позволяет заключить, что институт правопреемства, несмотря на отсутствие его легальной дефиниции, обладает устоявшейся доктринальной характеристикой. В современной науке сложилось несколько концептуальных подходов к его пониманию (статический, динамический и комплексный), которые в своей совокупности раскрывают механизм перехода прав и обязанностей как процессуальной смены субъектов при сохранении содержания правоотношения.

Таким образом, правопреемство представляет собой сложный, многоаспектный правовой институт, функционально направленный на обеспечение непрерывности имущественного оборота и стабильности правоотношений, а его теоретическое осмысление через систему признаков и классификацию видов служит необходимым условием для эффективного правоприменения, особенно в сфере корпоративных правоотношений.

Понятие и классификация сделок, в совершении которых имеется заинтересованность

Кунавин Руслан Олегович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ правового института сделок с заинтересованностью в хозяйственных обществах по законодательству Российской Федерации. Основное внимание уделяется раскрытию нормативного содержания понятия заинтересованности через призму субъектного состава, характера связи заинтересованного лица со сделкой и предмета заинтересованности. В работе предлагается классификация таких сделок по ключевым критериям. Результатом исследования является системное представление о конструкции сделки с заинтересованностью, имеющее практическое значение для правоприменения и совершенствования корпоративного управления.

Ключевые слова: сделка с заинтересованностью, заинтересованное лицо, конфликт интересов, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, одобрение сделки, общее собрание акционеров.

Институт сделок с заинтересованностью представляет собой один из фундаментальных элементов системы сдержек и противовесов в современном корпоративном праве. Его основное функциональное назначение заключается в защите имущественных интересов хозяйственного общества и его миноритарных участников от потенциальных злоупотреблений со стороны лиц, обладающих возможностью влиять на принятие управленческих решений.

Правовая регламентация таких сделок исходит не из презумпции их порочности, а из понимания реальности конфликта интересов, который может возникнуть у контролирующих лиц и менеджмента. Следовательно, целью закона является не запрет, а установление специального, более строгого порядка их совершения, обеспечивающего независимую оценку и одобрение со стороны

незаинтересованных органов управления. Регулирование сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, осуществляется специально ввиду того, что они существенно влияют на имущественный капитал и имущественную обособленность корпорации[1].

Как отмечает Ю.Н. Андреев, корпоративные интересы представляют собой одну из ключевых разновидностей имущественных интересов. Они охватывают как интересы учредителей (участников) корпораций, так и интересы самих корпораций, возникающие в рамках имущественных отношений. Консолидация имущества корпорации, создание и работа органов управления, функционирование корпорации в целом, а также деятельность менеджмента и трудового коллектива нацелены на обеспечение потребностей компании и соблюдение законных интересов её учредителей (участников, членов)[2].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 года № 5-П указано: «исходя из сущности акционерного общества, заключаемые им сделки способны порождать конфликт интересов между мажоритарными акционерами, управленческими органами общества и миноритарными акционерами»[3].

Как полагает И.С. Шиткина, конфликт интересов в сфере корпоративных правоотношений следует рассматривать как законодательно предполагаемое противоречие. Оно возникает вследствие участия одного лица в нескольких правоотношениях, что оказывает влияние на формирование его волеизъявления в

---

[1] См.: Стройкина Ю.В. Имущественная обособленность как конструктивный признак коммерческой организации: дис. …канд. юрид. наук. – Оренбург, 2002. С. 175; Петрова Ю.В., Ершова Ю.В. Правовой режим сделок с заинтересованностью в Российской Федерации // Проблемы укрепления законности и правопорядка в современном обществе: Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику «День сотрудника органов внутренних дел». Стерлитамак, 10 ноября 2021 года. – Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2021. С. 17-22.

[2] См.: Андреев Ю.Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика: монография / Ю.Н. Андреев. — Москва: Проспект, 2023. С. 136.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2003 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

ущерб правам и законным интересам корпорации и её участников[4].

В российском правопорядке базовые определения и процедуры, касающиеся сделок с заинтересованностью, содержатся в двух ключевых законах: Федеральном законе от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и Федеральном законе от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Несмотря на некоторые терминологические различия, эти акты закрепляют единую сущностную модель регулирования.

Понятие сделки с заинтересованностью является формально-определенным. Ее квалифицирующим признаком выступает не экономическое содержание или тип договора, а особый статус (заинтересованность) конкретных физических или юридических лиц, связанных с обществом. Так, к лицам, чья заинтересованность имеет юридическое значение, относятся члены совета директоров, единоличный исполнительный орган (директор), а также лица, прямо или косвенно контролирующие компанию (например, крупные акционеры). Заинтересованность как юридический факт возникает при наличии конкретной связи между указанным лицом и совершаемой обществом сделкой.

В круг субъектов, чья заинтересованность может иметь значение при заключении компанией сделки, закон включает тех, кто в силу своего статуса или должности способен повлиять на организацию, склоняя ее к подписанию договора. Законодатель установил исчерпывающий список лиц, чья заинтересованность учитывается при совершении подобных сделок. Граждане и организации, не включенные в этот перечень, не признаются заинтересованными в смысле, придаваемом данным понятием нормами законов об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью[5].

Законодательство предусматривает возможность предварительного одобрения заинтересованных сделок со стороны совета директоров или общего

---

[4] См.: Шиткина И.С. Корпоративное право в таблицах и схемах: учебно-методическое пособие — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстицинформ, 2025. С. 626.

[5] См.: Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью. Москва: Статут, 2020. С. 121.

собрания акционеров. Инициировать процедуру согласования могут следующие лица: руководитель компании (единоличный исполнительный орган), любой член коллегиального исполнительного органа или совета директоров, а также акционер (или группа акционеров), контролирующий не менее одного процента голосующих акций. Для обществ с ограниченной ответственностью аналогичное право предоставлено участникам, чья совокупная доля в уставном капитале достигает как минимум одного процента.

Установление минимального ценза в 1% преследует цель оградить корпорацию от необоснованных требований. Это исключает возможность инициирования процедуры лицами, чей голос фактически не способен повлиять на исход голосования из-за крайне малой доли участия, и предотвращает потенциальные злоупотребления правом с их стороны[6].

Сделки, в совершении которых имеется заинтересованность, можно классифицировать по различным критериям. По субъекту заинтересованности можно выделить сделки с заинтересованностью членов органов управления (совет директоров, единоличный исполнительный орган), сделки, в которых заинтересовано контролирующее лицо (мажоритарный акционер-участник), а также смешанные. По моменту возникновения заинтересованности: планируемые (требуют предварительного одобрения) и совершенные. По основаниям для оспаривания: заключенные с нарушением порядка одобрения, совершенные в ущерб интересам общества, либо причинившие убытки в определенном размере.

По органу, который вправе одобрить сделку: одобряемые советом директоров или вынесенные на общее собрание акционеров. Институт сделок с заинтересованностью, подкрепленный детальной классификацией, служит механизмом защиты имущественных интересов корпорации. Устанавливая особый порядок предварительного контроля, законодатель стремится нейтрализовать конфликт интересов, гарантируя баланс между нуждами общества и правами его участников.

---

[6] См.: Шиткина И.С. Правовой режим сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Закон. 2016. № 12. С. 125-140.

Отдельные основания ограничения или освобождения исполнительных органов хозяйственных обществ от гражданско-правовой ответственности

Кучма Ольга Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматриваются отдельные основания ограничения и освобождения руководителей хозяйственных обществ от гражданско-правовой ответственности в форме возмещения убытков. Автор указывает на отсутствие законодательно разработанных способов и оснований для освобождения таких органов от ответственности, а также отмечает, что отдельные основания, зачастую, закрепляются в судебной практике и не получают должной разработки и обоснования. Делается вывод о необходимости разработки единых оснований для освобождения исполнительных органов корпораций от гражданско-правовой ответственности и их законодательного закрепления.

Ключевые слова*:* единоличный исполнительный орган корпорации, возмещение убытков, руководитель, гражданско-правовая ответственность, основания освобождения, ограничение, распределение полномочий.

Сегодня занятие должности генерального директора сопряжено с большим риском, ведь любая ошибка может обернуться для директора неподъемными убытками, и далеко не всегда получится доказать, что заключение убыточной сделки является предпринимательским риском. Вместе с тем, несмотря на активное развитие данного института последние 13 лет, до сих пор ни в науке, ни в законодательстве не разработано точного перечня оснований, при которых исполнительные органы подлежат освобождению от ответственности. В то же время существующие способы не получили должной разработки, в результате чего на практике складываются ситуации, когда фактически директор подлежит освобождению от ответственности, но в силу недостатков документов и законодательства, закрепляющих такое основание и

пробельности законодательного регулирования, суды удовлетворяют иски заявителей и взыскивают убытки.

В науке обычно выделяют несколько оснований для ограничения или освобождения исполнительных органов хозяйственных обществ от гражданско-правовой ответственности. К наиболее распространенным можно отнести заключение соглашения об устранении[1] или ограничении ответственности лиц за неразумные действия, а также институт страхования ответственности исполнительных органов корпораций[2].

Вышеперечисленные основания считаются общими основаниями для ограничения или освобождения исполнительных органов хозяйственных обществ от гражданско-правовой ответственности. Вместе с тем, в судебной практике можно встретить и иные, не столь распространенные основания, но при наличии которых суды могут освободить директора от ответственности.

Так, Т.Д. Невеева, Н.С. Андреева выделяют такое основание освобождения, как распределение зон ответственности директора и других работников[3], распределение полномочий и вытекающее из этого разделение ответственности.

Согласно пункту 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» арбитражным судам следует давать оценку тому, насколько совершение того или иного действия входило или должно было, учитывая обычные условия делового оборота, входить в круг обязанностей директора, в том числе с учетом масштабов деятельности юридического лица, характера соответствующего действия и т. п. Вместе с тем, в пункте 5 этого же постановления говорится о том, что в случаях

---

[1] См.: Шиткина И.С., Тварковский Д.А. Правовые формы выражения соглашения об устранении или ограничении ответственности членов органов управления хозяйственных обществ // Гражданское право. 2025. № 2. С. 25.

[2] См.: Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография // Москва: Статут. 2022. С. 245; Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 7. С. 36 - 79.

[3] См., например: Невеева Т.Д., Андреева Н.С. Инструменты ограничения ответственности директора // Акционерное общество. 2018. № 169. С. 130-136.

недобросовестного и (или) неразумного осуществления обязанностей по выбору и контролю за действиями (бездействием) работников юридического лица, а также ненадлежащей организации системы управления юридическим лицом директор отвечает перед юридическим лицом за причиненные в результате этого убытки (пункт 3 ст. 53 ГК РФ).

Т.Д. Невеева, Н.С. Андреева, учитывая судебную практику, считают, что за счет принятия системы организационных мер, а именно за счет четкого указания перечня работ, ответственности в трудовых договорах, инструкциях, внутренних документах, организации системы согласования, которые будут объективно отражать распределение обязанностей между ключевыми топ-менеджерами возможно исключение или ограничение ответственности генерального директора.

Отметим, что судебной практики, где суды освобождают директоров от ответственности на основании того, что те или иные обязанности не входили в перечень их полномочий, не так много, но они встречаются. Так, Арбитражный суд Уральского округа в Постановлении от 1 июня 2020 года № Ф09-1476/20 по делу № А76-694/2019 отказал во взыскании убытков, вызванных невзысканием дебиторской заложенности в установленные сроки, с бывших руководителей общества, в том числе на основании того, что взыскание дебиторской задолженности не входит в круг непосредственных должностных обязанностей генерального директора[4]. Схожие доводы можно увидеть и в Решении Арбитражного суда Ивановской области от 10 февраля 2023 года по делу № А17-7935/2022, Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 марта 2022 года № 13АП-101/2022 по делу № А42-4713/2021[5].

Первый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 30 октября 2017 года по делу № А79-1393/2017 указал, что «нельзя утверждать о безусловной ответственности единоличного исполнительного органа, поскольку организуя текущую деятельность общества, генеральный директор

---

[4] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).
[5] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

вместе с тем не может отвечать за действия каждого из работников (ответственных лиц) общества, которые должны каждый в пределах своих полномочий, вытекающих из должностных и внутренних документов, надлежащим образом исполнять обязанности по обеспечению безопасности труда»[6].

Как верно отмечали авторы, на решение вопроса о том мог ли директор осуществлять те или иные обязанности влияет и масштаб деятельности общества, что было отмечено в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 августа 2016 года № 09ап34647/2016 по делу № а40 251963/2015[7].

Однако, далеко не всегда суды учитывают распределение полномочий. Так, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 14 июня 2016 года № 13АП-7613/2016, 13АП-7773/2016 по делу № А56-35890/2015[8] взыскал с директора более 200 млн. рублей, указывая, что несмотря на то, что денежные средства были напрямую перечислены главным бухгалтером, директор ненадлежаще исполнил собственные обязанности по осуществлению контроля за финансово-хозяйственной деятельностью Общества, что позволило причинить убытки обществу.

Таким образом, распределение полномочий в целом является неплохим механизмом для ограничения ответственности директоров, особенно для крупных компаний, где существует множество отделов, уследить за которыми не представляется возможным. Вместе с тем, на директоре всегда остаются обязанности по осуществлению общего контроля за функционированием общества, в связи с чем нельзя признать безусловным основанием для освобождения распределение обязанностей. Более того, суды могут посчитать недобросовестными действиями излишнее делегирование полномочий, поэтому данный механизм следует применять с большой осторожностью.

---

[6] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).
[7] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).
[8] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

В науке указывается такое основание для освобождения директора от гражданско-правовой ответственности как осуществление действий в интересах группы лиц, то есть, когда из-за внутригрупповой передачи имущества одному из дочерних обществ причиняются убытки. «Наконец, в последние несколько лет арбитражные суды последовательно вырабатывают позицию, согласно которой директора могут освободить от ответственности за причиненные компании убытки в связи с тем, что он действовал в интересах всей группы, и (или) сделка, невыгодная для управляемой компании, в рамках группы являлась прибыльной»[9].

С указанным выводом Н.В. Суворовой сложно не согласиться, и судебная практика это подтверждает. Так, к примеру, одним из громких дел, стал иск о взыскании убытков с бывшего директора общества «Капитал Ре» в размере 827584000 рублей. В удовлетворении иска было отказано в том числе в связи с тем, что сделка была одобрена, хотя участники достоверно знали о ее заведомо невыгодном характере, кроме того, сделка была совершена внутри группы компаний, где на протяжении долгого времени совершение сделок обуславливалось не экономической целесообразностью, а иными критериями выгодности для участников группы в целях достижения общих интересов группы[10].

На наш взгляд, в группах лиц, холдингах и иных компаниях, которые имеют дочерние общества действительно, зачастую, сделки оформляются очень быстро и не всегда для всех компаний в группе это может быть выгодно. Н.Н. Суворова поднимает вопрос того, что при таких сделках не учитываются интересы миноритариев, однако, мы полагаем, что это не совсем так. Во-первых, у миноритариев есть право потребовать выкупить их акции или доли. Во-вторых, любой инвестор, даже миноритарный должен проявлять

---

[9] Суворова Н.В. Наличие внутригруппового интереса как основание освобождения от ответственности членов органов управления // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 4. С. 46 - 51.

[10] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.07.2021 по делу № А40-5992/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a9cb6487-3fa4-4788-958ac9ed (дата обращения: 25.02.2025).

разумность, профессиональность и принимать меры по проверке не только компании, где приобретает долю (акции), но и аффилированных с ней лиц, особенно, если это группа компаний, в связи с чем должен осознавать, что в таких группах имущество часто перекидывается от одной компании к другой и это соответствует нормальному экономическому обороту, хотя и не поощряется законодателем.

Таким образом, данное основание можно признать специальным случаем освобождения директора от ответственности, вместе с тем, даже в этом случае, оно не является абсолютным и судам надлежит устанавливать, кому такая сделка была выгодна, как она в целом повлияла на экономическое состояние компании и иные обстоятельства ее совершения.

Схожим основанием является осуществление невыгодной сделки, являющейся частью взаимосвязанных сделок, объединенных общей хозяйственной целью, в результате которых предполагалось получение выгоды юридическим лицом.

Можно найти и такое основание для освобождения, как заключение невыгодной сделки для предотвращения еще большего ущерба[11] интересам юридического лица. Указанное основание фактически является частным случаем крайней необходимости. Примером является постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 декабря 2019 года № Ф05-22854/2019 по делу № А40-42005/2019[12], в соответствии с которым в удовлетворении требований о взыскании убытков с генерального директора было отказано, поскольку действия ответчика не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска, а также «невыгодная сделка» (оплата экспертизы) была совершена директором для предотвращения еще большего ущерба интересам общества

Отметим, что в практике не так много дел, где применяются подобные

---

[11] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.
[12] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

основания для освобождения от ответственности. Вместе с тем, в определенных случаях, они позволяют освободить директоров от убытков.

Еще одно основание освобождения от ответственности нашло отражение в Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса РФ, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2025 года. Так, в пункте 13 указанного обзора указано, что ответственность руководителя хозяйственного общества в виде возмещения убытков исключается, если руководитель, действуя разумно, не мог предотвратить их возникновение вследствие недостаточности (ограниченности) у юридического лица имущества и невозможности привлечь дополнительное финансирование[13]. Суд отметил, что убытки не могут быть возложены исключительно на руководителя, поскольку формирование имущества юридического лица в объеме, достаточном для достижения целей его деятельности, относится к сфере ответственности участников (акционеров) общества.

Приведенное в Обзоре основание для освобождения представляется крайне интересным и полагаем, может применяться, в том числе, в случаях предбанкротного состояния корпорации. При этом, считаем, что в подобных ситуациях директору стоит использовать в качестве доказательств, в том числе, письма и обращения к участникам за дополнительным финансированием, это позволит ему подтвердить, что участники были осведомлены о финансовом состоянии общества. Может появиться вопрос: почему директор не привлекает заемные средства и иные возможности дополнительного финансирования. Думаем, что проявлением добросовестности со стороны директора будет созыв общего собрания участников общества и вынесение подобных вопросов на него. Кроме того, судам надлежит учитывать в результате чего возникла недостаточность финансирования, и в случае, если к этому привели

---

[13] Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2025. № 12.

недобросовестные действия директора, требования о взыскании убытков, подлежат удовлетворению.

Нами выше рассмотрены отдельные основания, которые позволяют ограничить или освободить исполнительные органы хозяйственных обществ от гражданско-правовой ответственности с учетом тех или иных обстоятельств. Отметим, что абсолютного основания для освобождения директоров от ответственности не существует. В любом случае действия руководителей будут оцениваться на наличие добросовестности и разумности, а с учетом недоработанности существующих механизмов, их реальная польза для ограничения ответственности снижается еще больше.

К сожалению, значительная часть рассмотренных оснований находит отражение только в судебных актах по конкретным делам, или в обзорах судебной практики и постановлениях Пленума Высшего арбитражного суда РФ или Верховного суда РФ, однако, в силу отнесения Российской Федерации к романо-германской правовой семье закрепление подобных оснований в таких источниках права не гарантирует возможность их применения в аналогичных делах, а соответственно, и надлежащую защиту прав таких органов.

Вместе с учетом необходимости соблюдения баланса прав между привлекаемыми к ответственности директорами хозяйственных обществ и интересами собственников хозяйственных обществ, а также принципа соразмерности гражданско-правовой ответственности исполнительных органов необходима разработка и закрепление выделенных оснований как максимум на уровне законодательства, как минимум в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации, как органа дающего разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации.

Требование о принудительном выкупе доли участника общества с ограниченной ответственностью

Лапшин Георгий Иванович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Одним из способов защиты прав и законных интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью против дедлока со стороны мажоритарного участника является принудительный выкуп доли. Настоящая статья направлена на исследование правового регулирования совершения требования о принудительном выкупе доли участника общества с ограниченной ответственностью, выявление проблемных вопросов и анализ существующих подходов к их решению.

Ключевые слова: корпорация, доля участника, отчуждение доли в корпорации, выкуп доли в корпорации, миноритарий, мажоритарий, свободный выход из корпорации.

В соответствии с п. 2 ст. 23 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» принудительный выкуп доли допускается в следующих случаях:

1) если уставом общества отчуждение доли или части доли третьим лицам запрещено, и другие участники общества отказались от приобретения доли, либо не было получено согласие участников на отчуждение доли участнику общества или третьему лицу (в случае если уставом общества предусмотрена необходимость получения такого согласия);

2) в случае принятия общим собранием решения о совершении крупной сделки или об увеличении уставного капитала за счет внесения вкладов участников, но участник голосовал против или не принимал участия в голосовании.

Стоит отметить, что до 2009 года законодательно было закреплено право свободного выхода из общества, однако по причине негативных экономических последствий для корпорации и кредиторов были введены ограничения на

свободный выход участников из общества с ограниченной ответственностью[1]. Разработчики посчитали, что ограничение позитивно отразится на предпринимательской деятельности общества, однако миноритарии оказались в ситуации дедлока без возможности свободного выхода из бесперспективной корпорации[2]. Ко всему стоит отметить, что по отношению к долям общества[3] отсутствует организованный рынок оборота долей, соответственно, даже если уставом предусмотрена возможность отчуждения доли третьим лицам или получено согласие участников на отчуждение, следствием является неликвидность этих долей. Получается, что миноритарный участник общества с ограниченной ответственностью не может реализовать свою долю в любой момент, поэтому он остается беззащитным перед злоупотреблениями мажоритариев. В связи с этим миноритарии в качестве способа защиты своих прав и интересов участников общества с ограниченной ответственностью прибегают к крайнему способу – принудительной ликвидации корпорации по причине невозможности достижения целей, ради которых и было создано общество, в том числе в случае, если осуществление деятельности юридического лица становится невозможным или существенно затрудняется[4].

В акционерном обществе существует своя система способов защиты, исследуемая в науке[5]. Если рассмотреть цель создания общества с ограниченной ответственностью применительно к нашей проблематике, то

---

[1] Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20 - летию Закона об обществе с ограниченной ответственностью / А.А. Кузнецов, Е.А. Суханов, Т.С. Бойко, Е.Ю. Иванова [и др.]; отв. ред. А.А. Кузнецов – Москва: Статут, 2020. С. 232-233.

[2] См.: Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия / Е.В. Глухов. – Москва: Статут, 2017. С. 493-495.

[3] См.: Стройкина Ю.В., Цинберг К.И. Понятие и признаки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Особенности оплаты долей уставного капитала общества с ограниченной ответственностью // Экологическая ответственность нефтегазовых предприятий: Материалы конференции, Оренбург, 15–16 февраля 2017 года / Под общ. ред. С.Г. Горшенина. – Оренбург: ООО «Амирит», 2017. С. 197-200.

[4] Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина [и др.]; отв. ред. И.С. Шиткина. – Москва: Статут, 2019. С. 551-554.

[5] См.: Ершова Ю.В. Защита прав акционеров при совершении сделок с акциями. Тенденции правоприменения / Ю.В. Ершова, А.В. Иванова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2020. № 3. С. 48-53; Ершова Ю.В. Аффилированные лица и сделки с имуществом корпорации / Ю.В. Ершова // Власть Закона. 2018. № 3 (35). С. 49-60.

основной и главной целью каждого из участников общества с ограниченной ответственностью при создании, безусловно, является извлечение и распределение в дальнейшем чистой прибыли компании, следовательно, отсутствие реализации этих ожиданий представляет собой недостижение поставленной цели.

К сожалению, интерпретация цели в представленном виде не поддерживается на законодательном уровне, в то время как соответствующий подход представлен в доктрине, в частности, Т.С. Бойко[6].

В дополнение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» обозначено ограничительно, что положения п. п. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ применяются лишь в том случае, когда иные меры исчерпаны или их применение невозможно[7].

Необходимо отметить, что в судебной практике заявляются требования не о принудительном приобретении доли обществом, а о выплате действительной стоимости доли в уставном капитале. Участник, утративший интерес к бизнесу в связи с неполучением прибыли, на которую рассчитывал при инвестировании в общество, вправе выйти из него, получив действительную стоимость доли.

Однако если право свободного выхода из общества не предусмотрено в уставе, то участник вправе, руководствуясь п. 2 ст. 3 и п. п. 2 п. 1 ст. 94 ГК РФ, а также п. 2 ст. 23 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» требовать у общества выкупа его доли[8].

Обстоятельства, позволяющие потребовать выкупа доли, определены в законе ограничительно, и применительно к нашей ситуации право требовать принудительного выкупа доли возникает у миноритарного участника, если:

1. уставом общества отчуждение доли или части доли третьим лицам

---

[6] См.: Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Т.С. Бойко. – Москва, 2017. С. 17-18.
[7] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).
[8] Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

запрещено, и другие участники общества отказались от приобретения доли;

2. не было получено согласие участников на отчуждение доли участнику общества или третьему лицу (в случае, если уставом общества предусмотрена необходимость получения такого согласия).

Своё требование участник направляет напрямую в общество без обращения в суд, доля переходит обществу с момента получения требования. Причем требование о выкупе доли, направленное обществу, должно безусловно и однозначно выражать волю участника[9].

Важным моментом при решении этого вопроса является то, что в случае выкупа доли участника общества с ограниченной ответственностью ему должна быть выплачена действительная стоимость, которая определяется на основании бухгалтерской отчётности за последний отчетный период, или с согласия участника имеется возможность выдать ему в натуре имущество такой же стоимости.

А.А. Кузнецов по этому поводу отмечает, что недостаток этого способа защиты заключается в том, что действительная стоимость доли не всегда соразмерна вложениям миноритарного участника в инвестиции компании[10].

Согласно подходу, указанному в абзаце 3 п. п. «в» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 9 декабря 1999 года «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»[11], если участник не согласен с размером действительной стоимости его доли, определенной обществом на основании данных бухгалтерской отчётности, суд проверяет обоснованность его доводов, а также возражений общества на основании представленных доказательств, предусмотренных гражданским процессуальным и арбитражным процессуальным законодательством, в том

---

[9] Корпоративные отношения, договоры и прочее: из практики гражданско-правового консультирования: сборник / Е.А. Гринемаер, О.С. Федорова, Т.В. Катанаева и [др.] // Налоги и финансовое право. 2018. № 12. С. 8–18.

[10] Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20 - летию Закона об обществах с ограниченной ответственностью / А.А. Кузнецов, Е.А. Суханов, Т.С. Бойко, Е.Ю. Иванова [и др.]; отв. ред. А.А. Кузнецов – Москва: Статут, 2020. С. 97-98.

[11] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3.

числе заключения проведенной по делу экспертизы.

Указанную позицию можно отнести к положительным моментам при применении данного способа защиты, за исключением случаев, когда размер действительной стоимости доли с учетом проведенной экспертизы равен его номинальной стоимости или меньше, что абсолютно не оправдывает вложенных миноритарным участником капиталовложений[12].

При этом даже тогда, когда действительная стоимость доли меньше его номинальной стоимости, участнику в любом случае выплачивается действительная стоимость посредством уменьшения уставного капитала общества (за исключением установленного законодателем минимума).

Дополнительно, с учетом законодательных ограничений, суды в том числе отказывают в удовлетворении требования о принудительном выкупе доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, если устав допускает отчуждение участником принадлежащей ему доли в уставном капитале общества третьему лицу, апеллируя тем, что оснований для применения к спорным правоотношениям положений п. 2 ст. 23 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» не имеется.

В том случае, когда уставом предусмотрена возможность отчуждения своей доли третьим лицам, проблема заключается в неликвидности доли либо в ее заниженной фактической стоимости.

Итак, по результатам исследования вопроса непосредственной защиты прав и интересов участников общества от нарушения со стороны мажоритарных участников приходим к выводу о том, что российское законодательство не предусматривает эффективных способов реализации миноритарными участниками права на защиту нарушенных интересов, кроме того, формально-юридически специфика подхода в защите прав миноритарных участников в принципе отсутствует, так как применяются общие возможные способы защиты прав и интересов участников общества с ограниченной

---

[12] См.: Андреев В.К. Корпоративное право современной России: монография / В.К. Андреев, В.А. Лаптев. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва: Проспект, 2017. С. 125-126.

ответственностью вне зависимости от размера доли в уставном капитале.

Все вышеизложенное свидетельствует об отсутствии надлежащего судебного механизма защиты прав и интересов миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью на получение части чистой прибыли, в связи с чем существующий механизм судебной защиты нуждается в дальнейшей доработке. можно отметить, что для применения «принудительного выкупа доли» необходимо соблюдение установленных законодателем условий, и даже в этом случае, когда миноритарий надеется выйти из бесперспективного общества с получением дохода, есть вероятность того, что он останется в минусе, получив лишь минимальную номинальную стоимость доли с невозможностью реализовать свою долю третьем лицу за соответствующею продажную стоимость.

Сравнительно-правовой анализ прав участника общества с ограниченной ответственностью и аналогичных институтов в Германии и США

Ломакин Кирилл Владимирович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Настоящая статья посвящена сравнительно-правовому анализу правового статуса участника общества с ограниченной ответственностью в России, Германии и США. Исследуются три параметра: объём законодательно гарантированных прав, степень свободы их изменения уставом и корпоративным договором, а также механизмы защиты при их нарушении. Установлено, что германская модель GmbH строится на концепции неотчуждаемого «ядра» корпоративных прав, американская LLC представляет максимально диспозитивную модель на основе операционного соглашения, а российское общество с ограниченной ответственностью занимает промежуточное положение, сочетая германскую императивность с элементами договорной гибкости. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию российского корпоративного законодательства с учётом зарубежного опыта.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью; правовой статус участника общества с ограниченной ответственностью; сравнительное корпоративное право; GmbH; LLC; корпоративный договор; исключение участника; фидуциарные обязанности.

Общество с ограниченной ответственностью остаётся наиболее востребованной организационно-правовой формой коммерческих организаций в Российской Федерации, Германии и США. Каждая из трёх юрисдикций сформировала собственную модель правового статуса участника, опирающуюся на специфическую историческую традицию и правовую доктрину. Российское общество с ограниченной ответственностью исторически восприняло германскую конструкцию GmbH (Gesellschaft mit beschränkter Haftung), нормативно оформленную Законом 1892 года[1], однако в последние десятилетия

[1] Закон Германии «Об обществах с ограниченной ответственностью» 1892 г. (ред. 2008 г.) -

эволюционировало, впитывая элементы как континентальной, так и англосаксонской традиции[2]. Американская Limited Liability Company (LLC) представляет принципиально иную — максимально договорно-ориентированную — модель, в которой операционное соглашение определяет всю структуру прав и обязанностей участников.

Настоящая статья анализирует три параметра: объём законодательно гарантированных прав участника; степень свободы их изменения уставом и договором; механизмы защиты при нарушении прав. Эти параметры позволяют выявить системные различия в самой архитектуре регулирования — от жёстко императивной германской модели до максимально диспозитивной американской.

Правовой статус участника российского общества с ограниченной ответственностью определяется ГК РФ (ст. 65.1–65.3, 87–94) и Федеральным законом от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[3]. Реформа 2014 года (Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса РФ и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»[4]) стала рубежным событием, включив корпоративные отношения в предмет гражданско-правового регулирования и признав общество с ограниченной ответственностью корпорацией. И.С. Шиткина отмечает, что в результате участник общества с ограниченной ответственностью превратился из «кредитора с особым статусом» в полноценного субъекта корпоративного права, наделённого не только имущественными, но и организационными правами[5].

Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG)// URL: https://www.gesetze-iminternet.de/gmbhg/5a.html (дата обращения: 06.03.2026).

[2] См.: Арсланов К.М. Правовой опыт Германии в области корпоративного права и его значение для развития российского права // Гарант. URL:https://base.garant.ru/57574267/ (дата обращения: 06.03.2026).

[3] Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

[4] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

[5] См.: Шиткина И.С. Корпоративное право: учебный курс. В 2 т. Т. 1. М.: КноРус, 2022. С. 143-162.

Статья 8 Федерального закона от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ закрепляет перечень основных прав участника общества с ограниченной ответственностью, они также исследуются в науке: участие в управлении; получение информации о деятельности общества[6]; участие в распределении прибыли; отчуждение доли[7]; выход из общества (при наличии в уставе); получение ликвидационной квоты. Пункт 1 ст. 65.2 ГК РФ дополняет этот перечень правами на обжалование решений органов, возмещение убытков и оспаривание сделок корпорации.

Д.В. Ломакин подразделяет корпоративные правоотношения на основные и производные, выделяя право на участие в управлении как конститутивный признак корпоративного статуса, отличающий участника от кредитора[8]. Институт дополнительных прав позволяет асимметрично распределять управленческие полномочия вне зависимости от пропорции доли.

О.П. Струченко приходит к выводу, что дополнительные права представляют собой самостоятельный правовой инструмент, позволяющий защищать инвестиции и укреплять статус конкретного участника[9]. Корпоративный договор по ст. 67.2 ГК РФ (2014 г.) создал принципиально новый договорный уровень регулирования, однако, в отличие от германского и американского аналогов, его нарушение не влечёт автоматической недействительности решений органов корпорации. Верховный Суд РФ в п. 37 Постановления Пленума от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами

---

[6] См.: Ершова Ю.В. Право на информацию участника общества с ограниченной ответственностью в Российской Федерации // Современное развитие нефтегазовой отрасли России: вызовы, проблемы, решения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, Оренбург, 09 февраля 2024 года. – Оренбург: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2024. С. 382-385.

[7] См. по этому вопросу: Стройкина Ю.В. Недостатки российского корпоративного законодательства, регулирующего преимущественные права // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2017. № 32. С. 49-52.

[8] См., например: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика её применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. С. 78-94.

[9] См.: Струченко О.П. Исследование проблем и особенностей практического применения института дополнительных прав участника общества с ограниченной ответственностью // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4 (73). С. 285-290.

некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» подтвердил этот вывод[10].

GmbH регулируется Законом 1892 года (GmbHG) и является наиболее массовой корпоративной формой в Германии. Минимальный уставный капитал составляет 25000 евро; участники не несут ответственности за ущерб своими частными активами — их ответственность ограничена суммой инвестированного капитала.

Центральной для понимания правового статуса участника является доктрина членства: права участника рассматриваются не как отдельные требования, а как единое правовое состояние, вытекающее из обладания долей. Именно через эту призму понимается неотчуждаемость ряда базовых прав. Законодательный минимум включает: право голоса; неотчуждаемое право на информацию, право на получение дивидендов пропорционально доле, право на ликвидационную квоту[11].

Доли могут быть переданы только с согласия других участников или согласно уставу. А.М. Мурзина, И.И. Аминов подчёркивают, что немецкое законодательство содержит более жёсткие правила передачи долей по сравнению с российским. Конструкция Kaduzierung — принудительное исключение участника, не оплатившего долю, с полной утратой вклада — существенно превосходит по жёсткости российский аналог (п. 3 ст. 16 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»)[12].

Устав GmbH предоставляет значительную свободу: он может перераспределять права голоса, устанавливать право на исключение и

---

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 06.03.2026).

[11] Закон Германии «Об обществах с ограниченной ответственностью» 1892 г. (в ред. 2008 г.) - Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG)// URL: https://www.gesetze-iminternet.de/gmbhg/5a.html (дата обращения: 06.03.2026).

[12] Мурзина А.М., Аминов И.И. Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 05 декабря 2024 года. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2025. С. 367-372.

ограничивать отчуждение долей. Однако ряд прав по GmbHG составляет неотчуждаемое «ядро», которое не может быть полностью устранено уставными положениями.

LLC регулируется законодательством штатов; модельным актом служит RULLCA в редакции 2013 года[13]. Операционное соглашение выполняет роль одновременно учредительного документа и корпоративного договора, формируя всю структуру прав участников. Delaware LLC Act предусматривает, что каждый участник LLC считается стороной операционного соглашения даже без подписания.

RULLCA закрепляет ряд прав, не подлежащих отмене: право на прибыль; право доступа к документации; право на выход с получением стоимости доли. RULLCA перечисляет четырнадцать ограничений, которые операционное соглашение не вправе вводить. Среди них — запрет на полное исключение и на авторизацию умышленных нарушений.

Фидуциарные обязанности — duty of loyalty и duty of care — распространяются на всех участников LLC. Duty of loyalty подразумевает, что участник LLC должен ставить успех и выгоды компании выше личных преимуществ. Он обязан действовать честно в любых отношениях с LLC и избегать конфликтов интересов между целями компании и своими личными целями. Duty of care требует, чтобы участники действовали добросовестно и проявляли разумную осторожность при выполнении своих обязательств перед LLC и руководстве её деятельностью. Операционное соглашение может модифицировать, но не устранить эти обязанности, создавая «нередуцируемое ядро».

Иллюстрацией служит дело Stone & Paper Investors, LLC v. Blanch[14], участники LLC перенаправляли инвестированные средства на личные нужды, и

---

[13] Uniform Limited Liability Company Act (ULLCA/RULLCA) 2013. URL: https://chargingorder.com/index.php?n=Site.CodeULLCA (дата обращения: 06.03.2026).

[14] Stone & Paper Investors, LLC v. Blanch, C.A. No. 2018-0394-PAF (Del. Ch. July 30, 2021) // URL: https://www.delawarelitigation.com/2021/08/articles/chancery-court-updates/chancery-llc-managers-breached-fiduciary-duties/ (дата обращения: 06.03.2026).

суд подтвердил, что при отсутствии однозначного отказа от фидуциарных обязанностей в операционное соглашение они возлагаются по умолчанию.

Наиболее значимые расхождения обнаруживаются в сфере защиты прав участника. Российское право предусматривает оспаривание решений общего собрания (ст. 43 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), косвенные иски (ст. 53.1 ГК РФ) и исключение участника (ст. 10 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Германское право дополняет аналогичный набор более строгой конструкцией исключения из состава акционеров и доктриной Treuepflicht, позволяющей судебное понуждение к распределению прибыли при наличии особой причины.

Институт исключения участника общества с ограниченной ответственностью получил существенное развитие в практике Верховного Суда РФ. В 2024 году СКЭС Верховного Суда РФ указала, что исключение «представляет собой расторжение в судебном порядке договора об учреждении общества со стороной, допустившей существенное нарушение обязательств»[15], Суд подчеркнул, что каждый участник имеет охраняемый законом интерес в достижении хозяйственной цели создания общества. Среди практических оснований для исключения судебная практика выделяет: вывод актива по заниженной цене; создание конкурирующего бизнеса; систематическое блокирование деятельности общества; незаконную регистрацию товарного знака на своё имя.

В германском праве институт принудительного исключения участника GmbH остаётся некодифицированным. Его основа — решение BGH от 1 апреля 1953 года (II ZR 235/52), впервые допустившее исключение при наличии особой причины даже без уставного основания[16].

---

[15] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.09.2024 № 305-ЭС23-30144 по делу № А40-265796/2022 // СПС Гарант https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 06.03.2026).

[16] BGH, Urteil vom 01.04.1953 – II ZR 235/52. URL: https://www.gesellschaftsrechtskanzlei/bg (дата обращения: 06.03.2026).

В американской системе миноритарные участники LLC защищены правом доступа к финансовой документации, правом на иски за нарушение фидуциарных обязанностей и правом на производные иски.

Три рассмотренных правопорядка представляют три различных подхода к организации правового статуса участника закрытой корпорации. Германская модель GmbH отличается детальным регулированием и концепцией неотчуждаемого «ядра» корпоративных прав (Mitgliedschaft). Российская модель общества с ограниченной ответственностью занимает промежуточную позицию между германской императивностью и американской договорной гибкостью[4]. Американская LLC представляет наиболее диспозитивную модель при сохранении «нередуцируемого ядра» фидуциарных обязанностей.

Для совершенствования российского регулирования представляется целесообразным учесть опыт обоих правопорядков: из германского — концепцию законодательно закреплённого «неотчуждаемого ядра» корпоративных прав; из американского — модель интеграции уставного и договорного регулирования в единый документ и более развитый механизм фидуциарных обязанностей как инструмент защиты миноритарных участников.

Доля как объект корпоративного права

Мелешко Леонид Сергеевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В современном корпоративном праве доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью выступает ключевым элементом правового статуса участника корпорации. Доля представляет собой сложный правовой институт, сочетающий имущественные и корпоративные (организационные) правомочия, а также выступающий самостоятельным объектом гражданского оборота. В статье анализируются научные подходы к определению правовой природы доли, раскрываются особенности ее правового режима, оборотоспособности и перехода, в том числе в порядке наследственного правопреемства, а также выявляются проблемные аспекты действующего правового регулирования.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, корпоративные права, доля в уставном капитале, отчуждение доли, действительная стоимость доли.

В юридической науке отсутствует единообразный подход к определению объекта корпоративных правоотношений. Часть исследователей исходит из того, что объект корпоративных правоотношений носит сложный, многоуровневый характер и включает совокупность прав участия, прав управления и обязательственных прав, возникающих между участником и корпорацией. Другие авторы, напротив, полагают, что объектом корпоративных правоотношений являются доли, паи и акции как особые имущественные комплексы, вокруг которых и формируются соответствующие правоотношения.

Хозяйственные общества являются наиболее распространенной формой коммерческих корпораций в Российской Федерации. Центральным элементом их имущественной основы выступает уставный капитал, который, несмотря на различия в доктринальных и нормативных формулировках, следует

рассматривать как экономический фундамент общества, сформированный за счет вкладов его участников и выраженный в долях. Уставный капитал выполняет гарантийную функцию, обеспечивая минимальный уровень имущественной ответственности общества перед его кредиторами.

В юридической и научной литературе общепризнанным является вывод о том, что доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью обладает оборотоспособностью и может переходить от одного лица к другому как на основании гражданско-правовых сделок, так и в порядке универсального правопреемства. Вместе с тем вопрос о значении доли в системе объектов гражданских прав, перечисленных в статье 128 Гражданского кодекса РФ, остается дискуссионным[1].

Из отдельных норм законодательства можно установить, что доля участника общества является имуществом. Так, согласно п. 1 ст. 25 Закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[2] обращение по требованию кредиторов взыскания на долю (часть доли) участника в уставном капитале общества по долгам участника допускается только на основании решения суда при недостаточности для покрытия долгов другого имущества участника общества.

В соответствии с п. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ общим имуществом супругов являются приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество. Из системного толкования данных норм следует, что доля является имуществом. Однако простое отнесение доли к имуществу недостаточно для определения ее природы, поскольку понятие имущества является широким и включает в себя вещи, имущественные права, иное имущество[3].

---

[1] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 758.

[2] Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 758.

[3] См.: Фатхутдинов Р.С. Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной

Исходя из этимологического значения термина «доля» как части целого, долю в уставном капитале следует рассматривать как имущественное право, наделяющее ее владельца комплексом корпоративных прав и обязанностей в отношении общества[4].

Обладая долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, участник вправе распоряжаться ею, в том числе путем отчуждения другим участникам или третьим лицам, если иное не предусмотрено законом или уставом общества. В то же время отчуждение доли не может быть полностью отождествлено с уступкой права требования, поскольку доля включает не только права, но и обязанности участника, а корпоративные правоотношения по своей природе не являются обязательственными в чистом виде.

В процессе перехода доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью следует различать обязательственную сделку, являющуюся основанием передачи доли (например, договор купли-продажи), и распорядительную сделку, непосредственно направленную на отчуждение доли. Переход доли к приобретателю, как правило, связывается с моментом совершения распорядительной сделки и имеет смешанный правовой эффект, сочетая элементы абсолютных и относительных правоотношений[5].

Законодательство Российской Федерации закрепляет принцип оборотоспособности доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» допускает отчуждение доли, ее переход в порядке наследственного правопреемства, а также возможность залога доли. Свобода отчуждения доли является логическим следствием принципа ограничения риска участника размером его вклада.

ответственностью: теория и практика: [монография] / Р.С. Фатхутдинов. - Москва: Волтерс Клувер, 2009. С. 7.

[4] Корпоративное право: учеб. пособие / [О.В. Жевняк, Е.Г. Шаблова, Е.А. Рыжковская, П.Г. Тиховская под общ. ред. Е.Г. Шабловой]; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 146.

[5] Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Особое место в системе перехода долей занимает наследование. В соответствии с п. 7 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» доли в уставном капитале переходят к наследникам граждан — участников общества. При этом доля включается в состав наследства и наследуется на общих основаниях в соответствии со статьей 1176 Гражданского кодекса Российской Федерации, однако с учетом специальных корпоративных ограничений, установленных законом и уставом общества[6].

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что момент перехода доли в уставном капитале зависит от конкретного основания такого перехода. Так, при отчуждении доли на основании сделки, подлежащей нотариальному удостоверению, переход доли осуществляется с момента нотариального удостоверения[7]. В случаях, не требующих нотариальной формы, переход доли связывается с моментом внесения соответствующих изменений в Единый государственный реестр юридических лиц. При переходе доли к обществу момент перехода определяется датой получения обществом соответствующего заявления или требования участника.

Наибольший практический интерес в настоящее время представляет анализ сделок по отчуждению долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, поскольку именно в данной сфере возникает значительное количество корпоративных споров. В соответствии с п. 1 ст. 8 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» участники общества вправе отчуждать свои доли другим участникам, а при отсутствии запрета в уставе — и третьим лицам. Указанные положения направлены на обеспечение баланса интересов участников общества и стабильности корпоративного оборота[8].

---

[6] См.: Илюшина М.Н. Теоретические и практические проблемы сделок, направленных на отчуждение долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 142–147.

[7] См.: Корсик К.А. Нотариальное удостоверение сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью // Нотариальный вестник. 2024. № 4. С. 2–4.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по

Таким образом, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью представляет собой сложный и многоаспектный объект корпоративного права, объединяющий имущественные и организационные элементы. Ее правовой режим требует учета как общих принципов гражданского права, так и специфики корпоративных отношений. Совершенствование правового регулирования долей в уставном капитале является необходимым условием повышения устойчивости корпоративных структур и эффективности защиты прав участников гражданского оборота.

делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

Порядок создания и лицензирование корпораций, функционирующих в сфере страховой деятельности

Месяц Дарья Константиновна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуются правовые аспекты создания страховых организаций в России. Анализируются требования к организационно-правовым формам, где доминируют общества с ограниченной ответственностью, и мировые подходы к учреждению страховщиков. Особое внимание уделено процедуре лицензирования и фильтрующей функции уставного капитала в контексте риск-ориентированного подхода Банка России. Выявлен недостаток регулирования — отсутствие у соискателя права на отзыв заявления о выдаче лицензии. Вносятся предложения по совершенствованию законодательства для устранения данной коллизии.

Ключевые слова: страховые организации, лицензирование, учреждение, Банк России, уставной капитал, организационно-правовая форма.

Правовые основы функционирования страхового рынка и базовый понятийный аппарат страхового дела регламентируются Законом РФ от 27 ноября 1992 года № 4015-1 (в действующей редакции Федерального закона от 31 декабря 1997 года № 157-ФЗ «Об организации страхового дела в Российской Федерации») с учетом актуальных изменений, а также рядом подзаконных актов. Согласно установленным нормам, осуществление страховой деятельности на территории страны является прерогативой исключительно юридических лиц, зарегистрированных в соответствующем статусе.

В соответствии с гражданским законодательством большинства правопорядков, к числу допустимых форм для создания страховой компании относятся публичные и непубличные акционерные общества, а также общества с ограниченной ответственностью. Выбор между акционерной компанией и обществом с ограниченной ответственностью предопределяет дальнейшую архитектуру корпоративного управления.

Согласно единому государственному реестру субъектов страхового дела, на сегодняшний день насчитывается 197 страховых организаций, из которых: 52 в форме акционерного общества и 137 в форме общества с ограниченной ответственностью[1]. Возможно такое положение продиктовано широким распространением холдинговых компаний на данном рынке, когда головное общество является акционерным, а дочерние - обществами с ограниченной ответственностью[2].

Возникновение юридического лица как полноправного участника гражданско-правовых отношений неразрывно связано с моментом его учреждения. Под учреждением, в свою очередь, понимается регламентированный законом комплекс мероприятий, реализуемых инициаторами создания (учредителями) при взаимодействии с органами публичной власти, целью которого является легитимация новой организационно-правовой структуры[3].

В мировой практике сложилось три основных подхода к созданию страховых компаний. Первый подход — нормативно-явочный, при котором компания создается в свободном порядке на основе закона. От учредителей требуется лишь пройти процедуру регистрации в уполномоченном государственном органе. Второй - разрешительный (концессионный) подход предполагает наряду с государственной регистрацией необходимость получения лицензии на осуществление страховой деятельности. В случае третьего - распорядительного подхода компании возникают на основе прямого распоряжения органа власти.

В России используется нормативно-явочный способ. Регистрация страховых организаций осуществляется одновременно с лицензированием.

---

[1] Единый государственный реестр субъектов страхового дела // Банк России URL: https://cbr.ru/insurance/registers/ (дата обращения: 01.07.2025).

[2] См.: Суханов Е.А. О юридических лицах в Гражданском Кодексе РФ 1994 года // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 6. С. 28.

[3] См.: Владимирова И.В. Создание, реорганизация и ликвидация юридического лица // Актуальные проблемы частного права и процесса: Сборник материалов международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов, 21 марта 2025 года. Рязань, Академия ФСИН России, 2025. С. 56.

Нельзя не отметить, что современное правовое регулирование в сфере лицензирования (в том числе и страховой деятельности) имеет ряд недостатков. В частности, дискуссионным остается вопрос о соотношении базовых понятий. Несмотря на легальное закрепление термина «лицензия», в научном сообществе отсутствует единство взглядов на то, как связаны между собой «лицензия» как разрешение, само «право» на осуществление деятельности и официальный документ, подтверждающий наличие этого права[4].

Как отмечает Д.В. Осинцев: «лицензия представляет собой административный акт, который выдается уполномоченными на то органами, и на основании данного акта субъект, получивший лицензию, приобретает специальный правовой статус, предполагающий возможность осуществления определенного в лицензии вида деятельности в течение какого-то срока»[5].

Главная особенность лицензирования в страховой сфере заключается в том, что разрешение выдается не на страховую деятельность в целом, а отдельно на каждый вид страхования. К таким видам относятся, например, перестрахование или взаимное страхование. Сама процедура получения лицензии на конкретный вид деятельности представляет собой четко прописанный алгоритм действий. Чтобы получить документ, дающий право заниматься выбранным видом страхования, соискателю необходимо направить в орган страхового надзора пакет документов. Полный перечень этих документов устанавливается на законодательном уровне.

Особый интерес в списке документов, установленном ст. 32 Закона РФ от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»[6], представляет собой документ, который подтверждает факт внесения средств в уставный капитал. Закон допускает оплату уставного капитала как в наличной, так и в безналичной форме. В обоих случаях

---

[4] См.: Васильева О.Ю. Теоретические проблемы института лицензирования в юридической науке. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 311.

[5] Осинцев Д.В. О принципах разграничения полномочий в сфере лицензирования между Российской Федерацией и ее субъектами // Российский юридический журнал. 1996. № 3. С. 30.

[6] Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. 1993. № 6. Ст. 32.

доказательством оплаты для органа страхового надзора служит справка, которую оформляет бухгалтерия соискателя лицензии.

Пункт 3 статьи 25 Закона о страховании обязывает страховые организации обладать полностью оплаченным уставным капиталом, размер которого должен быть не ниже установленного минимального размера. Минимальный размер уставного капитала страховщика определяется на основе базового размера его уставного капитала, равного 300 млн. руб. с учетом коэффициентов, установленных для различных видов страхования, например: 120 млн. руб. - для медицинского страхования, 450 млн. руб. - для страхования жизни, 600 млн. руб. - для осуществления перестрахования.

Важно отметить, что необходимость повышения размера уставного капитала страховых организаций к 1 января 2024 года утратила свою актуальность в связи с внедрением риск-ориентированного подхода к оценке финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков. В 2020 году Банк России принял Положение № 710-П, которое требует, чтобы капитал страховой организации был пропорционален ее рискам.

Нормативно закрепленный минимальный размер уставного капитала выполняет в страховом праве преимущественно фильтрующую (допусковую) функцию, выступая барьером для входа новых участников на рынок. На наш взгляд, в настоящее время требования, установленные к уставному капиталу, являются соразмерными рыночным условиям и не требуют повышения.

Процедура получения лицензии для осуществления страховой деятельности выглядит следующим образом. Первоначально претендент на лицензию направляет в территориальное учреждение Банка России заявление установленного образца, прикладывая к нему полный пакет необходимых документов. В течение тридцати дней надзорный орган обязан рассмотреть обращение и вынести вердикт: выдать разрешение или отказать в этом. О своем решении регулятор обязан уведомить заявителя в пятидневный срок. На практике же эти временные рамки часто игнорируются. Нередко будущие страховщики, получив лишь предварительное устное одобрение от сотрудников

надзорного ведомства, уже начинают работать: заключают договоры с клиентами и принимают страховые премии. Подобное поведение является серьезным нарушением. Законно вести страховую деятельность разрешено исключительно с даты официального получения лицензионного документа. Подписание страховых договоров до этого момента, особенно при первичном получении лицензии, чревато очень серьезными правовыми и финансовыми проблемами для корпорации.

В выдаче лицензии соискателю может быть отказано после предоставления всех необходимых документов, например, в тех случаях, если учредительные документы компании не соответствуют требованиям федерального законодательства, либо соискатель отразил в документах, предоставленных в орган страхового надзора, недостоверную информацию, или если уставной капитал будущей страховой организации не соответствует требованиям законодательства РФ.

Изучение нормативной базы, регулирующей выдачу страховых лицензий, выявляет важную особенность: надзорный орган вправе аннулировать или отозвать уже выданное разрешение по законным основаниям. Однако для заявителя, чей пакет документов находится на рассмотрении, возможность прервать процедуру по собственной инициативе законодательством не предусмотрена. Решение о выдаче лицензии принимается в течение месяца, и за этот период у претендента могут появиться веские причины, чтобы отказаться от своих намерений и отозвать поданное заявление. Подобная ситуация вполне реальна, но порядок действий для ее реализации в правовых актах отсутствует. На эту правовую коллизию обращает внимание и Л.В. Стандзонь[7]. В связи с изложенным представляется обоснованным внести изменение в статью 32 Закона РФ от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», дополнив ее положением, которое закрепит за соискателем право на отзыв заявления как законное основание для прекращения

---

[7] См.: Стандзонь Л.В. Система федерального законодательства о лицензировании: проблемы и перспективы законодательного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 77.

лицензионной процедуры.

После получения лицензии у страховой компании появляется дополнительная обязанность: в десятидневный срок она должна направить в орган страхового надзора письменное уведомление. В этом уведомлении необходимо указать, какие конкретные виды страхования в рамках разрешенного направления деятельности (будь то страхование жизни, иные виды личного страхования или страхование имущества) компания планирует применять на практике.

Помимо этого, для начала работы страховщик обязан подготовить и представить целый ряд документов[8]. В их число входят правила страхования по выбранным видам, а также подробные расчеты страховых тарифов. К последним обязательно должна прилагаться методика актуарных расчетов, наглядная структура тарифных ставок и положение, регламентирующее порядок формирования страховых резервов.

Таким образом, процедура создания и легитимации страховой организации в Российской Федерации, основанная на нормативно-явочном методе регистрации и последующем лицензировании, представляет собой сложный многоступенчатый процесс. Его ключевыми элементами выступают: жесткие требования к организационно-правовой форме, выполнение норматива минимального размера уставного капитала, а также разрешительный порядок допуска на рынок через получение лицензии на каждый вид деятельности.

---

[8] Указание Банка России от 29.11.2018 № 4993-У «О требованиях к сведениям и документам, представляемым для получения лицензии на осуществление деятельности субъектов страхового дела, об их типовых формах и о порядке и способах представления в Банк России документов для получения лицензии на осуществление деятельности субъектов страхового дела» // Вестник Банка России. 2018. № 96.

Виды преимущественных прав участников общества с ограниченной ответственностью

Месяц Дмитрий Олегович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматривается многообразие преимущественных прав участников хозяйственных обществ, в особенности обществ с ограниченной ответственностью. Анализируются традиционные подходы к классификации данных правомочий, а также исследуются новеллы корпоративного законодательства, вступившие в силу в 2025 году. Обосновывается выделение условного и персонализированного преимущественного права как самостоятельных правовых режимов, что позволяет по-новому взглянуть на систему корпоративных привилегий и существенно расширяет диспозитивность в регулировании внутренних отношений в обществе с ограниченной ответственностью.

Ключевые слова: преимущественное право покупки доли, общество с ограниченной ответственностью, корпоративный контроль, уставный капитал, персонализированное регулирование, условное преимущественное право.

Многообразие проявлений преимущественных прав в корпоративной сфере, а также дискуссионность их правовой природы[1] обусловливают необходимость проведения научно обоснованной классификации, позволяющей систематизировать данные правовые явления и выявить особенности их правового режима. Классификация позволяет раскрыть специфику отдельных видов данных правомочий в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица, оснований возникновения и субъектного состава.

Представителями цивилистической науки отмечено, что корпоративные преимущественные права могут быть представлены следующими

---

[1] См.: Стройкина Ю.В. Недостатки российского корпоративного законодательства, регулирующего преимущественные права // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2017. № 32. С. 49-52.

традиционными видами: 1) корпоративные преимущественные права на приобретение прав участия при помощи других участников корпорации; и 2) корпоративные преимущественные права на получение прав участия при помощи внесение дополнительного вклада в уставный капитал[2].

К первой группе корпоративных преимущественных прав относятся, в частности, правомочия акционеров на приобретение акций, отчуждаемых другими акционерами данного общества, преимущественно перед лицами, не являющимися участниками (ст. 7 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»)[3]. В эту же группу входят преимущественные права участников общества с ограниченной ответственностью на приобретение доли (части доли), принадлежавшей другому участнику (ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»)[4].

Корпоративным преимущественным правам как любым другим субъективным гражданским правам предоставляется правовая защита, для осуществления которой предусмотрен специальный способ, заключающийся в переведении прав и обязанностей по договору (п. 3 ст. 3 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», п. 4 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). В юридической литературе высказана позиция, в соответствии с которой «переведение прав и обязанностей по договору может быть осуществлено только до выполнения сторонами обязательств, указанных в договоре. После него обязательства прекращают свое существования и, соответственно, формально перевод права и обязанностей невозможен»[5]. Однако, данная точка зрения является ошибочной, поскольку она

---

[2] См.: Белов В.А., Пестерева Е.В. Хозяйственные общества. М., 2002. С. 332.

[3] Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

[4] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 28.12.2025) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/0a525c7e819fb19114001672d79d782c72f55caf/ (дата обращения: 06.03.2026).

[5] Зыбина О.С., Толстова А.Е. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие. – С-Пб., 2019. С. 112.

фактически низводит преимущественное право, обладающее характером привилегии, до уровня обычного обязательственного права, нарушение которого влечет лишь гражданско-правовую ответственность в виде возмещения убытков.

Основное целевое назначение указанных преимущественных прав заключается в защите действующих участников корпорации путем недопущения вступления в нее новых лиц. Вместе с тем, в доктрине представлены и иные подходы к пониманию целей данного института. Так, Л.А. Новоселова полагает, что установление преимущественных прав на покупку долей или акций призвано «обеспечить гарантию от наступления неблагоприятных последствий, связанных с появлением в управлении юридическим лицом нового члена, не обладающего фидуциарными связями с существующими участниками, что может негативно отразиться на деятельности компании». Причиной этого, по мнению автора, выступает отсутствие у нового участника необходимых компетенций и способностей вести дела должным образом[6].

Приведенная точка зрения не в полной мере отражает сущность рассматриваемого института. Полагаем, что преимущественные корпоративные права предоставляют действующим участникам возможность усиления собственного контроля за деятельностью корпорации. В механизме реализации преимущественного права на приобретение доли или акций происходит объективное изменение состава участников организации в сторону его сокращения: выбывающий участник отчуждает принадлежащие ему акции (долю), которые переходят за соответствующее вознаграждение к остающимся участникам, тем самым консолидирующим корпоративный контроль.

Характерным признаком данной группы является неопределенность субъектного состава на стороне обязанных лиц, где персонально определенному обладателю привилегии противостоит неопределенный круг потенциальных приобретателей. Законодательство предусматривает специальный способ защиты этих прав — перевод прав и обязанностей покупателя по договору.

---

[6] См., например: Новоселова Л.А. Преимущественное право приобретения акций в закрытом акционерном обществе // Арбитражная практика. 2004. № 4. С. 7.

Вопреки мнению некоторых исследователей, полагающих, что такой перевод возможен лишь до момента исполнения обязательств сторонами, следует подчеркнуть, что сущность преимущественного права как привилегии заключается в возможности управомоченного лица в пределах сроков исковой давности вмешаться в отношения между выбывающим участником и третьим лицом, даже если формально обязательства уже прекращены. Иной подход нивелировал бы ценность данной гарантии.

Существует обоснованная позиция, согласно которой преимущественное право возникает исключительно при возмездном отчуждении доли (продаже), поскольку законодатель связывает его реализацию именно с договором купли-продажи. Применение данных правил к мене или дарению, как справедливо отмечает В.Г. Бородкин, не допускается, так как это противоречило бы буквальному смыслу закона[7].

Вторую группу составляют преимущественные права, связанные с размещением акций или увеличением уставного капитала. В акционерных обществах это право акционеров на приобретение дополнительных акций и ценных бумаг, конвертируемых в акции, с целью сохранения своей доли. В обществах с ограниченной ответственностью данный механизм трансформируется в право участников на внесение дополнительного вклада пропорционально размеру их доли, что является альтернативой преимущественному праву при открытой подписке в публичных акционерных обществах[8]. При этом Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» не использует термин «преимущественное право» в отношении дополнительных взносов, однако сама конструкция, по сути, выполняет аналогичную функцию — сохранение корпоративного контроля.

---

[7] См.: Бородкин В.Г. Преимущественное право покупки в хозяйственных обществах: изменения в ГК РФ и корпоративный договор // Закон. 2014. № 7. С. 88.

[8] Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/b23786a5f489c53fbbf3cbe5586f973a7ab876c0/ (дата обращения: 06.03.2026).

Стоит отметить, что преимущественное право признается за самой корпорацией только в тех случаях, когда закон прямо допускает такую возможность. Непонимание этого аспекта провоцирует отдельных исследователей к поиску проблем, не имеющих под собой никакого реального основания. Так, А.Ю. Синенко, анализируя случаи осуществления преимущественного права покупки дополнительного выпуска акций, иных эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции (ст., ст. 40, 41 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», указывает: «...если эмитент сам является владельцем своих акций (например, выкупив ранее размещенные акции), то формально он вправе приобрести дополнительные акции в преимущественном порядке[9].

Нетрудно заметить, что в этом случае акционерное общество выступает одновременно в роли должника и кредитора, что противоречит самой природе обязательственных отношений (если такая ситуация возникла по каким-либо причинам, то это влечет прекращение обязательства). Договор в данном случае также не может возникнуть, поскольку для его заключения необходимы две и более стороны. Односторонняя же сделка лица в отношении самого себя теряет всякий юридический смысл». На самом же деле никакой проблемы в данном случае не существует. Стоит обратить внимание на то, что регулирующие вопросы осуществления преимущественного права покупки дополнительно выпускаемых акций или иных эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции, не предусматривают возможности существования соответствующего права у корпорации и признают его только за акционерами как участниками юридического лица. Приведенный пример позволит еще раз подчеркнуть, что субъектом преимущественного права покупки в корпоративных отношениях должно признаваться только то лицо, для которого возможность обладания такой правовой возможностью допускается законом.

---

[9] См.: Синенко А.Ю. Эмиссия корпоративных ценных бумаг: правовое регулирование, теория и практика. – М.: Юристъ. 2002. С. 224.

Возможность и условия реализации указанных преимущественных прав определяются уставами корпораций. При этом «отчуждатель» акций вправе самостоятельно устанавливать цену продажи для владельцев преимущественного права. Законодательство допускает и альтернативный подход – закрепление в уставе общества так называемой «твердой цены». Важно отметить, что участники корпорации не являются единственными субъектами, обладающими преимущественным правом покупки акций.

Классификация преимущественных прав может быть проведена и по иным основаниям: по способу размещения ценных бумаг (права при открытой и закрытой подписке), по субъектному составу (права участников и права самого общества), а также по характеру корреспондирующих обязанностей. Важно отметить, что право самого хозяйственного общества на приобретение доли (акций)[10] является вторичным и возникает лишь при отказе участников от реализации, принадлежащей им привилегии.

Кардинальные изменения корпоративного законодательства, вступившие в силу с 1 сентября 2025 года, трансформировали подход к регулированию преимущественных прав в обществе с ограниченной ответственностью, позволив выделить их новые виды по критерию особенностей правового регулирования.

Условное преимущественное право предполагает, что его возникновение или осуществление ставится в зависимость от наступления (или ненаступления) определенных обстоятельств, срока либо их сочетания. Управомоченное лицо получает возможность приобрести долю не во всяком случае ее отчуждения третьему лицу, а лишь при наличии особых условий, предусмотренных уставом. Варианты конструирования могут включать привязку к сроку (например, по истечении 5 лет работы общества), к событию (банкротство участника, достижение обществом определенных показателей) или комбинированные условия. Правовое значение данной конструкции заключается в возможности

---

[10] См.: Ершова Ю.В., Иванова А.В. Защита прав акционеров при совершении сделок с акциями. Тенденции правоприменения // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2020. № 3. С. 48-53.

для участников прогнозировать ситуации, критически важные для сохранения закрытости состава корпорации, и упрощать отчуждение долей, когда привлечение третьих лиц соответствует интересам бизнеса.

Персонализированное преимущественное право (субъектно-ориентированное регулирование) представляет собой принципиальную новеллу, позволяющую уставу общества «отключать» преимущественное право для конкретных, поименованных в уставе лиц либо для целых категорий участников, выделенных по определенным признакам (например, миноритарии с долей менее определенного процента, участники-конкуренты), сохраняя при этом действие права для других.

Ключевой характеристикой данного режима является персональный (личный) характер установленных ограничений. Особые условия, предусмотренные для конкретных поименованных участников, не следуют за долей. Если такой участник продает долю третьему лицу, новый владелец не связан этим ограничением, и в отношении него преимущественное право действует в обычном порядке. Данный подход принципиально отличает корпоративные преимущественные права от аналогичных конструкций в вещном праве (например, в общей долевой собственности), где ограничения сохраняются при переходе доли к новому приобретателю[11].

Выделение условного и персонализированного преимущественного права имеет существенное теоретическое и практическое значение. Законодатель отходит от императивной модели, предоставляя участникам возможность самостоятельно определять параметры корпоративного контроля, создавать привлекательные условия для инвесторов и учитывать различную роль участников в управлении обществом. Комбинирование временных и событийных условий позволяет выстраивать долгосрочные стратегии развития корпорации.

---

[11] Обзор «Основные изменения в корпоративном законодательстве (АО и ООО) в 2025 году» // СПС Гарант // URL: https://base.garant.ru/58078792/ (дата обращения: 06.03.2026).

При этом важно отграничивать преимущественные права от иных корпоративных привилегий (право вето, преимущественное право на информацию или занятие должности), чтобы не допустить размывания принципа равенства субъектов гражданского права.

Проведенный анализ позволяет заключить, что преимущественные права участников общества с ограниченной ответственностью представляют собой сложную, многогранную систему правовых возможностей. Традиционное деление на права, реализуемые за счет отчуждения имущества другими участниками, и права, реализуемые посредством внесения дополнительных вкладов, успешно дополняется классификациями по способу размещения ценных бумаг, субъектному составу и характеру корреспондирующих обязанностей.

Введение в действие с 1 сентября 2025 года новых правовых режимов позволяет говорить о формировании обновленной классификации по особенностям правового регулирования. Наряду со стандартным (безусловным) преимущественным правом, законодательство теперь оперирует категориями условного и персонализированного преимущественного права, а также их смешанными режимами. Персональный характер установленных ограничений, при котором они не следуют за долей, является ключевой особенностью, отличающей корпоративные преимущественные права от вещно-правовых аналогов и знаменующей переход к более гибкому и диспозитивному регулированию корпоративных отношений в обществах с ограниченной ответственностью.

Дуалистическая природа правового статуса оператора инвестиционной платформы

Мухамеджанов Дамиль Зинурович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуется правовой статус оператора инвестиционной платформы в механизме увеличения уставного капитала акционерного общества путем размещения дополнительного выпуска акций. Анализируются положения Федерального закона 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ…», законодательства о рынке ценных бумаг, а также научные подходы к определению правовой природы категории «оператор инвестиционной платформы». На основе функционального анализа деятельности оператора показан его дуалистический статус, сочетающий элементы частноправового посредничества и публично значимых функций. Освещаются проблемы, связанные с реализацией контрольных полномочий оператора.

Ключевые слова: инвестиционная платформа, оператор инвестиционной платформы, дополнительный выпуск акций, увеличение уставного капитала, корпоративное право, публично-правовые функции, контрольные полномочия.

Целью настоящего исследования представляется комплексный анализ правового статуса оператора инвестиционной платформы в механизме увеличения уставного капитала акционерного общества посредством дополнительного выпуска акций. Достижение указанной цели реализуется через решение задачи: исследование правовой природы оператора, функциональный анализ его деятельности, выявление пробелов в регулировании его контрольных полномочий. Методология основывается на общенаучных (системный и функциональный анализ, синтез) и частнонаучных методах, в том числе догматический, сравнительно-правовой, а также метод правового моделирования.

Правовое регулирование инвестиционных платформ в Российской

Федерации находится в стадии становления. Наибольшую сложность применения инвестиционных платформ представляет процедура увеличения уставного капитала путем дополнительного выпуска акций. Данная процедура охватывает нормы корпоративного законодательства и законодательства о рынке ценных бумаг с цифровыми способами ее осуществления, ввиду чего представляется необходимым конкретизировать правовой статус оператора инвестиционной платформы и его роли в структуре данных правоотношений[1].

Под инвестиционной платформой следует понимать закрепленный законодательством цифровой инструмент, с использованием которого осуществляется дополнительный выпуск акций. С точки зрения гражданского права, такой инструмент является программой для ЭВМ, доступ к которой осуществляется через сеть Интернет[2].

Нормативную базу регулирования представляет Федеральный закон от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ...» (далее - Закон об инвестиционных платформах)[3]. В соответствии с указанным законом, оператором признается юридическое лицо, внесенное Банком России в реестр, осуществляющее деятельность по организации привлечения инвестиций.

В современной юридической доктрине сформировались различные подходы к пониманию правовой природы оператора инвестиционной платформы. Так, А.В. Белицкая акцентирует внимание на его технической роли, поскольку правила платформы касаются преимущественно технологических аспектов[4]. Л.В. Андреева и А.В. Майфат указывают, что договоры с оператором

---

[1] См.: Гаврин Д.А. Особенности правового регулирования инвестиционных платформ // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 33–41.

[2] См.: Саяпин С.П. Гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений с использованием цифровых платформ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 229.

[3] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

[4] См.: Белицкая А.В. Трансформация государственной инвестиционной политики в условиях цифровой экономики: российский и зарубежный опыт // Право и цифровая экономика. 2022. № 1. С. 22–29.

являются договорами присоединения[5]. Основываясь на данных позициях, оператор в качестве инфраструктурного посредника обеспечивает взаимодействие участников инвестиционного процесса, не выступая стороной договора инвестирования.

Для полного раскрытия правовой природы оператора инвестиционной платформы необходимо обратиться к функциональному анализу его деятельности. Так, согласно мнению В.В. Кваниной и А.В. Спиридоновой, базовой организационно-посреднической функции, «оператор наделен рядом обеспечительных функций, а именно: контрольная (за соблюдением лимитов инвестирования), удостоверяющая (признание лица квалифицированным инвестором), техническая, информационная и учетная»[6].

Совокупность вышеуказанных функций обусловливает дуалистическую природу статуса оператора, сочетающий элементы частноправового представительства с делегированными публичными правомочиями, которые необходимы, в частности, для регистрации выпусков ценных бумаг. В доктринальных исследованиях В.Ф. Попондопуло акцентируется внимание на том, что «цифровые правоотношения предполагают обязательное участие посредника-оператора, ввиду чего возникает необходимость в системном подходе правового регулирования»[7].

Правовой статус оператора в контексте увеличения уставного капитала акционерного общества носит исключительный характер. В силу положения ст. 20.1 Закона о рынке ценных бумаг, оператор наделен правом выступать в качестве лица, осуществляющего регистрацию выпусков акций непубличных акционерных обществ, размещаемых посредством инвестиционной платформы[8].

---

[5] См.: Андреева Л.В. Правовые проблемы развития торговли в условиях цифровой трансформации // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 36–43; Майфат А.В. Инвестирование: способы, риски, субъекты: монография. Москва: Статут, 2020. С. 176.

[6] Кванина В.В., Спиридонова А.В. Публично-правовое и частноправовое регулирование деятельности оператора инвестиционной платформы // Право и цифровая экономика. 2020. № 4. С. 25–31.

[7] Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений / В.Ф. Попондопуло // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.

[8] Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918; Собрание законодательства РФ. 2026.

Процедура регистрации дополнительного выпуска акций проводится оператором исключительно в соответствии с п. 5.2 Положения Банка России от 19 декабря 2019 года № 706-П[9].

Предоставление оператору полномочий по регистрации выпусков акций принципиально меняет характер его деятельности, добавляя в нее публично-правовой элемент. Осуществляя данную функцию, оператор действует не только в интересах эмитента и инвесторов, но и выполняет публично значимую задачу по обеспечению законности эмиссии, что делает его субъектом, наделенным отдельными государственно-властными полномочиями.

Доктринальное понимание роли оператора сводится к предоставлению интегрированного сервиса, сочетающего технологическую цифровую платформу с юридическим сопровождением. Выражается это в размещении оператором информации об инвестиционных предложениях, обеспечении электронного взаимодействия, контрольно-идентификационных полномочиях[10]. Также С.П. Саяпин отмечает, что «оператор инвестиционной платформы не может быть квалифицирован в качестве информационного посредника (ст. 1253.1 ГК РФ), ввиду возможности оператора определять форму и содержание информации, которая обрабатывается с использованием платформы, что также указывает на его активную роль в регулировании возникающих отношений»[11].

Принципиальное значение имеет отсутствие корпоративной аффилированности оператора как с эмитентом, так и с инвестором. Несмотря на важную роль в организации инвестиционного процесса, в результате деятельности оператора не возникают корпоративные права или обязанности в отношении акционерного общества.

Действующее требование к капиталу оператора (5 млн. рублей) не

№ 8. Ст. 760.

[9] Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг», зарегистрировано в Минюсте России 21.04.2020 № 58158 // Вестник Банка России. 2020. № 37–38.

[10] См.: Кванина В.В., Спиридонова А.В. Публично-правовое и частноправовое регулирование деятельности оператора инвестиционной платформы // Право и цифровая экономика. 2020. № 4. С. 25–31.

[11] Саяпин С.П. Гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений с использованием цифровых платформ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 89.

соответствует пороговому объему привлечения инвестиций (до 1 млрд. рублей), представляется целесообразным увеличить ограничение по минимальному размеру до 90 млн. рублей[12]. Подобная сумма сопоставима с требованиями, предъявляемыми к небанковским кредитным организациям. Делегирование оператору публично значимой функции по регистрации выпусков акций возлагает на него повышенную ответственность, и наличие достаточного капитала необходимо для покрытия потенциальных убытков от ошибок при регистрации или сбоев в работе платформы.

Правовой статус оператора инвестиционной платформы следует рассматривать как положение специфического посредника между частными инвесторами и государством, которое делегирует ему контрольно-надзорные полномочия. В современной юридической доктрине подобное наделение публично-правовым статусом рассматривается в контексте субъектов саморегулирования - адвокатов, нотариусов, арбитражных управляющих[13]. В контексте вышеуказанных обстоятельств оператор выступает связующим звеном, которому государство передает контрольные полномочия.

Примером контрольно-надзорных полномочий оператора является в том числе обязанность по контролю за соблюдением ограничений в отношении лица, привлекающего инвестиции[14]. Данная обязанность оператора подчеркивает желание законодателя минимизировать риски и защитить потребителя финансовых услуг. В правоприменительной практике при осуществлении данной функции имеются сложности. А именно обязанность оператора за соблюдением ограничений физическим лицом лимита инвестирования в 600

---

[12] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) (в ред. от 28.11.2025) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

[13] См., например: Нуриев А.Г. Процедурные гарантии в нотариальном производстве // Нотариус. 2023. № 4. С. 15–19; Летова Н.В. Деятельность нотариата как форма обеспечения защиты семейных прав граждан // Нотариальный вестник. 2023. № 10. С. 27–35; Законодательство о банкротстве: преемственность и новации: монография / П.Р. Абдуллаева, Н.В. Бандурина, Ю.М. Воронина и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2023. С. 246.

[14] См.: Арзуманова Л.Л., Рождественская Т.Э., Белова Л.Г., Костюк И.В., Ротко С.В., Холкина М.Г., Рогалева М.А., Тимошенко Д.А. Комментарий к Федеральному закону от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 12.01.2026).

тыс. рублей в год зачастую носит декларативный характер, поскольку основывается исключительно на заверениях самого инвестора. Отсутствие межплатформенного взаимодействия по передаче информации создает условия для обхода установленных лимитов физическими лицами. Для реализации публично-правового элемента статуса оператора и исключения обхода установленных законодательством ограничений представляется необходимым создание единого реестра инвестиций физических лиц на всех платформах, с ведением Банка России и доступом для операторов[15].

Пример с контролем лимитов проявляет ключевое противоречие: на оператора возложена публичная функция (защита инвестора от избыточных рисков), но он не обеспечен для этого ни правовыми механизмами (доступ к единой базе данных), ни законодательно закрепленным публично-правовым статусом. Ввиду вышеуказанного необходимы институциональные изменения. Законодательное закрепление публично-правового статуса оператора отсутствует, однако имеется необходимость установления повышенных требований к этому субъекту. Представляется возможным внедрение обязательного саморегулирования на рынке инвестиционных платформ, что поможет увеличить степень профессионализма операторов и укрепить доверие инвесторов[16].

Дуалистическая природа правового статуса оператора инвестиционной платформы, который сочетает функции частноправового посредника и агента, исполняющего публично-значимые задачи, проявляет необходимость повышенного требования к его правовому регулированию. Согласно анализу, выявленные проблемы в деятельности оператора инвестиционной платформы представляют необходимые направления изменений и оптимизации правового регулирования для повышения гарантий защиты прав инвесторов.

---

[15] См.: Панарин А.С. О некоторых проблемах правового регулирования инвестиционных платформ в России / А.С. Панарин // Бизнес, менеджмент и право: Материалы III Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 21–23 ноября 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. С. 113-118.

[16] См.: Петров Д.А. К вопросу о публично-правовой природе деятельности членов саморегулируемых организаций // Гражданское право. 2013. № 1. С. 15–20.

Развитие международных стандартов в сфере раскрытия бенефициарной ответственности

Рыженко Семен Викторович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуется эволюция международно-правовых стандартов раскрытия бенефициарной собственности — от первых инициатив ФАТФ и Конвенции ООН против коррупции до новейших решений в рамках Европейского союза и Четвёртой конференции ООН по финансированию развития. Делается вывод о сохраняющемся разрыве между нормативными стандартами и их практической реализацией как ключевом вызове для современного международного права.

Ключевые слова: бенефициарная собственность, прозрачность, ФАТФ, противодействие отмыванию денег, реестр бенефициарных собственников, Конвенция ООН против коррупции, директивы Европейского Совета, корпоративная прозрачность.

Прозрачность бенефициарной собственности представляет собой один из ключевых инструментов противодействия коррупции, отмыванию денежных средств, уклонению от уплаты налогов и финансированию терроризма. Под бенефициарным собственником понимается физическое лицо, которое в конечном счёте владеет юридическим лицом или иной правовой конструкцией либо осуществляет контроль над ними, даже если такой контроль реализуется опосредованно — через цепочки компаний, трастов, номинальных держателей и иных механизмов[1]. Использование непрозрачных корпоративных структур для сокрытия истинных владельцев активов длительное время оставалось одним из наиболее серьёзных вызовов для мирового финансового регулирования. По оценкам Tax Justice Network, от 21 до 32 триллионов долларов США частных

[1] FATF. Guidance on Beneficial Ownership and Transparency of Legal Persons. Paris: FATF, 2023. P. 7. // URL: https://complianceaid.pro/fatf-issued-guidance-on-the-beneficial-ownershipcy-of-leg (дата обращения: 05.03.2026).

финансов сосредоточено в юрисдикциях с повышенным уровнем финансовой секретности[2].

На протяжении последних двух десятилетий международное сообщество предприняло значительные усилия по формированию нормативной базы, обязывающей государства обеспечивать прозрачность информации о конечных бенефициарах юридических лиц. Если десять лет назад лишь единичные страны располагали реестрами бенефициарной собственности, то к 2025 году более ста государств либо создали такие реестры, либо приняли соответствующие обязательства. Вместе с тем прогресс остаётся неравномерным: во многих юрисдикциях реестры существуют номинально, нет механизмов верификации, обеспечения соблюдения требований и интеграции в практику принятия решений.

Проанализируем эволюцию международных стандартов раскрытия бенефициарной собственности — от первых инициатив ФАТФ и Конвенции ООН против коррупции до последних решений в рамках Европейского союза и Четвёртой конференции ООН по финансированию развития (FfD4) в г. Севилье в 2025 году. Рассмотрим как нормативные рамки, так и практические сложности имплементации, а также перспективы дальнейшего развития, включая вопросы технологической модернизации и создания глобального реестра бенефициарных собственников.

Отправной точкой формирования международных стандартов в рассматриваемой сфере стала деятельность Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ, англ. FATF). Рекомендация 24 ФАТФ требует от государств обеспечить наличие достаточной, точной и актуальной информации о бенефициарной собственности в отношении юридических лиц, а также доступ к ней со стороны компетентных органов[3]. Рекомендация 25 устанавливает аналогичные требования к конструкциям, прежде всего к

---

[2] Tax Justice Network. Financial Secrecy Index 2025. London: Tax Justice Network, 2025 // URL: https://fsi.taxjustice.net (дата обращения: 05.03.2026).

[3] FATF. Recommendation 24: Transparency and Beneficial Ownership of Legal Persons. Paris: FATF, 2022 // URL: https://www.fatf-gafi.org/recommendations.html (дата обращения: 05.03.2026).

трастам[4]. В совокупности данные стандарты образуют основу глобальной системы противодействия злоупотреблению корпоративными структурами.

Конвенция ООН против коррупции (UNCAC), вступившая в силу в 2005 году, содержит ряд положений, непосредственно относящихся к раскрытию бенефициарной собственности[5]. Статья 12 обязывает государства содействовать прозрачности частного сектора, в том числе посредством мер по идентификации лиц, участвующих в создании и управлении корпоративными структурами. Статья 14 расширяет указанные требования, включая ведение учёта сведений о бенефициарных собственниках и распространение таких правил на поставщиков услуг. Статья 52 обязывает государства требовать от финансовых учреждений проверки бенефициарной собственности по счетам с повышенным риском, включая счета публичных должностных лиц и их близких. Коалиция UNCAC последовательно настаивает на том, что центральные публичные реестры бенефициарных собственников являются наиболее эффективным инструментом достижения целей Конвенции, поскольку обеспечивают оперативный доступ к информации для правоохранительных органов и сокращают зависимость от длительных процедур взаимной правовой помощи.

Вместе с тем положения UNCAC носили рамочный характер и не содержали конкретных требований к форме и механизмам сбора данных о бенефициарах. Восполнить этот пробел на политическом уровне призвало принятие высокоуровневых принципов G20 по прозрачности бенефициарной собственности на саммите в г. Брисбене в ноябре 2014 года, ознаменовавшее признание проблемы крупнейшими экономиками мира. Документ содержит десять принципов, обязывающих государства G20 обеспечить наличие у юридических лиц сведений о бенефициарных собственниках, своевременный доступ к ним компетентных органов, запрет на использование акций на

---

[4] FATF. Recommendation 25: Transparency and Beneficial Ownership of Legal Arrangements. Paris: FATF, 2022 // URL: https://www.fatf-gafi.org/recommendations.htm (дата обращения: 05.03.2026).

[5] United Nations Convention against Corruption. New York: United Nations, 2004. Articles 12(2)(c), 14(1)(a), 52 (1) // URL: https://www.unodc.org/pdf/corruption/publications_unodc_convention-e.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

предъявителя и эффективное регулирование номинальных акционеров и директоров. Принципы подчёркивают необходимость того, чтобы информация о бенефициарной собственности была «достаточной, точной и актуальной» и могла передаваться международным партнёрам в целях противодействия уклонению от уплаты налогов.

Импульс, заданный «Группой двадцати», был подхвачен в рамках системы ООН — особенно после того, как утечка «Панамских документов» в 2016 году наглядно обнаружила масштабы злоупотреблений, которые призваны были устранить принципы г. Брисбена. В 2021 году Политическая декларация Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по борьбе с коррупцией (UNGASS) зафиксировала обязательство государств-членов содействовать прозрачности бенефициарной собственности, в том числе посредством создания соответствующих реестров[6]. Саммиты G7 2021 года под председательством Великобритании дополнительно закрепили призыв к укреплению реестров бенефициарных собственников и поддержке реформ стандартов ФАТФ.

Следует подчеркнуть, что рекомендации ФАТФ не являются юридически обязательными международными актами в традиционном смысле; тем не менее их имплементация контролируется посредством системы взаимных оценок, результаты которых существенно влияют на репутацию государств и их доступ к международной финансовой системе. Это обстоятельство превращает стандарты ФАТФ в один из наиболее действенных механизмов регулирования, несмотря на их формально рекомендательный характер.

Однако практика применения этих стандартов выявила их изъяны: расплывчатость критериев верификации, неоднородность национальных подходов к определению бенефициарного собственника и слабость механизмов принуждения к исполнению. Именно это несоответствие между нормативными требованиями и реальными результатами стало импульсом к масштабному реформированию Рекомендаций ФАТФ в 2022–2023 годах. Ключевые

---

[6] United Nations General Assembly. Political Declaration of the Special Session against Corruption (A/RES/S-32/1). New York: UN, 2021 // URL: https://uncaccoalition.org/ungass/ (дата обращения: 05.03.2026).

изменения затронули несколько направлений.

Во-первых, пересмотренная Рекомендация 24 устанавливает требование о применении многоуровневого подхода к сбору информации о бенефициарных собственниках, предусматривающего использование совокупности механизмов: центральных реестров, данных финансовых учреждений, сведений от корпоративных сервис-провайдеров и иных источников. Такой подход знаменует существенный сдвиг по сравнению с прежней практикой, когда государства нередко ограничивались информацией, собираемой банками в рамках процедур надлежащей проверки клиентов.

Во-вторых, введено требование о создании реестра бенефициарных собственников либо альтернативного механизма, обеспечивающего сопоставимую эффективность. Организация Transparency International, выступавшая одним из наиболее активных сторонников реформы, констатировала, что данная мера обладает значительным потенциалом для повышения устойчивости государств к потокам «грязных денег»[7]. Вместе с тем рекомендация о публичности реестров сохранила факультативный характер, что не вполне соответствует ожиданиям гражданского общества.

В-третьих, государства обязаны проводить оценку рисков в отношении юридических лиц как созданных на их территории, так и зарегистрированных за рубежом, но имеющих достаточные связи с соответствующей юрисдикцией. Пороговое значение для определения бенефициарной собственности не должно превышать 25% доли участия; при этом государствам рекомендуется принимать во внимание совокупные интересы лиц, действующих совместно[8]. Обновлённое руководство ФАТФ по Рекомендации 25, опубликованное в марте 2024 года, дополнило реформу в части регулирования трастов, фондов и аналогичных структур.

Реформа 2022–2023 годов стала прямым ответом на давление G20 и

---

[7] Transparency International. G20 & Corporate Transparency: Put Your Money Where Your Mouth Is. 2024 // URL: https://www.transparency.org/en/news/g20-beneficial-ownership-transparency-high- (дата обращения: 05.03.2026).

[8] FATF. Guidance on Beneficial Ownership and Transparency of Legal Persons. Paris: FATF, 2023. P. 15 // URL:https://www.fatf-gafi.org/recommendations.html (дата обращения: 05.03.2026).

UNGASS, зафиксировавших политические обязательства, которые техническая база ФАТФ должна была воплотить в конкретные стандарты.

Особого внимания заслуживает «Compromiso de Sevilla» (Севильское обязательство), принятое в июне 2025 года на Четвёртой международной конференции ООН по финансированию развития[9]. Этот документ стал первым случаем принятия государствами — членами ООН коллективного обязательства по созданию эффективных национальных реестров бенефициарной собственности с высококачественной и стандартизированной информацией, согласованной с международными стандартами. Участники также согласились «рассмотреть целесообразность и полезность глобального реестра бенефициарной собственности», открыв тем самым принципиально новое направление международного сотрудничества.

Европейский союз является региональным лидером нормативного регулирования прозрачности бенефициарной собственности. Четвёртая директива о противодействии отмыванию денег (AMLD IV, Директива 2015/849/EU) обязала государства-члены обеспечить ведение центральных реестров бенефициарных собственников с доступом лиц, обладающих «законным интересом»[10].

Знаковым событием стало решение Суда Европейского союза (CJEU) от 22 ноября 2022 года по объединённым делам C-37/20 и C-601/20, которым суд признал недействительным положение Пятой директивы о неограниченном публичном доступе к реестрам бенефициарных собственников[11]. Суд констатировал, что подобный доступ образует серьёзное вмешательство в фундаментальные права на уважение частной жизни и защиту персональных

---

[9] Open Ownership. Building Momentum: Beneficial Ownership Commitments at FfD4 and the Path Forward. London: Open Ownership, July 2025 // URL: https://www.openownership.org/en/blog/ing (дата обращения: 05.03.2026).

[10] Directive 2015/849/EU of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing (Fourth AML Directive). OJ L 141. 5.6.2015. P. 73–117.

[11] Court of Justice of the EU. Joined Cases C-37/20 and C-601/20, WM and Sovim SA v Luxembourg Business Registers, Judgment of 22 November 2022. ECLI:EU:C: 2022:912 // URL: https://www.europeanrights.eu/public/sentenze/Sentt._C-37_2020_e_C 601_2020_in_ingl. pdf (дата обращения: 05.03.2026).

данных, закреплённые в статьях 7 и 8 Хартии основных прав ЕС, и не может быть признан строго необходимым. Реакция государств-членов оказалась неоднородной: большинство закрыло публичный доступ к реестрам незамедлительно, тогда как Франция и ряд скандинавских стран сохранили бесплатный открытый доступ.

Ответом на решение Суда стала Шестая директива о противодействии отмыванию денег (AMLD VI, Директива 2024/1640/EU), установившая режим доступа на основании законного интереса[12]. Для журналистов, организаций гражданского общества и учёных, чья деятельность связана с противодействием отмыванию денег, законный интерес презюмируется, что обеспечивает обобщённый доступ без необходимости обоснования каждого запроса. В сентябре 2025 года Европейская комиссия инициировала процедуры нарушения в отношении 11 государств-членов, не выполнивших в срок требования о транспозиции первого пакета положений AMLD VI.

Параллельно в мае 2024 года был принят масштабный Пакет ЕС по противодействию отмыванию денег (AML Package), центральным элементом которого стал непосредственно применимый Регламент о противодействии отмыванию денег (AML Regulation), вступающий в полную силу с 10 июля 2027 года[13]. Регламент вводит гармонизированное определение бенефициарного собственника, устанавливает единый порог в 25% владения или прав голоса (с возможностью снижения до 15% для секторов повышенного риска) и закрепляет новый метод расчёта косвенного владения путём перемножения долей участия в многоуровневых структурах. Надзор за исполнением нового режима возложен на Европейский орган по противодействию отмыванию денег (AMLA).

Опыт Европейского союза демонстрирует, что даже в условиях развитой правовой интеграции построение эффективного режима прозрачности

---

[12] Transparency International EU. Countdown to New EU Beneficial Ownership Rules. September 2025 // URL: https://www.transparency.org/en/news/countdown-to-new-eu-beneficial-ownership-rules

[13] Regulation (EU) 2024/1624 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing (AML Regulation). OJ L. 19.6.2024.

бенефициарной собственности сопряжено с серьёзными институциональными и конституционными противоречиями. Однако ЕС при всех трудностях последовательно движется по пути ужесточения требований и расширения надзора. Принципиально иную траекторию избрали Соединённые Штаты — юрисдикция, чья роль в глобальной финансовой системе делает её позицию особо значимой для оценки перспектив международного режима. Если европейская модель эволюционировала от мягких обязательств к обязательному регулированию с централизованным надзором, то американский опыт наглядно показывает, как политические факторы способны обратить вспять законодательно закреплённый прогресс.

Соединённые Штаты исторически относились к наиболее непрозрачным юрисдикциям в сфере бенефициарной собственности: законодательство страны традиционно позволяло регистрировать компании без раскрытия сведений о конечных владельцах, превращая ряд штатов — прежде всего Делавэр и Вайоминг — в магниты для анонимных корпоративных структур. Принятый на двухпартийной основе Закон о корпоративной прозрачности (Corporate Transparency Act, CTA) 2022 года был призван изменить эту ситуацию. Закон обязал компании с числом сотрудников менее 20 человек представлять сведения о бенефициарных собственниках в Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN) Министерства финансов США начиная с 1 января 2024 года. Бенефициарным собственником признаётся физическое лицо, прямо или косвенно осуществляющее «существенный контроль» над компанией либо владеющее 25% и более долей участия.

Траектория имплементации CTA оказалась неожиданно драматичной. Закон столкнулся с многочисленными судебными исками, оспаривавшими его конституционность. В марте 2025 года администрация президента Трампа кардинально изменила курс: Министерство финансов заявило об отказе от применения штрафных санкций в отношении американских компаний, не выполняющих требования о раскрытии. Министр финансов Скотт Бессент охарактеризовал данный шаг как «часть смелой повестки президента Трампа по

раскрытию американского процветания путём обуздания обременительного регулирования». Обязанность по раскрытию была сохранена лишь в отношении иностранных компаний, ведущих деятельность в США. В конце 2025 года FinCEN объявило об удалении ранее собранных сведений о бенефициарных собственниках американских компаний. По результатам Индекса финансовой секретности 2025 года, США вновь заняли первое место среди государств, способствующих глобальной финансовой непрозрачности.

Идея создания глобального реестра бенефициарных собственников, ещё недавно казавшаяся утопичной, получила серьёзный политический импульс. «Compromiso de Sevilla» 2025 года включает обязательство государств рассмотреть «целесообразность и полезность глобального реестра бенефициарной собственности». Open Ownership Register уже представляет собой прототип такой системы, объединяя данные из нескольких юрисдикций на основе единого стандарта. Технология блокчейн рассматривается как потенциальная инфраструктурная основа глобального реестра, обеспечивающая единый верифицируемый источник информации и преодолевающая барьеры государственного суверенитета.

Вместе с тем создание глобального реестра сопряжено с многочисленными правовыми, политическими и техническими сложностями. Различия в национальных определениях бенефициарной собственности, пороговых значениях, режимах доступа и стандартах защиты данных создают значительные препятствия для унификации. Ряд крупнейших экономик, прежде всего США, фактически отступили от ранее принятых обязательств. Дальнейший прогресс неизбежно будет зависеть от политической воли, доступности технической помощи для развивающихся стран и совершенствования международных стандартов, обеспечивающих баланс между прозрачностью, правоприменением и защитой прав человека.

Международное сообщество прошло значительный путь: от первых рекомендаций ФАТФ и положений UNCAC к ситуации, при которой более ста государств в той или иной форме участвуют в создании механизмов раскрытия

бенефициарной собственности. Ключевые контуры будущего глобального режима — центральные реестры, многоуровневый подход к сбору информации, верификация данных, стандартизированные форматы обмена и дифференцированный доступ — в основных чертах уже определены. Тем не менее разрыв между нормативными стандартами и их практической реализацией сохраняется и остаётся главным вызовом для международного права и политики в данной сфере. Преодоление этого разрыва потребует не только совершенствования нормативной базы, но и целенаправленного наращивания институциональных и технологических возможностей государств, прежде всего в странах глобального Юга.

Правовое регулирование образования акционерного общества путем реорганизации унитарного предприятия

Скуратов Григорий Алексеевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу правового регулирования процесса реорганизации унитарных предприятий посредством преобразования их в акционерные общества. В ходе исследования рассматриваются нормативно-правовые акты, регулирующие данный процесс, анализируются процедуры, связанные с реорганизацией. Особое внимание уделено юридическим последствиям преобразования унитарных предприятий в акционерные общества, включая вопросы собственности, управления и ответственности. В статье рассматриваются ключевые проблемы реорганизации, предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования в данной сфере. Результаты исследования имеют практическое значение для практикующих юристов, а также специалистов в области корпоративного права и реорганизации предприятий.

Ключевые слова: унитарное предприятие, акционерное общество, корпорация, реорганизация, преобразование, правовые риски, собственность, этапы реорганизации.

Федеральный закон от 27 декабря 2019 года № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и Федеральный закон «О защите конкуренции» существенно изменил регулирование деятельности унитарных предприятий[1]. Данный акт фактически установил запрет на создание и функционирование унитарных предприятий в сферах, где присутствует конкурентная среда. В связи с этим государственные и муниципальные унитарные предприятия, осуществлявшие деятельность на конкурентных товарных рынках, должны были

[1] Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (ч. 1). Ст. 7803.

быть ликвидированы либо реорганизованы до 1 января 2021 года, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством.

В этих условиях одним из наиболее распространённых способов преобразования таких предприятий стало их преобразование в акционерные общества. Реорганизация в форме преобразования позволяет изменить организационно-правовую форму предприятия, что в дальнейшем способствует повышению эффективности управления, расширению возможностей привлечения инвестиций и совершенствованию системы корпоративного управления. Кроме того, в условиях глобализации экономики и активной цифровой трансформации бизнеса подобные изменения становятся необходимыми для обеспечения долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого развития хозяйствующих субъектов.

Следует отметить, что значительная часть унитарных предприятий функционирует именно в тех отраслях, где уровень конкуренции достаточно высок. К таким сферам относятся, например, теплоснабжение, водоснабжение и водоотведение, управление жилищным фондом, торговля, а также оказание различных услуг населению. Наличие унитарных предприятий на таких рынках нередко рассматривалось как фактор, способный ограничить конкуренцию. Именно поэтому законодательные изменения были направлены на постепенное преобразование подобных предприятий в иные организационно-правовые формы, более соответствующие принципам рыночной экономики.

По своей правовой природе преобразование унитарного предприятия в акционерное общество представляет собой один из способов приватизации. Государственное имущество, которое ранее было закреплено за предприятием на праве хозяйственного ведения[2], передаётся вновь создаваемому акционерному обществу на основании передаточного акта. В результате государство перестаёт быть собственником имущественного комплекса предприятия, однако приобретает право собственности на акции созданного

---

[2] См.: Стройкина Ю.В. Эволюция права хозяйственного ведения в законодательстве РФ // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2010. № 11. С. 200-210.

акционерного общества, что позволяет сохранять контроль над стратегически значимыми организациями.

От имени России функции учредителя акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью, создаваемых в процессе приватизации федеральных государственных унитарных предприятий, осуществляет Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество). Данные полномочия закреплены Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 года № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом»[3].

Особенности формирования органов управления акционерного общества, создаваемого в результате приватизации унитарного предприятия, регулируются специальным законодательством. Так, статья 37 Федерального закона от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» устанавливает порядок назначения единоличного исполнительного органа общества до проведения первого общего собрания акционеров. В соответствии с указанной нормой руководителем создаваемого акционерного общества назначается руководитель приватизируемого унитарного предприятия. Соответствующее решение о назначении включается непосредственно в решение о приватизации[4].

В целом процедура реорганизации унитарных предприятий в акционерные общества регулируется целым рядом актов. К их числу относятся Федеральный закон от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[5], Федеральный закон от 14 ноября 2002 года № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»[6], Федеральный закон от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», а также ГК РФ. Эти акты определяют требования к проведению

---

[3] Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» (в ред. от 07.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 23. Ст. 2721.

[4] Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

[5] Собрание законодателя РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

[6] Собрание законодательства РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

реорганизации, включая порядок принятия решений, оформление учредительных документов и регистрацию создаваемых организаций.

Рассмотрение правовых аспектов преобразования унитарных предприятий в акционерные общества имеет важное значение для понимания данного института современного корпоративного права. Анализ законодательных норм и практики их применения позволяет более полно раскрыть особенности этого процесса, определить его роль в развитии экономики, а также сформулировать рекомендации для эффективного проведения подобных преобразований.

Исторически процесс преобразования государственных предприятий в акционерные общества связан с реформированием экономической системы России. В период плановой экономики унитарные предприятия выполняли важную функцию обеспечения государственного контроля над производственными ресурсами и инфраструктурой. Их ключевой особенностью являлось отсутствие у предприятия собственности на закреплённое имущество: собственником выступало государство или муниципальное образование, а само предприятие лишь осуществляло хозяйственное ведение этим имуществом.

С переходом к рыночной экономике в 1990-е годы возникла необходимость в трансформации существующей системы управления государственными предприятиями. Одним из инструментов такой трансформации стало преобразование предприятий в акционерные общества. Данная форма организации бизнеса позволяла привлекать частный капитал, внедрять современные методы корпоративного управления и повышать инвестиционную привлекательность предприятий.

Теоретические основы преобразования унитарных предприятий в акционерные общества связаны с изменением формы собственности и структуры управления организацией. В отличие от унитарного предприятия, где собственником имущества является государство, акционерное общество предполагает распределение собственности между акционерами посредством владения акциями. Такая модель способствует более гибкому управлению компанией и созданию системы коллективного контроля за её деятельностью.

Кроме того, акционерная форма организации бизнеса предполагает соблюдение более строгих стандартов корпоративного управления[7]. Это включает прозрачность финансовой отчётности, подотчётность органов управления и защиту прав акционеров. Подобные механизмы способствуют повышению доверия со стороны инвесторов и финансовых институтов. В результате предприятия получают более широкий доступ к финансовым рынкам и могут привлекать дополнительные ресурсы для развития и модернизации производства[8].

Таким образом, исторические и теоретические предпосылки преобразования унитарных предприятий в акционерные общества демонстрируют значимость данного процесса для модернизации экономики. Они формируют основу для понимания того, каким образом подобные преобразования способствуют повышению эффективности деятельности предприятий и укреплению их позиций на рынке.

Правовое регулирование реорганизации унитарных предприятий в акционерные общества основано на комплексной системе нормативных актов. Прежде всего следует отметить Федеральный закон от 14 ноября 2002 года № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», который определяет правовой статус таких организаций, их функции и особенности управления. В соответствии с данным законом унитарное предприятие представляет собой коммерческую организацию, не обладающую правом собственности на имущество, закреплённое за ней учредителем — государством или муниципальным образованием.

Одним из возможных способов изменения организационно-правовой

---

[7] См.: Ершова Ю.В., Плешивцева Е.В. О реализации законных интересов публично-правового образования посредством участия его в хозяйственных обществах // Тенденции развития экономики, общества и права в современных реалиях: Сборник статей I всероссийской конференции, Москва, 31 марта 2024 года. – Москва: ООО «Издательство ВВМ», 2024. С. 106-109.

[8] См., например: Лозовая И.С. Корпоративное управление: понятие и основные подходы к его определению // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2010. № 1. С. 84–88 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnoe (дата обращения: 03.03.2026).

формы такого предприятия является его преобразование в акционерное общество[9]. Решение о реорганизации унитарного предприятия принимается собственником его имущества. После принятия соответствующего решения предприятие обязано в течение тридцати дней уведомить своих кредиторов и опубликовать сообщение о реорганизации. Кредиторы, в свою очередь, получают право требовать досрочного исполнения обязательств либо возмещения причинённых убытков.

Федеральный закон от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» устанавливает требования к учредительным документам, структуре органов управления, формированию уставного капитала и раскрытию информации акционерными обществами. Все эти требования должны быть соблюдены при создании акционерного общества в результате преобразования унитарного предприятия.

Сам процесс реорганизации включает несколько последовательных этапов. На первом этапе принимается официальное решение о преобразовании предприятия. Для федеральных государственных унитарных предприятий такое решение принимается соответствующим государственным органом, а для муниципальных — органом местного самоуправления. После этого проводится инвентаризация и оценка имущества предприятия, а также осуществляется подготовка учредительных документов будущего акционерного общества[10].

Следующим этапом является государственная регистрация создаваемого общества. Для этого в ИФНС подаются заявление о регистрации, устав, решение о создании, передаточный акт, заключение о стоимости активов. С момента внесения записи в Единый государственный реестр юридических лиц унитарное предприятие считается прекратившим деятельность, его права и обязанности переходят к вновь созданному акционерному обществу.

---

[9] См.: Ласкина Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (постатейный) [Электронный ресурс]. Специально для системы ГАРАНТ, 2014 // URL: https: // base.garant.ru/57632455/ (дата обращения: 03.03.2026).

[10] См.: Журавлев Ю.В. Реорганизация управления бизнес-деятельностью промышленных предприятий в условиях рыночных отношений: теория и практика: на примере Воронежской области: дис. ... д-ра экон. наук. Воронеж, 2005. С. 17.

Особое значение в процессе реорганизации имеет передаточный акт. Он определяет состав имущества, которое передаётся акционерному обществу, и составляется на основе результатов инвентаризации, аудиторского заключения и документов, подтверждающих права на земельные участки. В передаточном акте указываются все виды приватизируемого имущества, их балансовая стоимость, а также параметры выпуска акций — их количество и номинальная стоимость. Данный документ утверждается органом, принявшим решение о реорганизации, и подаётся вместе с иными документами для регистрации.

Размер уставного капитала создаваемого акционерного общества, как правило, соответствует балансовой стоимости передаваемых активов. Собственник имущества определяет тип акций, их количество и номинальную стоимость. Эмиссия акций осуществляется в соответствии с требованиями Федерального закона от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации» и Положения Банка России № 706-П. Регистрация выпуска акций производится Банком России до регистрации эмитента. Если акционерное общество не будет зарегистрировано в течение одного года, решение о выпуске акций подлежит аннулированию[11].

После завершения государственной регистрации акционерное общество становится правопреемником унитарного предприятия. Это означает, что к нему переходят все права и обязанности, включая изменения в составе и стоимости имущества, которые могли произойти после принятия решения о приватизации.

Практика реорганизации государственных предприятий демонстрирует, что подобные преобразования могут оказывать значительное влияние как на экономическую деятельность организации, так и на её внутреннюю структуру управления. Одним из наиболее известных примеров является преобразование федерального государственного унитарного предприятия «Почта России» в акционерное общество. Подготовка к акционированию началась ещё в 2013 году, а сам процесс был завершён 1 октября 2019 года, когда предприятие было

---

[11] См.: Авдеев В.В. Реорганизация унитарных предприятий в форме преобразования // Бухгалтер и закон. 2012. № 1 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reorganizatsiya-unitarnyh- (дата обращения: 27.02.2025).

официально преобразовано в АО «Почта России». Единственным акционером общества стала Российская Федерация в лице Росимущества[12]. В результате акционирования сформирована новая система корпоративного управления, создан совет директоров, в состав которого вошли представители государства и независимые директора.

Помимо организационных изменений, компания начала активно модернизировать свою инфраструктуру и внедрять цифровые технологии. Сегодня предприятие оказывает широкий спектр услуг, включая почтовую доставку, денежные переводы, выплату пенсий и электронные сервисы.

Другим примером структурных преобразований в государственном секторе можно считать реформирование железнодорожной отрасли. В рамках реализации программы структурной реформы железнодорожного транспорта было создано ОАО «Российские железные дороги». Впоследствии отдельные виды деятельности компании — грузовые и пассажирские перевозки, техническое обслуживание — были выделены в дочерние АО, что позволило повысить эффективность управления каждым направлением деятельности[13].

Реорганизация предприятий оказывает заметное влияние и на внутреннюю корпоративную среду. С одной стороны, внедрение принципов корпоративного управления способствует повышению прозрачности деятельности компании, формированию более эффективной системы мотивации сотрудников и развитию современной корпоративной культуры. С другой стороны, подобные преобразования могут сопровождаться определёнными трудностями, связанными с перераспределением функций, изменением организационной структуры и адаптацией персонала к новым условиям работы[14]. В этой связи особое значение приобретает грамотное управление процессом изменений.

Экономические последствия преобразования унитарных предприятий в

---

[12] Знание. Вики: создание ФГУП и акционирование [Электронный ресурс]: электронная энциклопедия // URL: https: // znanierussia.ru/articles/ (дата обращения: 03.03.2026).
[13] Постановление Правительства РФ от 18.05.2001 № 384 «О программе структурной реформы на железнодорожном транспорте» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2366.
[14] Реорганизация организаций / Л. Зуйкова, В. Мешалкин, И. Кирюшина, Т. Крутякова. М.: АКДИ Экономика и жизнь, 2005. С. 45.

акционерные общества также являются весьма значительными. Ключевым преимуществом данной формы организации бизнеса является возможность привлечения инвестиций посредством выпуска акций. Акционерные общества обладают доступом к широкому кругу финансовых инструментов, что позволяет им реализовывать масштабные инвестиционные проекты, модернизировать производство и развивать новые направления деятельности[15].

С правовой точки зрения преобразование унитарного предприятия требует строгого соблюдения всех установленных законодательством процедур. Это включает подготовку учредительных документов, проведение оценки имущества, оформление передаточного акта, государственную регистрацию юридического лица и передачу прав и обязанностей правопреемнику. Соблюдение данных требований обеспечивает правовую устойчивость создаваемого акционерного общества и защиту интересов его акционеров.

Отметим, что реорганизация унитарных предприятий в акционерные общества представляет собой сложный и многоэтапный процесс, имеющий важное значение для развития современной экономики. Практика показывает, что успешные преобразования, осуществлённые в таких компаниях, как «Ростелеком», «Сбербанк» и «Почта России», демонстрируют значительный потенциал данной формы реформирования предприятий.

Таким образом, преобразование унитарного предприятия в акционерное общество является не только юридической процедурой, но и важным инструментом модернизации хозяйствующих субъектов. Этот процесс требует глубокого знания законодательства, тщательной подготовки документов и участия квалифицированных специалистов. Реорганизация охватывает все стадии — от включения предприятия в план приватизации до внесения записи о создании нового юридического лица в Единый государственный реестр юридических лиц — и в конечном итоге направлена на повышение эффективности деятельности предприятия и укрепление его позиций в условиях

---

[15] См.: Мальцев А.В. Юридические последствия реорганизации предприятий // Вестник гражданского права. 2020. № 5. С. 101–115.

современной рыночной экономики.

Секция 4. «Правовое регулирование трудовых отношений и развитие кадрового потенциала как фактор устойчивости российской государственности»

Добросовестный труд работника как правовая категория

Аветисян Рафаэль Геворгович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В работе рассматриваются основные подходы к определению категории «добросовестный труд», не имеющей своего легального закрепления в современном трудовом праве. Автор анализирует ее проявление с позиций объективного и субъективного аспектов, межотраслевого проявления и делает вывод о возможности рассмотрения как правовой категории. По результатам исследования выработано авторское понимание добросовестного труда.

Ключевые слова: труд, работник, добросовестность, правовая категория, добросовестный труд, критерии, межотраслевой принцип, личностные качества.

Труд составляет необходимое условие человеческой жизни, является формой жизнедеятельности не только человека, но и общества в целом. Благодаря труду создаются полезные результаты. Одновременно он выступает средством самовыражения и самоутверждения человека его осуществляющего. Поэтому юридическое значение будет приобретать тот труд, который имеет положительные характеристики. Одной из таких является признание труда добросовестным.

Несмотря на то, что традиционной для целей правового регулирования трудовых отношений является категория «достойный труд», в то же время определенное значение приобретает такая характеристика труда, как его добросовестность. На первый взгляд, эти понятия схожи. Однако в содержательном аспекте они различаются и прежде всего потому, что добросовестность характеризует не просто поведение сторон трудовых отношений, а поведение работника в процессе исполнения им своих трудовых

обязанностей.

Понятие добросовестности предопределяет неразрывное единство двух элементов - объективного и субъективного[1]. С объективной стороны, это поведение, исключающее ущерб (его причинение или возникновение) другим лицам. С субъективной добросовестность может служить основанием реализации и защиты своих прав, в то время как недобросовестность делает такую реализацию невозможной.

Мы считаем, что выработать общий подход к понимаю добросовестности достаточно сложно. Поэтому опираясь на этимологическое значение слова «добросовестность», исходим из того, что предполагается наличие у субъекта «доброй совести» (от латинского bona fides – добрая совесть)[2]. В свою очередь, такая категория, как совесть представляет собой «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом», «способность оценивать свои поступки с точки зрения соответствия их этическому идеалу»[3].

Следовательно, добросовестного участника общественных отношений можно охарактеризовать как субъекта, действующего честно и несущего полную ответственность по взятым на себя обязательствам. В то же время важно подчеркнуть, что если сами термины «труд» и «добросовестность» в отдельности передают общий смысл явлений, то их синтез - «добросовестный труд» - наполняется более емким содержанием. Оно раскрывает суть трудовых правоотношений, служит инструментом для выработки оценочных критериев и играет ключевую роль в реализации прав и законных интересов участников трудового процесса, в частности, при применении поощрения как метода укрепления трудовой дисциплины.

Как правовая категория, добросовестный труд, в своем понимании базируется на ст. 21 Трудового кодекса Российской Федерации, где прямо

---

[1] См., например: Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 66.

[2] Большая советская энциклопедия // URL: https://bigenc.ru/c/dobrosovestnost-8cf641 (дата обращения: 03.03.2026).

[3] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. - М.: Азбуковник, 1999. С. 741.

закреплено, что работник обязан добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, возложенные на него трудовым договором. Об этом же говорится в ч. 1 ст. 15 и ч. 1 ст. 56 ТК РФ. Это выражается в таких обязательствах, как соблюдение дисциплины труда и подчинение правилам внутреннего трудового распорядка, бережное отношение к имуществу работодателя (в том числе и третьих лиц, если работодателем несет ответственность за такое имущество), выполнение трудовой функции, обусловленной трудовым договором и в соответствии с должностной инструкцией и т.п.

Анализ ст., ст.191-192, 233 ТК РФ позволяет говорить о добросовестном труде как о критерии для применения работодателем мер поощрения или принуждения (привлечение работника к дисциплинарной или материальной ответственности). При этом для поощрения добросовестное исполнение обязанностей может стать основанием для объявления благодарности, награждения ценным подарком, выдачи премии и т. п. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей (т. е. недобросовестность) квалифицируется, например, как дисциплинарный проступок и влечет за собой дисциплинарное взыскание или обязанность возместить прямой действительный ущерб в порядке материальной ответственности.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что понимание добросовестности в праве связано с рассмотрением ее как межотраслевого принципа. В трудовом праве данный принцип обязывает обе стороны, как работника, так и работодателя, не злоупотреблять предоставленными им правами. Недобросовестность работника, как нарушение указанного принципа, может стать причиной отказа в защите субъективных прав. По отношению к работодателю законодательство исходит из презумпции его добросовестности при оценке труда работника, если иное не будет доказано в установленном порядке.

В отличие от гражданского законодательства, в трудовом праве принцип добросовестности текстуально не зафиксирован. Но несмотря на это, он применяется на практике как общеправовая категория, выводимая из смысла законодательства и решений высших судов. При этом наблюдаемая в положении

работника и работодателя в сфере труда правовая асимметрия, обуславливает его специфику. В связи с чем предпринимаются попытки обоснования данного принципа. В таком качестве, на наш взгляд, можно рассматривать введение Конституционным Судом РФ в оборот понятия «стандарт добросовестного поведения работодателя» [4].

Вопросы правового регулирования добросовестного труда являются достаточно проблематичными. Прежде всего, в силу незначительного количества правовых дефиниций ТК РФ, в которых содержится лишь упоминание о таком труде работника, о чем мы уже говорили ранее. Следовательно, основной сферой, восполняющей данный пробел, выступает локальное нормотворчество. Не углубляясь в исследование этой тематики, заслуживающей, на наш взгляд, самостоятельного изучения, укажем, что одной из главный проблем здесь следует признать дискриминационные условия, которые могут содержаться в такого рода актах. К их числу относится использование оценочных понятий и «размытых» формулировок (например, «недостойное поведение», «корпоративный дух», «имидж» и др.), установление неравных правил для лиц, выполняющих одинаковую работу и т. п. В применении таких приемов видится попытка работодателя оценить не столько труд работника, сколько его личность, ввести субъективные критерии, которые бы изначально ставили работника в худшее положение. Что, конечно же, является недопустимым и пресекается при выявлении таких фактов как проверяющими органами, так и при рассмотрении трудовых споров[5].

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам выделить следующие характеризующие черты труда, который может быть признан добросовестным. Прежде всего, это одна из непосредственных обязанностей работника, как стороны трудового договора. Он выступает обязанным субъектом, а добросовестный труд становится одним из ключевых критериев его

---

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.07.2023 № 44-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А. Попковой» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime330386/ (дата обращения: 03.03.2026).

[5] Прокурор разъясняет // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_34/activity/legal-education2646/ (дата обращения: 03.03.2026).

поведения и предпосылки для поощрения. Кроме того, смысловое значение добросовестного труда определяется качеством исполнения работником трудовой функции, что выражается в соблюдении трудовой дисциплины и отсутствии ее нарушений. С позиций правового регулирования следует отметить его недостаточность, поскольку лишь ряд статей содержат упоминание такой характеристики труда. В связи с чем, основные функции по восполнению этого пробела ложатся на суды и ту практику, которую они формируют, рассматривая трудовые споры.

Что же касается тех личностных качеств, которые и составляют содержание категории «добросовестный труд», мы считаем, что они охватывают собой все сферы, в которых работник реализует себя и свои способности к труду. К ним можно отнести его отношение к своим трудовым обязанностям, проявляющимся в волевых и моральных качествах, таких, как ответственность, исполнительность, дисциплинированность, честность и т. п. Кроме того, это качества, определяющие как именно работник выполняет свою работу - аккуратность, внимательность, тщательность и др. Взаимодействие работника в коллективе, или социально-психологические качества, напрямую не влияют на его личную добросовестность, но одновременно, оказывает положительное воздействие на общий фон в организации. К таким качеством можно отнести лояльность, корпоративность и т. п. Ну и наконец, умение найти баланс между своими желаниями и способностью делать все правильно, это тоже следует отнести к числу личностных качеств работника. Его интеллектуальные и профессиональные качества (например, компетентность, рациональность) позволят не просто работать, а делать это правильно и применять свои знания на благо работодателя.

Проведенный анализ дает возможность предложить авторское определение категории добросовестного труда как выполнения работником обусловленной трудовым договором трудовой функции, с использованием личных качеств, характеризующих осознанное, честное и ответственное отношение к труду, исключающего ущерб работодателю и направленное на получение требуемого положительного результата.

Понятие и сущность стимулирующих выплат в трудовом праве России

Алексеева Лидия Владимировна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В рамках данной работы рассматриваются проблемы правового регулирования стимулирующих выплат в Российской Федерации, анализируются доктринальные подходы к определению понятия, признаки и функции данных выплат. В статье обосновывается необходимость закрепления в Трудовом кодексе РФ единого определения стимулирующих выплат и разграничения их видов для совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: стимулирующие выплаты, заработная плата, правовое регулирование, премии, доплаты и надбавки, Трудовой кодекс РФ.

В современных условиях развития экономики, стимулирующие выплаты играют ключевую роль в процессе мотивации работника к повышению производительности труда и эффективности. Как справедливо отмечается в доктрине, «эффективное использование различных стимулов может способствовать не только повышению производительности, но и повышению качества работы»[1]. Однако правовое регулирование данного института характеризуется недостаточностью и отсутствием единообразного подхода к пониманию сущности стимулирующих выплат как в законодательстве, так и в правоприменительной практике.

Статья 129 Трудового кодекса РФ включает стимулирующие выплаты в структуру заработной платы наряду с вознаграждением за труд и компенсационными выплатами. При этом законодатель напрямую не раскрывает понятие «стимулирующие выплаты», а ограничивается только перечислением их видов: доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные

---

[1] Ацканов Т.А. Стимулы высокоэффективного труда как проблема трудового права // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 104.

поощрительные выплаты[2]. Отсутствие легального определения порождает не только множественность доктринальных подходов, но и существенные проблемы правоприменения. В научной литературе представлены различные подходы к определению понятия «стимулирующие выплаты», что однозначно свидетельствует о сложности и многогранности данной правовой категории.

А.Я. Петров рассматривает стимулирующие выплаты как денежные выплаты, направленные на усиление материальной заинтересованности работников в повышении производительности труда, улучшении качества работ, проявлении творческой активности и инициативы, а также на закрепление квалифицированных кадров[3].

Е.В. Типикина приходит к выводу, что стимулирующие выплаты - это разновидность правовых стимулов, а именно поощрения работников, представляющие собой побуждение к законопослушному поведению и высокоэффективному труду, создающее для удовлетворения собственных интересов работников режим благоприятствования[4].

Е.И. Косаковская в своей работе отмечает, что представляется необходимым «вывести» из определения понятия заработной платы те выплаты, которые не обусловлены непосредственно трудом работника, при этом нужно закрепить отдельные самостоятельные определения для компенсационных, стимулирующих и поощрительных выплат, а также установить четкие критерии (основания) для их применения. Исходя из этого, автор предлагает свое определение понятию «стимулирующие выплаты», которое, на ее взгляд, отражает правовую природу данной категории выплат и позволяет установить отличительные черты. Таким образом, под стимулирующими выплатами Е.И. Косаковская понимает «дополнительные выплаты к заработной плате, стимулирующие работника к определенным действиям, способствующим

---

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[3] См.: Петров А.Я. Стимулирующие выплаты: общие положения, надбавки и премии // Законодательство и экономика. 2011. № 7. С. 27-28.

[4] См.: Типикина Е.В. Стимулирующие выплаты в трудовом праве России: определение их правовой природы и разграничение видов // Advances in law studies. 2018. Том 6. № 2. С.5.

эффективной деятельности подразделения или организации в целом»[5].

Обобщая изложенные в науке трудового права подходы и выделяя их общие элементы, представляется возможным сформулировать общее определение, согласно которому стимулирующими выплатами являются выплаты, основанные на деловых качествах работника и оценке эффективности его труда, которые направлены на мотивирование работника к качественному выполнению своих трудовых обязанностей у конкретного работодателя.

Таким образом, к существенным признакам стимулирующих выплат относятся: непостоянный характер (выплаты зависят от результатов труда, а не от внешний условий осуществления трудовой деятельности, в отличие от компенсаций); направленность на будущий результат (стимулирование более эффективного труда, в то время как компенсации возмещают уже имеющиеся особые условия); производность от квалификации работника, сложности и качества выполняемой работы (стимулирующие выплаты устанавливаются работодателем исходя из объема и эффективности трудовой деятельности работника). Если выплаты не основаны на указанных критериях, они не могут считаться стимулирующими и потому носят социальный характер.

Сущность стимулирующих выплат раскрывается через выполняемые ими функции. В отличие от компенсационных выплат, которые призваны нивелировать воздействие неблагоприятных условий труда, стимулирующие выплаты направлены на поощрение работника к достижению более высоких результатов, проявлению инициативы, повышению профессионального уровня. В системе трудового права можно выделить три основные функции данных выплат.

Во-первых, это регулятивная (мотивационная) функция. Стимулирующие выплаты служат экономическим рычагом, направляющим деятельность работника в русло, желательное для работодателя. Устанавливая конкретные

---

[5] Косаковская Е.И. Заработная плата и системы оплаты труда: правовые аспекты // Вестник российской правовой академии. 2019. № 3. С. 73.

показатели премирования, работодатель формирует модель эффективного трудового поведения.

Во-вторых, это компенсаторно-учетная функция. Выплаты позволяют учесть индивидуальные качества работника (стаж, квалификацию, профессионализм), которые не могут быть отражены в окладе, построенном на учете затрат рабочего времени.

В-третьих, это социальная функция. Стимулирующие выплаты являются инструментом дифференциации заработной платы, позволяя реализовать принцип справедливой оплаты в зависимости от трудового вклада. Это способствует закреплению кадров и формированию стабильного трудового коллектива.

Так, сущность стимулирующих выплат заключается не просто в дополнительном вознаграждении, а в правовом механизме, обеспечивающем связь между результатами труда и его оплатой, что придает заработной плате динамичный и персонифицированный характер.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования правового регулирования стимулирующих выплат в российском трудовом праве. Отсутствие легального определения стимулирующих выплат, смешение понятий «стимулирующие» и «поощрительные» выплаты, неопределенность критериев разграничения различных видов премий создают предпосылки для нарушений прав работников и порождают многочисленные судебные споры.

Представляется обоснованным закрепление в Трудовом кодексе РФ универсального определения стимулирующей части заработной платы и разграничение гарантированных стимулирующих выплат, обусловленных системой оплаты труда, и единовременных поощрительных выплат, не связанных с системой оплаты труда и осуществляемых по усмотрению работодателя. Такое законодательное решение будет способствовать единообразию правоприменительной практики и обеспечению баланса интересов работников и работодателей.

История развития правового регулирования труда несовершеннолетних работников в России

Банникова Ирина Богдановна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье затрагиваются вопросы правового регулирования труда несовершеннолетних работников в России, анализируются нормативно-правовые акты, регулирующие труд несовершеннолетних работников, начиная с дореволюционного периода России.

Ключевые слова: труд несовершеннолетних, рабочее время, трудовые отношения, условия труда, правовой статус несовершеннолетних.

Регулирование труда детей является одной из важнейших задач социальной политики любого государства. В России история законодательства о детском труде отражает эволюцию общественных ценностей, экономических условий и правовых подходов к защите прав несовершеннолетних. Начиная с дореволюционного периода и заканчивая современностью, законодательство о детском труде претерпело значительные изменения, которые свидетельствуют о постепенном переходе от эксплуатации детского труда к его ограничению и созданию условий для гармоничного развития детей. Цель данной работы — проследить основные этапы развития законодательства о регулировании труда детей в России, выделить ключевые нормативные акты и их влияние на общество.

Впервые проблема труда несовершеннолетних была затронута в 1845 году в законе «О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста». Этот документ вводил запрет на ночную работу для детей младше 12 лет. Однако в положении отсутствовали меры наказания за его нарушение, а контроль за исполнением возлагался на местные власти. А.М. Лушников и М.В. Лушникова, отмечают, что эти нормы были прогрессивными для своего времени, но их исполнение часто нарушалось из-за слабого контроля

со стороны государства[1].

В июне 1882 г. был принят Закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». Его принятие стало переломным моментом в развитии фабричного законодательства России о регулировании труда детей. Массовые недовольства работников предприятий, стремившихся отстоять свои права и улучшить условия труда, стали поводом к установлению границ рабочего времени, к тому же, его продолжительность для взрослых и несовершеннолетних работников не отличалась[2]. Поэтому, закон ввел следующие гарантии: ограничение по продолжительности рабочего времени малолетних на фабриках (8 часов в день); запретил труд несовершеннолетних в ночное время суток – с 9 часов вечера до 5 часов утра, а также в воскресные и «высокоторжественные дни»; запретил труд детей до 15 лет на вредных производствах; кроме того, детям обязаны были давать возможность обучения в народных училищах и школах. Данная норма, по мнению В.А. Старостина, обеспечивала производство квалифицированными работниками, а повышение грамотности давало прогресс в развитии не только государства, но и общества в целом[3].

Анализируя дореволюционный период развития законодательства, стоит отметить, что оно начинает формироваться под давлением социальных движений, государство было вынуждено принять акты, направленные на регулирование трудовых отношений, в частности, устанавливающие ограничения на использование детского труда.

Следующий этап - советский период развития законодательства о труде несовершеннолетних работников, он характеризуется значительными изменениями в подходах к регулированию труда молодежи. Считалось, что советское государство в вопросах охраны детского труда в 1920-х годах

---

[1] См.: Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: Учебник: в 2 т. - Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. - 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2009. С. 91.

[2] См. по этому вопросу: Шипулина А.В. Ивановская промышленность в период 30-80-х годов XIX века (от мануфактуры к фабрике). Дис. … канд. истор. наук. – М., 1949. С. 95.

[3] См.: Старостин В.А. Детский труд в России в XIX веке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 130.

развивается стремительнее иных стран. Так, в России дети с 12 лет официально допускались к работам только в сельском хозяйстве и на особенно легких работах в ремесле. Хотя в иных государствах все еще сохранялся невысокий возрастной ценз.

После Октябрьской революции 1917 года советское государство взяло курс на защиту прав трудящихся. Одним из наиболее важных принципов Кодекса законов о труде РСФСР 1918 года (кодекса военного коммунизма) - обязательное привлечение к труду всех трудоспособных граждан. Однако, он запрещал труд детей до 16 лет и устанавливал сокращенный рабочий день для подростков. В условиях индустриализации и коллективизации труд несовершеннолетних широко использовался, особенно в сельском хозяйстве и на производстве. КЗоТ 1922 года закреплял гарантии для подростков, но на практике эти нормы часто нарушались. Ученые подчеркивают, что в этот период наблюдался разрыв между декларируемыми принципами защиты прав несовершеннолетних и реальной ситуацией, когда подростки привлекались к тяжелому труду.

В послевоенные годы рабочий день достигал максимальной продолжительности, советское государство усилило контроль за соблюдением трудового законодательства. Для подростков положение стало меняться в лучшую сторону в августе 1955 года. Рабочий день молодых людей от 16 до 18 лет был ограничен 7 часами. Использование труда на сверхурочных работах и в ночных сменах лиц, не достигших 18 лет, запрещалось. КЗоТ 1971 года закреплял принцип единства основных условий труда рабочих и служащих, был определен круг работ, на которые запрещалось привлечение лиц моложе 18 лет. Несовершеннолетним запрещалось заниматься тяжелыми, вредными и опасными работами, а также работами под землей. Лица, не достигшие 21-летнего возраста, обязательно проходили медицинский осмотр при приеме на работу. Кроме того, лица, не достигшие 18-летнего возраста, не могли быть привлечены к сверхурочным работам, работам в ночное время и в выходные и праздничные дни. КЗоТ 1971 года не содержал статей, посвященных обучению

несовершеннолетних трудовой деятельности, но включал специальную главу «Льготы для рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением».

В эпоху советского трудового права регулировался и охранялся не только труд несовершеннолетних, но и гарантировалось обязательное общее образование, которое рассматривалось как важный инструмент воспитания трудовой молодежи. Многие нормативные акты, касающиеся образования, закрепляли не только обязательность образования, но и обязательность труда. «Не трудиться в социалистическом государстве нельзя», – отмечал И.Ф. Свадковский в своей работе «К вопросу о воспитании трудолюбия у советских детей» [4]. Государство пыталось приучить к производительному труду с детства, так как советская молодежь должна была оправдать свое историческое назначение. Начиная с 60-х годов на общеобразовательные школы были возложены обязанности массовой профессиональной подготовки рабочих кадров для народного хозяйства. Профессиональное обучение проводилось на базе школы, базового предприятия, межшкольного производственного комбината, ученических производственных бригад в колхозах и совхозах.

В последующие годы законодательство продолжало развиваться, адаптируясь к изменяющимся социально-экономическим условиям и международным стандартам. Были приняты новые законы и нормативные акты, направленные на защиту прав несовершеннолетних работников, ограничение их трудовой деятельности и обеспечение образования.

С момента вступления в силу Трудового кодекса Российской Федерации были предприняты шаги по систематизации правового регулирования труда несовершеннолетних работников. Однако, несмотря на это, ряд вопросов остается нерешенным. В частности, требуют доработки правовые нормы, касающиеся особого трудового статуса молодежи, окончившей различные формы профессионального ученичества, а также тех, кто не имеет профессиональной подготовки.

---

[4] Свадковский И.Ф. К вопросу о воспитании трудолюбия у советских детей. Издательство академии педагогических наук. - М., 1955. С. 7-8.

В современных условиях даже квалифицированные и опытные специалисты сталкиваются с трудностями в реализации своего права на труд в соответствии с их квалификацией и знаниями. В такой ситуации это становится особенно актуальной проблемой для молодежи, особенно не достигшей 18 лет. Для ее решения необходимо развивать систему гарантий, обеспечивающих трудовые права несовершеннолетних, а также совершенствовать законодательное регулирование в области квотирования рабочих мест для данной категории граждан, обеспечения сочетания труда с профессиональным обучением.

История законодательства о регулировании труда детей в России отражает эволюцию общественных ценностей и правовых подходов к защите прав несовершеннолетних. От первых попыток ограничения детского труда в XIX веке до современного законодательства, основанного на международных стандартах, Россия прошла долгий путь. Сегодня основная задача заключается в обеспечении эффективной защиты прав детей, создании условий для их образования и развития, а также в борьбе с нелегальным детским трудом.

Ограничения применения труда подростков направлены, в первую очередь, на предупреждение отрицательного влияния производственных факторов на развитие, состояние здоровья, моральное и психическое состояние несовершеннолетнего. Дальнейшее совершенствование законодательства и механизмов его реализации будет способствовать достижению этих целей.

Цифровой профиль работника и правовые аспекты защиты персональных данных

Григорьева Юлия Сергеевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуется феномен цифрового профиля работника как одного из инструментов цифровой трансформации сферы труда. Автор анализирует сущность цифрового профиля, уделяя внимание правовым проблемам, возникающим при его внедрении. В статье делается вывод, что, несмотря на очевидные преимущества, его эффективное функционирование сдерживается неразрешенными юридическими трудностями в сфере защиты прав работников и их персональных данных.

Ключевые слова: цифровизация, трудовые отношения, цифровой профиль, цифровой двойник, цифровой профиль работника, защита персональных данных работника, правовые риски.

Ни у кого уже не вызывает сомнения тот факт, что цифровизация кардинально меняет трудовые отношения. Это не просто техническое обновление, а глубинная трансформация, затрагивающая все элементы - от найма до контроля и увольнения. Автоматизированные платформы подбора персонала, системы электронного мониторинга, трекинга активности позволяют собрать, обработать и проанализировать данные о сотрудниках и сформировать их цифровой профиль.

Данное понятие нельзя признать новым для России. С 2019 года оно прошло путь от эксперимента до внедрения в различные сферы жизни. Ими традиционно является информационная безопасность, HR-менеджмент и право. Специфика содержания этой категории раскрывается применительно к каждому из контекстов.

Так, в сфере информационной безопасности сформировалось особое понимание цифрового профиля как инструмента контроля (на основе системы

класса UEBA (User and Entity Behavior Analytics)). Фактически это цифровой двойник, который представляет собой виртуальную базовую модель поведения работника, отражающую типичные паттерны действий и коммуникаций работника на рабочем месте. Цель формирования состоит в выявлении аномалий поведения. Именно отклонение от общепринятой модели рассматривается как угроза безопасности.

Управленческий подход наиболее распространен в бизнес-среде. Здесь цифровой профиль рассматривается как инструмент кадрового менеджмента. Это цифровой двойник сотрудника, который составлен через анализ аккумулируемых данных, но дополненный функцией прогнозирования.

Наиболее интересен правовой подход и непосредственно в сфере труда. Сразу отметим, что легального определения «цифровой профиль работника» в законодательстве нет, что создает проблемы, как в теоретическом осмыслении, так и правоприменительной практике. Отраслевое понимание базируется на основе его рассмотрения с учетом трансформации правового статуса работника. Согласно ст. 66.1 ТК РФ предусмотрен электронный учет трудовой деятельности работника в части персональных данных, места работы, трудовой истории и стажа, заключения и прекращения трудовых договоров, что формирует персонификацию и цифровой профиль работника для целей страхования[1].

Исследователи обращают внимание на то, что цифровой профиль может включать данные для идентификации и двухфакторной аутентификации с применением биометрических данных в целях противодействия отмыванию доходов и осуществления государственных услуг.

Кроме того, важно учитывать и то, что связывать цифровой профиль работника в его понимании исключительно с информационными системами было бы не верно. Мы согласны с тем, что для сферы трудовых отношений такое понимание неприменимо, поскольку цифровой профиль работника

---

[1] См.: Рожкова А.Ю. Правовой статус работника: цифровой профиль и цифровые доходы // Юридический вестник. 2021. № 2. С. 102.

формируется работодателем в собственных информационных системах и в иных целях[2].

Представители межотраслевого подхода полагают: программы цифрового профилирования могут анализировать профили социальных сетей работников, выявляя их навыки, предпочтения и способности к освоению новых компетенций, а затем предлагать работодателю индивидуальные образовательные траектории[3].

Приведенные концептуальные аспекты свидетельствуют о наличии как различий в понимании, так и определенного сходства, которое, на наш взгляд, следует рассматривать как признаки цифрового профиля (в том числе и работника). К ним можно отнести: автоматизированный характер формирования, поскольку данные аккумулируются из разных информационных источников; комплексность охвата различных аспектов, характеризующих человека (и в первую очередь, работника, его профессиональные, личностные, поведенческие аспекты); аналитическую обработку, поскольку данные подвергаются количественному и качественному изучению с помощью аналитических технологий (включая предиктивные); целевое назначение, так как используются они исключительно для принятия кадровых решений; динамичность, которая подтверждает, что данные собираются в течение всего периода трудовой деятельности работника и поэтому подвержены изменению.

Говоря о цифровом профиле работника, нельзя не заметить его двойственный характер[4]. Он выражается в том, что с одной стороны, его формирование осуществляется работодателем в своих, частноправовых интересах (для оптимизации управления персоналом, повышения эффективности кадровых решений). С другой стороны, цифровой профиль затрагивает публично-правовые интересы, связанные с защитой персональных

---

[2] См.: Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 111.

[3] См., например: Щербакова О.В. Актуальность внедрения цифрового профиля работника как элемента кадровой политики работодателя // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 2. С. 97.

[4] См.: Филющенко Л.И. Цифровой профиль работника: проблемы защиты персональных данных // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 11. С. 93.

данных, обеспечением конфиденциальности частной жизни, предотвращением дискриминации.

Несмотря на отсутствие специального закона о цифровых профилях, их создание и использование в сфере труда подпадает под действие общих норм о защите персональных данных. Основные требования к работодателю закреплены в главе 14 Трудового кодекса Российской Федерации[5] и Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ (с изм. от 24 июня 2025 года) «О персональных данных»[6]. Все ключевые требования, которые обязан соблюдать работодатель при обработке данных (в том числе в рамках цифрового профиля) закреплены непосредственно в ст. 86 ТК РФ, где запрещается принимать решения, затрагивающие интересы работника, на основе данных, полученных исключительно в результате их автоматизированной обработки. Однако на практике грань между «помощью» и «решением», которые принимает алгоритм, может стираться.

И.А. Филипова справедливо указывает, что автоматизация управления предоставляет ряд преимуществ работодателю перед работником в условиях информационного общества, однако совершенствование моделей алгоритмического менеджмента в сочетании с развитием цифрового профилирования создают новые риски для работников, учет которых требует внимания со стороны права[7].

И часть этих рисков связана с необходимостью защиты персональных данных работника. С точки зрения соотношения этих двух категорий, персональные данные являются более узким понятием, они представляют собой любую информацию, относящуюся к работнику. Подобная тесная взаимосвязь порождает ряд проблем. Прежде всего, это проблема квалификации данных. Вопрос соотношения понятий «персональные данные», «информация о частной жизни», «биометрические данные» в контексте цифрового профиля не решен.

---

[5] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2025. № 52 (ч. 1). Ст. 8297.
[6] Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451; 2025. № 33 (ч. 1). Ст. 4929.
[7] См., например: Филипова И.А. Алгоритмический менеджмент и цифровое профилирование в сфере труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 16.

Проблемой стоит признать и определение границ контроля. Сегодня сложно однозначно установить пределы сбора данных, то, где заканчивается служебная необходимость, и начинается вторжение в частную жизнь. Помимо этого, возникает проблема получения действительного информированного согласия работника на формирование цифрового профиля, особенно при сборе данных из внешних источников (социальные сети и др.). Нельзя забывать о вопросах ответственности за утерю персональных данных и принятие необоснованных кадровых решений, что в свою очередь, может приводить и к рискам проявления дискриминации.

Поэтому для устранения данных проблем необходимо, прежде всего, законодательно определить, что означает категория «цифровой профиль работника». На наш взгляд, можно следующим образом сформулировать его определение: цифровой профиль работника — это автоматизировано формируемая работодателем совокупность данных о трудовой деятельности и личностных характеристиках работника с целью принятия кадровых решений, прогнозирования профессионального развития, оценки эффективности, а также контроля трудовой деятельности и обеспечения информационной безопасности.

Тот факт, что цифровой профиль работника — это уже не будущее, а реальность кадрового учета, лишь подчеркивает, что его внедрение требует от работодателя высокой правовой культуры и строгого соблюдения баланса между эффективностью управления и трудовыми правами работника. Несмотря на то, что в аккумулируемую работодателем информацию входят и персональные данные, именно целевое использование не должно вступать в противоречие с правом работника на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Без серьезного теоретического осмысления и выработки правовых механизмов защиты цифровой профиль может стать инструментом тотального контроля и дискриминации работника.

Гарантии трудовых прав при приеме на работу в условиях цифровизации

Зароченцева Анастасия Николаевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются правовые гарантии, предоставляемые гражданам при трудоустройстве в условиях цифровизации трудовых отношений. Анализируются особенности заключения трудового договора в электронной форме, гарантии при приеме на дистанционную работу, а также проблемные вопросы защиты прав соискателей.

Ключевые слова: гарантии трудовых прав, прием на работу, цифровизация, электронный документооборот, дистанционная работа.

Цифровая трансформация экономики и общественных отношений предъявляет новые требования к правовому регулированию труда. Пандемия COVID-19 стала катализатором процессов, давно назревавших в трудовом праве, выявив недостаточную гибкость законодательства и ограниченные возможности применения информационно-коммуникационных технологий в трудовых отношениях. В ответ на эти вызовы законодатель последовательно обновляет нормативную базу, внедряя механизмы электронного взаимодействия между работниками и работодателями. Однако цифровизация трудовых отношений создает как новые возможности, так и новые риски для реализации трудовых прав граждан, что требует переосмысления содержания гарантий при приеме на работу и в процессе осуществления трудовой деятельности. Принципиальные изменения в регулировании кадрового документооборота произошли с принятием Федерального закона от 22 ноября 2021 года № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», которым была введена глава 49.1 Трудового кодекса РФ, посвященная электронному документообороту (ЭДО) в сфере труда[1]. Законодатель предоставил

[1] Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 48. Ст. 7947.

работодателям право вести кадровые документы в электронной форме, за исключением строго определенного перечня: приказы об увольнении, документы по охране труда, а также трудовые книжки для работников, не перешедших на электронный формат. Данные новеллы трудового законодательства напрямую коснулись и процедуры приема на работу. При заключении трудового договора путем обмена электронными документами лицо, поступающее на работу, вправе предъявить документы, предусмотренные ст. 65 ТК РФ, в электронной форме. Это существенно упрощает процедуру трудоустройства для лиц, находящихся в других регионах[2].

Однако цифровизация процедуры трудоустройства порождает как новые возможности, так и риски для соискателей, что предопределяет необходимость исследования системы гарантий обеспечения прав работников при приеме на работу в условиях цифровизации. Важной гарантией выступает обязанность работодателя по письменному заявлению работника не позднее трех рабочих дней направить ему экземпляр трудового договора на бумажном носителе. Данное правило обеспечивает работнику возможность иметь документ, подтверждающий его трудовые права, в традиционной форме, что особенно важно при возникновении споров. Законодатель также предусматривает гарантийный механизм защиты от фальсификации документов: по требованию работодателя соискатель обязан представить нотариально заверенные копии документов на бумажном носителе. Вместе с тем, сохраняются вопросы взаимодействия при электронном обмене документами, а также защиты персональных данных при электронном взаимодействии[3].

Развитие дистанционных механизмов трудоустройства, будучи безусловным благом с точки зрения мобильности трудовых ресурсов, одновременно обнажает ряд глубинных противоречий, требующих доктринального осмысления и законодательного разрешения. Проблематика

---

[2] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2025. № 52 (ч. 1). Ст. 8319.

[3] Готовое решение: Как оформить прием на работу дистанционного работника // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/pravo_rabotnika_na_dcion (дата обращения: 01.03.2026).

удаленного приема на работу выходит далеко за рамки простого обмена электронными образами документов и затрагивает фундаментальные основы трудового правоотношения. Ключевой проблемой выступает идентификация и аутентификация сторон, которую можно обозначить как проблему формирования «цифровой личности»[4].

Электронный документооборот, регламентированный главой 49.1 ТК РФ, базируется на использовании усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) или усиленной неквалифицированной электронной подписи (УНЭП) при соблюдении определенных условий. Однако на практике возникает вопрос, насколько доступен этот инструментарий для рядового соискателя. Получение УКЭП требует финансовых и временных затрат, что может стать барьером для входа на рынок труда. Использование же УНЭП, например через портал «Госуслуги» или корпоративные информационные системы, хотя и упрощает процесс, но порождает риски компрометации учетных записей.

Более глубокая проблема кроется в верификации волеизъявления. В классическом трудовом праве личная подпись на бумажном носителе являлась не только реквизитом, но и актом, подтверждающим добровольность вступления в трудовые отношения и ознакомление с локальными актами. При удаленном приеме сохраняется риск так называемого «цифрового рабства»[5], когда под давлением работодателя или мошенников соискатель подписывает документы, не имея возможности получить квалифицированную консультацию или осознать юридические последствия в полной мере. Возникает необходимость разработки процедур, гарантирующих, что электронная подпись используется именно тем лицом, которое намеревается вступить в трудовые отношения, и делает это осознанно.

Не менее значимой представляется трансформация обязанности

---

[4] См.: Селезнев Д. Кадровый электронный документооборот в России: правовые основы, гарантии и практика // Инвест-Форсайт // URL: https://www.if24.ru/kadrovyi-elektronnyi-dokument (дата обращения: 01.03.2026).

[5] Энциклопедия решений. Место работы дистанционного работника (октябрь 2025) // Гарант. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/pravo_rabotnika_na_distancionnuyu_rabotu (дата обращения: 01.03.2026).

работодателя по ознакомлению с локальными актами. В частности, ст. 68 ТК РФ обязывает работодателя ознакомить работника с правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором и иными локальными нормативными актами до подписания трудового договора. В цифровой среде эта процедура зачастую сводится к предоставлению ссылки на корпоративный портал или отправке файлов. Главный риск здесь – необеспечение доказательств факта ознакомления. В суде работник может заявить, что файлы были повреждены, доступ к порталу отсутствовал технически или он не был проинструктирован о том, где искать актуальные версии документов. Несмотря на то, что ЭДО позволяет фиксировать факт отправки и прочтения, проблема заключается в содержательной части ознакомления. Цифровой формат не гарантирует понимания работником своих обязанностей. Более того, объемная документация, направленная в виде приложений к письму, психологически воспринимается иначе, чем подписание каждого листа вживую, что создает почву для последующих споров о недобросовестности работодателя, «спрятавшего» кабальные условия в массиве данных[6].

Особую остроту приобретает проблема «теневых» практик и трансграничного характера отношений. Удаленный прием на работу существенно расширяет географию трудовых отношений. Соискатель может находиться не только в другом регионе, но и за границей. Это порождает сложный клубок проблем, связанных с валютным и налоговым законодательством: выплата заработной платы нерезиденту на счета в иностранных банках требует соблюдения норм валютного контроля, а определение налогового статуса работника становится головной болью для бухгалтерии. Кроме того, возникает вопрос о применимом праве и подсудности споров. Привязка к месту нахождения работодателя, закрепленная в некоторых нормах, может вступить в конфликт с императивными нормами страны проживания работника. Отсутствие международных соглашений в этой сфере

---

[6] В Роструде напомнили о правах удалённых работников // СенатИнформ // URL: https://www.senatinform.ru/news/v_rostrude_napomnili_o_pravakh (дата обращения: 01.03.2026).

создает зону правовой неопределенности. Не менее сложен вопрос социального страхования: остается открытым вопрос о распространении на такого работника норм обязательного социального страхования, включая оплату больничных, пособия по беременности и родам, а также страхование от несчастных случаев на производстве. Если работник находится вне юрисдикции РФ, фактическая реализация этих гарантий становится крайне затруднительной, а иногда и невозможной, превращая социальные права в фикцию[7].

Важнейшим аспектом выступает проблематика защиты персональных данных и кибербезопасности. Удаленный формат найма предполагает передачу большого массива персональных данных, включая паспортные данные, ИНН, СНИЛС, сведения об образовании, по открытым каналам связи или через сторонние сервисы. Гарантии, закрепленные в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»[8], на практике сталкиваются с рядом вызовов. Во-первых, это вопрос ответственности оператора связи: если хакерская атака произошла на стороне провайдера или почтового сервиса, использованного соискателем, кто несет ответственность за утечку? Работодатель, с одной стороны, обязан обеспечить безопасность данных с момента их получения, но, с другой стороны, не может проконтролировать безопасность канала передач. Во-вторых, широкое использование зарубежных облачных сервисов для хранения кадровых документов ставит под угрозу суверенитет данных и их сохранность в случае блокировок или санкций. В-третьих, остро стоит вопрос о качестве согласия на обработку данных. В цифровой среде согласие зачастую получается путем проставления «галочки» в интерфейсе, однако действительное ли такое согласие можно считать свободным, конкретным, информированным и сознательным, как того требует закон? Существует риск, что работодатели будут включать в текст такого

---

[7] Право работника на дистанционную работу: подборка документов // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/pravo_rabotnika_natancionnuyu (дата обращения: 01.03.2026).

[8] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изм. и доп. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451; 2025. № 26 (ч. 1). Ст. 3486.

согласия положения, выходящие за рамки необходимых для трудоустройства, пользуясь правовой неграмотностью соискателей.

Таким образом, гарантии трудовых прав при удаленном приеме на работу в условиях цифровизации требуют системного пересмотра. Представляется необходимым движение в направлении унификации стандартов электронной идентификации путем разработки доступных и безопасных механизмов подтверждения волеизъявления сторон, возможно, с более широким использованием биометрии и Единой биометрической системы. Требуется развитие коллизионного регулирования через создание четких норм в ТК РФ, определяющих применимое право и подсудность для трансграничных дистанционных работников. Важно усиление ответственности за утерю данных путем введения презумпции вины работодателя за утечку персональных данных соискателей, переданных для целей трудоустройства, если он не доказал использование надлежащих средств защиты информации. Необходимо регулирование «электронного ознакомления» через установление требований к форме и способу ознакомления с локальными актами, обеспечивающих возможность подтвердить не только факт отправки, но и факт прочтения и понимания. Цифровая трансформация приема на работу не должна приводить к ухудшению положения работника. Напротив, она требует от законодателя и правоприменителя разработки принципиально новых, адекватных цифровой эпохе гарантий, которые позволят сохранить баланс интересов сторон трудового отношения и обеспечить реализацию конституционного права на труд в новых технологических условиях.

Проблемы правового регулирования труда спортсменов в Российской Федерации: анализ новелл трудового законодательства

Ковалевский Григорий Игоревич,
магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования труда спортсменов в Российской Федерации. На основе изменений, внесенных в Трудовой кодекс Российской Федерации и вступивших в силу с 1 марта 2026 года исследуются концептуальные противоречия и правовые пробелы в данной сфере. Особое внимание уделяется проблеме расширения источников регулирования за счет норм профессиональных спортивных лиг.

***Ключевые слова*:** спортсмены, профессиональный спорт, трудовой договор, спортивный режим, трансферы, профессиональные спортивные лиги.

Включение в 2008 году главы 54.1 в Трудовой кодекс Российской Федерации ознаменовало принципиальный сдвиг в понимании правовой природы спортивной деятельности: спортсмены перестали рассматриваться как субъекты гражданско-правовых договоров и приобрели полноценный статус работников с соответствующим объемом социально-трудовых прав. Однако за прошедшие годы правоприменительная практика показала целый комплекс проблем, обусловленных как спецификой спортивной деятельности, так и несовершенством законодательных конструкций.

Новый этап развития законодательства связан с принятием Федерального закона от 29 декабря 2025 года № 532-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», который вступает в силу 1 марта 2026 года[1]. Указанный закон легитимирует роль профессиональных спортивных лиг как субъектов нормотворчества в сфере трудовых отношений, что порождает как возможности для более гибкого регулирования, так и новые правовые риски.

---

[1] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (с изм. от 28.11.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

Традиционной проблемой трудового права в сфере спорта является множественность источников регулирования. Часть третья статьи 348.1 ТК РФ устанавливает, что особенности труда спортсменов определяются не только трудовым законодательством и коллективными договорами, но и «нормами, утвержденными общероссийскими спортивными федерациями»

Федеральный закона от 29 декабря 2025 года № 532-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»[2] существенно расширяет этот перечень, добавляя «нормы, утвержденные профессиональными спортивными лигами», которые направлены на регулирование отношений, связанных с участием спортсменов в отдельных официальных спортивных соревнованиях, организаторами которых выступают такие лиги. Более того, на работодателей возлагается обязанность знакомить спортсменов с этими нормами как при приеме на работу, так и в период действия трудового договора (новая часть седьмая ст. 348.2 ТК РФ).

Указанные новеллы вызывают серьезные вопросы с точки зрения юридической техники и иерархии нормативных актов. Как справедливо отмечалось в ходе общественной экспертизы законопроекта, формулировка «а также иными нормами» является неконкретной и не позволяет выстраивать четкую иерархию правовых актов и определять их отраслевую принадлежность. Возникает ситуация, при которой негосударственные организации (профессиональные лиги) получают возможность создавать правила, обязательные для исполнения в рамках трудовых отношений, причем механизм проверки этих норм на соответствие трудовому законодательству и Конституции РФ законодательно не определен.

Статья 348.2 ТК РФ относит к числу обязательных условий трудового договора со спортсменом «обязанность спортсмена соблюдать спортивный режим, установленный работодателем, и выполнять планы подготовки к спортивным соревнованиям»[3]. Однако сам ТК РФ не раскрывает содержание

---

[2] Собрание законодательства РФ. 2025. № 52 (ч. 1). Ст. 8319.

[3] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2025. № 52 (ч. 1). Ст. 8297.

понятия «спортивный режим», что создает риск произвольного толкования и расширительного применения данной нормы работодателями.

Верховный Суд РФ в Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров от 2015 года, предложил понимать под спортивным режимом соблюдение правил внутреннего распорядка, выполнение программ тренировок, а также личные ограничения, включая режим питания, поддержание весовой категории, запреты на курение и употребление алкоголя. Однако, как справедливо отмечено в научной литературе, открытый перечень ограничений предоставляет работодателю чрезмерную свободу усмотрения и может стать инструментом необоснованного давления на спортсмена. Представляется необходимым легальное закрепление данного понятия в ТК РФ с установлением исчерпывающего перечня элементов спортивного режима либо критериев их определения.

Федеральный закона от 29 декабря 2025 года № 532-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» в новой редакции ч. 2 ст. 348.12 ТК РФ закрепляет возможность установления в трудовом договоре срока предупреждения об увольнении по собственному желанию, превышающего один месяц. Такой срок определяется сторонами в соответствии с нормами, утвержденными общероссийскими спортивными федерациями либо профессиональными спортивными лигами, если для соответствующих категорий спортсменов установлены «ограничения перехода (условия перехода)» в другие клубы.

Однако, как обоснованно указывалось в экспертных заключениях, сам закон не раскрывает понятия «ограничения перехода» и «условия перехода», не устанавливает их возможные виды и пределы[4]. Отсутствует логико-правовая связь между наличием таких ограничений и необходимостью увеличения срока предупреждения. Более того, неясны правовые последствия несоблюдения

---

[4] Заключение общественной экспертизы проекта федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» (Кемеровское региональное отделение Ассоциации юристов России) // URL: https://old.alrf.ru/region42/obshhestvennaya-ekspertiza-proekta-fz-oi (дата обращения: 03.03.2026).

работником увеличенного срока предупреждения: вправе ли работодатель не расторгать трудовой договор по истечении заявленного работником срока, если этот срок короче предусмотренного договором? Закон ответа на этот вопрос не дает, что создает потенциал для трудовых споров.

Институт временного перевода спортсмена к другому работодателю (ст. 348.4 ТК РФ) является уникальным для российского трудового права, поскольку допускает ситуацию, при которой на период до одного года у спортсмена действуют два трудовых договора (с основным работодателем и с принимающей стороной), причем действие первого договора приостанавливается.

Однако проблемой остается соотношение данной конструкции с механизмом трансферов - переходов спортсменов между клубами на возмездной основе. В научной литературе отмечается, что ни ТК РФ, ни Федеральный закон от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»[5] не содержат легального определения понятий «трансфер», «переход», «перевод», при этом в правоприменительной практике и спортивных регламентах они нередко используются как взаимозаменяемые. В результате возникают коллизии: трансфер, по сути, представляющий собой прекращение трудовых отношений с одним работодателем и возникновение с другим, нередко оформляется как «перевод», что не соответствует юридической природе данных отношений и может ущемлять права спортсменов.

Статья 348.5 ТК РФ предусматривает обязанность работодателя отстранить спортсмена от участия в соревнованиях в ряде случаев, включая спортивную дисквалификацию и требования общероссийских спортивных федераций. Федеральный закона от 29 декабря 2025 года № 532-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» дополняет эту статью новым основанием: требование профессиональной спортивной лиги об отстранении спортсмена от участия в организуемых ею соревнованиях.

При этом ч. 2 ст. 348.5 ТК РФ устанавливает, что на период отстранения за спортсменом сохраняется часть заработка в размере, определяемом трудовым договором, но не менее установленного ст. 155 ТК РФ (оплата за невыполнение

[5] Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

трудовых обязанностей по вине работодателя). Однако в случаях, когда отстранение производится по требованию федерации или лиги (то есть фактически по причинам, не зависящим от воли работодателя), размер сохраняемой оплаты законодательно не дифференцирован. Это создает риск неполучения спортсменом адекватной компенсации в ситуациях, когда он сам невиновен в нарушении, но отстранен по решению спортивных органов.

Несмотря на название главы 54.1 ТК РФ («Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров»), значительная часть ее положений ориентирована исключительно на спортсменов. Как справедливо отмечается в литературе, такие важные аспекты, как прохождение медицинских осмотров, вопросы рабочего времени и времени отдыха тренеров, особенности их материальной ответственности, остаются практически не урегулированными[6].

В частности, ст. 348.3 ТК РФ устанавливает обязательные медицинские осмотры для спортсменов, но не распространяет это требование на тренеров, хотя их профессиональная деятельность также сопряжена с высокими физическими и психоэмоциональными нагрузками и может влиять на безопасность тренировочного процесса. Представляется необходимым распространение на тренеров гарантий, аналогичных предусмотренным для спортсменов, в части, соответствующей характеру их трудовой функции[7].

Несмотря на пятнадцатилетнее развитие института правового регулирования труда спортсменов в российском трудовом праве, сохраняется ряд системных проблем. Принятие Федеральный закона от 29 декабря 2025 года № 532-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», с одной стороны, отражает объективную потребность в учете реалий современного профессионального спорта с его развитой инфраструктурой профессиональных лиг, но с другой стороны, порождает новые правовые риски, связанные с делегированием нормотворческих функций негосударственным

---

[6] См.: Бабкина С.В. Проблемы правового регулирования труда спортсменов в Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 22 (521). С. 341.

[7] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

образованиям и неопределенностью ключевых понятий.

Гарантии заключения трудового договора с работниками у индивидуальных предпринимателей

Кусумкулова Тутия Эльдаровна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются особенности правового регулирования заключения трудового договора между работником и индивидуальным предпринимателем. Автором исследованы особенности правового статуса индивидуального предпринимателя как работодателя и специфика реализации трудовых прав работников в данной сфере. Особое внимание уделяется процедуре оформления трудовых отношений, содержанию трудового договора и гарантиям, предусмотренным трудовым законодательством для защиты интересов работников.

Ключевые слова: трудовой договор, индивидуальный предприниматель, гарантии трудовых прав, отказ в приеме на работу, трудовое законодательство.

В последние годы в России наблюдается устойчивая тенденция к развитию малого бизнеса и индивидуального предпринимательства. Значительная часть индивидуальных предпринимателей выступает в роли работодателей, формируя рабочие места для миллионов граждан. В связи с этим вопросы правового регулирования трудовых отношений с участием индивидуальных предпринимателей приобретают особую значимость и требуют детального научного и практического анализа. Трудовые отношения с индивидуальным предпринимателем имеют свою специфику, обусловленную двойственным статусом последнего как физического лица и субъекта экономической деятельности. Это создаёт определённые риски для работников, связанные с недостаточной осведомлённостью о своих правах, а также с возможным стремлением некоторых работодателей минимизировать издержки за счёт неформальной занятости или заключения гражданско-правовых договоров вместо трудовых.

Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения

действенных гарантий заключения и исполнения трудового договора. Работники у индивидуального предпринимателя часто сталкиваются с проблемами при оформлении трудовых отношений, что затрудняет получение социальных гарантий: оплачиваемых отпусков, больничных, пенсионных отчислений. Отсутствие надлежащим образом оформленного трудового договора лишает работника возможности защитить свои права в случае спора, в том числе при взыскании заработной платы или восстановлении на работе.

На практике возникают сложности с доказыванием факта трудовых отношений, квалификацией заключаемых договоров и привлечением индивидуального предпринимателя к ответственности за нарушение трудового законодательства. Многие работники не обращаются за защитой своих прав из-за страха потерять работу или правовой неграмотности. Это порождает распространение «теневой» занятости и снижает общий уровень социальной защищённости населения.

Право на труд является одним из основных социально-экономических прав человека и закреплено в Конституции РФ[1]. В соответствии с ст. 37 Конституции РФ каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду и выбирать род деятельности и профессию.

Одной из форм реализации данного права выступает заключение трудового договора. В современных условиях значительное количество граждан осуществляет трудовую деятельность у индивидуальных предпринимателей. Такие субъекты, хотя и не являются юридическими лицами, но имеют право выступать работодателями и привлекать работников на основании трудового договора.

Особое значение при заключении трудового договора уделяется правовым гарантиям, которые направлены на предотвращение нарушений прав граждан при трудоустройстве на работу. Одной из основных гарантий является запрет необоснованного отказа в заключении трудового договора. Данное положение

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря; 2020. № 144. 4 июля.

закреплено в ст. 64 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)[2], которая устанавливает, что отказ в приеме на работу должен быть объективным и обусловлен только деловыми качествами кандидата.

Работодатель не вправе отказывать в заключении трудового договора по причинам, связанным с полом, расой, национальностью, языком, происхождением, имущественным, социальным и должностным положением.

Судебная практика подтверждает важность указанной гарантии. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 17 марта 2004 года «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъясняется, что при рассмотрении споров о незаконном отказе в приеме на работу судам необходимо выяснять, имелись ли объективные обстоятельства, которые могли служить основанием для отказа[3].

Дополнительные гарантии прав работников при заключении трудового договора связаны с обязательностью письменной формы трудового договора. В соответствии со ст. 67 ТК РФ трудовой договор должен быть заключен в письменной форме. Заключение письменного трудового договора и издание приказа о приеме на работу обеспечивают юридическую определенность отношений между работником и работодателем.

Однако на практике нередко возникают ситуации, когда работодатель, в том числе индивидуальный предприниматель, фактически допускает работника к выполнению трудовых обязанностей без надлежащего оформления трудового договора. В связи с этим особое значение приобретает правовая позиция высших судебных органов.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 года № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям»[4]

---

[2] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 25.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 64.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (с изм. и доп. от 24.11.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами

разъясняется, что фактический допуск работника к работе с ведома или по поручению работодателя свидетельствует о возникновении трудовых отношений независимо от того, был ли оформлен письменный трудовой договор. Таким образом, отсутствие письменного договора не освобождает работодателя от обязанностей, предусмотренных трудовым законодательством.

Кроме того, стоит обратить внимание на проблему замены трудовых отношений гражданско-правовыми договорами. Индивидуальные предприниматели иногда используют договоры оказания услуг вместо трудовых договоров, стремясь избежать обязанностей работодателя, связанных с предоставлением социальных гарантий и уплатой обязательных страховых взносов. Однако на практике суды исходят из того, что при определении характера отношений необходимо учитывать их фактическое содержание, а именно, выполнение работы лично работником, подчинение правилам внутреннего трудового распорядка и регулярная выплата заработной планы и вознаграждения. Именно это свидетельствует о наличии трудового договора независимо от наименования заключенного между работодателем и работником соглашения.

Следует отметить, что обозначенные проблемы находят отражение не только в судебной практике, но и в научной литературе. Ученые отмечают, что одной из ключевых трудностей современного трудового права является обеспечение реального, а не формального соблюдения гарантий работника при вступлении в трудовые отношения, особенно в сфере малого бизнеса[5].

В.Л. Гейхман акцентирует внимание на том, что нарушения при оформлении трудовых отношений, включая уклонение от заключения трудового договора, во многом обусловлены недостаточной эффективностью контроля и низким уровнем правовой культуры субъектов трудовых отношений[6].

Следует отметить, что в условиях развития малого бизнеса индивидуальные предприниматели играют важную роль в обеспечении

законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7. С. 3–10.

[5] См.: Гусов К.Н., Лютов Н.Л. Трудовое право России: учебник. М.: Проспект, 2020. С. 131.

[6] См.: Гейхман В.Л. Трудовое право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. С. 52.

занятости населения. Но специфика их деятельности, связанная с ограниченными финансовыми и организационными ресурсами, иногда приводит к недостаточному уровню соблюдения трудового законодательства.

На основе проведённого анализа можно сформулировать ряд предложений, направленных на повышение эффективности правового регулирования трудовых отношений с участием индивидуальных предпринимателей и усиление гарантий для работников.

1) Усиление мер ответственности для работодателей-индивидуальных предпринимателей. Внесение изменений в КоАП РФ, предусматривающие более строгие санкции для индивидуальных предпринимателей за уклонение от заключения трудового договора, его ненадлежащее оформление или подмену трудовым договором гражданско-правового характера.

2) Упрощение процедур доказывания факта трудовых отношений.

Закрепить в ТК РФ презумпцию трудовых отношений в случае, если работник фактически выполнял трудовую функцию под контролем и руководством индивидуального предпринимателя более определённого срока (например, 3 или 5 дней), даже при отсутствии письменного договора. Расширить перечень доказательств, подтверждающих наличие трудовых отношений, включив в него свидетельские показания, данные электронных систем контроля доступа, выписки по банковским картам и переписку в мессенджерах.

3) Совершенствование информационного обеспечения.

Разработать и внедрить единую цифровую платформу или сервис на портале «Работа в России», где работники могли бы проверить регистрацию работодателя-индивидуального предпринимателя, наличие у него задолженности по налогам и сборам, а также получить информацию о своих правах. Обязать индивидуального предпринимателя при заключении трудового договора с первым работником уведомлять об этом налоговый орган и орган занятости в упрощённом порядке (например, через личный кабинет налогоплательщика), что позволит вести более точный учёт наёмного персонала.

4) Развитие механизмов досудебной защиты прав работников.

Создать при Государственной инспекции труда специализированные комиссии по разрешению споров между работниками и работодателями-индивидуальными предпринимателями в упрощённом порядке, что позволит оперативно восстанавливать нарушенные права без обращения в суд. Расширить полномочия профсоюзов по защите интересов работников у индивидуального предпринимателя, предоставив им право проводить проверки и направлять обязательные для рассмотрения предписания работодателю.

5) Повышение правовой грамотности.

Разработать и реализовать целевые образовательные программы для индивидуальных предпринимателей по основам трудового законодательства, акцентируя внимание на ответственности за нарушения. Проводить информационные кампании для наёмных работников, разъясняющие их права при трудоустройстве к индивидуальному предпринимателю и порядок действий в случае их нарушения.

Реализация данных предложений позволит создать более сбалансированную и справедливую систему трудовых отношений, обеспечит надёжную защиту прав работников и будет способствовать выводу рынка труда у индивидуальных предпринимателей из «тени».

Представляется, что существующие проблемы реализации гарантий заключения трудового договора с работниками у индивидуальных предпринимателей во многом обусловлены недостаточной эффективностью механизмов превентивного контроля и слабой правовой защиты работника как более уязвимой стороны трудовых правоотношений. По нашему мнению, ключевым направлением решения данной проблемы должно стать усиление роли государственных контрольных органов, а также возможность упрощения процедур доказывания наличия трудовых отношений при судебных спорах. В частности, целесообразно будет рассмотреть возможность на уровне законодательства закрепить презумпции наличия трудовых отношений при наличии совокупности их характерных признаков.

Платформенная занятость и ее влияние на трудовые отношения

Лебеденко Софья Андреевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Цифровизация экономики породила платформенную занятость, трансформирующую классические трудовые отношения. В статье анализируется сущность данного феномена, его субъектный состав и влияние на сферу труда. На основе анализа обосновывается вывод о формировании «квази-трудовых» отношений и появлении «квази-работодателя» в лице цифровых платформ.

Ключевые слова: цифровая платформа, правовое регулирование, гражданско-правовые договоры, платформенная занятость, «квази-трудовые» отношения.

Современный этап развития экономики характеризуется глубокой цифровой трансформацией всех сфер общественной жизни. Одним из наиболее значимых феноменов последнего десятилетия стало стремительное распространение цифровых платформ, которые принципиально изменили не только потребительские практики, но и сам рынок труда.

Актуальность исследования платформенной занятости обусловлена рядом факторов. Это и растущее количество занятых, и изменение традиционного понятия складывающихся в таких условиях отношений по труду, и отсутствие адекватного правового регулирования.

Как форма организации трудовых процессов, платформенная занятость на основе цифровых платформ, выступает в роли инфраструктурного посредника, соединяющего продавцов с покупателя. Участники таких отношений определены в ст. 2 Федерального закона от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»[1] (далее — Закон о платформенной экономике).

---

[1] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования

Анализ положений Закона о платформенной экономике наглядно показывает, что взаимоотношения строятся на основе гражданско-правовых договоров, как с самой платформой, так и при совершении сделок, проведении расчетов и т. п. Можно выделить ряд признаков, которые характеризуют работу в условиях платформенной занятости. К ним, например, относится свобода выбора заказов (подпункт «а» пункта 2 части 2 статьи 16), оплата за конкретный заказ (подпункт «б» пункта 2 части 2 статьи 16), самостоятельное определение времени работы (пункт 2 части 2 статьи 16), запрет на привлечение третьих лиц (часть 1 статьи 16); срочный характер отношений (пункт 5 части 1 статьи 17).

В тоже время, отдельные положения рассматриваемого Закона, а также сформировавшаяся в данной сфере практика свидетельствуют о том, что несмотря на указанные выше признаки, в платформенной занятости усматривается проявление трудовых отношений. Более того, сегодня по этому вопросу сформировались две основные позиции.

Федерация независимых профсоюзов России настаивает на том, что отношения с платформами нужно регулировать непосредственно трудовым законодательством[2]. При этом отмечено, что отсутствие классических признаков трудовых отношений не может быть причиной исключения из сферы действия ТК РФ, ведь сотрудники пунктов выдачи заказов, курьеры, водители выполняют ту же функцию, как и работники в традиционной экономике. Но только здесь они полностью лишены социальных гарантий.

Представители государственной власти, а именно Минэкономразвития и Роструд, не признают платформенную занятость трудовыми отношениями в полной мере, поскольку здесь стираются четкие границы между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями[3]. Как вариант решения проблемы предлагается «компромиссное регулирование», что и стало основой, заложенной

платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4643 (Документ в силу не вступил).

[2] ФНПР: Регулирование платформенной занятости должно быть закреплено в Трудовом кодексе РФ // URL: https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/fnprrovanie (дата обращения: 03.03.2026).

[3] См.: Колотова Н.В. Социальная защита лиц, выполняющих работу на цифровых платформах труда: подходы к проблеме // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2025. Т. 29. № 4. С. 931.

в Законе о платформенной экономике.

Как видим, Россия пошла по пути закрепления независимого статуса исполнителя. В то время как зарубежные страны, наоборот, признают отношения трудовыми. Так, суд Франции, анализируя деятельность платформы «Uber», установил, что право выбирать время и место работы не исключает подчиненный характер труда, а возможность блокировки доступа к приложению за частые отказы от поездок свидетельствует о контроле, свойственном работодателю. Суд пришел к выводу, что «Uber» является не просто платформой, а работодателем. Аналогичные решения принимались судами штата Нью-Йорк, признавшими водителей «Uber» занятыми для целей социального обеспечения и установившими, что компания обладает контролем над работниками, характерным для работодателя[4].

Стоит отметить и то, что на международном уровне в 2025 году вопросы платформенной занятости активно обсуждались в рамках проекта новой Конвенции о достойном труде в платформенной экономике[5]. Правозащитные организации призывали включить в нее нормы, обязывающие представить гарантии справедливой оплаты, социальной защиты и прозрачности алгоритмического управления.

Постоянная комиссия по экономике и финансам Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ заслушивала вопрос о ходе подготовки модельного закона «О платформенной занятости». В новой версии документа убрали раздел о самозанятых, обязали платформы взаимодействовать с государством по вопросам работы трудовых мигрантов, уточнили права работников на отдых, достойную зарплату и социальные гарантии[6].

Как можно заметить, уже сама постановка вопроса о разграничении,

---

[4] См.: Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 149.

[5] Обеспечение достойного труда в платформенной экономике // URL: https://www.ilo.org/ru/resource/conference-paper/ilc/113/ (дата обращения: 03.03.2026).

[6] В модельном законе СНГ «О платформенной занятости» уточнили права работников на достойную зарплату и соцгарантии // URL: https://gctu-cgs.org/en/news/gctu-news/v_zakone_sng (дата обращения: 03.03.2026).

свидетельствует о том, что платформенная занятость вторгается в сферу, традиционно регулируемую трудовым правом. К сожалению, это значит, что трудовое право сегодня не располагает необходимым правовым механизмом, способным урегулировать данные отношения и создать эффективные правовые гарантии для обеспечения защиты прав платформенных работников.

На наш взгляд, это насущная необходимость. Прежде всего, потому что цифровая платформа фактически осуществляет присущие работодателю функции. Да, они реализуются весьма специфично, через алгоритмические системы, но в условиях стремительно развивающихся цифровых процессов, такое положение вещей уже становится привычным. Заказы формируются автоматически, через систему геолокации контролируется качество, время выполнения, анализируются действия, введена система рейтингов и блокировки для применения санкций и т. п.

Указанные обстоятельства стали ключевыми в формировании в научной среде мнения о том, что платформенная занятость порождает «квази-трудовые отношения», а цифровая платформа выступает в роли «квази-работодателя»[7]. Подобные отношения представляют собой гибридную форму между классическим наемным трудом, регулируемым ТК РФ и самозанятостью или индивидуальным предпринимательством. Исполнитель формально независим, но одновременно зависит организационно и экономически от платформы-работодателя. Преимуществом данных отношений является их гибкость - как мы уже отмечали, преобладают договорные формы регулирования, платформы (агрегаторы) не берут на себя тех обязательств, которые возлагаются на работодателя. Да и исполнитель (условно, работник) свободен в выборе условий своего труда, платит налог на профессиональный доход, не состоит в штате. Но именно это и лишает его тех социальных гарантий, которые дает работникам трудовое законодательство. Несмотря на такую «свободу», платформы через алгоритмы контролируют исполнителя (через систему рейтингов, штрафов,

---

[7] См. по этому вопросу: Коршунова Т.Ю. Работа на основе интернет-платформ: возможно ли признание отношений трудовыми? // Комментарий судебной практики. 2020. № 26. С. 45.

формирования заказов и определения их стоимости и др.). Для подавляющего большинства исполнителей такая работа является основной и представляет единственный источник дохода. Получается, что при всей формальной независимости, исполнители вовлечены в производственные процессы платформы и подчинены ее требованиям. Это в очередной раз доказывает наличие признаков, присущих трудовым отношениям.

Таким образом, осмысление феномена платформенной занятости требует от науки трудового права выработки новых теоретических подходов, адекватных реалиям цифровой экономики и способных обеспечить защиту трудовых прав человека в XXI веке.

Роль Государственной инспекции труда в выявлении подмены трудовых договоров: новые методики контроля в 2025–2026 годах

Лимасов Владислав Алексеевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Государственной инспекции труда (ГИТ) по выявлению подмены трудовых отношений гражданско-правовыми в 2025–2026 годах. Анализируются новые методики контроля, включая ужесточение индикаторов риска, межведомственное взаимодействие, использование цифровых инструментов и профилактические меры. Особое внимание уделяется изменениям в законодательстве, практическим инструментам проверки и последствиям для работодателей. Автор опирается на нормы Трудового кодекса РФ, постановления Минтруда России, судебную практику и актуальные данные Роструда.

Ключевые слова: Государственная инспекция труда, подмена трудовых договоров, гражданско-правовой договор, индикаторы риска, межведомственное взаимодействие, профилактические визиты, цифровые инструменты контроля.

Согласно ст. 354 ТК РФ, Федеральная инспекция труда (Роструд) и её территориальные органы (государственные инспекции труда, далее - ГИТ) осуществляют государственный контроль за соблюдением трудового законодательства. Полномочия инспекторов включают: проведение проверок; анализ обстоятельств нарушений; выдачу предписаний об устранении нарушений; привлечение к административной ответственности.

Подмена трудовых отношений гражданско-правовыми влечёт ответственность по ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ: штрафы для должностных лиц — от 10000 до 20000 рублей, для юридических лиц — от 50000 до 100000 рублей[1].

С 2021 года действуют индикаторы риска, утверждённые приказом Минтруда № 838н. В 2026 году критерии ужесточены приказом Минтруда № 685н от 8 декабря 2025 года (вступил в силу 10 января 2026 года).

---

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Индикатор срабатывает, если организация взаимодействует более чем с 35 самозанятыми одновременно при условии, что для каждого из них: среднемесячный доход от этой организации превышает 35 тыс. рублей; сотрудничество длится более трёх месяцев; доход от данной организации составляет 75 % и более от всех доходов самозанятого (ранее — 90 %)[2].

Приказ Минтруда № 657н от 19 ноября 2025 года (вступил в силу 16 февраля 2026 года) расширил перечень информации, передаваемой налоговыми органами в межведомственные комиссии (МВК) и Роструд. Теперь ИФНС сообщают о случаях, когда организация работает более чем с 10 самозанятыми, чей доход превышает 25 тыс. рублей, если эти лица в предыдущем квартале состояли с этой же организацией в трудовых отношениях[3].

При проверках контролирующие органы учитывают не только содержание документов, но и фактический характер отношений с исполнителями. Ключевые признаки подмены:

1. Организационная зависимость: исполнитель подчиняется правилам внутреннего трудового распорядка, работает в определённое время, использует оборудование работодателя.

2. Контроль процесса: работодатель руководит действиями исполнителя, контролирует ход выполнения работ.

---

[2] Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.12.2025 № 685н «О внесении изменения в пункт 8 перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, утверждённого приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.11.2021 № 838н» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: pravo.gov.ru (30.12.2025, № 0001202512300018).

[3] Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 19.11.2025 № 657н «О внесении изменений в Перечень сведений и информации, в том числе составляющих налоговую тайну, передаваемых налоговыми органами Российской Федерации в межведомственные комиссии субъектов Российской Федерации по противодействию нелегальной занятости, а также в территориальные органы Федеральной службы по труду и занятости в порядке межведомственного взаимодействия, утверждённый приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 02.02.2024 № 40н» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: pravo.gov.ru (05.02.2026, № 0001202602050014).

3. Характер оплаты: выплаты производятся ежемесячно в фиксированном размере, независимо от объёма выполненных задач. Акты выполненных работ либо отсутствуют, либо носят формальный характер.

4. Косвенные признаки: предоставление соцпакета, премий, направление на медосмотр за счёт компании, оформление постоянного пропуска.

Дополнительно запрашиваются сведения о среднемесячной оплате труда. В зону внимания попадают компании, у которых средняя зарплата на 35 % ниже средней по виду деятельности в регионе[4]. В регионах действуют межведомственные комиссии по противодействию нелегальной занятости. Они анализируют обращения граждан, систематизируют сведения от ФНС и других органов, передают материалы в прокуратуру и ГИТ. Если подтверждается подмена трудовых отношений, компанию включают в специальный реестр Роструда. Это повышает вероятность внеплановых проверок[5].

С 2025 года ГИТ получила право проводить проверки через приложение «Инспектор» и по видеосвязи. Это позволяет оперативно оценивать ситуацию без выезда на место. Проверяются следующие документы: кадровые (графики работы, отпусков, направления в командировку); договоры о полной материальной ответственности; документы по выплате заработной платы; хозяйственные документы (накладные, счета-фактуры, путевые листы); журналы по охране труда, пожарной безопасности, медосмотрам[6].

С 2025 года вместо плановых проверок проводятся профилактические визиты для организаций категорий значительного, среднего и умеренного риска. Срок визита — до 10 рабочих дней, с возможностью продления для экспертиз. По итогам составляется акт. Работодатели могут инициировать добровольный профилактический визит, обратившись в инспекцию с заявлением о замене

---

[4] См.: Алиева З.А. Деятельность государственных инспекторов труда как способ защиты трудовых прав работников: проблемные вопросы // Трудовое право. 2024. № 3. С. 45.

[5] Постановление Правительства РФ от 21.07.2021 № 1230 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // URL: https://base.garant.ru/401527810/ (дата обращения: 07.03.2026).

[6] См.: Курсова О.А. Искусственный интеллект в трудовых отношениях: проблемы и пути решения // Вестник трудового права. 2025. № 2. С. 79.

выездной проверки[7]. Внедрение новых методик позволит выявлять нарушения, которые сложно обнаружить при традиционных проверках. По данным Роструда, в 2024 году было выявлено 12,5 тыс. случаев подмены трудовых договоров. Цифровые инструменты дадут возможность отслеживать выплаты и условия работы в режиме реального времени, затрудняя сокрытие нарушений. Прогнозируется, что новые методики позволят увеличить количество выявленных нарушений на 25-30% и сократить сроки проверок на 40%. Однако внедрение новых методик и технологий на начальной стадии может нести риск утери и неправомерного использования информации при обработке больших массивов персональных данных, а также ужесточение контроля может привести к сокращению гибкой занятости и росту безработицы, но защита прав работников повысит стабильность рынка труда в долгосрочной перспективе.

Минтруд доработал законопроект о борьбе с подменой трудовых договоров. Предлагается:

- расширить перечень признаков трудовых отношений до 11 пунктов, включив выполнение функций, интегрированных в хозяйственную деятельность работодателя;

- наделить ГИТ правом обращаться в суд, если нарушения не устранены после проверки[8].

Таким образом 2025-2026 годах ГИТ усиливает контроль за подменой трудовых договоров через ужесточение индикаторов риска, межведомственное взаимодействие, цифровые инструменты, профилактические мероприятия. Эти меры направлены на повышение социальной защищённости работников и снижение недобросовестной конкуренции. Эффективность новых методик будет зависеть от их практической реализации и дальнейшего развития законодательства, так как оно не в полной мере регулирует использование цифровых инструментов надзора.

---

[7] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

[8] Законопроект № 1084017-8 «Проект Федерального закона «О внесении изменений в ТК РФ в части борьбы с подменой трудовых договоров» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1084017-8 (дата обращения: 07.03.2026).

Правовые риски работодателя при осуществлении процедур подбора персонала в современных условиях

Лысенко Егор Александрович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена исследованию правовых рисков, возникающих на стадии, предшествующей заключению трудового договора. Автор анализирует юридическую природу локальных актов, регулирующих наем, проблему дискриминации в объявлениях о вакансиях и правомерность использования современных HR-технологий. Особое внимание уделено защите интересов работодателя при обосновании отказа в приеме на работу.

Ключевые слова: работодатель, найм, правовые риски, локальное регулирование, должностная инструкция, деловые качества, вакансии, прием на работу, дискриминация.

В российской юриспруденции процедура отбора кандидатов интерпретируется как проявление административно-распорядительной компетенции работодателя, обеспечивающей его право на свободный выбор работников. Однако реализация этого права сопряжена с существенными правовыми рисками. Под правовым риском в процедурах найма следует понимать вероятность актуализации юридической ответственности (материальной, административной) и деформации управленческих процессов вследствие несоблюдения императивных запретов на дискриминацию и процедурных требований к отказу в трудоустройстве.

Правовые риски для работодателя обусловлены трансформацией правоприменительной практики. Анализ судебной практики показывает, что в решениях судьи все чаще отходят от формального признания права работодателя на отказ, требуя детального доказательства отсутствия дискриминационного мотива. Это приводит к тому, что баланс интересов сторон смещается в сторону усиления защитной функции трудового права на этапе вступления в трудовые отношения.

Одним из инструментов для минимизации правовых рисков работодателя является локальное нормативное регулирование. Юридическая легитимизация потребности в кадрах базируется на системе локальных нормативных актов. Одним из таких локальных нормативных актов служит штатное расписание. Штатное расписание является правовым основанием для признания наличия или отсутствия вакансии. Риск для работодателя в данном случае заключается в несоответствии фактической потребности штатному документу.

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (далее - Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2), «заключение трудового договора с конкретным лицом, ищущим работу, является правом, а не обязанностью работодателя, а также того, что Кодекс не содержит норм, обязывающих работодателя заполнять вакантные должности или работы немедленно по мере их возникновения, необходимо проверить, делалось ли работодателем предложение об имеющихся у него вакансиях (например, сообщение о вакансиях передано в органы службы занятости, помещено в газете, объявлено по радио, оглашено во время выступлений перед выпускниками учебных заведений, размещено на доске объявлений), велись ли переговоры о приеме на работу с данным лицом и по каким основаниям ему было отказано в заключении трудового договора»[1].

Правовая позиция Верховного Суда РФ заключается в том, что отсутствие вакансии у работодателя является законным основанием для отказа кандидату, но лишь при условии, что вакансия действительно не открыта и на нее не ведется фактический набор.

Особую роль в минимизации рисков работодателя играет еще один локальный нормативный акт под названием должностная инструкция. Если сравнить данный документ с профилем компетенций, которые применяются как

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (с изм. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8.

правило в менеджменте, то должностная инструкция является локальным нормативный актом, закрепляющим требования к «деловым качествам» кандидата.

Понятие «деловые качества» закреплено в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2. Под деловыми качествами работника следует, в частности, понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли).

Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что под деловыми качествами следует понимать не только профессионально-квалификационные характеристики (образование, стаж), но и личностные качества (состояние здоровья, уровень когнитивных способностей), если они необходимы для выполнения данной функции. В данном случае риск для работодателя обусловлен тогда, когда требования к кандидату в локальных нормативных актах сформулированы расплывчато, что позволяет суду трактовать отказ как необоснованный.

Правовая природа объявления о вакансии в контексте трудовых отношений трансформируется из гражданско-правовой категории invitatio ad offerendum (приглашение к оферте) в юридически значимое действие, налагающее на работодателя обязанность обеспечить равный доступ к вакантной должности и соблюсти запрет на необоснованный отказ в заключении договора, предусмотренный ст. 64 Трудового кодекса РФ[2].

Ключевая особенность заключается в наличии правовых рисков для работодателя таких, как нарушение ст. 3 ТК РФ, которая закрепляет право каждого на равные возможности для реализации своих трудовых прав и ст. 64

---

[2] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2025. № 53 (ч. 1). Ст. 8551.

ТК РФ которая запрещает необоснованный отказ в заключении трудового договора.

Дискриминационные риски в объявлении о вакансии у работодателя, например, как указание в вакансии требований к полу, возрасту, месту жительства или «семейному статусу» могут быть квалифицированны как административное правонарушение по ст. 13.11.1 Кодекса об Административных Правонарушениях РФ. Объективная сторона данного правонарушения состоит в распространении информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей ограничения дискриминационного характера[3].

При отборе кандидатов для работодателя существует также правовой риск при использования цифровых технологий. Одним из главных новшеств в развитии HR-технологий и работы с персональными данными в 2026 году является применение и использование искусственного интеллекта (далее - ИИ). Применение ИИ при отборе кандидатов может служить более эффективному отбору и выявлению более сильных кандидатов. Работодатели при отборе кандидатов прибегают к применению таких цифровых технологии как автоматизированный предварительный отбор кандидатов, психологическое тестирование и проверка социальных сетей («фоновое исследование» с англ. background check), которые могут нарушать требования Федерального закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»[4].

Например, сбор информации путем использования социальных сетей без согласия кандидата может толковаться не только как нарушение федерального закона о персональных данных, но и главы 14 ТК РФ о защите персональных данных работника, поскольку цель обработки данных для трудоустройства должна строго соответствовать способу их получения, а сбор избыточной информации о частной жизни кандидата без его согласия недопустим. Однако

---

[3] Кодекс об административных правонарушениях РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; Российская газета. 2026. № 42. 26 февраля.

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451; 2025. № 28. Ст. 5120.

запросы в правоохранительные органы или проверка кредитной истории допустимы только в случаях, прямо предусмотренных законом (например, для материально ответственных лиц или государственных служащих).

Еще одной проблемой для работодателя может являться риск «алгоритмической дискриминации» при использовании ИИ для оценки кандидатов. «Риск «алгоритмической дискриминации» заключается в непрозрачности (эффект «черного ящика») критериев отбора ИИ, что делает невозможным исполнение работодателем процессуальной обязанности по доказыванию отсутствия дискриминационного мотива в суде и обоснованию отказа через категорию «деловых качеств»[5].

Помимо вышесказанного, ст. 64 ТК РФ обязывает работодателя по требованию соискателя выдать письменное обоснование отказа. Здесь реализуется главный риск для работодателя, а именно признания такого отказа необоснованным.

Анализируя судебную практику по вопросам правовых рисков отбора персонала, необходимо обратиться к Обзору практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 27 апреля 2022 года) который подтверждает, что «работодатель обязан доказать, что именно выбранный кандидат объективно обладает более высокими деловыми качествами. Если на вакансию претендуют два кандидата с одинаковым образованием и стажем, работодатель должен иметь задокументированные результаты сравнительного тестирования или собеседования»[6].

Таким образом, отказ в приеме на работу возможен, только если деловые качества, уровень образования и квалификации претендента не соответствуют заявленным работодателем требованиям. Применение таких формулировок как «не вписался в корпоративную культуру» являются на практике юридически

---

[5] См.: Петров А.Я. Трудовой договор: учебное пособие для вузов / А.Я. Петров. - М.: Юрайт, 2024. С. 320.

[6] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 10.

ничтожными, так как не относятся к деловым качествам. Правомерным будет отказ, основанный на результатах выполнения тестового задания, зафиксированных в оценочном листе.

Необходимо констатировать, что правовое поле в сфере подбора персонала в 2026 году претерпевает фундаментальную трансформацию. Мы наблюдаем переход от классической модели «свободы найма», где превалировала диспозитивность и административная автономия работодателя, к модели «процедурной справедливости» и жесткого надзора за соблюдением антидискриминационных стандартов.

Анализ актуальной правоприменительной практики и последних изменений в трудовом законодательстве позволяет сделать вывод, что сегодня работодатель не просто выбирает сотрудника, а осуществляет юридически значимую процедуру, каждый этап которой должен быть документально верифицирован. Юридическая природа отказа в приеме на работу изменилась, поскольку это уже не одностороннее волеизъявление, а аргументированное решение, основанное исключительно на категории «деловых качеств», закрепленной в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ[7].

Особую сложность в современных условиях представляет интеграция в HR-процессы систем искусственного интеллекта и алгоритмического отбора. Исследование выявило критический риск «алгоритмической дискриминации», обусловленный непрозрачностью критериев ИИ (эффект «черного ящика»). Для работодателя это создает ситуацию процессуальной уязвимости виду невозможности объяснить логику программного обеспечения ИИ в суде приравнивается к необоснованности отказа. В связи с этим, правовая стратегия защиты интересов компании должна смещаться в сторону превентивного локального регулирования, которое способно перевести оценочные суждения в плоскость объективных балльных систем.

Помимо этого, баланс интересов сторон в трудовых отношениях теперь

---

[7] См.: Пресняков М.В. Правовое регулирование подбора и отбора персонала: проблемы дискриминации / М.В. Пресняков // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 88.

смещен в сторону усиления защитной функции права на этапе вступления в эти отношения. Любая формальная ошибка от некорректной формулировки в объявлении о вакансии до нарушения сроков письменного ответа соискателю становится самостоятельным основанием для привлечения к административной ответственности или судебного иска. Таким образом, минимизация рисков возможна только при условии полной синхронизации фактических HR-практик с системой локальных нормативных актов организации.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование найма смещается от диспозитивности к жесткому контролю «процедурной справедливости».

В целях практической реализации указанных выводов и минимизации правовых рисков для работодателя предлагается:

1. На уровне локальных нормативных актов создать «Положение о подборе кандидатов», которое будет регламентировать четкую процедуру оценки деловых качеств, закрепив использование балльных систем и оценочных листов, которые в дальнейшем при необходимости станут доказательной базой для трудовых споров в судебных инстанциях.

2. В должностных инструкциях максимально конкретизировать требования к квалификации, опираясь на профессиональные стандарты, предусмотренные ст. 195.3 ТК РФ. Это позволит минимизировать шанс отказа со ссылкой на «недостаток навыков» юридически неоспоримым.

3. Обеспечить соблюдение процедурных сроков уведомления соискателя, предусмотренных ч. 5 ст. 64 ТК РФ, для исключения формальных поводов для судебного иска.

Правовые аспекты установления зависимости оплаты труда от его результатов

Мишенина Дарья Юрьевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье анализируются правовые конструкции, позволяющие работодателю гибко реагировать на результаты труда. Особое внимание уделяется различиям между гарантированной частью заработной платы и стимулирующими выплатами (переменной частью). В результате сделан вывод о необходимости правового закрепления баланса между гибкостью системы оплаты труда (стимулирование) и гарантиями для работников (защита). Автором предлагаются рекомендации по совершенствованию локального нормотворчества для создания прозрачных и юридически безупречных систем оплаты труда, увязывающих вознаграждение с фактическими результатами работы.

Ключевые слова: заработная плата, работник, труд, результативность, Трудовой кодекс РФ, локальные нормативные акты, стимулирующие выплаты, критерии, KPI.

В современных условиях заработная плата перестала быть просто гарантированной выплатой за присутствие на рабочем месте, превратившись в основной инструмент управления производительностью. Сегодня все большее значение приобретает стимулирование труда, выполняя ключевую роль в повышении общей эффективности экономики и конкурентоспособности отдельных предприятий.

Основные факторы, которые определяют важность рассмотрения проблемы соотношения размера оплаты труда и достигаемых при его осуществлении результатов, определяются следующими обстоятельствами.

Прежде всего, противоречия заложены в самом управлении трудом. Работодатель заинтересован в максимальной отдаче от работника, в то время как работник заинтересован в стабильном и справедливом вознаграждении за его

труд. Отсутствие прозрачной и объективной связи между затраченными усилиями (результатом) и оплатой приводит к демотивации персонала, росту текучести кадров, и в конечном итоге, сказываются на эффективности производственной деятельности работодателя.

Внедрение цифровых профилей работников, систем учета рабочего времени и алгоритмов управления эффективностью создает техническую возможность для учета и анализа результативности каждого работника. Однако с большой вероятностью возникает риск подмены понятий, поскольку учет начинает вестись не за результат (качество труда), а за активность (количество трудовых действий), что искажает саму суть стимулирования.

Трудовое законодательство запрещает дискриминацию и требует учета количества и качества труда[1]. Однако терминологическая размытость таких понятий, как «результативность» и «эффективность» приводит к тому, что премиальная часть заработной платы очень часто выплачивается формально или по усмотрению руководителя, что становится причиной трудовых споров и снижает доверие к системе мотивации.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что справедливая оплата труда является основой социального мира в коллективе и удовлетворенности работой. В условиях экономической нестабильности работники особенно чувствительны к несправедливости в оценке их труда, что также может приводить к скрытым конфликтам и снижению лояльности.

Указанные обстоятельства требуют обоснованной правовой регламентации оплаты труд, его стимулирования, основываясь на учете результативности труда работника, поскольку это не просто формальность. Все, что регламентировано в праве, становится главным инструментом защиты, как работника, так и работодателя.

Анализ трудового законодательства и правоприменительной практики указывает на необходимость принятия ряда мер, которые бы обеспечили сбалансированное соотношение заработной платы работника и результатами его

---

[1] См.: Лушников А.М. Понятие и принципы заработной платы // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 5. С. 38.

труда. В условиях прогрессивного технологического развития, первостепенным становится создание эффективного правового регулирования, выработки действенных правовых механизмов, способных решить проблемы, в том числе и в вопросах оплаты труда.

Прежде всего, необходимо определить систему правового регулирования. Правовое регулирование связи оплаты труда и результативности строится на нескольких уровнях, центральное место среди которых занимает Трудовой кодекс РФ[2]. Базовой является ст. 129 ТК РФ, закрепляющая понятие заработной платы (оплаты труда работника). Как вознаграждение за труд, она включает в себя три ключевых элемента: непосредственно вознаграждение за труд в зависимости от квалификации, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы; компенсационные выплаты (например, за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных и т. д.), а также стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты). В данном составе именно стимулирующие выплаты являются тем правовым инструментом, который позволяет работодателю поощрять работников за достижение высоких результатов, эффективность и качество труда. Следовательно, понятие заработной платы напрямую закрепляет возможность учета результативности труда.

Поскольку ТК РФ устанавливает лишь общие рамки, ключевая роль в создании системы стимулирования, объединяющую оплату и результативность, отводится локальным нормативным актам работодателя. Правоприменительная практика содержит примеры разнообразных локальных актов по вопросам стимулирования. Это может быть и Положение о стимулирующих выплатах, и Положение об оплате труда, и Положение о премировании. Название не играет решающего значения, здесь важен содержательный аспект. Такой акт должен закреплять соотношение постоянной и переменной частей заработной платы (оклад и премии надбавки), виды стимулирующих выплат, а главное - конкретные показатели (критерии) результативности. Кроме того, это порядок

---

[2] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2025. № 52 (ч. 1). Ст. 8297.

расчета и начисления, включающий зависимость размера премии от степени выполнения показателей и условия депремирования (снижения размера премий).

Нельзя не отметить тот факт, что в 2025 году в трудовое законодательство были внесены важные изменения, определившие правила депремирования в период действия дисциплинарного взыскания. С 1 сентября 2025 года вступили в силу принципиальные изменения в ТК РФ, внесенные Федеральным законом от 7 июня 2025 года № 144-ФЗ[3]. Эти изменения стали реакцией на постановления Конституционного Суда РФ № 32-П и № 35-П от 2023 года [4] и кардинально меняют подход к установлению стимулирующих выплат.

Их анализ позволяет нам резюмировать следующее. Соотношение оплаты труда и его результативности выражается через стимулирующие выплаты. Система стимулирования труда только тогда будет законной и эффективной, когда она базируется на измеримых критериях. Размытость формулировок и зависимость от внешних факторов (например, такие, как «добросовестное исполнение», «лояльность», «достижение целей компании» и др.) не допустимы. Стимулирование (премия) должно зависеть только от труда работника, а не от финансового состояния работодателя в целом. Убытки, которые несет работодатель, не могут быть основанием для непоощрения работника, выполнившего свои плановые показатели.

На практике такими показателями являются ключевые показатели эффективности (KPI). Они являются измеримыми данными о деятельности работника (или компании в целом), по которым можно оценить, насколько хорошо он выполняет свою работу и достигает поставленных целей. Проще говоря, это цифры и факты, которые показывают, как работник справляется со

---

[3] Федеральный закон от 07.06.2025 № 144-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 23. Ст. 3003.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2023 № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 26. Ст. 4845; Постановление Конституционного Суда РФ от № 35-П от 27.06.2023 «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 152 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго Постановления Правительства Российской Федерации «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С.А. Иваниченко» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 27. Ст. 5140.

своей работой. KPI должны быть измеримыми и объективными. Это значит, что работник должен четко понимать, сколько звонков он должен совершить за свою смену, с каким количеством клиентов он должен заключить соглашения и на какую сумму, с какой скоростью им выполняются задачи, каков его рейтинг у клиентов и т.п. Немаловажно, что KPI обязательно доводятся до сведения работников под подпись[5]. В связи с чем положительной практикой следует признать разработку отдельных образцов дополнительных соглашений к трудовым договорам, где индивидуальные ключевые показатели эффективности (KPI) закрепляются персонально за работником.

Кроме того, показателем справедливой системы оплаты труда будет начисление заработной платы на равных условиях при достижении работниками одинаковых показателей, предусмотренных локальным актом. Соблюдение данного принципа позволит избежать дискриминационных проявлений и субъективизма.

В локальном нормативном акте должно быть определено - какие премии относятся к гарантированной частью заработной платы и выплачиваются при выполнении (KPI), а какие - разовыми поощрениями по усмотрению работодателя[6].Таким образом, правовая регламентация оплаты труда образует собой фундамент экономической безопасности работодателя. Необходимость формирования действенных механизмов связи оплаты труда и его результативности диктуется, прежде всего, несовершенством правового регулирования, обостряя вопросы гарантирования переменной части заработной платы. Система стимулирования должна быть прозрачной, критерии результативности - измеримыми и объективными. Считаем, что работодатели должны пересмотреть свои подходы к стимулированию, поскольку легализация всех выплат, полагающихся работнику, и их четкая привязка к результатам труда, становится единственно возможным средством гарантирования справедливой и защищенной заработной платы.

---

[5] Информационный портал Роструда «Онлайнинспекция.РФ» (март 2022 г.) // URL: https://base.garant.ru/77146402/ (дата обращения: 03.03.2026).

[6] Конституционный Суд РФ объяснил, какие премии работодатель обязан выплачивать сотрудникам // URL: https://its.1c.ru/db/newsprac/content/496666/hdoc (дата обращения: 03.03.2026).

Несостоятельность (банкротство) работодателя в контексте защиты трудовых прав работников

Рахимова Мира Измгалиевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Автор рассматривает проблему толкования и разграничения понятий, используемых для обозначения финансового состояния, при котором хозяйствующий субъект утратил реальную возможность по той или иной причине исполнять взятые на себя обязательства перед контрагентами. Исследуются позиции специалистов о соотношении понятий: «банкротство», «несостоятельность», «неплатежеспособность».

Ключевые слова: банкротство работодателя, несостоятельность, неплатежеспособность, трудовые права работника,

Современное правовое регулирование отношений, связанных с неспособностью хозяйствующих субъектов исполнять финансовые обязательства, требует тщательного анализа используемых правовых категорий. Особое значение в условиях экономического кризиса и практики банкротства юридических лиц приобретает корректное разграничение понятий, определяющих финансовую несостоятельность должника, а именно разграничение следующих понятий: «неплатежеспособность», «несостоятельность», «банкротство».

На законодательном уровне закреплено, что понятия «банкротство», «несостоятельность» тождественны. Согласно ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) несостоятельность (банкротство) — это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных

платежей»[1].

Правовая доктрина выделяет три ключевых понятия: неплатежеспособность, несостоятельность, банкротство. Как уже ранее упоминалось, законодатель закрепил тождество между терминами «несостоятельность», «банкротство», что также явно прослеживается из названия закона - Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)».

В юридической литературе выделяют два подхода к вопросу о несостоятельности хозяйствующего субъекта: исторический и сущностный. «Результатом исторического исследования должно стать рассмотрение различных подходов к определению этого понятия и необходимость деления процесса исторического развития конкурсного права на определенные этапы. Сущностный подход позволит выявить социально-экономическое содержание и правовую форму несостоятельности (банкротства), соотношение этих понятий между собой и с другими правовыми категориями»[2].

Если рассматривать историческую составляющую, то законодательствами многих стран несостоятельность рассматривалась с точки зрения наличия или отсутствия виновных действий со стороны должника, поэтому термин «банкротство» применялся для обозначения уголовно-наказуемых деяний.

Например, по ст. 1166 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., под банкротством понималось неосторожное или умышленное причинение несостоятельным должником ущерба кредиторам посредством уменьшения или сокрытия имущества. В связи с этим в юридической литературе отмечалось, что «банкротство является, таким образом, уголовною стороной того гражданского отношения, которое называется несостоятельностью. Оно не представляется необходимым и постоянным спутником последней, но только случайным усложнением»[3].

---

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[2] Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 24.

[3] Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 430.

В современной уголовном российском законодательстве термин «банкротство» встречается в ст. 196 и 197 Уголовного кодекса РФ.

В ст. 196 УПК РФ содержатся положения о преднамеренном банкротстве, под которым понимается совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица либо гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей[4].

Как видно из данного определения, в УК РФ используется такая же трактовка банкротства, как и в Законе о банкротстве. В обоих случаях акцент сделан на неспособности удовлетворить требования кредиторов. При этом Закон о банкротстве изначально ставит знак равенства между терминами «несостоятельность» и «банкротство», а ст. 196 УК РФ использует только понятие «банкротство», не упоминая о «несостоятельности». При этом из контекста данной статьи следует, что уголовно наказуемый характер носит не банкротство как таковое, а именно заведомость действий, влекущих наступление банкротства.

Статья 197 УК РФ предусматривает ответственность за фиктивное банкротство, т. е. заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности. В данном случае фиктивное банкротство раскрывается через понятие «несостоятельность».

Таким образом, уголовное законодательство РФ вслед за гражданским ставит знак равенства между банкротством и несостоятельностью.

Из проведенного анализа развития понимания терминов

---

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства. 1996. №25. Ст. 2954.

«несостоятельность» и «банкротство» в их соотношении следует вывод, что изначально указанные понятия подразумевали исключительно уголовно-правовой аспект, получив в дальнейшем развитие и в гражданском праве.

При оценке современного правового регулирования рассматриваемых вопросов представляется обоснованным мнение некоторых авторов, которые указывают на приоритетность гражданского законодательства в правовой оценке понятия несостоятельности и зависимость уголовного законодательства, направленного на упорядочение части отношений, определяемых наличием общественно опасных действий и возникающих из правоотношений, сформированных в результате воздействия законодательства о несостоятельности.

При переходе исследуемых понятий в гражданское право можно говорить и о применении их в трудовом праве с учетом особенностей правового статуса сторон трудовых отношений при несостоятельности работодателя.

Неплатежеспособность выступает начальной стадией, характеризующейся кратковременным отсутствием возможности исполнять обязательства перед контрагентами. При этом юридическое лицо ведет обычную хозяйственную деятельность. Несостоятельность представляет собой углубленную форму неплатежеспособности, когда должник утрачивает реальную возможность рассчитаться с кредиторами за определенный период времени.

К признакам банкротства (закреплены в Законе о банкротстве) относятся: неисполнение обязательств перед всеми контрагентами более трех месяцев, если обязательства не исполняются перед одним кредитором, то это не является признаком банкротства, поскольку имеется факт предпочтительного гашения требований кредиторов, и наличие определенного размера задолженности.

Таким образом, несостоятельность - финансовое состояние субъекта, характеризующееся его объективной неспособностью исполнять денежные обязательства перед кредиторами либо выполнять обязанность по уплате обязательных платежей. Это признак банкротства, который должен быть подтвержден уполномоченным органом.

Банкротство, в свою очередь, представляет собой юридическое событие (факт), наступающее после вынесения соответствующего решения арбитражным судом. Судебный акт не только фиксирует уже существующую несостоятельность, но и запускает комплекс правовых последствий, предусмотренных законодательством о банкротстве.

С позиции причинно-следственной связи несостоятельность выступает причиной, а банкротство - следствием.

Между тем, Трудовой кодекс РФ лишь единожды упоминает о неплатежеспособности, устанавливая в ст. 130 ТК РФ гарантии получения работником заработной платы в случае прекращения деятельности работодателя и его неплатежеспособности. Дальнейшая регламентация таких гарантий в ТК РФ отсутствует. Такой подход превращает их установление на законодательном уровне в не более чем декларативное провозглашение правила.

Сущностный признак неплатежеспособности работодателя можно выявить при анализе документов Международной организации труда. Ключевым актом, который позволяет это сделать, является Конвенция МОТ от 23 июня 1992 года № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя»[5].

Согласно ст. 1 данной Конвенции, термин «неплатежеспособность» подразумевает под собой: во-первых, ситуации, при которых в соответствии с национальным законодательством и практикой начинается процедура реализации имущества хозяйствующего субъекта с целью удовлетворения требований кредиторов (процедура конкурсного производства). Во-вторых, согласно п. 2 ст. 1 Конвенции государство-член может распространить определение термина «неплатежеспособность» на другие ситуации, в которых требования работников не могут быть удовлетворены в силу финансового положения работодателя, например, если сумма его активов признается не соответствующей требованиям, установленным для открытия процедуры,

---

[5] Конвенция МОТ от 23.06.1992 № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 34. Ст. 4428.

касающейся неплатежеспособности.

Рассмотренные варианты определения термина «неплатежеспособность» позволяют охарактеризовать его как достаточно широкое понятие, охватывающее собой различные ситуации невозможности выполнения работодателем денежных обязательств, в том числе процедуру банкротства, но ею не ограничивающееся.

Таким образом, полагаю необходимым законодательно закрепить два понятия: несостоятельность - временная неспособность должника в полном объёме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей; и банкротство - признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Разграничение данных понятий также определит различные правовые последствия для хозяйствующих субъектов, которые несостоятельны, но имеют шанс вернуться к обычной хозяйственной деятельности и для субъектов-банкротов, восстановление платежеспособности которых невозможно, а признание банкротом приведет к реализации имущества и ликвидации должника.

Трансформация условий трудового договора в эпоху дистанционной работы: российский контекст

Федоров Дмитрий Андреевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Исследуется трансформация содержания трудового договора под влиянием цифровизации и дистанционной занятости в России. Анализируются доктринальные подходы к категории «место работы», правовые последствия фактического изменения режима труда. На основе судебной практики 2024–2026 годов выделены конфликтогенные зоны: работа за пределами РФ, одностороннее изменение условий договора, защита прав работника при сложившихся дистанционных отношениях. Рассматриваются законодательные инициативы 2025–2026 годов. Указано на необходимость дифференциации правового регулирования и усиления гарантий для работников.

Ключевые слова: условия трудового договора, дистанционная работа, место работы, судебная практика, защита прав работников, трансграничный труд.

Когда в конце 2020 года в Трудовой кодекс Российской Федерации вносились поправки о дистанционной занятости, мало кто предполагал, насколько глубокую трансформацию претерпит система трудовых отношений. Федеральный закон от 8 декабря 2020 года № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях», закрепивший главу 49.1 ТК РФ, стал не финалом, а отправной точкой[1]. Сегодня очевидно: центральным звеном адаптации выступает трудовой договор,

[1] Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. 3). Ст. 8052.

традиционные элементы которого переосмысливаются столь серьезно, что порой возникает вопрос о сохранении самой сущности трудовых отношений.

Актуальность темы определяется не только масштабами распространения удаленной работы. Дистанционный труд утратил статус временной меры, продиктованной пандемией. Для IT, консалтинга, образования, финансов он стал устойчивой моделью. Между тем, законодательная конструкция главы 49.1 носит рамочный характер. Наиболее значимые элементы — регламент взаимодействия, сроки выполнения заданий, формы отчетности, режим рабочего времени — законодатель передал на усмотрение сторон. Такой подход обеспечивает гибкость, но несет риски. Расширение договорной свободы при отсутствии четких ориентиров нередко оборачивается использованием более сильной стороной своего положения. Вопрос о пределах автономии воли и балансе между гибкостью и защитой трудовых прав приобретает ключевое значение.

Наиболее дискуссионный элемент — определение места работы. Статья 312.1 ТК РФ построена по негативному принципу: законодатель указывает не место нахождения работника, а место, где он находиться не обязан — вне места нахождения работодателя, вне стационарного рабочего места[2]. Эта неопределенность породила сложную практику, особенно в части работы за пределами Российской Федерации.

Минтруд занимает консервативную позицию: ТК РФ не предусматривает возможности заключения договора для работы за границей, поскольку работодатель не может обеспечить безопасные условия труда, а действие законодательства территориально ограничено статьей 13 ТК РФ[3]. Однако суды учитывают реальные обстоятельства и фактические договоренности сторон.

Показателен спор, рассмотренный Вторым кассационным судом общей

---

[2] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[3] Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 09.09.2022 № 14-2/ООГ-5755 «Об оформлении с гражданином РФ трудовых отношений в целях осуществления дистанционной (удаленной) работы за границей» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/405275293/ (дата обращения: 04.03.2026).

юрисдикции в апреле 2025 года. IT-специалист трудилась на московскую компанию из Аргентины, хотя в договоре местом работы значился г. Москва. Работодатель — субъект критической информационной инфраструктуры — после отказа вернуться ограничил доступ и уволил по ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ. Суды отказали в иске, установив, что переезд изменил условия договора, а заключение трудового договора для деятельности за пределами РФ не допускается. Суды отметили: запрет на увольнение матери несовершеннолетнего здесь неприменим, поскольку увольнение произведено по специальному основанию[4].

Анализ подобных дел позволяет говорить о формировании позиции: изменение местности выполнения функции без согласования с работодателем может рассматриваться как существенное нарушение. Переезд за границу объективно меняет условия исполнения обязательств, влияет на возможность контроля и безопасности[5].

Не менее сложен вопрос «обратного перевода» — возвращения в офис по инициативе работодателя. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 апреля 2024 года № 22-П указал: «местность осуществления деятельности имеет существенное значение для работника, связана с его жизненным укладом. Изменение этой местности, даже если она прямо не оговорена, но работа длительно выполнялась в определенном месте, не может производиться без согласия работника»[6].

Значительный пласт споров связан с фактическим сложением дистанционных отношений без оформления. В пандемию многих допускали к удаленной работе без дополнительных соглашений. При конфликтах суды исходят из анализа реальных отношений. Если работодатель месяцами

---

[4] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2025 № 8Г-8592/2025 // URL: https://base.garant.ru/345744765/ (дата обращения: 04.03.2026).

[5] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2025 № 88-4974/2025 // URL: https://base.garant.ru/345497029/ (дата обращения: 04.03.2026).

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2024 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой — четвертой статьи 74 и пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.Х. Абдуллоева» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475488/ (дата обращения: 04.03.2026).

принимал работу дистанционно, он не может уволить за прогул на том основании, что в договоре значится работа в офисе[7].

Важное значение приобрел вопрос об увольнении по ст. 312.8 ТК РФ — за отсутствие взаимодействия более двух дней. Судебная практика квалифицирует это как дисциплинарное взыскание, требующее соблюдения ст. 193 ТК РФ[8]. Работодатель должен доказать не только направление запросов, но и их получение, а также отсутствие уважительных причин[9].

Вопросы оплаты труда также специфичны. Работники пытаются взыскать оплату за сверхурочную работу, полагая: письма в нерабочее время свидетельствуют о привлечении к труду. Но суды исходят из отсутствия доказательств, что работник привлекался по распоряжению работодателя. Переписка не подтверждает возложения обязанностей сверхурочно, если не следует, что работодатель требовал работы вне рабочего времени[10].

Особого внимания заслуживают территориальные гарантии. Если компания в одном регионе, а работник в другом, гарантии предоставляются по месту проживания работника — районные коэффициенты, дополнительные отпуска. Судебная практика 2025–2026 подтверждает: в спорах о «северных» надбавках суды на стороне работников[11].

Параллельно продолжается законодательное совершенствование. В Госдуму внесен законопроект № 973264-7 о регулировании временной и

---

[7] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370386/ (дата обращения: 04.03.2026).

[8] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 7 // URL: https: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504065/ (дата обращения: 04.03.2026).

[9] Позиции судов по спорным вопросам. Трудовое право: Привлечение дистанционного работника к дисциплинарной ответственности // URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/ (дата обращения: 04.03.2026).

[10] Позиции судов по спорным вопросам. Трудовое право: Оплата труда дистанционного работника // URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/oplata (дата обращения: 04.03.2026).

[11] Позиции судов по спорным вопросам. Трудовое право: Оплата труда дистанционного работника // URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/oplata_truda_pri_distancionnom (дата обращения: 04.03.2026).

комбинированной удаленной работы[12]. Предполагается ввести понятия «временная дистанционная работа» и «комбинированная дистанционная работа», что позволит сочетать труд в офисе и дома.

Ожидаемое нововведение — «право на отключение»: работник не обязан быть круглосуточно на связи. Также предлагается унифицировать основания увольнения, устранив дискриминационные нормы, позволявшие расторгать договор по основаниям, предусмотренным непосредственно договором.

В 2026 году обсуждается инициатива о праве переводиться на удаленку при экстремально низких температурах (ниже 25-30 °С). Профсоюзы настаивают на четких температурных порогах и гарантиях сохранения зарплаты.

Существенным аспектом остается проблема переквалификации гражданско-правовых отношений в трудовые. Налоговые органы могут переквалифицировать договор с фрилансером при наличии признаков занятости: подчинение распорядку, регулярные выплаты, предоставление оборудования. В случае переквалификации компания доплачивает взносы и НДФЛ.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы. Наблюдается тенденция к расширительному толкованию понятия «место работы». Суды признают за работодателем право контролировать территориальные перемещения, если это влияет на исполнение функции, но требуют учета жизненных интересов работника. Суды распространяют общие гарантии на дистанционных работников: соблюдение процедуры дисциплинарных взысканий, недопустимость изменения условий без согласия. При фактическом сложении отношений без оформления суды исходят из сложившейся практики.

Дальнейшее развитие должно идти по пути дифференциации. Необходимо урегулировать вопрос о территории выполнения работы, установить критерии изменения условий по инициативе работодателя, уточнить соотношение понятий «место работы», «рабочее место», «местность выполнения функции». Важно разработать механизмы баланса интересов при использовании

---

[12] Законопроект № 973264-7 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 04.03.2026).

мессенджеров: указывать в договоре официальные каналы связи, порядок обмена сообщениями, периоды обязательной связи.

Трансформация условий трудового договора — сложный процесс. Российская правовая система постепенно вырабатывает ответы на вызовы цифровой экономики. Пробелы требуют совершенствования законодательства для баланса между гибкостью и стабильностью прав работников. Судебная практика и инициативы последних лет свидетельствуют о движении в верном направлении, но окончательное становление института потребует еще значительных усилий.

Ответственное трудоустройство несовершеннолетних: проблемы и перспективы

Федотова Екатерина Геннадьевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуется феномен ответственного трудоустройства несовершеннолетних в современной России. Анализируется действующее законодательство, состояние рынка труда, а также проблемы, которые возникают при реализации трудовых прав лиц в возрасте от 14 до 18 лет.

Ключевые слова: трудоустройство, несовершеннолетние, трудовые отношения, квотирование, ограничения, стратегия ответственного трудоустройства.

Трудоустройство несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет олицетворяет фундаментальный институт социализации молодежи, развития профессионального потенциала и обеспечения их экономической самостоятельности. По данным Hh.ru, в 2025 году спрос на трудоустройство среди подростков вырос на 16%, достигнув более 1,2 миллионов несовершеннолетних. Число работодателей, желающих нанять подростков, также увеличилось на 12% по сравнению с 2023 годом[1].

Эта тенденция обусловлена рядом факторов: нехваткой кадров на рынке труда, ростом заработной платы, упрощением процедур трудоустройства, а также изменением социальных настроений среди молодых людей, стремящихся к скорейшей финансовой независимости. Однако массовое вовлечение несовершеннолетних в трудовые отношения порождает ряд серьезных проблем, требующих научного осмысления и практических решений. Сейчас важно учесть и проанализировать текущее состояние правового регулирования труда

[1] См.: Строителева М. Кадры и резерв: более миллиона подростков вышли на рынок труда в 2025-м // URL: https: // iz.ru/2030068/mariia-stroiteleva/kadry-i-rezerv-bolee-milliona-kov-vyshl (дата обращения: 01.03.2026).

несовершеннолетних, выявить основные проблемы ответственного трудоустройства и наметить перспективные направления для их решения.

Обратимся к современному законодательству Российской Федерации. Согласно ст. 63 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), по общему правилу, трудовой договор может быть заключен с лицами, достигшими шестнадцатилетнего возраста. С пятнадцатилетнего возраста может быть заключен контракт на выполнение легких работ в свободное от учебы время или после получения основного общего образования. С возраста четырнадцати лет требуется письменное согласие одного из родителей[2].

В последние годы произошли значимые изменения в трудовом законодательстве в сфере регулирования трудоустройства граждан от 14 до 18 лет. Так, сейчас достаточно согласия одного из родителей для официального приема на работу, так как было отменено положение о требовании получения согласия органов опеки и попечительства для заключения трудового договора с подростком. Но данное положение не распространяется на процесс трудоустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Им для заключения трудового договора всё также требуется согласие органа опеки и попечительства или иного законного представителя[3].

С 1 сентября 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 7 апреля 2025 года № 63-ФЗ «О внесении изменения в ст. 268 Трудового кодекса Российской Федерации»[4], в соответствии с которым работодатели имеют право привлекать лиц в возрасте от 14 до 18 лет к работе в нерабочие праздничные дни и выходные во время летних каникул по указанию органов службы занятости или в составе студенческих отрядов, включенных в реестр детских и молодежных объединений, поддерживаемых государством. Но важно учесть, что это возможно только в случае получения письменного согласия работника,

---

[2] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026). – Текст: электронный // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/documen (дата обращения: 09.03.2026).

[3] Упростили порядок трудоустройства несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет // URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/80668.html (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Собрание законодательства РФ. 2025. № 15. Ст. 1789.

если он достиг пятнадцати лет, работника и одного из его родителей (опекуна) в случае, если работник не достиг возраста 15 лет или работника и органа опеки и попечительства или другого законного представителя несовершеннолетнего, указанного в ч. 4 ст. 63 Трудового кодекса РФ[5]. Если вышеперечисленные условия не выполняются, то по общему правилу работников в возрасте до восемнадцати лет запрещено направлять в служебные командировки, привлекать к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни.

Изменениями, внесенными в Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»[6], устанавливаются следующие положения: «отдельные виды работ (профессии) могут быть зарезервированы за лицами, не достигшими 18-летнего возраста, для трудоустройства граждан, особо нуждающихся в социальной защите, или может быть определено количество работников для них места для трудоустройства. В то же время не исключена возможность регулирования вопросов квотирования рабочих мест для несовершеннолетних работников в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации»[7].

Чем больше несовершеннолетних выходит на рынок труда, тем больше проблем и лакун выявляется. Начнем с того, что в неформальном секторе риск эксплуатации труда несовершеннолетних сохраняется. Независимо от упрощения процедур официального трудоустройства, многие работодатели всё также предпочитают «серые» или «теневые» схемы, позволяющие им не соблюдать налоговое законодательство и трудовых гарантий. Подростки часто соглашаются на такие условия из–за своей низкой юридической грамотности, при этом не осознавая дальнейших последствий, а именно отсутствия

---

[5] Установлена возможность привлечения к работе лиц в возрасте от 14 до 18 лет в выходные и нерабочие праздничные дни в период летних каникул URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/88858.html (дата обращения: 01.03.2026).

[6] Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

[7] Федеральный закон от 04.11.2025 № 408-ФЗ «О внесении изменения в статью 11 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 45. Ст. 6718.

страхового стажа, социального страхования и гарантий заработной платы[8].

Возникает вопрос о соответствии определенных видов работ возрастным особенностям несовершеннолетних. Как верно отмечает И.Г. Фруслов, «подростковый возраст характеризуется повышенной эмоциональной чувствительностью»[9], а также в данный период организм ребенка перестраивается, растет, очень важно наблюдать за здоровьем несовершеннолетнего. Поэтому необходимо ограничить трудоустройство несовершеннолетних на вредные производства, способные помешать развитию подростка.

Существует проблема контроля за соблюдением норм рабочего времени. При неформальной занятости или частично оформленных отношениях работодатели часто игнорируют требования о сокращении продолжительности рабочего дня, что может привести к переутомлению подростков и негативно сказаться на них.

Чтобы защитить, обезопасить несовершеннолетнего работника и доказать де-факто отработанное время необходимо собрать следующие доказательства: трудовой договор, график режима рабочего времени, табель учета рабочего времени, расчетные листки, документальные и электронные средства учета рабочего времени, а также иные доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости, предусмотренным статьями 59 и 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[10].

К сожалению, подростки редко сохраняют документальные подтверждения своей работы, ввиду этого в ход идут доказательства, такие как переписка в мессенджерах, фотографии с работы (например, в фирменной

---

[8] См.: Исипова Л.Р. Правовая безграмотность подрастающего поколения и пути решения данной проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 3. С.21.

[9] Фруслов И.Г. Современные вызовы и перспективы развития политико-правовых аспектов трудоустройства несовершеннолетних // Вестник экономики и права. 2025. № 100. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-vyzovy-i-perspektivy-razvitiya-politiko-pravovyh-aspektov-trudoustroystva-nesovershennoletnih (дата обращения: 02.03.2026).

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // Российская газета. 2014. № 27.

одежде), показания свидетелей. Так, например, решением Ленинского районного суда г. Ульяновска были доказаны трудовые отношения между несовершеннолетней (истец) и индивидуальным предпринимателем (ответчик) с помощью вышеперечисленных доказательств, а также графика смен и анкеты[11]. Этот пример показывает острую необходимость в правовом обучении подростков и контроля за деятельностью работодателей.

Серьезным препятствием на пути к ответственному трудоустройству является недостаточная эффективность контрольно-надзорных механизмов. Государственная инспекция труда и прокуратура не всегда могут своевременно выявлять нарушения прав несовершеннолетних работников[12], особенно сложно это сделать в сфере малого бизнеса и интернет-занятости. Чтобы предотвратить развитие вышеперечисленных проблем, популяризировать ответственное отношения к трудоустройству несовершеннолетних среди работодателей и предоставление работодателям инструментов для самооценки и аудита, Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка была презентована стратегия «Ответственного трудоустройства подростков», согласно которой выделяется пять основных стандарта – профориентация, информированность, безопасность, законность, индивидуальный подход и инклюзивность[13]. Наряду с этим Министерство труда РФ разработало методические рекомендации по организации трудовой деятельности несовершеннолетних, подготовленные в соответствии с Планом мероприятий по реализации долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года[14]. Данный нормативно-

---

[11] Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 02.08.2023 по делу № 2-3324/2023 // sudact.ru (дата обращения: 07.03.2026).

[12] См. по этому вопросу: Усов А.Ю., Нестерова Н.А. О роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних // Политика и общество. 2024. № 4 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli (дата обращения: 03.03.2026).

[13] Стандарт ответственного трудоустройства несовершеннолетних: рекомендован Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. Официальный сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка // URL: https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/272 (дата обращения: 04.03.2026).

[14] Письмо Минтруда России от 22.05.2025 № 14-6/10/В-8758 «О направлении Методических рекомендаций исполнительным органам субъектов Российской Федерации и работодателям по организации трудовой деятельности несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время» // URL:

правовой акт носит рекомендательный характер и дает возможность регионам самостоятельно определять перечень профессий и видов работ с учетом их специфики, основываясь на единых методологических подходах.

Таким образом, ответственное трудоустройство несовершеннолетних – это совокупность разнопрофильных задач, которые стоят перед государством, работодателями и самими подростками. С одной стороны, ранняя трудовая социализация способствует формированию ответственности и приобретению профессиональных навыков, впрочем, с другой стороны, подростки остаются наиболее уязвимой категорией работников, нуждающейся в особой защите.

Тем не менее проблемы по-прежнему сохраняются, но развитие ответственной занятости не стоит на месте. Одной из основных целей является установление баланса между доступностью рабочих мест для подростков и надежной защитой их прав, здоровья и интересов. Достижение положительного результата докажет потенциал ранней трудовой социализации без ущерба для будущего подрастающего поколения.

---

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506262/ (дата обращения: 04.03.2026).

Современные вызовы и проблемы реализации трудовых прав и обязанностей работника

Щепин Роман Евгеньевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается проблемы дисбаланса интересов работника и работодателя в современных трудовых правоотношениях. Особое внимание уделяется анализу причин и последствий нарушения порядка оформления трудовых отношений. На примерах судебной практики демонстрируются сложности, с которыми сталкиваются работники при попытке защитить свои права в судебном порядке в отсутствие письменного трудового договора. В заключении формулируются конкретные предложения по преодолению сложившегося дисбаланса.

Ключевые слова: трудовые правоотношения, трудовой договор, неформальная занятость, работник, работодатель, баланс интересов, защита трудовых прав, неоформленные трудовые отношения.

Сегодня трудовое право традиционно исследуется как инструмент балансирования интересов работника и работодателя. Однако в последние годы можно заметить увеличивающийся дисбаланс между данными сторонами трудовых правоотношений. С одной стороны законодателем утверждается путь на расширение гарантий и свобод работника, а с другой стороны – действующая судебная практика показывает шаткость данных гарантий под влиянием социальных, политических и экономических факторов.

В соответствии с ч. 2 ст. 20 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) работником признается физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем[1]. Вместе с тем работник наделяется особым перечнем прав и обязанностей, которые находят свое отражение в ТК

[1] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2025) // Российская газета. 2001. № 256.

РФ. Весь этот перечень изложен в ст. 21 ТК РФ.

В настоящее время можно отметить тенденцию увеличения числа лиц, которые осуществляют трудовую деятельность без заключения трудового договора. Данная ситуация приводит к определенным проблемам в сфере защиты прав, так как такому работнику достаточно сложно доказать факт наличия трудовых отношений[2].

К примеру, из апелляционного определения Московского городского суда от 8 июля 2025 года № 33-30633/2025 усматривается, что гражданин М. обратился в суд с иском к организации, в котором просил установить факт трудовых отношений, обязать работодателя оформить трудовой договор в письменной форме, взыскать средний заработок за время вынужденного прогула, заработную плату за работу за пределами нормальной продолжительности рабочего времени, в выходные и праздничные дни, компенсацию морального вреда[3].

В обоснование заявленных требований указал, что трудоустроился в организацию и проработал в должности охранника-консьержа с графиком работы 16/8 часов (16 часов работы, 8 часов отдыха) вахтовым методом. Трудовые отношение между истцом и работодателем не были оформлены надлежащим образом, хотя до работы истец был допущен начальником объекта. У истца были дни отдыха, после чего ему сообщили, что работником организации он больше не является, на требование предоставить справку об отработанном времени, официальном трудоустройстве, выплате заработной платы, он получил отрицательный ответ с той же ссылкой на отсутствие трудовых отношений, с приказом об увольнении истца не ознакомили, расчет не произвели. Посредством почты он направил претензию с требованием выдать справку о работе, внести запись о работе в трудовую книжку, выплатить

---

[2] См.: Яковенко Н.А., Лопатин Д.О. Государственные гарантии повышения заработной платы как основного способа стимулирования труда персонала // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. № 2 (56). 2023. С. 183.

[3] Апелляционное определение Московского городского суда от 08.07.2025 № 33-30633/2025 // https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/5c1a6950-4c1e0-9784-59dc75637881 (дата обращения: 02.03.2026).

задолженность по заработной плате, однако, на данную претензию ответа не было получено. Истец полагает, что ответчиком нарушены его трудовые права, в связи с чем обратился в суд за защитой нарушенных прав.

В результате судебного разбирательства гражданину было отказано в его исковых требованиях, так как он не смог предоставить, по мнению суда, должные доказательства наличия трудовых отношений. Говоря о доказательствах, которыми может располагать работник для защиты своих прав, нужно сказать, что аудиозапись в данных спорах играет определенную роль.

Согласно позиции, сформулированной определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 декабря 2016 года № 35-КГ16-18, допускается использование в качестве доказательства аудиозаписи, сделанной одним из участников разговора и касающейся трудовых отношений без предупреждения второй стороны. Однако суды зачастую отказывают в ее принятии не из-за самого факта тайной записи, а по формальным процессуальным основания: отсутствуют точные сведения; отсутствует расшифровка; предоставление записи в ненадлежащем виде (копия без подтверждения подлинности); судья считает другие доказательства достаточными и не видит необходимости в аудиозаписи.

К примеру, в апелляционном определении Красноярского краевого суда от 7 августа 2024 года № 33-9296/2024 указывается, что гражданин Д. обратился в суд с иском к работодателю о защите трудовых прав, взыскании денежных средств, денежной компенсации морального вреда[4].

Свои требования он мотивировал тем, между ним и организацией был заключен срочный трудовой договор с совместителем, в соответствии с которым ему была предоставлена работа в рамках проекта. Переговоры по проекту вел его знакомый, который и привлек его к работе над проектом. За период работы ответчик выплатил ему заработную плату не в полном объеме. По просьбе своего знакомого он подписал заявление на отпуск без сохранения заработной

---

[4] Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 07.08.2024 по делу № 33-9296/2024 // https://kraevoy-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name (дата обращения: 02.03.2026).

платы, заявление об увольнении, ознакомление с уведомлением об истечении срока договора. При этом фактически он осуществлял работу над проектом, участвовал в рабочих чатах и после подписания данных заявлений. В этой связи он (с учетом уточнений) просил суд взыскать с ответчика в его пользу невыплаченную заработную и компенсации.

В его апелляционной жалобе было отказано, так как доводы стороны истца о том, что с ответчиком был устно согласован иной размер оплаты его труда судом не были приняты во внимание, поскольку доказательствами, отвечающими требованиям относимости и допустимости, эти доводы не подтверждены.

При этом суд первой инстанции по мнению суда апелляционной инстанции обоснованно признал недопустимым доказательством произведенную истцом аудиозапись разговора с генеральным директором, поскольку доказательств законности получения данной аудиозаписи истцом не представлено.

Таким образом, с учетом всего вышеописанного можно заключить, что в настоящее время в сфере трудовых правоотношений имеется дисбаланс возможности осуществления прав и законных интересов между работником и работодателем.

Этот дисбаланс обуславливается, прежде всего, политическим, социальным и экономическим давлением на работника, в связи с чем он вынужден соглашаться на трудоустройство без заключения трудового договора, что автоматически изначально ставит его в неравное правовое положение с работодателем. Дисбаланс возникает вследствие судебной практики по непринятию аудиозаписи как доказательства, что в значительной мере препятствует возможности работника защитить свои законные права и интересы в судебном порядке.

В этой связи, возможно предусмотреть принятие конкретных мер, для решения вышеуказанных проблем. Во-первых, необходимо снизить финансовую нагрузку на работодателя. Например, этого можно добиться за счет введения

новых льгот для предпринимателей, а также посредством расширения числа программ поддержки малого бизнеса.

Во-вторых, необходимо совершенствовать судебную практику, с целью уравнивания процессуального положения работника и работодателя.

В случае наличия потребности у работника в судебной защите своих прав должны отсутствовать существующие ограничения в доказывании факта нарушения этого права.

Современное состояние трудового законодательства в России отражает сложные социально-экономические процессы, происходящие в стране. Основными источниками нормативно-правового регулирования трудовых отношений являются Трудовой кодекс Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, а также коллективные договоры и соглашения.

В последние годы в России были внесены изменения в трудовое законодательство, направленные на улучшение условий труда и защиту прав работников. В числе ключевых изменений можно выделить ужесточение ответственности работодателей за нарушения трудового законодательства, расширение прав работников на дистанционную работу, а также увеличение гарантий для сотрудников в случае массовых сокращений.

В перспективе развития трудового законодательства в России возможно дальнейшее усовершенствование норм и положений, направленных на создание благоприятной инвестиционной среды, стимулирование развития предпринимательства и повышение уровня социальной защиты трудящихся. Важным направлением может стать усиление механизмов контроля за соблюдением трудового законодательства и улучшение механизмов урегулирования трудовых споров.

Однако следует учитывать, что вопросы трудового законодательства всегда остаются актуальными и требуют постоянного анализа и совершенствования в соответствии с изменяющейся экономической и социальной ситуацией.

Важно совершенствовать механизмы социального партнерства и диалога между работодателями, работниками и государством для достижения согласия по вопросам трудовых отношений, коллективного договора и регулирования конфликтов интересов. Поддержка и развитие институтов профсоюзов и работодателей также могут способствовать урегулированию социально-трудовых конфликтов и улучшению условий труда.

В целом, дальнейшее развитие трудового законодательства в России должно быть направлено на создание справедливой и устойчивой системы трудовых отношений, обеспечивающей равные возможности для всех участников рынка труда, улучшение условий труда, защиту прав работников и создание благоприятной рабочей среды.

Для обеспечения эффективной защиты прав работников и работодателей, а также установления честных и прозрачных трудовых отношений, важно совершенствовать механизмы реализации норм трудового законодательства через контроль со стороны государственных органов. Проведение регулярных проверок работодателей на соблюдение трудового законодательства является важным инструментом для предотвращения нарушений и защиты интересов работников.

Кроме того, необходимо уделять внимание вопросам социальной защиты работников, обеспечивая им достойные условия труда, социальные гарантии и стимулируя развитие их профессиональных навыков. Повышение уровня социальной защищенности работников способствует улучшению их трудовой мотивации, повышению производительности труда и созданию благоприятной атмосферы в организации.

Особое внимание следует уделять соблюдению принципов равных возможностей и недопущению дискриминации на рабочем месте, что является важным аспектом гармоничных трудовых отношений. Развитие культуры уважения к различиям среди работников способствует созданию дружественной и продуктивной рабочей среды.

Основные принципы трудового законодательства должны быть

ориентированы на защиту прав и интересов работников, создание условий для развития экономики и социальной стабильности, а также обеспечение равных возможностей для всех участников трудовых отношений[5]. Важно, чтобы трудовое законодательство соответствовало вызовам современного общества и способствовало достижению гармонии между интересами работников и работодателей.

Современное состояние трудового законодательства в России характеризуется постоянным обновлением и изменением. Основные направления развития связаны с усовершенствованием норм, регулирующих трудовые отношения и защиту прав работников. Это включает вопросы, связанные с охраной труда, справедливой оплатой труда, социальными гарантиями и обеспечением трудовых прав. В перспективе, развитие трудового законодательства должно быть направлено на дальнейшую гармонизацию с международными нормами и стандартами, расширение сферы применения гибких форм занятости, внедрение новых технологий и подходов к организации труда. Кроме того, должны быть приняты дополнительные меры по защите прав и интересов работников, особенно в сфере охраны труда и социального обеспечения.

Однако стоит отметить, что такие тенденции могут быть скорректированы из-за влияния экономических факторов, изменений в политической обстановке и общественного мнения. В связи с этим перед принятием новых законов и нормативных актов необходимо проводить тщательное исследование и анализ возможных последствий.

---

[5] См.: Черепанцева Ю.С., Симаева Е.М. Стимулирующие и компенсационные выплаты в системе заработной платы медицинских работников: проблемные аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2023. № 4 (58). С.101.

Прекращение трудового договора по инициативе работника в период отпуска или временной нетрудоспособности: правовые особенности и судебная практика

Щепина Елизавета Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается правовая природа трудового договора и проблема прекращения трудовых отношений в период временной нетрудоспособности или отпуска работника, а также правовые сложности, связанные с исчислением срока предупреждения, возможностью отзыва заявления.

Ключевые слова: трудовой договор, трудовая функция, расторжение трудового договора, увольнение по собственному желанию, свобода труда.

Трудовой договор представляет собой двустороннее соглашение, согласно которому работодатель обязуется обеспечить работнику выполнение трудовой функции по указанной должности, создать условия труда, соответствующие требованиям Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)[1], а также локальным нормативным актам, и своевременно в полном объеме выплачивать заработную плату. А работник, в свою очередь, берет на себя обязательство лично исполнять трудовые обязанности, с соблюдением правил внутреннего трудового распорядка и подчиняться контролю со стороны работодателя.

Указанное определение затрагивает взаимные обязанности участников трудовых отношений, подлежащих обязательному исполнению. В связи с этим необходимо учитывать положения ст. 15 ТК РФ, согласно которой трудовые правоотношения определяются как отношения, основанные на соглашении между работодателем и работником о личном выполнении последним трудовой

[1] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2025) // Российская газета. 2001. № 256.

функции за плату. В свою очередь, под трудовой функцией понимается трудовая деятельность в рамках конкретной должности в соответствии со штатным расписанием, профессией либо видом поручаемой работы.

Учитывая, что данное положение является ключевым для сущности трудового договора, представляется целесообразным дополнить ст. 56 ТК РФ прямым указанием на содержание трудовой функции.

В соответствии с трудовым законодательством работник вправе расторгнуть трудовой договор по собственному желанию. Статья 37 Конституции Российской Федерации провозглашает свободу труда: каждый может самостоятельно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а принудительный труд в Российской Федерации запрещен[2].

В настоящее время вопрос особую значимость приобретает проблема прекращения трудовых отношений по инициативе работника в период отпуска или временной нетрудоспособности, поскольку она затрагивает баланс интересов обеих сторон.

Конституционно закрепленная свобода труда (ст. 37 Конституции РФ) позволяет работнику в одностороннем порядке прекратить трудовые отношения. Вместе с тем, реализация этого права во время временного освобождения от работы порождает ряд правовых вопросов: о течении срока предупреждения работодателя о предстоящем увольнении, возможности отзыва заявления, а также о выплате пособия по временной нетрудоспособности.

В рамках рассмотрения вышеуказанных правовых нюансов стоит коснуться института отзыва заявления об увольнении, предусмотренному ч. 4 ст. 80 ТК РФ. Согласно данной норме, работник вправе отозвать заявление об увольнении до окончания срока предупреждения, за исключением случаев, когда на его место уже приглашен в письменной форме другой кандидат, которому работодатель не вправе отказать в заключении трудового договора.

---

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237; 2020. № 144.

Взаимодействие нормы ст. 80 ТК РФ со ст. 127 ТК РФ, регулирующей реализацию права на отпуск при увольнении, создает дополнительные правовые нюансы. Работник может запросить предоставление неиспользованного отпуска с последующим увольнением, при этом днем увольнения считается последний день отпуска. Однако если заявление подано уже в период отпуска без просьбы о его предоставлении, работодатель не обязан продлевать отпуск до даты увольнения.

Особого внимания требует ситуация, когда срок предупреждения истекает во время отпуска или отпуск заканчивается ранее даты увольнения. В первом случае увольнение производится в указанную в заявлении дату, даже если она приходится на отпуск. Во втором – работник обязан выйти на работу для завершения отработки, если стороны не достигли соглашения об ином. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»[3] разъясняет, что гарантии, предусмотренные ч. 6 ст. 81 ТК РФ, применяются исключительно к увольнению по инициативе работодателя и не распространяются на случаи расторжения договора по волеизъявлению работника.

Переход к анализу прекращения трудового договора в период временной нетрудоспособности выявляет аналогичную логику правового регулирования. В ч. 6 ст. 81 ТК РФ установлен запрет на увольнение работника по инициативе работодателя в период временной нетрудоспособности, за исключением ликвидации организации. Однако данная гарантия не затрагивает случаи увольнения по инициативе самого работника. Работник вправе подать заявление об увольнении, находясь на больничном листе, и срок предупреждения начинает течь в обычном порядке.

Правоприменительная практика подтверждает возможность увольнения в дату, приходящуюся на период нетрудоспособности. Если работник заболел в период сока предупреждения об увольнении, срок не приостанавливается и не

[3] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

продлевается. При этом работодатель обязан произвести окончательный расчет и выдать трудовую книжку в день увольнения, даже если работник отсутствует по болезни.

Дополнительным нюансом является выплата пособия по временной нетрудоспособности после увольнения. Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2006 года № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»[4] бывший работник сохраняет право на пособие, если нетрудоспособность наступила в течение тридцати календарных дней после прекращения трудового договора[5]. Данная норма обеспечивает социальную защиту работника, увольняющегося в период болезни, и предотвращает злоупотребления со стороны работодателя.

Однако спорные ситуации могут возникнуть при попытке работодателя отказать в расторжении трудового договора, ссылаясь на отсутствие работника или невозможность соблюдения процедур[6]. В качестве примера можно привести судебное разбирательство по гражданскому делу № 2-148/2025, рассмотренное Кировским районным судом г. Саратова[7]. Гражданка обратилась в суд с исковым заявлением к жилищному строительному кооперативу (далее – ЖСК) о защите трудовых прав. Между истцом и ЖСК был заключен трудовой договор о выполнении обязанностей главного бухгалтера организации и по совместительству – кассира.

Находясь в очередном отпуске, работник написала заявление об увольнении по собственному желанию, направив его в ЖСК. Через три дня после написания заявления она ушла на больничный. Дважды посредством электронной почты она уведомляла председателя ЖСК о необходимости

---

[4] Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 18.

[5] Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (с изм. и доп. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 51 (ч. 1). Ст. 18.

[6] См., например: Яковенко Н.А. Особенности правового регулирования труда работников в нестандартных формах занятости. Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 15.

[7] Решение Кировского районного суд г. Саратова от 12.03.2025 № 2-148/2025 // https://kirovskysar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=263361036&case_uid=797b8a56-a5b3-4a20-88a3-66dd9aec (дата обращения: 02.03.2026).

произвести полный расчет с просьбой выслать документы ценным письмом по ее адресу. До судебного заседания расчет истцу не выплачен, документы, связанные с трудовой деятельностью, не предоставлены.

Позднее работник через справочно-информационный интернет-портал «Госуслуги» обнаружила сведения об увольнении по инициативе работодателя по двум основаниям: 1) подп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ – за однократное грубое нарушение (прогул); 2) п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ – утрата доверия в связи с совершением виновных действий при обслуживании денежных или товарных ценностей.

На основании изложенного, истец просила суд признать увольнение незаконным; отменить приказы работодателя в связи с нарушением трудового законодательства; восстановить на работе в ЖСК на занимаемых ранее должностях с последующим увольнением по собственному желанию с выплатой: среднего заработка каждой занимаемой должности, компенсации за неиспользованный отпуск, денежных средств по больничному листу.

В результате рассмотрения данного дела суд установил, что в соответствии со ст. 81 ТК РФ увольнение работника по инициативе работодателя в период его временной нетрудоспособности, а также в период пребывания в отпуске не допускается.

Трудовой договор, будучи соглашением о личном выполнении работником определенной трудовой функции за плату, предполагает баланс прав и обязанностей сторон, в котором ключевое место занимает свобода труда, закрепленная ст. 37 Конституции РФ. Право работника в любой момент прекратить трудовые отношения по собственной инициативе выступает важнейшим проявлением этой свободы и не может быть ограничено ни нахождением в отпуске, ни временной нетрудоспособностью. При этом срок предупреждения об увольнении в таких случаях не приостанавливается и не продлевается, а работодатель обязан произвести окончательный расчет и выдать документы в день, указанный в заявлении работника, либо ранее - по взаимной договоренности.

Анализ правоприменительной практики, в частности рассмотренных судебных споров, демонстрирует, основные затруднения возникают не вследствие самого факта подачи заявления в период временного отсутствия, а из-за попыток работодателя использовать в эти же периоды запрещенные законом основания расторжения договора. Запрет, установленный ч. 6 ст. 81 ТК РФ, распространяется исключительно на увольнение по инициативе работодателя и не затрагивает случаев, когда прекращение трудовых отношений происходит по воле самого работника[8].

Таким образом, действующее законодательство гарантирует работнику беспрепятственную реализацию конституционного права на свободное распоряжение трудовыми способностями даже в периоды временного отсутствия на работе. Одновременно оно защищает работодателя от возможных злоупотреблений, предоставляя ему инструменты для своевременного оформления увольнения и исключения необоснованных задержек с расчетами. Сохранение и укрепление этого баланса остается важной задачей как правоприменительной практики, так и дальнейшего совершенствования трудового законодательства.

[8] См.: Яковенко Н.А. Федеральное и региональное трудовое законодательство о правовых гарантиях размера оплаты труда // Кадровик. 2023. № 6. С. 70.

Управление персоналом через документы: вопросы документирования трудовых отношений

Якушев Максим Игоревич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы документационного оформления трудовых отношений как фундаментальной основы управления персоналом. Автором определяется специфика процессов оформления документов при приеме на работу, процедура документирования трудовых отношений и выявляются их характерные черты. Сформулирован понятийный аппарат, раскрывающий сущность данных процессов.

Ключевые слова: управление персоналом, трудовые отношения, прием на работу, документирование трудовых отношений.

Любое решение работодателя в сфере управления персоналом (прием на работу, перевод, увольнение) имеет юридическую силу, только тогда, когда оно правильно задокументировано. Документы сегодня превратились в ключевой элемент правовой сферы организации, инструмент фиксации управленческих решений и главный носитель доказательной базы в трудовых спорах. Эффективность работы с персоналом напрямую зависит от того, насколько грамотно выстроена система документирования трудовых отношений.

Рассматривая вопросы придания трудовым отношениям юридической силы, традиционно используются такие термины, как «прием на работу» и «заключение трудового договора». В ст. 68 Трудового кодекса РФ закрепляется, что прием на работу оформляется трудовым договором. Работодатель вправе издать на основании заключенного трудового договора приказ (распоряжение) о приеме на работу. Содержание приказа (распоряжения) работодателя должно соответствовать условиям заключенного трудового договора[1].

[1] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2025. № 52 (ч. 1). Ст. 8297.

Следуя логике законодателя, «принять на работу» означает совершение юридического действия, в результате которого между работником и работодателем возникают трудовые отношения. А, как известно, основанием возникновения трудового отношения ст. 16 ТК РФ признает заключение трудового договора. Тем самым это не просто указывает на факт начала работы. С юридической точки зрения, это сложный состав, включающий такие элементы, как достижение договоренности сторон о характере будущей работы, непосредственное допущение к работе. Кроме того, работодатель вправе издать и распорядительный документ (приказ или распоряжение), подтверждающий достижение договоренностей между сторонами трудового договора.

Помимо сугубо юридической стороны, характеризующейся договоренностью, прием на работу сопровождается документальным оформлением. Это обязательное требование выражается в фиксации всех достигнутых договоренностей в письменной форме. Ст. 67 ТК РФ прямо указывает на письменную форму трудового договора, необходимость составления его в двух экземплярах (для каждой стороны), проставление заверительной записи работником о получении своего экземпляра на руки.

Что касается издания приказа (распоряжения) о приеме на работу, то его содержание должно строго соответствовать условиям подписанного трудового договора (ст. 68 ТК РФ).

Фактический допуск к работе можно признать некоторым исключением из жестких правил документирования, поскольку будущий работник приступает к работе ранее, чем с ним заключен трудовой договор. Но это не нарушает общего требования о документировании отношений - с работодателя не снимается обязанность оформить письменный трудовой договор, он это должен сделать не позднее трех рабочих дней с момента фактического допущения работника к работе (ч. 2 ст. 67 ТК РФ).

С практической точки зрения, прием на работу представляет собой действия работодателя (либо уполномоченного им работника) по проверке документов, предъявляемых при трудоустройстве, оформления трудового

договора, ознакомление соискателя с действующими у работодателя локальными нормативными актами, подписание трудового договора и приказа о приеме на работу. Кроме того, к этой процедуре будет относиться внесение записей в трудовую книжку или сведений о трудовой деятельности в электронном виде и оформление личной карточки или личного дела работника, если работодатель их ведет.

Анализ соответствующих положений ТК РФ (глава 10-11) позволяет выделить следующие признаки процедуры приема на работу. Это урегулированность законом, при этом регулирование осуществляется как на законодательном уровне, так и на локальном; двусторонний характер, что означает добровольное волеизъявление сторон; юридические последствия, которые связаны с возникновением трудового правоотношения; оформление документов, что непосредственно является обязанностями работодателя; допуск к работе.

Опираясь на вышеизложенное, под приемом на работу можно понимать урегулированную трудовым законодательством процедуру, в ходе которой работодатель и кандидат на вакантную должность совершают юридически значимые действия, направленные на возникновение трудовых правоотношений, завершающуюся официальным документальным закреплением статуса работника и допуском его к исполнению трудовой функции.

Одним из наиболее сложных вопросов правоприменения в осуществляемых работодателем действиях, признается документирование трудовых отношений. Нельзя не отметить, что это важный этап, так как правильное оформление документов гарантирует прозрачность трудовых отношений, укрепляет доверие и партнерство между работником и работодателем.

В юридическом смысле документирование представляет собой обязательную процедуру перевода фактических отношений в правовое поле. Документы служат доказательством наличия трудового стажа, согласия сторон на условия работы и основанием для начисления заработной платы и иных

выплат, полагающихся работнику. Отсутствие документов для работника может стать проблемой доказывания факта возникших трудовых отношений, а для работодателя - основанием для привлечения к ответственности (ст. 5.27 КоАП РФ[2], ст. 122 НК РФ[3], ст. 198 УК РФ[4]).

С позиций управления кадрами, этот процесс представляет собой систему учета. Правильное и своевременное оформление трудовых отношений позволяет руководителю сформировать четкую иерархическую структуру организации, правомерно требовать от работников исполнения трудовых обязанностей, эффективно планировать и распределять производственные процессы и фонд оплаты труда.

Технологические аспекты документирования трудовых отношений всегда определяются последовательными действиями. К ним относятся сбор документов от работника, создание распорядительных документов о трудовой деятельности, фиксация информации в учетных формах и организация хранения.

Нельзя не отметить тот факт, что распространение цифровых и информационных технологий внесло свои коррективы и в процесс оформления трудовых отношений. Согласно ст., ст. 22.1-22.3 ТК РФ ведение документов, связанных с работой, возможно в электронном виде без дублирования на бумажном носителе. Однако, несмотря на перспективность использования современных технологий, развитие электронного документооборота пока еще весьма проблематично. И прежде всего, потому что работодатель вынужден дублировать электронные документы в «бумажном» виде. Так, есть ряд документов, которые запрещено оформлять электронно (акт о несчастном случае на производстве, приказы об увольнении и др.). Требуется серьезная проработка локального нормотворчества в части определения, например, момента получения электронного документа работником. Нельзя исключать и

---

[2] Кодекс об административных правонарушениях РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; Российская газета. 2026. № 42.

[3] Налоговый кодекс РФ (ч. 1) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2025. - № 48 (ч. 1). Ст. 7236.

[4] Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025. № 30 (ч. 1). Ст. 4367.

человеческий фактор, который может быть связан с получением электронной цифровой подписи, оспариванием ее использования именно работником, уровнем цифровой грамотности работника и т. п.

Несмотря на ряд сложностей, а также различия по формату, процесс документирования обладает определенными признаками. К их числу, на наш взгляд, относятся обязательность (работодатель обозначен в трудовом законодательстве обязанным вести документацию субъектом), унификация по определенным работодателем стандартам (использование типовых, унифицированных форм, информационных систем), своевременность (сроки подписания, ознакомления с документами) и юридическая сила документов.

Проведенный анализ процедуры оформления соответствующих документов и приема на работу, позволяет следующим образом определить документирование трудовых отношений. На наш взгляд, это строго регламентированный процесс создания, оформления, учета и хранения документов, которые фиксируют факт возникновения, изменения и прекращения трудовых отношений между работником и работодателем.

Документирование трудовых отношений можно назвать переводом человеческого труда в официальные документы. Это правовой фундамент, на котором строятся все последующие отношения между работником и работодателем. Качественное документирование минимизирует риски трудовых споров, обеспечивает законность начисления стажа и заработной платы, а также создает прозрачную систему кадрового учета, отвечающую требованиям современного законодательства.

Секция 5. «Предпринимательское право, как инструмент достижения национальных целей развития: вызовы и перспективы»

Понятие и система антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности.

Бисалиева Дана Булатовна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье анализируются понятие и система антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности. Автор описывает прямые и косвенные, количественные и качественные ограничения. Прямые ограничения устанавливаются прямо в законе и предусматривают конкретные требования к поведению участников рынка. Косвенные ограничения возникают вследствие обстоятельств и фактов, имеющих экономический смысл и значение для эффективности и справедливости конкуренции.

Ключевые слова: антимонопольные ограничения, предпринимательская деятельность, конкурентное право, доминирующее положение на рынке, картельные соглашения, прямые и косвенные ограничения, количественные и качественные ограничения.

Антимонопольные ограничения выступают значимым инструментом правового регулирования рыночной экономики. Их задача — обеспечить условия для свободной конкуренции, не допустить злоупотреблений со стороны хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение, а также защитить права и интересы потребителей.

Государственно-правовые механизмы выступают инструментом эффективного регулирования рыночных отношений. Они создают условия для устойчивого экономического развития и гарантируют равные возможности всем участникам предпринимательской деятельности.

Основой правовой базы российского антимонопольного регулирования служит Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Этот документ определяет основные цели и задачи антимонопольной службы, полномочия федеральных и региональных органов надзора, порядок выявления и устранения нарушений антимонопольного законодательства[1].

Закон предусматривает санкции за злоупотребления доминирующим положением, картельные соглашения, демпинговую политику и прочие формы антиконкурентного поведения. Нарушение указанных требований влечет серьезные последствия вплоть до уголовной ответственности руководителей предприятия-нарушителя. Гражданский кодекс РФ предусматривает ряд положений, направленных против злоупотреблений правом и иными возможностями влияния на условия хозяйственного оборота.

Антимонопольные ограничения базируются на принципах права, закрепленных в Конституции РФ и Гражданском кодексе РФ. Они направлены на установление четких границ экономической активности, позволяющей развивать экономику и защищать интересы потребителей.

Согласно ст. 8 Конституции РФ свобода экономической деятельности обеспечивается государством, однако эта свобода ограничивается необходимостью поддерживать справедливые экономические условия[2].

Проблема доминирования отдельных хозяйствующих субъектов на рынке уже длительное время находится в центре внимания экономической науки и политической повестки. Монополизация подрывает основы эффективного рыночного механизма: ограничивает инновационную активность и препятствует рациональному распределению ресурсов.

В целях противодействия этим тенденциям государство формирует и внедряет комплекс правовых мер. Их задача — обеспечить условия для

---

[1] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 8.

добросовестной конкуренции и защитить экономические интересы участников рынка.

Антимонопольные ограничения играют ключевую роль в регулировании рыночной экономики, обеспечивая справедливую конкуренцию и защищая права потребителей. Государственное вмешательство в деятельность субъектов предпринимательства осуществляется с целью предотвращения злоупотреблений доминирующим положением, картельных соглашений и иных действий, ограничивающих доступ новых участников рынка и снижающих качество товаров и услуг. Важно понимать баланс между защитой конкуренции и необходимостью поддержания эффективности бизнеса, особенно в условиях глобализации и цифровизации экономики.

Современная антимонопольная политика направлена на создание прозрачных условий для всех участников рынка, стимулируя инновационное развитие и повышение конкурентоспособности отечественных компаний. Однако применение мер государственного контроля требует учета специфики отдельных отраслей и особенностей функционирования конкретных рынков, что обусловливает необходимость регулярного мониторинга и адаптации нормативных актов.

Таким образом, исследование проблем антимонопольных ограничений становится актуальным направлением научных исследований и практической деятельности государственных органов, направленных на обеспечение устойчивого экономического роста и социальной стабильности в обществе.

Цель настоящей статьи состоит в изучении понятий и механизмов реализации антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности, выявление особенностей функционирования соответствующих институтов в современной экономике России.

1). Понятие, сущность антимонопольных ограничений, методы правового регулирования антимонопольного законодательства.

Под антимонопольными ограничениями понимается совокупность правовых норм и инструментов, используемых государством для защиты свободного развития конкуренции и предотвращения чрезмерной концентрации капитала.

Антимонопольные ограничения — это запреты, установленные законодательством в сфере защиты конкуренции, направленные на предупреждение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

Современные исследования выделяют две группы подходов к пониманию сущности антимонопольных ограничений: формальное право и функциональное право.

Формальная теория рассматривает антимонопольные ограничения исключительно как предписанные законом нормы, подлежащие неукоснительному соблюдению всеми участниками рынка.

Функциональная теория изучает действие данных норм в динамичной экономике, выявляя влияние юридической практики на реальную рыночную ситуацию.

Основными экономическими целями антимонопольной политики и антимонопольного регулирования являются действия, направленные на оптимизацию рыночной структуры, нейтрализацию монополистической власти и различных методов ее проявления, корректировку невыгодных для общества экономических результатов для решения двух основных задач: повышение качества жизни населения и обеспечения конкурентоспособности российской экономики.

2. Цели антимонопольного регулирования можно систематизировать следующим образом:

1. Оптимизация экономической структуры рынка, в том числе:

- анализ уровня концентрации на товарных рынках;

- контроль над процессами концентрации;

- определение уровня конкуренции на рынке;

- определение доминирующего положения отдельных хозяйствующих субъектов на рынке;

- ведение реестра субъектов естественных монополий.

2. Воздействие на экономическое поведение субъектов, в том числе:

- ограничение и пресечение горизонтальных и вертикальных соглашений (сговоров), противоречащих требованиям действующего антимонопольного законодательства;

- выявление и пресечение недобросовестной конкуренции;

- выявление и пресечение монополистической деятельности хозяйствующих субъектов;

- выявление и пресечение действий по установлению монопольно высоких или монопольно низких цен;

- выявление и пресечение антиконкурентных действий органов власти и управления.

3. Корректировка экономических результатов, в том числе:

- устранение административных, организационных, межрегиональных барьеров, сдерживающих развитие предпринимательства;

- поддержка малого и среднего предпринимательства и формирование конкурентной среды на рынке;

- проведение политики демонополизации экономики на основе разработанных государственных, региональных и отраслевых программ демонополизации[3].

Рассматривая метод конкурентного права необходимо помнить, что это совокупность приемов и способов, с помощью которых осуществляется регулирование отношений, входящих в предмет конкурентного права.

При этом метод конкурентного права имеет свое уникальное сочетание императивных и диспозитивных начал регулирования.

Доминирующим способом правового регулирования в конкурентном праве является запрет. Конкурентное право не направляет деятельность участников экономических отношений, а лишь устанавливает определенные пределы в осуществлении прав и исполнении обязанностей. А это можно

---

[3] Антимонопольное законодательство и регулирование [Электронный ресурс] : учеб. пособие / В.И. Таланцев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – 1 CDROM. – Систем. требов.: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память от 256 МБ, Windows (XP; Vista; 7 и т. п.). – Загл. с экр. ISBN 978-5-7444-3977-4 С. 25-26.

наилучшим образом достичь лишь посредством запрета определенных действий или бездействия. В этом смысле можно говорить о том, что в конкурентном праве действует правило: «Разрешено все, кроме прямо запрещенного».

Конкуренция наилучшим образом будет защищена, самый сильный импульс развитию конкуренции будет дан только в том случае, если государство не будет вмешиваться в конкурентную борьбу, а предоставит дело развития конкуренции самим конкурентам, лишь запретив определенные действия.

Вне всякого сомнения, другие способы правового регулирования (дозволение и предписание) также присутствуют в конкурентном праве.

Так, например, предписание как способ правового регулирования наиболее выпукло выражено в направлении предписаний по итогам рассмотрения антимонопольного дела. В предписании антимонопольного органа выражено требование государства, адресованное конкретному участнику конкурентных отношений, совершить определенные действия, и только эти действия.

Другим примером конкурентных отношений, которые преимущественно регулируются методом предписания, является направление предупреждения и предостережения, в которых также содержится требование государства, адресованное субъекту конкурентного отношения, совершить определенное действие (прекратить конкретное нарушение - в случае с предупреждением) или воздержаться от определенного действия (в случае с предостережением). Эти два способа регулирования являются вторичными по отношению к запрету, поскольку государство вынуждено обращаться к ним только в том случае, когда нарушен запрет или существует угроза его нарушения.

Конкурентное право можно определить как систему норм, регулирующих общественные отношения по защите конкуренции методом юридического запрета, основанным на экономическом анализе.[4]

---

[4] Конкурентное право: учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. М.: Юстицинформ, 2018. С. 12.

Дозволения подразумевают установление юридически разрешённого поведения субъектов предпринимательской деятельности. Иными словами, участники рынка имеют свободу выбора способа поведения в рамках установленных законов и получают разрешение действовать в пределах определённой сферы. Примерами дозволительных норм в российском антимонопольном праве могут являться:

- Возможность подачи заявлений в Федеральную антимонопольную службу (ФАС) о согласовании планов объединений компаний или крупных сделок.

- Разрешение формировать свободные цены на товары и услуги, кроме сфер естественных монополий (энергетика, транспортировка газа и нефти).

- Возможность подачи заявлений в антимонопольный орган при создании унитарного предприятия или изменения видов его деятельности в целях недопущения нарушения законодательства.

Однако, несмотря на наличие общей свободы, многие дозволительные нормы предполагают дополнительные ограничения и оговорки. Так, объединение компаний должно пройти проверку Федеральной антимонопольной службой на предмет отсутствия угрозы монополизации рынка.

Запрещающие нормы обозначают действия, совершение которых недопустимо. Нарушение таких норм влечет административную, уголовную или иную ответственность.

Пример наиболее распространённых запретов в сфере антимонопольного законодательства:

- Запрет на соглашения и согласованные действия, ведущие к устранению конкуренции (так называемые картели). Например, договорённости между несколькими компаниями о фиксации цен, разделе рынка сбыта или совместных действиях по подавлению конкурентов.

- Недопустимость навязывания контрагентам невыгодных условий договора, отказывать другим хозяйствующим субъектам в заключении договора без объективных оснований.

- Запрет на создание препятствий доступу на рынок новых производителей путём умышленного ограничения производственной мощности или продажи товара ниже себестоимости (демпинга).

Нарушения перечисленных норм могут привести к серьёзным санкциям, начиная от весомых денежных штрафов и заканчивая уголовной ответственностью руководителей компаний.

Таким образом, указанные методы правового регулирования — дозволения, запреты и предписания — образуют целостную систему управления деятельностью хозяйствующих субъектов, направленную на достижение баланса между интересами отдельного предпринимателя и потребностью в здоровом развитии конкуренции. Это помогает избежать монополизации рынков, создаёт стимулы для развития малого и среднего бизнеса, защищает интересы потребителей и поддерживает стабильность национальной экономики.

2). Система антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности.

2.1. По субъектному признаку.

Система антимонопольных ограничений классифицируется по нескольким основаниям, одно из которых связано с субъектом исполнения обязанности соблюдать ограничения.

Выделяют два типа субъектов:

- Органы власти, принимающие решения, влияющие на состояние конкуренции на рынке (административные барьеры, распределение квот, лицензий и др.).
- Хозяйствующие субъекты, действующие непосредственно на рынке товаров и услуг (предприятия, фирмы, организации и индивидуальные предприниматели). С 1 марта 2025 года самозанятые включаются в круг хозяйствующих субъектов в рамках Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[5].

---

[5] Федеральный закон от 14.10.2024 № 344-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 43. Ст. 6299.

Отсюда вытекает необходимость комплексного подхода к применению антимонопольных мер, включающего регуляцию поведения обоих типов субъектов.

Органы исполнительной власти оказывают значительное воздействие на функционирование рынка и взаимоотношения между хозяйствующими субъектами. Поэтому особое внимание уделяется антикоррупционным мерам и минимизации вмешательства государства в работу рынка.

К методам регулирования государственных органов можно отнести:

- Антимонопольный контроль процесса госзакупок и проведение конкурсов на поставку товаров и выполнение работ, контроль за проведением конкурентных процедур по реализации государственного или муниципального имущества и т.д.
- Мониторинг деятельности региональных властей и их решений, касающихся размещения заказов и выделения преференций отдельным предприятиям.

2.2. По характеру ограничений.

По своему характеру ограничения разделяются на количественные и качественные.

Количественные ограничения выражаются в форме фиксированных пределов объема производимых товаров, количества продаж или численности работников предприятия.

Качественные ограничения связаны с характером самой предпринимательской деятельности, формой договора, уровнем компетенции предпринимателя.

Пример качественного ограничения — запрет на заключение договоров купли-продажи с условием навязывания покупателю ненужных сопутствующих товаров или услуг («связывание»).

Также различают прямые и косвенные ограничения. Прямые ограничения устанавливаются прямо в законе и предусматривают конкретные требования к поведению участников рынка. Косвенные ограничения возникают вследствие

обстоятельств и фактов, имеющих экономический смысл и значение для эффективности и справедливости конкуренции.

3). Практическое применение антимонопольных ограничений.

Российские реалии демонстрируют широкий спектр применения антимонопольных норм и процедур. Например, судебная практика подтверждает важность строгих рамок допустимого поведения для каждого участника рынка, независимо от размера бизнеса. Не редко уполномоченными органами накладываются штрафные санкций за несоблюдение положений антимонопольного законодательства.

Таким образом, рассматриваемая тема демонстрирует взаимосвязанность понятий свободы предпринимательства и правового регулирования экономической деятельности. Эффективная работа антимонопольных органов позволяет обеспечить баланс интересов частных предпринимателей и всего общества в целом, создавая предпосылки для устойчивого экономического роста и социального благополучия.

Осуществление и защита прав по договору страхования предпринимательского риска

Бледных Анастасия Алексеевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье автором анализируются договор страхования предпринимательского риска. Показано, что он имеет большое значение в системе защиты имущественных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Эффективное осуществление и защита прав по данному договору возможны при условии четкого законодательного регулирования, добросовестного поведения сторон и активного использования судебных и досудебных механизмов защиты.

Ключевые слова: договор страхования предпринимательского риска, защита прав по договору страхования предпринимательского риска, предпринимательский риск, перестрахование, досудебные механизмы защиты.

Роль страховой защиты в осуществлении предпринимательской деятельности с каждым днем все повышается. В связи с этим все большее внимание уделяется договорным отношениям по страхованию предпринимательского риска.

Одной из характеристик договора страхования предпринимательских рисков является взаимность, то есть стороны в отношении друг друга имеют взаимные права и обязанности.

Учитывая принцип свободы договора, стороны договора страхования вправе закрепить в соглашении те положения, которые для них являются существенными. В данном случае существенными признаются такие условия, несоблюдение которых влечет юридически значимые последствия для нарушившей стороны.

Поскольку страховщик – это профессиональный участник страховых правоотношений, то страхователь нуждается в большей защите со стороны

законодателя, в связи с чем круг его прав является более широким.

Основными правами страхователя относятся:

– право на получение страховой выплаты при наступлении страхового случая;

– право на получение информации об условиях страхования и размере страховой суммы;

– право на изменение или расторжение договора в порядке, предусмотренном законом и договором[1].

Однако стоит отметить, что для осуществления своего права на получение страхового возмещения, страхователь обязан уведомить страховщика о наступлении страхового случая.

Статья 944 Гражданского кодекса РФ ограничила эту обязанность указанием на то, что страхователь должен предоставить только известную ему информацию о страхуемом интересе. При этом объем необходимых сведений определяется страховщиком в заключаемом договоре страхования[2]. Такие сведения должны соответствовать действительности, поскольку в случае предоставления заведомо ложных сведений страховщик вправе требовать признания соглашения недействительным.

Страхователь вправе требовать возмещения убытков в случае нарушения страховщиком тайны страхования[3].

У страховщика основным правом является право на получение страховой премии. Оно обусловлено обязанностью страхователя уплачивать страховые взносы. Размер страховой премии зависит от разных факторов: от размера страховой суммы, от степени риска, а также от периода, за который уплачивается взнос. Могут оказывать влияние и иные факторы: регион,

---

[1] См.: Волкова М.А., Гриднева О.В. Содержание гражданско-правового договора // Актуальные проблемы российского законодательства. 2016. № 14. С. 20-24.

[2] Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ Гражданский кодекс РФ (часть вторая) (с изм. и доп. от 24.06.2025 № 178-ФЗ) // СПС Консультант Плюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

[3] См., например: Силаева А.А. Особенности имущественного страхования субъектов малого бизнеса: взаимодействие страхователя и страховщика // Сервис плюс. 2017. Т. 11, № 2. С. 57-65.

востребованность деятельности, деловая репутация самого предпринимателя и его контрагентов. Для определения размера взносов страховщик может использовать страховые тарифы, самостоятельно им разработанные[4]. В обязанность страховщика входит использование экономически обоснованных страховых тарифов.

Увеличение размера страховой премии возможно в случае возникновения обстоятельств, свидетельствующих о потенциальной возможности увеличении страхового риска. О таких обстоятельствах страховщика обязан проинформировать страхователь.

Следующее значимое право страховщика – это право на оценку страхуемого риска. Реализуя данное право, страховщик минимизирует возможность обмана со стороны страхователя. Однако, впоследствии страховщик не вправе оспорить страховую стоимость. Исключением является тот случай, когда страховщик не использовал свое право на оценку, а страхователь умышленно ввел в заблуждение[5].

Также стоит отметить, что закон не исключает возможности перестрахования предпринимательских рисков. В соответствии со ст. 967 ГК РФ страховщик вправе застраховать риск выплаты страхового возмещения у перестраховщика. При этом страховщик по основному договору будет считаться страхователем по отношению к перестраховщику. В данном случае предполагается, что первоначальный страховщик несет ответственность перед страхователем за способность перестраховочной организации выплатить страховой возмещение.

Осуществление указанных прав на практике нередко осложняется спорами о квалификации события как страхового случая, об объеме убытков, а

---

[4] См.: Ленковская Р.Р., Незнамова А.А. Содержание договоров возмездного оказания правовых и юридических услуг/ В сборнике: российская юриспруденция на современном этапе: проблемы и перспективы развития. Сборник научных трудов кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Российского государственного социального университета. Москва, 2017. С. 57-65.

[5] См. по этому вопросу: Троицкая И.В. Особенности договорных отношений по страхованию предпринимательского риска // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2017. Т. 8, № 34. С. 136-148.

также о наличии в действиях страхователя нарушений, дающих страховщику право на отказ в выплате. На практике встречаются случаи злоупотребления правом, как со стороны страхователей, так и со стороны страховщиков.

Защита прав сторон может осуществляться в досудебном и судебном порядке. Досудебные способы включают направление претензий, переговоры, а также использование процедур медиации. Однако в большинстве случаев ключевую роль играет все же судебная защита.

Судебная практика в этой сфере является довольно обширной и наиболее распространенными являются споры:

– о признании события страховым случаем;

– о взыскании страхового возмещения;

– о признании необоснованным отказа страховщика в выплате;

– о расторжении договора и возврате части страховой премии.

Суды, как правило, исходят из необходимости строгого толкования условий заключенного договора и оценки добросовестности поведения сторон. Особое значение придается соблюдению страхователем обязанности по раскрытию информации о характере предпринимательского риска, поскольку сокрытие существенных обстоятельств может повлечь признание договора недействительным или отказ в выплате.

Таким образом, договор страхования предпринимательского риска имеет большое значение в системе защиты имущественных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Эффективное осуществление и защита прав по данному договору возможны при условии четкого законодательного регулирования, добросовестного поведения сторон и активного использования судебных и досудебных механизмов защиты.

Основания и пределы ответственности застройщика в Российской Федерации: теоретический и практический аспекты

Бурьбаева Мадина Бактыгалеевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье проводится комплексный анализ гражданско-правовой ответственности застройщика в рамках долевого строительства. Рассматриваются основания ответственности, закрепленные в Федеральном законе от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и Гражданском кодексе РФ, а также их практическая реализация. Кроме того, в статье отражено развитие пределов ответственности застройщика под влиянием института моратория на взыскание неустоек. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов выявляются ключевые тенденции и проблемные аспекты в механизме привлечения застройщика к ответственности.

Ключевые слова: застройщик, долевое строительство, ответственность застройщика, мораторий, пределы ответственности, договор долевого участия.

Правовой статус застройщика, как ключевого участника отношений в сфере долевого строительства, определяет способы и пределы защиты прав участников долевого строительства. Практическое применение мер ответственности застройщика эволюционирует, отражая баланс между защитой прав дольщиков и необходимостью обеспечения финансовой устойчивости строительной отрасли. Актуальность исследования обусловлена существенными изменениями в Федеральном законе от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»[1], введением и последующей отменой специальных

[1] Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч.1). Ст. 40.

защитных мер для застройщиков, а также формированием новой правоприменительной практики.

Основания ответственности застройщика можно подразделить следующим образом:

Договорные основания - нарушение условий договора участия в долевом строительстве (далее - ДДУ). Предусматриваются все возможные нарушения договора застройщиком и устанавливаются достаточно определенные меры ответственности за нарушения прав заведомо «слабой» стороны таких отношений, то есть дольщика[2]. Ключевыми видами нарушений, порождающими ответственность, являются: просрочка передачи объекта, передача объекта с недостатками, несоответствие объекта обязательным требованиям или проектной документации. Ответственность реализуется через специальные механизмы, предусмотренные главой 6 Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», такие как: неустойка за просрочку, право дольщика требовать соразмерного уменьшения цены договора, возмещения расходов на устранение недостатков или расторжения договора с полным возвратом средств и компенсацией убытков.

Внедоговорные (законные) основания. Ответственность возникает независимо от договора, прежде всего, из требований Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Например, застройщик несет ответственность за достоверность информации в проектной декларации. Кроме того, важным основанием является субсидиарная ответственность контролирующих застройщика лиц (бенефициаров,

---

[2] См.: Пасикова Т.А., Комиссарова А.А., Немиров К.Ю. Особенности ответственности застройщика перед дольщиком-гражданином // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otvetstvennosti-zastroyscka (дата обращения: 10.01.2026).

руководителей) по обязательствам, возникшим вследствие действий, приведших к банкротству.

Система гарантийных обязательств. Существенным элементом ответственности за качество являются гарантийные сроки. Согласно статье 7 Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» общий гарантийный срок составляет 3 года, а на отделочные работы установлен отдельный срок в 1 год. При этом совокупный размер финансовых требований дольщика, связанных с недостатками отделки (неустойка, убытки), ограничен 3% от цены договора, что формирует предел имущественной ответственности застройщика.

Наиболее значимым фактором, определявшим пределы ответственности в 2020-2025 годах, стал институт моратория на взыскание неустоек с застройщиков.

Введенный в 2020 году мораторий, как антикризисная мера, не отменял сами основания ответственности, но ограничивал одно из главных ее последствий — право дольщика на взыскание законной неустойки за просрочку. Он периодически продлевался, охватывая периоды с 3 апреля 2020 года по 31 декабря 2020 года, с 29 марта 2022 года по 30 июня 2023 года, а также с 22 марта 2024 года по 31 декабря 2025 года. В отдельные периоды действовало ограничение размера неустойки (например, не выше 7,5% годовых).

Мораторий создавал правовую асимметрию, сохраняя обязанность застройщика по передаче объекта, но существенно ограничивая финансовые санкции за ее неисполнение. Это вызывало критику как подрывающее доверие к рынку и сводящее на нет стимулирующую функцию неустойки. Аргументом в его поддержку была необходимость предотвратить массовые банкротства застройщиков в условиях экономической нестабильности.

Поскольку на новый срок мораторий не был продлен, с 1 января 2026 года ограничения на взыскание неустойки отменены. Это означает полное

восстановление механизма имущественной ответственности согласно Федеральному закону от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Для застройщиков возвращаются финансовые риски, связанные с любым отклонением от сроков и условий ДДУ. Однако возврат происходит не к прежней модели, а к обновленному регулированию, включающему упомянутые ограничения по гарантийным срокам и объему требований по качеству.

Судебная практика последовательно исходит из того, что неустойка согласно Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» является законной, и ее размер не может быть уменьшен соглашением сторон. Однако суд сохраняет право на ее сокращение по ст. 333 ГК РФ в случае явной несоразмерности последствиям нарушения.

Добросовестность сторон - суды учитывают поведение обеих сторон. Недобросовестное уклонение дольщика от приемки объекта без существенных недостатков может быть расценено как злоупотребление правом с целью увеличения размера неустойки и попытку повлиять на решение суда.

Таким образом, система ответственности застройщика в Российской Федерации представляет собой динамичный правовой институт, основанный на жестких законодательных гарантиях защиты дольщика, которые в последние годы подверглись существенным изменениям в сторону конкретизации и частичного ограничения.

Проведенный анализ позволяет выявить следующие системные тенденции:

Законодатель балансирует между безусловной защитой слабой стороны (дольщика) и необходимостью поддержания стабильности строительного бизнеса, что ярко проявилось во введении и последующей отмене моратория на взыскание неустойки.

Конкретизация и лимитирование имущественной ответственности: нормы

о гарантийных сроках и финансовом лимите требований по качеству отделки устанавливают более четкие и предсказуемые для бизнеса рамки ответственности, формализуя ранее оценочные категории.

Расширение круга ответственных лиц: введение института субсидиарной ответственности контролирующих лиц углубляет «прокурорскую» функцию ответственности, направляя ее не только на компенсацию, но и на предупреждение недобросовестного поведения.

Перспективы развития института видятся в дальнейшей детализации критериев добросовестности поведения сторон, развитии внесудебных (претензионных) и досудебных механизмов урегулирования споров, а также в судебной конкретизации применения новых лимитов ответственности.

Понятие и признаки недвижимого имущества

Валеева Алина Ильдаровна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Данная научная статья посвящена анализу понятия и признаков недвижимого имущества как фундаментальной категории гражданского права. Подробно рассматривается определение недвижимости, закрепленное в статье 130 Гражданского кодекса РФ, а также критерии отнесения объектов к недвижимым вещам, ключевым из которых является прочная связь с землей и невозможность перемещения без несоразмерного ущерба их назначению. В работе подчеркивается принципиальное значение деления имущества на движимое и недвижимое для правового регулирования, включая особый порядок совершения сделок, необходимость государственной регистрации прав и повышенные требования к форме договоров. Особое внимание уделяется правовому статусу недвижимости, классификации ее объектов и дискуссионным вопросам, связанным с оценочным характером отдельных признаков в правоприменительной практике.

Ключевые слова: недвижимое имущество, недвижимость, Гражданский кодекс РФ, правовой режим, объекты гражданских прав, государственная регистрация прав, сделки с недвижимостью, признаки недвижимости, земельный участок.

Определение недвижимого имущества формирует основу для дальнейшего анализа правовых норм, которые касаются оборота и использования таких объектов. Недвижимое имущество, в соответствии с действующим законодательством, представляет собой недвижимость, которая включает в себя землю и все, что связано с ней, а также объекты, которые не могут быть перемещены без ущерба.

В современном гражданском обороте деление вещей на движимые и недвижимые имеет принципиальное значение. Указанная классификация не носит исключительно теоретического характера, а оказывает непосредственное

влияние на правовой режим имущества, порядок совершения сделок, особенности возникновения, перехода и прекращения вещных прав. В отношении недвижимого имущества законодательством Российской Федерации установлены дополнительные требования к форме сделок, порядку их государственной регистрации и публичности прав.

Необходимость выделения для объектов недвижимости специальных норм правового регулирования обусловлена их специфическими признаками. К числу таких признаков традиционно относят прочную связь с землей, высокую экономическую ценность, непотребляемость в процессе использования, социальную значимость, а также особый порядок правовой охраны[1]. Указанные особенности предопределяют повышенное внимание законодателя к вопросам правового статуса недвижимости и механизмам защиты прав субъектов гражданского оборота.

Недвижимое имущество – это объекты, которые не могут перемещаться без ущерба для их сущности. Согласно ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации: «К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно-связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без не соразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке»[2].

Важным элементом, который необходимо учитывать при определении понятия недвижимого имущества, является его правовой статус. Право собственности на недвижимое имущество включает ряд правомочий: право

---

[1] См., например: Стародумова С.Ю. Правовой режим недвижимых вещей // Правовые вопросы недвижимости. 2015. № 1. С. 14-17.

[2] Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

пользования, распоряжения и владения. Эти права могут быть ограничены различными факторами, такими как нормы градостроительного законодательства, охрана окружающей среды и другие правовые ограничения.

Недвижимое имущество может быть предметом различных сделок: купля-продажа, аренда, залог и дарение. Каждая из этих сделок имеет свои особенности и требует соблюдения определенных процедур и формальностей. Например, сделки с недвижимостью часто требуют нотариального удостоверения, что обеспечивает дополнительную защиту интересов сторон и предотвращает возможные споры[3]. Регистрация прав на недвижимое имущество в государственных органах является обязательной процедурой, которая позволяет утвердить право собственности и защитить его от возможных посягательств.

Следует отметить, что проблемы правового регулирования недвижимого имущества традиционно находятся в центре внимания. Они исследовались как в дореволюционный период развития российского гражданского права, так и в советский период, а также в современных условиях[4]. Несмотря на значительный объем научных разработок, ряд вопросов, связанных с определением признаков недвижимости и особенностями ее правового режима, продолжает вызывать дискуссии и требует дальнейшего теоретического осмысления.

Недвижимое имущество является одним из наиболее ценных объектов гражданских прав. Сделки с ним затрагивают интересы широкого круга субъектов — как физических, так и юридических лиц. Ввиду этого законодатель предусмотрел особые гарантии стабильности гражданского оборота в данной сфере, включая обязательную государственную регистрацию прав и сделок.

Анализ содержания статьи 130 ГК РФ позволяет условно выделить несколько групп объектов недвижимости. К первой группе относятся земельные участки, участки недр и иные объекты, прочно связанные с землей. Ключевым

---

[3] См.: Саблин М.Т. Покупка квартиры в России: техника подбора, юридической проверки и проведения сделки: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 246.

[4] См.: Суханов Е.А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 6-7.

признаком данной категории выступает невозможность их перемещения без несоразмерного ущерба назначению. Вместе с тем, указанный критерий нередко подвергается критике в доктрине, поскольку понятие «несоразмерный ущерб» носит оценочный характер и не всегда поддается однозначному толкованию на практике. Кроме того, назначение объекта недвижимости может изменяться в установленном законом порядке, что также влияет на оценку данного признака.

Признаками недвижимого имущества являются:

Во-первых, наличие прочной связи с землей, Недвижимость всегда связана с определенным земельным участком. Это означает, что права на недвижимость неразрывно связаны с правами на землю, на которой она расположена. Привязка к земле также подразумевает, что любые изменения в статусе земельного участка могут повлиять на статус объектов недвижимости.

Во-вторых, невозможность перемещения объекта без причинения несоразмерного ущерба назначению объекта. При определении, является ли вещь недвижимой, необходимо установить, будет ли причинен такой вещи и ее несущей конструкции значительный ущерб, если переместить ее в другое место.

В-третьих, создание недвижимости в установленном законом порядке, с соблюдением градостроительных и иных норм и правил. Строительство, реконструкция объектов капитального строительства, а также их капитальный ремонт регулируется Градостроительным Кодексом РФ, другими федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации[5].

С юридической точки зрения недвижимость представляет собой объект гражданских прав — индивидуально-определенную вещь, в отношении которой установлен особый порядок возникновения и государственной регистрации вещных прав. В отличие от движимого имущества, для которого регистрация предусмотрена лишь в отдельных случаях (например, в отношении транспортных средств или эмиссионных ценных бумаг), права на недвижимое

---

[5] Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

имущество подлежат обязательной государственной регистрации[6].

Понятие и признаки недвижимого имущества являются основополагающими для понимания его роли в гражданском праве. Недвижимое имущество – это объекты, которые не могут перемещаться без ущерба для их сущности. Это включает в себя не только землю, но и все, что на ней находится, а также объекты, которые прочно связаны с землей. Правовой статус недвижимости определяет способы ее владения, распоряжения и пользования, а также условия, при которых она может быть использована.

[6] См.: Тужилова-Орданская Е.М. Проблемы защиты прав на недвижимость в гражданском праве России / Е.М. Тужилова-Орданская. - М: Буквовед, 2007. С. 206.

Режим государственной тайны как квалифицирующий признак правовой природы государственного оборонного заказа

Владимирова Александра Викторовна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Настоящая научная статья рассматривает режим государственной тайны как квалифицирующий признак правовой природы государственного оборонного заказа. Режим государственной тайны выступает основным фактором, осложняющим и видоизменяющим правовую природу государственного оборонного заказа. Сложившаяся модель порождает системную проблему противоречия между абсолютными требованиями секретности и необходимостью правовой определенности для участников оборота.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, государственная тайна, государственные закупки, контрактная система в сфере закупок, размещение заказов на поставки товаров.

Государственный оборонный заказ традиционно рассматривается в научной литературе как комплексный правовой институт, находящийся на стыке публичного и частного права[1]. Однако его уникальность и особая правовая природа зачастую сводятся лишь к специфике субъектов или целей.

Специфичность продукции военного назначения, ее особый характер и стратегически важные цели производства и продажи такой продукции предопределяют необходимость специального правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере. Правовое регулирование данных отношений осуществляется нормативными правовыми актами различной юридической силы и отраслевой принадлежности. Следует учитывать специфику предмета правового регулирования: часть нормативно правовых актов, особенно подзаконного характера, раскрывающие показатели

[1] См.: Белик А.А. Государственный контракт между заказчиком и головным исполнителем как правовое средство исполнения государственного оборонного заказа // Проблемы науки. 2025. № 1 (88).

оборонного заказа в части вооружения, военной, специальной техники, продукции оборонного назначения, являются сведениями, отнесенными к государственной тайне[2].

Таким образом, именно режим государственной тайны выступает ключевым квалифицирующим признаком, кардинально отличающим государственный оборонный заказ от иных видов государственных закупок и определяющим его системные правовые характеристики.

Стоит отметить, что согласно пунктам 2, 3 ст. 4 Закона от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне»[3] утверждение Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, относится к полномочиям Президента РФ, на утверждение указанный Перечень представляет Правительство РФ[4].

Государственный оборонный заказ реализуется в три этапа: формирование, утверждение и размещение (осуществление закупок). При этом его предмет следует охарактеризовать двумя признаками:

1) документарным – наличием потребности в предмете закупки в нормативно правовом акте Правительства РФ;

2) телеологическим (или целевым): удовлетворение потребности в товаре, работе, услуге обусловлено обеспечением обороны страны и безопасности государства.

Перечисление всей продукции, которая может потребоваться для нужд обороны и безопасности государства, - задача невыполнимая, поэтому любая продукция может быть отнесена к государственному оборонному заказу через целевой признак. По государственному оборонному заказу может закупаться вся продукция, в которой есть соответствующая потребность[5].

Режим государственной тайны формирует особую правовую среду, в

---

[2] См., например: Литвинов И.М., Чертагонов И.А. Правовое регулирование государственного оборонного заказа в Российской Федерации // Успехи в химии и химической технологии. 2016. № 5 (174).

[3] Российская газета. 1993. № 182.

[4] См.: Балдин А.К., Балдина А.С. Правовой режим государственной и служебной тайны в области обороны: сравнительно-правовой анализ // Закон и право. 2022. № 6.

[5] См. по этому вопросу: Беляева О.А. Государственный оборонный заказ: аспекты совершенствования правовой регламентации сопровождаемых сделок // Lex Russica. 2025. № 10.

которой действуют субъекты государственного оборонного заказа, налагая на них специфический набор прав и обязанностей. Системный анализ законодательства подтверждает указанное[6].

1. Закупки товаров, работ и услуг общегражданского назначения, осуществляемые в рамках государственного оборонного заказа, должны подчиняться общему режиму правового регулирования согласно Федеральному закону от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[7]. А оборонные закупки в узком смысле должны регулироваться в рамках отдельного нормативного акта или положения, который бы учитывал и признавал их специфику и обеспечивал бы баланс между открытостью (прозрачностью) закупочных процедур и защитой государственных интересов.

2. Регулирование государственного оборонного заказа осуществляется в основном положениями Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»[8]. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» действует в указанной сфере только в той части, в какой не противоречит указанному закону. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» применяется как специальный закон перед общим, тем самым как бы конкретизирует некоторые положения Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

3. В постановлении Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2017 года № 1428 «Об особенностях осуществления закупки для нужд обороны страны и безопасности государства»[9] предусмотрено, что заказчики

---

[6] См.: Шмелева М.В. Пути совершенствования законодательства в сфере государственного оборонного заказа // Журнал прикладных исследований. 2021. № 1.
[7] Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
[8] Российская газета. 2012. № 303 (5976).
[9] Собрание законодательства РФ. 2017. № 49. Ст. 7465.

должны осуществлять все закупки закрытыми способами. При этом закрытыми являются закупки товаров не только в рамках оборонного заказа, но и закупки товаров общехозяйственного назначения (канцелярские товары, автотранспорт и т. д.). В соответствии с Положением о Федеральной службе по оборонному заказу Рособоронзаказ является федеральным органом исполнительной власти, руководство деятельностью которого осуществляет Президент Российской Федерации. Эта служба осуществляет деятельность по контролю и надзору за выполнением федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами установленных Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами РФ норм и правил в сфере государственного оборонного заказа, а также в сфере размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных государственных нужд, не относящихся к государственному оборонному заказу, сведения о которых составляют государственную тайну[10].

Федеральная служба по оборонному заказу уполномочена осуществлять:

1) контроль в сфере размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг по государственному оборонному заказу, а также на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных государственных нужд, не относящихся к государственному оборонному заказу, сведения о которых составляют государственную тайну;

2) государственный контроль (надзор) за соблюдением обязательных требований технических регламентов в отношении продукции (работ, услуг), поставляемой по государственному оборонному заказу.

Особенности режима государственной тайны состоят в следующем:

- Сторонами контракта могут быть лишь лицензиаты ФСБ России, получившие допуск к работе с государственной тайной соответствующей степени. Это исключает свободный вход на рынок и формирует замкнутый круг

---

[10] См.: Слепенкова Л.В. Государственный контроль в сфере оборонного заказа // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4.

исполнителей. Ответственность за допуск сотрудников (ст. 21 Закона РФ от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне») также ложится на организацию, ужесточая внутренний управленческий контроль.

- Помимо основных обязанностей по поставке или выполнению работ, возникают режимные обязанности: обеспечение пропускного режима, защита помещений и каналов связи, проведение специальных проверок, обучение персонала. Эти обязанности носят публично-правовой характер.

- Согласно ст. 8 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», цена контракта определяется на основе закрытой нормативно-методической базы и отдельных сметных расчетов. Это делает невозможным внешний публичный аудит затрат в полном объеме. Контроль со стороны государства (Роспотребнадзора, Счетной палаты и т. д.) также осуществляется с учетом требований секретности, что ограничивает его формы и методы.

- В отношении сведений, используемых уполномоченными банками в системе государственного оборонного заказа, действует два режима - режим банковской тайны и режим государственной тайны. Однако дело в том, что сведения, которыми обладают участники государственного оборонного заказа в рамках его исполнения, подразделяются на два вида: связанные с государственной тайной и не относящиеся к ней. При этом, относительно всех сопровождаемых сделок в рамках государственного оборонного заказа, действует единый правовой режим банковского сопровождения. Соответственно, возникает вопрос о соотношении режима государственной и банковской тайны в отношении двух категорий сведений - связанных с государственной тайной и не относящихся к таковой[11].

[11] См.: Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Обязательства в рамках государственного оборонного заказа: правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237).

Общая характеристика правового обеспечения деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства

Горбунова Александра Павловна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В научной статье автор рассматривает общую характеристику правового обеспечения деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Показано, что инфраструктура поддержки деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства представляет собой сложную, многоуровневую систему организаций и институтов, обеспечивающих реализацию прав предпринимателей. Её правовое значение заключается в обеспечении условий для устойчивого функционирования субъектов малого и среднего предпринимательства, снижении рисков предпринимательской деятельности и повышении эффективности государственного регулирования.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, малые предприятия, микропредприятия, государственная поддержка, юридические лица, индивидуальный предприниматель.

Малое и среднее предпринимательство занимает особое место в системе рыночной экономики и является важным фактором социально-экономического развития государства. В условиях современной экономики именно малые и средние предприятия выступают наиболее гибким и мобильным сегментом хозяйственной деятельности, способным оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры, удовлетворять потребности населения и обеспечивать устойчивое развитие территорий. В Российской Федерации значение малого и среднего предпринимательства особенно возрастает в связи с задачами диверсификации экономики, повышения занятости населения и формирования конкурентной среды.

Понятие малого и среднего предпринимательства в российской правовой системе закреплено на законодательном уровне. Ключевым нормативным правовым актом, регулирующим данную сферу, является Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Указанный закон устанавливает правовые основы государственной политики в области развития малого и среднего бизнеса, определяет категории субъектов предпринимательства и формы их поддержки. В соответствии с его положениями к субъектам малого и среднего предпринимательства относятся юридические лица и индивидуальные предприниматели, включённые в единый реестр субъектов МСП и соответствующие установленным критериям.

Законодатель выделяет три основные категории субъектов малого и среднего предпринимательства: микропредприятия, малые предприятия и средние предприятия. Критериями отнесения хозяйствующих субъектов к соответствующей категории являются численность работников, объём выручки от реализации товаров, работ или услуг, а также доля участия государства, муниципальных образований и иных юридических лиц в уставном капитале[1]. Так, микропредприятиями признаются организации с численностью работников до 15 человек, малыми предприятиями — до 100 человек, а средними — до 250 человек. Установление таких критериев позволяет дифференцировать правовое регулирование и меры государственной поддержки.

В научной литературе понятие малого и среднего предпринимательства рассматривается не только с правовой, но и с экономической точки зрения. Так, по мнению В.Ф. Попондопуло, малое предпринимательство представляет собой самостоятельную инициативную деятельность, осуществляемую на риск предпринимателя и направленную на систематическое получение прибыли, при этом ключевой особенностью данной формы хозяйствования является

---

[1] Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

ограниченный масштаб деятельности[2]. Экономисты подчёркивают, что малые и средние предприятия играют значительную роль в формировании конкурентной среды, способствуют развитию инноваций и обеспечивают устойчивость экономики в условиях нестабильности.

Экономическое значение малого и среднего предпринимательства заключается прежде всего в его вкладе в формирование валового внутреннего продукта и создании рабочих мест. Малые и средние предприятия обеспечивают занятость значительной части экономически активного населения, особенно в сфере услуг, торговли и сельского хозяйства. Это имеет особое значение для регионов Российской Федерации, где развитие крупного бизнеса ограничено. В научных исследованиях подчёркивается, что активное развитие МСП способствует снижению уровня безработицы и укреплению социально-экономической стабильности[3].

Социальное значение малого и среднего предпринимательства проявляется в формировании среднего класса, развитии предпринимательской инициативы и повышении социальной мобильности населения. Возможность создания собственного бизнеса способствует самореализации граждан, росту их доходов и профессиональных компетенций. Кроме того, субъекты МСП активно участвуют в реализации социально значимых проектов, включая социальное предпринимательство, направленное на решение общественных проблем и поддержку социально уязвимых категорий граждан.

Государственное регулирование и поддержка малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации основываются на принципах, закреплённых в Федеральном законе от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». К таким принципам относятся обеспечение равного доступа субъектов МСП к

---

[2] См., например: Попондопуло В.Ф. Предпринимательское право: учебник для вузов. М.: Норма, 2019. С. 112–114.

[3] См.: Пиньковецкая Ю.С. Малое и среднее предпринимательство в Российской Федерации: экономическое значение и региональные особенности // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 3. С. 45–49.

мерам поддержки, формирование благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности, снижение административных барьеров и стимулирование инновационной активности[4]. Законодательством предусмотрены различные формы государственной поддержки, включая финансовую, имущественную, информационную и консультационную помощь.

Несмотря на значимость малого и среднего предпринимательства для экономики, данный сектор сталкивается с рядом проблем, среди которых выделяются сложности доступа к финансовым ресурсам, административные ограничения, нестабильность экономической среды и высокая зависимость от внешних факторов. Многие российские исследователи отмечают необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования и развития инфраструктуры поддержки предпринимательства, особенно на региональном уровне[5].

Таким образом, малое и среднее предпринимательство является важнейшим элементом экономической системы Российской Федерации, выполняющим значимые экономические и социальные функции. Его развитие способствует росту занятости, формированию конкурентной среды и устойчивому социально-экономическому развитию страны. Эффективная реализация государственной политики в сфере поддержки МСП остаётся одним из приоритетных направлений развития современной российской экономики.

В системе предпринимательского права особое значение имеет классификация субъектов малого и среднего предпринимательства, поскольку от их правового статуса зависят объём прав и обязанностей, особенности налогообложения, меры государственной поддержки и порядок участия в гражданском обороте. Виды субъектов малого и среднего предпринимательства закреплены на законодательном уровне и представляют собой важный элемент

---

[4] Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

[5] См.: Кузнецова А.А. Проблемы и перспективы развития малого и среднего предпринимательства в России // Вестник экономической науки. 2023. № 2. С. 67–72.

правового механизма регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Их разграничение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет обеспечить дифференцированный подход к правовому регулированию различных форм предпринимательства.

Основным нормативным правовым актом, определяющим виды субъектов малого и среднего предпринимательства, является Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»[6]. В соответствии с данным законом субъектами малого и среднего предпринимательства признаются юридические лица и индивидуальные предприниматели, сведения о которых включены в единый реестр субъектов МСП и которые соответствуют установленным законом критериям. Таким образом, законодатель исходит из организационно-правовой формы субъекта предпринимательства как основного основания для его классификации.

С точки зрения предпринимательского права все субъекты малого и среднего предпринимательства можно разделить на две крупные группы: индивидуальные предприниматели и юридические лица. Индивидуальный предприниматель является физическим лицом, зарегистрированным в установленном законом порядке и осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Правовое положение индивидуального предпринимателя определяется положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которым к его деятельности применяются нормы, регулирующие деятельность коммерческих организаций, если иное не вытекает из существа правоотношений[7]. Индивидуальные предприниматели составляют значительную часть субъектов малого

---

[6] Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

предпринимательства, что обусловлено относительной простотой процедуры регистрации и ведения деятельности.

Юридические лица как субъекты малого и среднего предпринимательства отличаются более сложной организационной структурой и могут создаваться в различных организационно-правовых формах. В соответствии с гражданским законодательством юридические лица подразделяются на коммерческие и некоммерческие организации, однако в качестве субъектов малого и среднего предпринимательства могут выступать исключительно коммерческие организации. Наиболее распространённой формой является общество с ограниченной ответственностью, что объясняется сочетанием ограниченной ответственности участников и гибкости корпоративного управления. Также в качестве субъектов МСП могут выступать акционерные общества, производственные кооперативы и хозяйственные товарищества при условии соблюдения установленных законом критериев.

В рамках правового регулирования особое значение имеет деление субъектов малого и среднего предпринимательства на микропредприятия, малые предприятия и средние предприятия. Данная классификация имеет императивный характер и закреплена в статье 4 Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». К микропредприятиям относятся субъекты предпринимательства с численностью работников до 15 человек, к малым предприятиям — до 100 человек, а к средним — до 250 человек. Указанное разграничение носит юридически значимый характер, поскольку именно от принадлежности субъекта к той или иной категории зависит возможность применения специальных налоговых режимов, получения субсидий и участия в государственных программах поддержки.

Следует отметить, что законодательство устанавливает дополнительные ограничения для отнесения юридического лица к субъектам малого и среднего предпринимательства. В частности, доля участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также

отдельных категорий юридических лиц в уставном капитале не должна превышать установленных законом значений. Данные ограничения направлены на предотвращение формального отнесения крупных хозяйствующих субъектов к категории малого и среднего бизнеса и обеспечивают целевое использование мер государственной поддержки.

В юридической науке классификация субъектов малого и среднего предпринимательства рассматривается как элемент правового статуса предпринимателя. Так, В.Ф. Попондопуло отмечает, что правовой статус субъекта предпринимательской деятельности определяется совокупностью его прав, обязанностей и юридических гарантий, а принадлежность к категории МСП оказывает непосредственное влияние на содержание данного статуса[8]. Аналогичную позицию высказывают и другие российские учёные, подчёркивая, что дифференциация субъектов предпринимательства позволяет реализовать принцип справедливости и соразмерности правового регулирования.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о включении субъектов малого и среднего предпринимательства в единый реестр МСП. Включение в данный реестр носит правоустанавливающий характер, поскольку именно с этого момента субъект приобретает право на получение мер государственной поддержки. Реестр формируется на основании данных налоговых органов и обновляется в автоматическом режиме, что повышает правовую определённость и снижает административную нагрузку на предпринимателей. В юридической практике наличие сведений в реестре МСП рассматривается как обязательное условие для подтверждения статуса субъекта малого или среднего предпринимательства.

Таким образом, виды субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации представляют собой законодательно закреплённую систему классификации, основанную на организационно-правовой форме, численности работников и иных экономических и правовых критериях. Данная

---

[8] Попондопуло В.Ф. Указ. соч. С. 118–121.

классификация имеет существенное значение для правового регулирования предпринимательской деятельности, поскольку позволяет учитывать специфику различных субъектов и обеспечивать адресный характер государственной поддержки. Для юридической науки и правоприменительной практики дальнейшее совершенствование правового статуса субъектов малого и среднего предпринимательства остаётся актуальной задачей, напрямую связанной с развитием предпринимательского законодательства и экономики в целом.

Развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации невозможно без формирования эффективной инфраструктуры поддержки, обеспечивающей реализацию государственной политики в сфере предпринимательства. Инфраструктура поддержки деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства представляет собой совокупность организаций, институтов и механизмов, направленных на создание благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности, снижение рисков и административных барьеров, а также повышение устойчивости и конкурентоспособности субъектов МСП. В юридической науке инфраструктура поддержки рассматривается как элемент институциональной среды предпринимательства, оказывающий непосредственное влияние на реализацию правового статуса предпринимателей.

Понятие инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства закреплено на законодательном уровне. В соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» под инфраструктурой поддержки понимается система организаций, созданных в целях оказания услуг субъектам малого и среднего предпринимательства и обеспечения их деятельности. Законодательное закрепление данного понятия подчёркивает значимость инфраструктуры как самостоятельного объекта правового регулирования в сфере предпринимательского права.

Инфраструктура поддержки деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства включает в себя широкий круг организаций, различающихся по своему правовому статусу, функциям и направлениям деятельности. В соответствии с положениями Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к инфраструктуре поддержки относятся, в частности, центры поддержки предпринимательства, бизнес-инкубаторы, технопарки, промышленные парки, фонды поддержки предпринимательства, микрофинансовые организации, гарантийные фонды, центры инжиниринга, центры экспортной поддержки, а также иные организации, создаваемые в целях содействия развитию МСП. Все указанные элементы инфраструктуры действуют в рамках правового поля и подлежат регулированию как нормами предпринимательского, так и административного права.

С юридической точки зрения инфраструктура поддержки выполняет вспомогательную функцию по отношению к предпринимательской деятельности, обеспечивая реализацию прав субъектов МСП на получение государственной и муниципальной поддержки. Так, центры поддержки предпринимательства оказывают консультационные, правовые и информационные услуги, направленные на повышение правовой грамотности предпринимателей, помощь в выборе организационно-правовой формы, системы налогообложения и соблюдении требований законодательства. Бизнес-инкубаторы предоставляют начинающим предпринимателям помещения, оборудование и консультационную поддержку на льготных условиях, что особенно важно на начальных этапах предпринимательской деятельности.

Особое место в инфраструктуре поддержки занимают финансовые институты, к которым относятся фонды поддержки предпринимательства, микрофинансовые организации и гарантийные фонды. Их деятельность направлена на облегчение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, что является одной из ключевых проблем малого и среднего бизнеса. Гарантийные фонды обеспечивают предоставление поручительств по обязательствам

предпринимателей перед кредитными организациями, тем самым снижая кредитные риски и повышая доступность заёмных средств[9]. С правовой точки зрения данные организации выступают субъектами финансового права и осуществляют свою деятельность в рамках специальных нормативных требований.

Инфраструктура поддержки также включает элементы, ориентированные на инновационное и технологическое развитие предпринимательства. Технопарки и промышленные парки создают условия для размещения производственных и инновационных предприятий, предоставляя инженерную, транспортную и информационную инфраструктуру. Центры инжиниринга и трансфера технологий содействуют внедрению научных разработок в хозяйственный оборот, что способствует повышению конкурентоспособности субъектов МСП. В юридической литературе подчёркивается, что развитие инновационной инфраструктуры является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере предпринимательства[10].

Отдельного внимания заслуживает инфраструктура поддержки внешнеэкономической деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Центры экспортной поддержки оказывают содействие предпринимателям в выходе на зарубежные рынки, включая консультации по таможенному, валютному и налоговому законодательству, а также помощь в поиске иностранных партнёров. Такая деятельность имеет комплексный правовой характер, поскольку затрагивает нормы международного, таможенного и валютного права.

Примеры функционирования инфраструктуры поддержки можно наблюдать как на федеральном, так и на региональном уровне. В субъектах Российской Федерации создаются региональные фонды поддержки

---

[9] Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

[10] См.: Кузнецова А.А. Инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства: правовые аспекты // Вестник предпринимательского права. 2021. № 3. С. 54–59.

предпринимательства, бизнес-инкубаторы и центры «Мой бизнес», деятельность которых координируется органами исполнительной власти. Центры «Мой бизнес» представляют собой многофункциональные организации, реализующие принцип «одного окна» при оказании услуг субъектам МСП, что соответствует задачам снижения административных барьеров и повышения доступности государственной поддержки. С юридической точки зрения такие центры выступают инструментом реализации публичных обязательств государства в сфере поддержки предпринимательства.

В научных исследованиях подчёркивается, что инфраструктура поддержки деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства является важным элементом механизма правового регулирования предпринимательской деятельности. По мнению В.С. Белых, наличие развитой инфраструктуры поддержки способствует реализации принципов свободы предпринимательской деятельности и равенства участников гражданского оборота, закреплённых в Конституции Российской Федерации[11]. В то же время недостаточная эффективность отдельных элементов инфраструктуры может снижать результативность государственной политики в сфере МСП.

Таким образом, инфраструктура поддержки деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства представляет собой сложную, многоуровневую систему организаций и институтов, обеспечивающих реализацию прав предпринимателей и содействующих развитию предпринимательской инициативы. Её правовое значение заключается в обеспечении условий для устойчивого функционирования субъектов МСП, снижении рисков предпринимательской деятельности и повышении эффективности государственного регулирования. Для юридической науки и правоприменительной практики дальнейшее совершенствование нормативного регулирования инфраструктуры поддержки остаётся актуальной задачей,

---

[11] См: Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации. М.: Юрайт, 2021. С. 203–206.

непосредственно связанной с развитием предпринимательского права и экономики Российской Федерации.

Особенности коммерческого представительства в транспортно-экспедиционной деятельности

Гуторов Вячеслав Витальевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В научной статье автор рассматривает особенности коммерческого представительства в транспортно-экспедиционной деятельности, акцентируя внимание на роли коммерческого представителя в организации перевозок и обеспечении взаимодействия между всеми участниками экспедиции. Изучение функций экспедитора, как коммерческого представителя, направлено на выявление их значимости в координации логистических процессов, юридическом сопровождении и защите правовых интересов всех участников транспортно-экспедиционных отношений.

Ключевые слова: транспортно-экспедиционная деятельность, коммерческое представительство, претензионный порядок урегулирования споров, транспортировка грузов, экспедитор-перевозчик.

Актуальность темы исследования обусловлена анализом особенностей коммерческого представительства в сфере транспортной экспедиции, акцентируя внимание на роли коммерческого представителя в организации перевозок и обеспечении взаимодействия между грузовладельцами и экспедиторами. Рассмотрение функций представителей позволяет выявить их значимость в координации логистических процессов, документальном сопровождении и защите правовых интересов участников транспортных отношений.

Особенность коммерческого представительства проявляется в многообразии функций, охватывающих юридическое оформление сделок, контроль за выполнением договорных обязательств, а также управление рисками, связанными с транспортировкой грузов. Коммерческие представители ведут переговоры, заключают договоры и сопровождают их исполнение, что

требует глубокого понимания не только норм транспортного права, но и особенностей данного сектора экономики.

Содержанием транспортно-экспедиционной деятельности является выполнение следующих видов услуг: 1) организация перевозки грузов транспортом и по маршруту, избранному заказчиком (клиентом); 2) заключение от имени клиента договоров перевозки грузов; 3) обеспечение отправки и получения грузов (товаров)[1].

Юридические аспекты деятельности транспортной экспедиции включают в себя оформление различных документов - от договоров до перевозочных, таможенных и страховых документов. Особое внимание уделяется исполнению требований связанных с безопасностью перевозок, защите прав участников и соблюдению международных норм. Коммерческие представители обеспечивают правильность оформления такой документации, тем самым минимизируя вероятность наступления различного рода конфликтов и судебных споров[2].

Важной юридической особенностью является то, что к договору транспортной экспедиции не применяются общие правила возмездного оказания услуг, что отражает специфику ответственности и обязательств сторон. Также экспедитор не вправе без прямого указания в договоре заключать от имени клиента договор страхования груза, что защищает интересы заказчика и предотвращает несанкционированные юридические действия со стороны экспедитора-перевозчика (п. 5 ст. 12 Федерального закона от 30 июня 2003 года № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»[3]).

Одной из особенной экспедиционной деятельности является обязательное соблюдение претензионного порядка урегулирования споров, который может приостанавливать срок исковой давности и служит механизмом досудебного

---

[1] Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[2] См.: Духно Н.А., Землин А.И. Транспортное право: учебник для вузов / Отв. ред. Н.А. Духно, А.И. Землин. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 412.

[3] Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2701.

разрешения разногласий, возникших в ходе осуществления различных транспортно-логистических операций. Однако, данное положение не распространяется на предъявления иска при оказании экспедиционных услуг для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением клиентом предпринимательской деятельности (п. 1 ст. 12 Федерального закона от 30 июня 2003 года № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»). Право на предъявление экспедитору претензии и иска имеет клиент или уполномоченное им лицо, получатель груза, указанный в договоре транспортной экспедиции, а также страховщик, приобретший право суброгации (п. 2 ст. 12 Федерального закона от 30 июня 2003 года № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»). Такой порядок регулируется положениями гражданского законодательства и прописывается в договоре, что позволяет сторонам оперативно реагировать на предъявленные требования от другого участника отношений.

Кроме того, законодательство РФ предусматривает требование хранения на территории РФ информации, связанной с транспортной экспедицией, а именно: информации о заключенных договорах транспортной экспедиции, сторонах, лицах, привлекаемых к выполнению этих договоров, свойствах грузов, в том числе приема, погрузки, хранения, передачи, выдачи грузов, маршрутах следования, видах транспорта и иной информации, размещаемой в информационных системах (п. 6 ст. 4 Федерального закона от 30 июня 2003 года № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»). Это положение обеспечивает контроль со стороны уполномоченных государственных органов и гарантирует сохранность конфиденциальных данных и защиту сведений о лицах, маршрутах и грузах, участвующих в транспортно-экспедиционных отношениях, от неправомерного посягательства со стороны 3 лиц, что важно в условиях цифровизации экономики и развития электронного документооборота.

Экономическая сторона деятельности коммерческого представительства связана с оптимизацией затрат на логистику и расчетом эффективных систем

тарифных оплат. Представители анализируют рыночные условия, выбирают выгодные предложения от перевозчиков и контролируют денежные обороты, обеспечивая баланс между стоимостью услуг и качеством самих перевозок. При этом коммерческий представитель активно участвует в формировании и согласовании условий договоров, учитывая интересы, как грузовладельцев, так и транспортных компаний.

Одной из основополагающих задач экономического обеспечения транспортно-экспедиционных услуг является сокращение логистических издержек при сохранении или повышении качества обслуживания. В современных условиях конкурентоспособность транспортной компании напрямую зависит от эффективности используемых методов организации логистики. Это включает выбор оптимальных тарифов, рациональное распределение ресурсов, планирование загрузки транспортных средств, а также минимизацию времени простоя и промежуточных операций[4].

Транспортная экспедиционная деятельность подразумевает использование различных видов транспорта и маршрутов, что накладывает требования на технологическое обеспечение процессов. Коммерческий представитель координирует деятельность участников при организации смешанных перевозок, в том числе международных перевозок, обеспечивает взаимодействие с таможенными органами и контролирует соблюдение графиков движения грузов[5]. Такие задачи требуют применения современных информационных систем для отслеживания грузов и оперативного обмена данными, что снижает риски сбоев и повышает прозрачность операций.

Ещё одной особенностью является технологическое обеспечение в рамках транспортно-экспедиционной деятельности, которое подразумевает обеспечение эффективного планирования маршрутов, выбор оптимальных видов транспорта и контроль за процессом перевозки. Это предполагает

---

[4] См.: Егиазаров В.А. Транспортное право: Учебник / В.А. Егиазаров. - 9-е изд., доп. и перераб. - Москва: Юстицинформ, 2018. С. 94.

[5] Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

координацию действий всех участников транспортной экспедиции, включая транспортные компании, складские службы и таможенные органы, с целью соблюдения установленных сроков и предотвращения повреждений грузов. Современные технологии являются важным инструментом для повышения эффективности экспедирования. В транспортной экспедиции активно используются системы управления транспортной логистикой, которые обеспечивают планирование маршрутов, мониторинг перевозок и учет заказов. Интеграция искусственного интеллекта открывает новые возможности для анализа больших данных, включая информацию о дорожном движении, погодных условиях и состоянии транспортного средства. На основе этих данных система автоматически подбирает оптимальные маршруты, оценивает стоимость перевозок и рекомендует наиболее подходящих перевозчиков. Для контроля транспортных средств и грузов в реальном времени применяются спутниковые и навигационные системы. Оборудование, установленное на транспортных средствах, передает данные о местоположении, скорости и техническом состоянии транспорта, а также о состоянии грузов[6].

С учётом перечисленных технологий возникает необходимость их интеграции в единую систему комплексного управления экспедиторскими процессами. Такая интеграция обеспечивает эффективный контроль, автоматизацию всех этапов работы и оперативный обмен данными между всеми участниками – от отправителя до получателя груза.

Помимо юридических и экономических аспектов важным элементом работы в данной сфере является построение эффективного коммуникационного процесса между грузоотправителем, экспедитором (представителем). Координация действий и обмен информацией осуществляется через специализированные информационные системы и регламентированные процедуры, что минимизирует различные задержки, неполадки и отклонения. Кроме того, коммерческий представитель нередко исполняет функции

---

[6] См.: Морозов С.Ю. Транспортное право: учебник для вузов / С.Ю. Морозов. - 6-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 271.

консультанта, предлагая оптимальные логистические решения с учетом специфики непосредственно самого груза и требований заказчика.

Процессы, связанные с технологическим и информационным обеспечением, постоянно совершенствуются за счет внедрения цифровых платформ, автоматизации документооборота и применения новых транспортных технологий. Организация систем документооборота накладывает свои особенности на работу коммерческого представителя. Корректное и быстрое оформление транспортных и других сопроводительных документов, своевременное согласование условий перевозки и получение необходимой информации по обязательствам обеспечивают надежность правового оформления операций и способствуют сокращению времени на бюрократические процессы перевозки груза. При этом автоматизированные процессы обмена документами между сторонами исключают возможность дублирования сведений и снижают вероятность ошибок, сохраняя целостность и достоверность информации в рамках выполнения поручения клиента.

На практике особое значение уделяется контролю исполнения условий договора и мониторингу движения грузов. Регулярный контроль и обмен данными о выполнении условий участниками процесса позволяют выявлять задержки и нарушения на каждом этапе экспедиции, что направлено на формирование прозрачности работы всех участников отношений. Коммерческий представитель осуществляет анализ получаемой информации и составляет отчеты клиентам, предоставляя им гарантии качества выполнения своих обязательств по организации перевозки груза.

Изучение функций экспедитора, как коммерческого представителя, направлено на выявление их значимости в координации логистических процессов, юридическом сопровождении и защите правовых интересов всех участников транспортно-экспедиционных отношений. Коммерческое представительство в сфере транспортной экспедиции играет координирующую роль, объединяя юридические, экономические, технологические и информационные аспекты, что обеспечивает эффективное и качественное

выполнение всего спектра транспортных операций.

Роль законодательства о защите прав потребителей в предпринимательской деятельности, соотношение со специальными правилами розничной торговли

Иванова Маргарита Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается роль законодательства о защите прав потребителей в формировании и функционировании предпринимательской деятельности. Подчеркивается, что соблюдение норм защиты прав потребителей не только является юридической обязанностью бизнеса, но и важным фактором повышения конкурентоспособности и укрепления доверия потребителей. Анализируются основные положения законодательства, регулирующие отношения между бизнесом и потребителями, включая требования к качеству товаров и услуг, информации о них, а также механизмы разрешения споров. В статье исследуются проблемы правоприменения и предлагаются пути совершенствования законодательства в сфере защиты прав потребителей с учетом современных экономических реалий и международного опыта.

Ключевые слова: защита прав потребителей, предпринимательская деятельность, права потребителей, ответственность бизнеса, качество товаров и услуг, информация для потребителей, разрешение споров, конкурентоспособность.

Гражданское право, регулирующее отношения между потребителями и предпринимателями, представляет собой сложную систему, в которой законодательство о защите прав потребителей играет основную роль. Его влияние на предпринимательскую деятельность простирается от проектирования товаров и услуг до маркетинговых стратегий и разрешения споров. В свою очередь, специальные правила розничной торговли, являясь подмножеством гражданского права, уточняют и конкретизируют общие

положения закона о защите прав потребителей, адаптируя их к специфике розничной торговли.

Законодательство о защите прав потребителей призвано обеспечить баланс сил между потребителями, как экономически более слабой стороной, и предпринимателями. Оно устанавливает минимальные стандарты качества товаров и услуг, обязательства по предоставлению достоверной информации, ответственность за ущерб, причиненный вследствие недостатков товаров и услуг, и механизмы защиты прав потребителей в случае их нарушения. Для предпринимателей это означает необходимость соблюдения определенных правил и стандартов, адаптацию бизнес-процессов и повышенную ответственность за свою деятельность[1].

Одним из важнейших аспектов законодательства о защите прав потребителей является требование к предоставлению полной и достоверной информации о товаре или услуге. Потребитель должен иметь возможность сделать осознанный выбор, основываясь на информации о потребительских свойствах, цене, производителе, сроке годности и т. д. Недостоверная или неполная информация может привести к введению потребителя в заблуждение, что является нарушением закона. Предприниматели обязаны тщательно контролировать качество предоставляемой информации, размещать ее в доступной и понятной форме, а также своевременно обновлять.

Качество товаров и услуг является еще одним краеугольным камнем законодательства о защите прав потребителей. Предприниматель несет ответственность за соответствие товаров и услуг установленным стандартам безопасности и качества[2]. В случае обнаружения недостатков потребитель имеет право требовать замены товара, устранения недостатков, соразмерного уменьшения цены или возврата денег. Предприниматели должны уделять особое внимание контролю качества на всех этапах производства и реализации,

---

[1] См.: Богданов В.В. Защита прав потребителей в России: современное состояние и перспективы развития / В.В. Богданов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 118.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

а также оперативно реагировать на претензии потребителей.

Соотношение законодательства о защите прав потребителей и специальных правил розничной торговли заключается в том, что последние являются конкретизацией общих положений закона, адаптированной к специфике розничной торговли. Специальные правила могут устанавливать особые требования к оформлению торговых залов, правилам продажи отдельных видов товаров, гарантийным срокам, порядку возврата и обмена товаров и т.д. Например, правила продажи отдельных видов товаров (продовольственных, технически сложных) устанавливают особые требования к их маркировке, хранению, транспортировке и реализации.

Важным аспектом является регулирование дистанционной торговли, в том числе через интернет-магазины. Законодательство о защите прав потребителей в этой сфере устанавливает особые правила предоставления информации, оформления заказа, доставки товара и возврата товара. Потребитель имеет право отказаться от товара, приобретенного дистанционно, в течение определенного срока (обычно 7 дней) без объяснения причин. Предприниматели должны обеспечить соблюдение этих правил, чтобы избежать ответственности за нарушение прав потребителей.

Законодательство о защите прав потребителей не только регулирует отношения между продавцами и покупателями, но и оказывает существенное влияние на стратегию развития, репутацию и конкурентоспособность бизнеса в целом. В условиях насыщенного рынка, где потребитель имеет широкий выбор, соблюдение прав потребителей становится не просто юридической обязанностью, а важным фактором успеха и устойчивого развития компании.

В Российской Федерации правовое регулирование защиты прав потребителей осуществляется на нескольких уровнях. Основу составляет Конституция Российской Федерации, гарантирующая защиту прав и свобод граждан. Базовым федеральным законом, регулирующим отношения в этой сфере, является Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»[3]. Этот закон определяет права потребителей при приобретении

[3] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 04.08.2023) //

товаров (работ, услуг), устанавливает обязанности продавцов (изготовителей, исполнителей) и предусматривает механизмы защиты нарушенных прав.

Помимо федерального закона, существует ряд подзаконных актов, регламентирующих отдельные аспекты защиты прав потребителей. К ним относятся постановления Правительства РФ, приказы федеральных органов исполнительной власти (например, Роспотребнадзора), а также различные нормативные документы, устанавливающие правила торговли, оказания услуг и другие специфические требования.

На региональном уровне также могут приниматься законы и иные нормативные акты, направленные на защиту прав потребителей. Однако, они не должны противоречить федеральному законодательству и должны учитывать особенности регионального рынка.

Рассмотрим соотношение законодательства о защите прав потребителей и специальных правил розничной торговли.

Розничная торговля, в силу своей массовости и значимости для удовлетворения потребностей населения, является объектом повышенного внимания со стороны законодателя. С одной стороны, общие положения законодательства о защите прав потребителей (Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»), регламентируют основные права потребителей, обязанности продавцов (изготовителей, исполнителей) и устанавливают общие принципы ответственности за нарушение этих прав. С другой стороны, функционирование розничной торговли регулируется рядом специальных нормативных актов, которые конкретизируют и дополняют общие положения, учитывая специфику отдельных видов товаров, услуг и форм торговли. Возникает вопрос о соотношении этих двух уровней регулирования и приоритете применения тех или иных норм в конкретных ситуациях[4].

В юридической теории и практике действует принцип субсидиарности,

---

Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

[4] См.: Лескова Ю.Г. Соотношение общего и специального законодательства о защите прав потребителей / Ю.Г. Лескова // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6 (67). С. 127.

согласно которому специальная норма имеет приоритет над общей. Это означает, что в случае, если конкретная ситуация розничной торговли урегулирована специальным нормативным актом (например, Правилами продажи отдельных видов товаров), то применению подлежат положения этого акта, а не общие нормы Закона «О защите прав потребителей». Однако, данный принцип не носит абсолютного характера.

Законодательство о защите прав потребителей и специальные правила розничной торговли не находятся в состоянии конкуренции или противоречия. Скорее, они образуют взаимодополняющую систему. Специальные правила, в основном, детализируют порядок продажи, требования к информации о товаре, условия возврата и обмена, особенности гарантийного обслуживания, в то время как общие положения Закона «О защите прав потребителей» обеспечивают фундаментальные права потребителей, такие как право на безопасность товара, право на информацию, право на надлежащее качество и право на судебную защиту[5].

В тех редких случаях, когда нормы специальных правил розничной торговли противоречат положениям Закона «О защите прав потребителей» и ущемляют права потребителей, приоритет имеет Закон. Например, если специальные правила ограничивают срок возврата качественного товара меньшим периодом, чем предусмотрено Законом (14 дней), то применяются положения Закона. Это обусловлено тем, что Закон является актом более высокой юридической силы и направлен на обеспечение защиты прав потребителей как более слабой стороны в отношениях с продавцом[6].

Охарактеризуем примеры специальных норм и их соотношение с общими положениями.

---

[5] См.: Богданов В.В. Защита прав потребителей в России: современное состояние и перспективы развития / В.В. Богданов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 118.

[6] См.: Беляева О.А. Правовое регулирование розничной торговли в России: проблемы и перспективы / О.А. Беляева // Законы России: анализ, комментарии, практика. 2021. № 5. С. 3.

1) Правила продажи отдельных видов товаров: конкретизируют требования к информации о товарах (например, о составе, сроке годности, энергетической эффективности), устанавливают особые правила продажи товаров дистанционным способом, по образцам, на дому и т. д. Они дополняют общие требования Закона «О защите прав потребителей» к информации о товаре и обеспечивают потребителю более полную и достоверную информацию.

2) Технические регламенты: устанавливают обязательные требования к безопасности товаров и услуг. Соответствие товаров техническим регламентам является обязательным условием их оборота на рынке и обеспечивает право потребителей на безопасность. В случае нарушения требований технических регламентов, потребитель вправе требовать возмещения вреда, причиненного некачественным товаром, в соответствии с Законом «О защите прав потребителей».

3) Нормы Гражданского кодекса РФ: регулируют общие вопросы договорных отношений, включая куплю-продажу. При разрешении споров между потребителем и продавцом применяются положения Гражданского кодекса РФ, если они не противоречат законодательству о защите прав потребителей. Например, положения о расторжении договора, уплате неустойки и возмещении убытков.

При рассмотрении конкретных дел о защите прав потребителей суды учитывают как общие положения Закона «О защите прав потребителей», так и специальные правила розничной торговли, применимые к данному виду товара или услуги[7]. Важно установить, была ли предоставлена потребителю полная и достоверная информация о товаре, соответствовал ли товар требованиям безопасности, были ли нарушены условия договора купли-продажи.

Защита прав потребителей является неотъемлемой частью современной рыночной экономики. Эффективное регулирование в этой сфере способствует формированию доверия между потребителями и предпринимателями,

[7] Комментарий к Закону РФ «О защите прав потребителей» / под ред. А.Ю. Бушева. – Москва: Проспект, 2022. С. 90.

стимулирует здоровую конкуренцию и обеспечивает стабильность экономического развития. Однако действующее законодательство о защите прав потребителей, несмотря на многочисленные изменения и дополнения, все еще сталкивается с рядом проблем, которые затрудняют его эффективное применение в предпринимательской деятельности, рассмотрим основные из них.

1. Недостаточная ясность и конкретность отдельных норм: многие положения закона содержат оценочные понятия, такие как «существенный недостаток», «разумный срок», «необходимая информация», которые допускают различное толкование и приводят к спорам между потребителями и предпринимателями. Отсутствие четких критериев оценки этих понятий усложняет правоприменительную практику и создает неопределенность для бизнеса.

2. Сложность процедуры защиты прав потребителей: процесс подачи жалобы, проведения экспертизы и досудебного урегулирования спора может быть длительным и дорогостоящим для потребителя, особенно в случаях с небольшими суммами ущерба. Это снижает мотивацию потребителей к защите своих прав и создает стимулы для недобросовестного поведения со стороны предпринимателей.

3. Недостаточная развитость механизмов контроля и надзора: эффективность защиты прав потребителей во многом зависит от работы уполномоченных органов, осуществляющих контроль и надзор за соблюдением законодательства. Однако зачастую эти органы испытывают нехватку ресурсов и полномочий для оперативного реагирования на нарушения и проведения эффективных проверок.

4. Пробелы в регулировании сферы электронной коммерции: с развитием интернет-торговли возникли новые вызовы для защиты прав потребителей. Законодательство не всегда успевает за динамичными изменениями в этой сфере, что создает возможности для злоупотреблений и недобросовестной конкуренции. Особенно остро стоит проблема

идентификации продавцов, защиты персональных данных и обеспечения безопасности онлайн-платежей[8].

5. Низкая правовая грамотность потребителей и предпринимателей: многие потребители не знают своих прав и не умеют их защищать, а некоторые предприниматели не осознают своих обязанностей и нарушают законодательство из-за незнания или пренебрежения. Это приводит к возникновению конфликтных ситуаций и необходимости судебного разбирательства.

Теперь охарактеризуем пути совершенствования законодательства о защите прав потребителей.

1. Уточнение и конкретизация законодательных норм: необходимо разработать более четкие критерии оценки оценочных понятий, используемых в законе, и установить конкретные сроки и процедуры для реализации прав потребителей. Это позволит избежать разногласий в толковании норм и сделает законодательство более предсказуемым для бизнеса.

2. Упрощение процедуры защиты прав потребителей: следует создать более доступные и эффективные механизмы досудебного урегулирования споров, такие как медиация или арбитраж. Также необходимо упростить процедуру подачи жалоб и проведения экспертиз, а также предусмотреть возможность компенсации расходов потребителей на защиту своих прав.

3. Усиление контроля и надзора за соблюдением законодательства: необходимо расширить полномочия и увеличить финансирование уполномоченных органов, осуществляющих контроль и надзор за соблюдением законодательства о защите прав потребителей. Также следует усилить ответственность предпринимателей за нарушение прав потребителей, в том числе путем увеличения штрафов и введения иных санкций.

4. Совершенствование регулирования сферы электронной коммерции: следует разработать специальные нормы, регулирующие отношения между

---

[8] См.: Кузнецова О.А. Актуальные проблемы защиты прав потребителей в сфере розничной торговли / О.А. Кузнецова, А.И. Короткова // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 12 (92). С. 328.

потребителями и продавцами в сфере электронной коммерции, в том числе в части идентификации продавцов, защиты персональных данных, обеспечения безопасности онлайн-платежей и урегулирования споров.

5. Повышение правовой грамотности потребителей и предпринимателей: необходимо организовать широкую информационную кампанию по разъяснению прав и обязанностей потребителей и предпринимателей, в том числе с использованием средств массовой информации и интернета. Также следует включить вопросы защиты прав потребителей в программы обучения различных специалистов, работающих в сфере торговли и услуг.

6. Развитие института общественного контроля: поддержка и развитие деятельности общественных организаций по защите прав потребителей, предоставление им возможности участвовать в разработке и реализации государственной политики в этой сфере, а также осуществлять общественный контроль за соблюдением законодательства.

Таким образом, совершенствование законодательства о защите прав потребителей и его эффективное применение в предпринимательской деятельности является важной задачей, требующей совместных усилий государства, бизнеса и общества. Только при условии четкого соблюдения прав потребителей и ответственности предпринимателей можно создать здоровую и устойчивую рыночную экономику, основанную на доверии и взаимовыгодном сотрудничестве. Дальнейшее развитие и адаптация законодательства к современным условиям, особенно в сфере электронной коммерции и цифровых технологий, является необходимым условием для защиты прав потребителей и стимулирования инноваций.

Особенности правового регулирования рекламы в сети Интернет

Клименко Егор Олегович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье автором рассматриваются особенности правового регулирования рекламы в сети Интернет. Отмечено, что правовое регулирование рекламы в сети Интернет в Российской Федерации представляет собой сложную систему норм, направленную на упорядочение отношений в одной из наиболее динамично развивающихся сфер современной экономики. Его особенности заключаются в сочетании традиционных принципов рекламного права с новыми механизмами цифрового контроля.

Ключевые слова: реклама в сети Интернет, Единый реестр интернет-рекламы, недостоверная реклама, скрытая реклама, алгоритмическая реклама, маркировка и учет рекламы.

Актуальность темы исследования особенностей правового регулирования рекламы в сети Интернет в Российской Федерации обусловлена глубокими структурными изменениями в экономике, информационной сфере и общественных коммуникациях, связанными с цифровизацией и переносом значительной части рекламной деятельности в онлайн-пространство. Интернет за сравнительно короткий период трансформировался из вспомогательного канала распространения информации в основной инструмент коммерческих коммуникаций, охватывающий практически все сферы предпринимательской деятельности. В условиях, когда реклама в сети Интернет стала ключевым способом продвижения товаров, работ и услуг, возрастает необходимость четкого и системного правового регулирования данной сферы, способного обеспечить баланс интересов государства, бизнеса и потребителей[1].

---

[1] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

Особая значимость темы исследования объясняется тем, что интернет-реклама по своей правовой и экономической природе существенно отличается от традиционных форм рекламной деятельности. Она характеризуется высокой скоростью распространения, трансграничным характером, использованием автоматизированных технологий таргетинга и персонализации, а также участием значительного числа посредников, включая владельцев интернет-платформ, операторов рекламных данных и рекламораспространителей. Указанные особенности создают сложности в определении субъектов ответственности и требуют особых механизмов правового воздействия, что обусловливает необходимость постоянного совершенствования законодательства и анализа правоприменительной практики.

Содержание правового регулирования рекламы в сети Интернет в Российской Федерации формируется на основе системы нормативных правовых актов, центральное место среди которых занимает Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе»[2]. Закон устанавливает общее понятие рекламы, основные принципы ее распространения, требования к достоверности, добросовестности и допустимости рекламной информации. Несмотря на универсальный характер норм закона, они подлежат специальному толкованию и применению в условиях цифровой среды, что подтверждается многочисленными поправками, направленными на учет специфики интернет-рекламы. Существенное значение имеет Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который закрепляет правовой режим информации в сети Интернет и определяет основания ограничения доступа к противоправному контенту, включая незаконную рекламу[3].

---

[2] Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

Юридические аспекты правового регулирования интернет-рекламы выражаются прежде всего в установлении обязательных требований к содержанию и форме рекламных сообщений, а также к порядку их распространения. Законодательством запрещается недостоверная, недобросовестная и скрытая реклама, а также реклама товаров и услуг, оборот которых ограничен или запрещен. Для рекламы в сети Интернет данные требования приобретают особое значение, поскольку цифровые технологии позволяют маскировать рекламную информацию под иные виды контента. В целях защиты прав потребителей законодатель требует обязательного обозначения рекламного характера сообщений, что на практике реализуется через использование специальных пометок и идентификаторов.

Существенным этапом развития правового регулирования интернет-рекламы стало введение с 2022 года обязательной маркировки и учета рекламы в сети Интернет. В соответствии с действующим законодательством каждому рекламному сообщению присваивается уникальный идентификатор, а сведения о нем подлежат передаче в Единый реестр интернет-рекламы, оператором которого является Роскомнадзор[4]. Данные меры направлены на повышение прозрачности рекламного рынка и усиление государственного контроля за распространением рекламной информации в цифровой среде. Одновременно была усилена административная ответственность за нарушение требований о маркировке и учете рекламы, что отражено в нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Порядок правового регулирования рекламы в сети Интернет включает комплекс процедур, связанных с созданием, размещением, распространением и последующим контролем рекламных материалов. Важную роль в этом процессе играет деятельность Федеральной антимонопольной службы, осуществляющей контроль за соблюдением законодательства о рекламе и рассматривающей дела

---

[4] О введении обязательной маркировки и учета рекламы в сети Интернет: официальные разъяснения Роскомнадзора // Официальный сайт Роскомнадзора // URL: https: //rkn.gov.ru (дата обращения: 13.01.2026).

о нарушениях, связанных с недобросовестной конкуренцией и распространением недостоверной информации. Одновременно Роскомнадзор реализует функции надзора за соблюдением требований к маркировке рекламы и передаче данных в единый реестр, что свидетельствует о многоуровневом характере правового регулирования данной сферы.

Экономическая сторона правового регулирования интернет-рекламы выражается в стремлении государства обеспечить учет и контроль финансовых потоков в одном из наиболее доходных сегментов цифровой экономики. Интернет-реклама является значимым источником доходов для рекламных платформ и посредников, что обусловливает необходимость ее включения в систему публичных финансовых обязательств. Введение обязательных отчислений с доходов от интернет-рекламы, ориентированной на российскую аудиторию, отражает тенденцию к усилению государственного участия в регулировании цифровых рынков и формированию экономических механизмов воздействия на рекламную деятельность[5].

Задачи правового регулирования рекламы в сети Интернет включают защиту прав и законных интересов потребителей, обеспечение добросовестной конкуренции, предупреждение злоупотреблений в сфере цифровых коммуникаций, а также реализацию публичных интересов государства в области информационной безопасности. Правовое регулирование в данной сфере подразумевает не только установление запретов и ограничений, но и формирование прозрачных и предсказуемых условий ведения рекламной деятельности, адаптированных к особенностям цифровых технологий и современной экономики.

Развитие правового регулирования рекламы в сети Интернет в Российской Федерации носит динамичный характер и обусловлено быстрым развитием технологий, включая использование алгоритмической рекламы, больших данных и автоматизированных систем принятия решений. Эти

---

[5] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

процессы ставят перед законодателем новые задачи, связанные с защитой персональных данных, обеспечением правовой определенности и предотвращением дискриминационных практик. В результате законодательство о рекламе постепенно усложняется и дополняется нормами, направленными на регулирование новых форм и способов распространения рекламной информации.

Практика применения законодательства о рекламе в сети Интернет показывает, что многие нормы находятся в стадии формирования и требуют дальнейшего уточнения. Участники рекламного рынка вынуждены перестраивать внутренние бизнес-процессы, внедрять технические решения для маркировки и учета рекламы, а также учитывать риски привлечения к административной ответственности. Судебная и административная практика постепенно формирует подходы к толкованию норм рекламного законодательства применительно к цифровой среде, что имеет важное значение для обеспечения единообразия правоприменения.

Следует отметить, что правовое регулирование рекламы в сети Интернет в Российской Федерации представляет собой сложную систему норм, направленную на упорядочение отношений в одной из наиболее динамично развивающихся сфер современной экономики. Его особенности заключаются в сочетании традиционных принципов рекламного права с новыми механизмами цифрового контроля, усилении роли государства и возрастании ответственности участников рекламного рынка.

Актуальные проблемы риэлторской деятельности в России в 2025 году: регулирование, цифровизация, рынок и устойчивые практики

Кожина Ольга Валерьевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье автором показано, что риэлтор в настоящее время - «профессия без единого закона», однако предпринимаются перманентные попытки регулирования данной сферы отношений. К 2025 году публичная дискуссия о возвращении государственного регулирования риэлторских услуг фактически перешла в стадию проектирования архитектуры контроля: обсуждался реестр риэлторов, требования к договору оказания услуг, механизмы ответственности, ограничения по допуску, а также режим регулирования таких отношений через государственный орган или через обязательное саморегулирование.

Ключевые слова: риэлторская деятельность, государственное регулирование риэлторских услуг,

Профильные отраслевые медиа отмечали включение регулирования риэлторской деятельности в законопроектный контур мер по борьбе с мошенничеством с обсуждением модели государственного реестра и допуска к сопровождению сделок.

Практическое следствие для рынка выглядит в виде специального закона – повышается значение договорной дисциплины и доказательной базы качества услуги: чем слабее формальная «профессия», тем больше роль стандартных процедур. Риэлторская практика напрямую зависит от правил государственной регистрации прав. Базовый акт — Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»[1].

С 1 марта 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 26 декабря 2024 года № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные

[1] Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.

акты Российской Федерации», закрепивший порядок электронного взаимодействия с регистрирующим органом для юридических лиц[2].

Даже без детальной статистики по всем регионам РФ, доступные релизы указывают на устойчивый рост электронных обращений в Росреестр и высокую долю электронных подач в отдельных сегментах.

В отсутствие профильного закона нагрузка складывается из нескольких контуров:

- Права потребителей при оказании услуг: Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»[3].
- Персональные данные клиентов: Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»[4].
- Реклама и объявления: Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе»[5].
- Электронная подпись: Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[6].
- Антикоррупционное регулирование: риэлторские компании и индивидуальные предприниматели, оказывающие посреднические услуги при сделках купли-продажи недвижимости, названы в ст. 5 Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[7].
- В 2025 году Росфинмониторинг обновил требования к идентификации клиентов (Приказ Росфинмониторинга от 23 апреля 2025 года № 74 «Об утверждении требований к идентификации клиентов, представителей клиентов (в том числе идентификации единоличного исполнительного органа как представителя клиента), выгодоприобретателей и

---

[2] Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8497.
[3] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
[4] Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
[5] Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
[6] Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
[7] Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.

бенефициарных владельцев»[8]), что усилило обязательность организационных процедур идентификации клиента и обновления правил внутреннего контроля у субъектов согласно Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

- Сам регулятор в «памятках» фиксирует базовую рамку обязанностей субъектов в ст. 5 — это важно для агентств как элемент «операционной легальности».

Отсутствует единая публичная официальная статистика о количестве физических лиц, оказывающих риэлторские услуги вне статуса индивидуального предпринимателя (самозанятого; сотрудника агентства); отраслевые источники отмечают неопределённость числа таких участников рынка.

При рассмотрении рынка с 2023 по 2025 годы можно отметить следующие макрофакторы: ценность денег и ипотечная зависимость. В 2025 году критический драйвер сделок — денежно-кредитные условия. Решение Совета директоров Банка России от 24 октября 2025 года установило ключевую ставку на уровне 16,5% годовых (с 27 октября 2025 года), что задавало высокий «пол» стоимости рыночной ипотеки и усиливало роль субсидируемых программ.

По данным «Обзора рынка ипотечного жилищного кредитования» Банка России за сентябрь 2025 года, доля ипотеки по программам государственной поддержки снизилась до 77%, но оставалась доминирующей; одновременно рос объём выдачи ипотечных кредитов на рыночных условиях. Программа льготной ипотеки до 8% была прекращена 2 июля 2024 года. Логическим следствием этого должна стать финансовая грамотность риэлтора и умение объяснять клиенту «стоимость владения», это становится частью конкурентного продукта — наравне с юридическим сопровождением.

Спрос, предложение и региональная неоднородность рынка жилья в

[8] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 05.02.2026).

России (статистически неоднороден по регионам); при этом сводные сборники Росстата показывают, что данные по жилищному сектору публикуются с оговоркой о предварительности части показателей. Это важно при сравнении 2023–2025 годов и построении прогнозов.

Региональные различия проявляются как минимум в трёх плоскостях:

- Цифровая зрелость. Даже выборочные релизы показывают высокие доли электронных заявлений и быстрые сроки обработки в отдельных сферах, что меняет экономику сделки.
- Структура спроса, её зависимость от государственных программ и рассмотрение инициатив.
- Институциональная инфраструктура, что прямо влияет на качество рынка и на риски мошенничества.

Рассмотрим изменения 2025 года, затронувшие «объявления» и «цифровую цепочку ценности». Академические работы 2023 года указывают, что цифровизация рынка недвижимости несёт одновременно преимущества. В 2025 году ProTech всё чаще трактуется как фактор, влияющий не только на маркетинг объектов, но и на формирование сервисов вокруг недвижимости, что усиливает роль банковских экосистем и «данных как инфраструктуры».

Со стороны государства цифровизация сделки и данных об объекте дополняется цифровизацией строительной отрасли. Правительства о технологиях информационного моделирования (ТИМ) задают переход к обязательной «информационной модели» в ряде случаев, включая долевое строительство.

Почему это важно именно риэлтору: качество цифрового описания объекта (планы, характеристики, ограничения, история изменений) и юридическая чистота цифровых следов (право, обременения, согласия) становятся частью «продукта доверия», а не вспомогательной информацией.

Инструменты 2025 года: CRM, платформы, искусственный интеллект, виртуальные показы.

Для риэлторского бизнеса к 2025 году критичны четыре класса

инструментов:

- CRM и сквозная аналитика.
- Платформы, как канал спроса и слой коммуникации. Академические исследования по большим данным перечисляют крупнейшие сервисы - ключевые точки входа пользователя на рынок жилья.
- ИИ-инструменты — при обязательной юридической и этической «обвязке». Примером публично заявленного внедрения является запуск ИИ-помощника на базе генеративных моделей на онлайн-платформе «Циан».
- Виртуальные показы (3D-материалы) как метод сокращения издержек первичного отбора объекта (особенно актуально при межрегиональном спросе).
- В открытых официальных источниках нет единой верифицированной статистики, какая доля риэлторов в РФ использовала именно ИИ и виртуальные показы в 2025 году (по отрасли в целом). Поэтому в статье эти инструменты рассматриваются как подтверждённый тренд на уровне кейсов и публикаций, без экстраполяции долей на весь рынок.

Этика в риэлторской деятельности 2025 году перестала быть «репутационной надстройкой» и стала фактором экономической устойчивости: рост стоимости привлечения клиента и снижение доверия повышают цену конфликтов и судебных споров. Публичные обсуждения законопроекта о риэлторах постоянно возвращают рынок к тезису: «риэлтором может назваться кто угодно», а значит клиент не может заранее оценить квалификацию и добросовестность исполнителя.

Показательным и реальным фактором 2025 года является массовое использование гражданами механизма запрета регистрационных действий без личного участия: официальные сообщения указывают на более 700 тыс. заявлений за первое полугодие 2025 года (738 тыс.), что отражает масштаб общественного запроса на снижение рисков «чужой сделки». На уровне законодательства данный класс защитных механизмов связан с режимом государственной регистрации прав и процедуры подачи заявлений.

Далее рассмотрим типовые зоны риска для риэлтора (2025 год), где ошибки критичны:

- идентификация сторон и проверка полномочий (в т. ч. доверенности, представители, «уязвимые» собственники);
- «чистота» объекта (обременения, запреты, правовая история, наследственные и семейные риски);
- расчёты (наличные или безналичные, аккредитивы, безопасные расчёты, источники средств);
- информационная безопасность (утеря данных паспорта клиента, выписок, договоров, доступов к личным кабинетам).

Таблица: ключевые проблемы 2025 года по приоритету и влиянию

Проблема	Описание проблемы	Приоритет	Влияние на бизнес	Типовой индикатор
1	2	3	4	5
Низкий порог входа и недоверие	Отсутствие обязательной квалификации/реестра; асимметрия информации для клиента	Очень высокий	Очень высокое	Доля сделок «по рекомендации», доля претензий/возвратов; NPS
Регуляторная неопределённость (проект закона о риэлторах)	Риски изменения правил: реестр, страхование, запреты по допуску, контроль	Высокий	Высокое	Наличие «карты соответствия» требованиям; готовность договоров/ процедур
Ипотечная волатильность	Высокая ставка, зависимость от госпрограмм, усложнение финансовой модели сделок	Очень высокий	Очень высокое	Конверсия одобрение → сделка; доля альтернативных схем финансирования

Цифровизация при слабом комплаенсе	CRM/платформы без ПДН-режима, отсутствуют регламенты, киберриски	Высокий	Высокое	Инциденты ПДН; результаты аудита доступа; доля сделок с электронным документооборотом
ПОД/ФТ (115-ФЗ) как «скрытая обязанность»	Идентификация, правила внутреннего контроля, обучение, сообщение об операциях	Высокий	Средне - высокое	Актуальность ПВК; обучение; результаты проверок/предписаний
Мошенничество/ социальная инженерия	«Масштабируемое» мошенничество (телефон/кибер), риски отчуждения жилья	Очень высокий	Очень высокий	Количество антифрод-остановок сделки; доля клиентов, установивших запрет
Экологичность/ Энергоэффективность как критерий выбора	Рост роли «зелёных» стандартов и энергоэффективности объекта	Средний	Среднее	Доля объектов с подтверждаемыми параметрами энергоэффективности

Для формализации компетенций в РФ существует профессиональный стандарт «Специалист по операциям с недвижимостью», утверждённый приказом Минтруда России от 10 сентября 2019 года № 611н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по операциям с недвижимостью»[9].

Параллельно в РФ действует правовая рамка независимой оценки квалификации — Федеральный закон от 3 июля 2016 года «О независимой

[9] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

оценке квалификации»[10].

В инфраструктуре квалификаций важны центры оценки квалификаций (ЦОК) и связанный реестр сведений о независимой оценке квалификаций; профильные страницы СПК при ТПП указывают на наличие ЦОК для специалистов по операциям с недвижимостью и ссылки на записи в реестре НОК.

С точки зрения добровольного «рыночного» стандарта качества значимы практики Российской гильдии риэлторов: единый реестр сертифицированных компаний и аттестованных специалистов, а также национальный стандарт системы добровольной сертификации брокерских услуг.

В 2024 году Росстандарт утвердил национальный стандарт ГОСТ Р 71392-2024 для «зелёного» индивидуального жилищного строительства, с датой введения в действие 1 августа 2024 года[11].

Для риэлтора это практически означает: в 2025 году «устойчивость» перестаёт быть абстракцией и превращается в проверяемые признаки объекта (энергоэффективность, инженерные решения, эксплуатационные характеристики, инфраструктура), которые можно и нужно переводить в язык выгод клиента: платёж за коммунальные услуги, комфорт, ликвидность, соответствие будущим стандартам финансирования и страхования.

Прогноз проблематики после 2025 года: с высокой вероятностью вектор регулирования будет двигаться в сторону:

а) большей формализации профессии;

б) расширения цифровых следов сделки и обязательного электронного взаимодействия в отдельных сегментах;

в) ужесточения требований к идентификации и документированию сделки.

---

[10] Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4171.

[11] ГОСТ Р 71392-2024 «Зелёные стандарты. «Зелёное» индивидуальное жилищное строительство. Методика оценки и критерии проектирования, строительства и эксплуатации» утверждён и введён в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 22 мая 2024 года № 630-ст. Дата введения стандарта—1 августа 2024 года с правом досрочного применения.

Основанием служит характер публичных обсуждений законопроекта о риэлторской деятельности и включение темы в контур борьбы с мошенничеством.

Таблица: краткий план действий для риэлтора на 2025–2026 годы

Шаг	Срок	Ресурсы	Ожидаемый результат
Провести «юридико-комплаенс аудит» услуги (договор, раскрытия, комиссия, доказательства консультаций)	2 - 4 недели	юрист, руководитель продаж	снижение претензий, готовность к возможному реестру/стандартизации
Привести ПВК и идентификацию клиентов в соответствие с 115-ФЗ и приказом №74	2 - 6 недель	комплаенс/юрист, обучение сотрудников	снижение риска санкций, предсказуемость процедуры идентификации личности
Стандартизировать due diligence объекта (чек-лист, контроль обременений, «антифрод-паузы»)	2 - 4 недели	методолог, юрист	меньше «токсичных» сделок, снижение вероятности мошенничества
Перенастроить воронку под «дорогую ипотеку»: финансовое моделирование, сценарии, партнёрства с банками	1 - 2 недели	ипотечный брокер, аналитика	рост конверсии, снижение срывов на этапе финансирования
Внедрить CRM/сквозную аналитику и минимальный электронный документооборот (пилот → масштабирование)	2 - 3 недели	PM, IT, обучение	управляемость продаж, контроль качества, снижение ручных ошибок
Закрепить профессиональную квалификацию: профстандарт, НОК/аттестация/реестр профсообщества	3 - 6 недель	обучение, аттестация	доверие клиента, маркетинговое преимущество, подготовка к возможным требованиям закона

Правовые особенности инвестирования стартапной деятельности в Российской Федерации

Кузнецова Александра Викторовна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Автором рассматриваются особенности инвестирования стартапной деятельности в Российской Федерации. Показано, что инвестирование стартапной деятельности в России - сложный правовой механизм, основанный на сочетании норм гражданского, корпоративного и инвестиционного законодательства. Отсутствие специального правового режима стартапов компенсируется широкой договорной свободой, но увеличивает требования к правовому оформлению инвестиционных отношений.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, стартапная деятельность, инновационная деятельность, миноритарные инвесторы, инвестиционная платформа, государственная поддержка стартапов.

В российском законодательстве отсутствует легальное определение стартапной деятельности, что предопределяет её правовую квалификацию через общие категории предпринимательской и инновационной деятельности. В соответствии с ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность представляет собой самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли[1], это в полной мере применимо и к стартапам.

Правовая специфика стартапной деятельности заключается в том, что на ранних стадиях она может осуществляться как без образования юридического лица (индивидуальными предпринимателями), так и через корпоративные

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 29.01.2026).

формы — прежде всего общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества. Именно корпоративная форма позволяет реализовать инвестиционную модель, основанную на привлечении венчурного капитала.

Отсутствие специального закона о стартапах[2] приводит к тому, что инвестиционные отношения формируются на основе диспозитивных норм и договорной автономии сторон, что, с одной стороны, обеспечивает гибкость, а с другой — повышает правовые риски.

Субъектами инвестиционных отношений в стартапной деятельности могут выступать:

- организация, осуществляющая стартапную деятельность;
- инвесторы, являющиеся как физическими, так и юридическими лицами;
- государственные органы исполнительной власти;
- инвестиционные платформы.

Инвесторы, вкладывая средства в инновационные стартапы, получают гарантии правовой защиты наравне с инвесторами в традиционные проекты, в том числе относительно владения, распоряжения и контроля над объектами инвестирования.

Закон определяет права инвесторов, включая возможность самостоятельного установления объёмов и направлений капитальных вложений, владение и распоряжение результатами вложений, передачу прав по договору[3]. Это позволяет инвесторам стартапов формулировать договорные условия, обеспечивающие их интересы как в отношении участия в капитале компании, так и в отношении интеллектуальной собственности, технологических разработок и распределения будущих доходов.

Правовые особенности инвестирования стартапов в существенной

---

[2] См.: Быкова С.П. Стартапная деятельность. Субъекты и признаки // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. №14. С. 55-64.

[3] Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения 28.01.2026).

степени проявляются в договорных конструкциях. На практике применяются как поименованные, так и непоименованные договоры, предусмотренные ст. 421 ГК РФ.

Инвестирование может оформляться через приобретение доли или акций в уставном капитале стартапа, заключение инвестиционного договора, корпоративного договора, а также использование конвертируемых займов и опционных механизмов. Такие договоры направлены не только на передачу денежных средств, но и на установление особого режима корпоративного контроля, распределение рисков и определение условий выхода инвестора из проекта.

Инвестирование стартапной деятельности сопряжено с повышенными правовыми рисками, обусловленными как экономической нестабильностью проектов, так и несовершенством нормативного регулирования. Существенную проблему представляет защита прав миноритарных инвесторов, которые зачастую не обладают реальными механизмами влияния на управление стартапом. Дополнительные риски связаны с размыванием долей, утратой прав на интеллектуальную собственность и банкротством стартапа.

В целях минимизации указанных рисков особое значение приобретают договорные способы защиты прав инвесторов, включая закрепление специальных корпоративных прав, условий выхода из проекта, механизмов разрешения споров и ответственности сторон. В отсутствие развитой судебной практики по стартапным спорам именно качество договорного регулирования становится ключевым фактором правовой безопасности инвестиций.

Государство играет активную роль в формировании инвестиционной экосистемы стартапной деятельности, предоставляя финансовую поддержку в форме грантов, субсидий и бюджетных инвестиций. Такие инвестиции имеют строго целевой характер и сопровождаются усиленным финансовым и правовым контролем. Особенностью государственного инвестирования является наличие публично-правовых обязанностей у получателей средств, нарушение которых может повлечь применение мер юридической

ответственности.

Федеральный закон от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» в ст. 11 предусматривает государственное регулирование инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений, включая создание благоприятных условий, защиту интересов инвесторов и применение специальных мер для развития инвестиционной активности[4]. Это включает меры по совершенствованию налогового режима, защите инвесторов, поддержке льготного пользования ресурсами и другим инструментам, которые могут быть использованы для стимулирования инвестирования стартапов.

Государственная поддержка стартапов способствует снижению инвестиционных рисков и стимулирует развитие инновационных проектов, однако одновременно усиливает зависимость стартапной деятельности от приоритетов государственной политики.

Инвестирование стартапной деятельности в Российской Федерации представляет собой сложный правовой механизм, основанный на сочетании норм гражданского, корпоративного и инвестиционного законодательства. Отсутствие специального правового режима стартапов компенсируется широкой договорной свободой, однако это повышает требования к правовому оформлению инвестиционных отношений. Совершенствование нормативной базы и формирование устойчивой судебной практики являются необходимыми условиями развития стартапной экосистемы и повышения инвестиционной привлекательности инновационной деятельности в РФ.

---

[4] Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения 28.01.2026).

Механизм правовой защиты предпринимателей при проведении выездных налоговых проверок

Моисеева Елизавета Андреевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена анализу механизма правовой защиты предпринимателей при проведении выездных налоговых проверок. Автором показано, что проведение выездных налоговых проверок - часть системы налогообложения, соблюдение установленных законом процедур и защита прав налогоплательщика играют ключевую роль в поддержании доверия предпринимателей к государственным органам власти. Своевременное использование механизмов правовой защиты позволяет минимизировать негативные последствия возможных ошибок и злоупотреблений со стороны контролирующих структур.

Ключевые слова: механизм правовой защиты предпринимателей, выездная налоговая проверка, контрольно-надзорная деятельность, Единый реестр проверок, налоговый аудит, налогоплательщик.

Выездная налоговая проверка представляет собой одну из наиболее интенсивных форм налогового контроля, затрагивающую основные права предпринимателей, гарантированные ч. 1 ст. 34 Конституции РФ (свобода предпринимательской деятельности) и ст. 35 (право частной собственности).

Выездная налоговая проверка — это проверка правильности расчетов налогов и сборов с выездом в проверяемую организацию. Орган, осуществляющий подобную налоговую проверку, - территориальный налоговый орган, в котором состоит на налоговом учете предприниматель либо зарегистрирована организация или предприятие[1].

---

[1] См.: Макоева Ф.А., Хадарцева М.М., Хадикова Э.К., К вопросу функционирования налогового контроля в Российской Федерации // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 207-210.

В процессе выездной налоговой проверки сотрудники налоговых органов власти получают возможность в режиме реального времени ознакомиться со всей экономической документацией налогоплательщика, что позволяет минимизировать риски сокрытия его доходов от налогообложения. Также выездная налоговая проверка позволяет сотрудникам налоговых органов проводить устный опрос в реальном времени любых работников налогоплательщика, помимо этого выездная налоговая проверка является важнейшим профилактическим стимулом для налогоплательщиков. Так как они носят зачастую плановый характер, то налогоплательщики перед выездной налоговой проверкой приводят в порядок документацию, осуществляют уплату (довнесение) обязательных платежей в бюджеты и внебюджетные публичные фонды всех уровней.

В связи с тем, что в большинстве случаев выездная налоговая проверка проводится на территории налогоплательщика, либо по месту нахождения обособленного подразделения такой организации, сотрудники налоговых органов власти имеют возможность в реальном режиме времени офлайн сверить, например, фактическое наличие материальных ценностей и их отражение в документах бухгалтерского и налогового учета[2].

С теоретической точки зрения, выездная проверка – административно-правовая процедура, в рамках которой реализуется императивная власть государства, что неизбежно создает потенциал для нарушения прав проверяемых лиц. Соответственно, механизмы защиты направлены на обеспечение принципов состязательности, пропорциональности и законности в рамках данной процедуры.

Правовой режим проверки регулируется преимущественно Налоговым кодексом РФ (глава 14), при этом дополнительные гарантии для субъектов МСП установлены Федеральным законом от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О

---

[2] См., например: Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г. О возможности осуществления общественного контроля за выездными налоговыми проверками в Российской Федерации: к постановке проблемы // Финансы и управление. 2024. № 3. С. 57-72.

защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля»[3]. Стоит отметить основную особенность Закона. Она заключается в приоритете профилактических мероприятий по отношению к контрольным (надзорным). Возможно, данная позиция законодателя связана с необходимостью сохранения позитивных отношений государства и предпринимательства, а также установления доверия. В том числе на данное решение могла повлиять и санкционная политика недружественных стран в отношении России. Данный момент стоит рассматривать как поддержку для бизнеса, так как снижается нагрузка, связанная с проверками[4].

Рассмотрим некоторые механизмы правовой защиты предпринимателей при проведении выездных проверок, систематизировав информацию в таблицу[5].

Таблица 1. Основные механизмы правовой защиты предпринимателей при проведении выездных налоговых проверок

Досудебные (административные) механизмы защиты: структура и правовые основания	
1. Процедурно-процессуальные механизмы	
Метод	Сущность
Верификация законности начала проверки	-Требование о предъявлении решения о проведении выездной налоговой проверки (ст. 89 НК РФ) - ключевой формальный акт, определяющий предмет, период и состав комиссии. -Обязательная сверка с Единым реестром проверок (ст. 13.2 294-ФЗ) как инструмент публичного контроля за деятельностью контролирующих органов. -Проверка соблюдения законных сроков (ст. 89.1 НК РФ): 20 рабочих

[3] Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6249.

[4] См: Чернышов И.И., Дашин А.В. Особенности государственного контроля и надзора предпринимательской деятельности // Вестник экономики и права. 2024. № 88. С. 102-110.

[5] См. по этому вопросу: Сасов К.А. Процессуальные права налогоплательщика при проведении выездной налоговой проверки: проблемы реализации и судебной защиты // Арбитражные споры. 2021. № 4. С. 65-78.

	дней с возможностью продления до 40 дней. Для субъектов МСП действуют специальные лимиты по продолжительности (ст. 13.1 294-ФЗ).
Процессуальный контроль в ходе проверки	Принцип ограниченности предмета проверки (п. 4 ст. 89 НК РФ): запрашивать можно только документы, относящиеся к предмету проверки. Отклонение неправомерных требований -первичный защитный механизм. Ведение журнала учета проверки-не предусмотрено НК РФ, но разрешено 294-ФЗ и является эффективным средством фиксации процессуальных действий. Участие в отдельных процессуальных действиях (осмотр, выемка, экспертиза) с правом давать объяснения, заявлять ходатайства, получать копии документов.
2. Материально-правовые механизмы на стадии завершения проверки	
Метод	Сущность
Возражения на акт налоговой проверки (ст. 100 НК РФ)	15-дневный срок для представления письменных возражений. Теоретическое значение: реализация права на защиту и принципа состязательности в административном процессе. Практическое значение: возможность исправить фактические ошибки, представить дополнительные доказательства, повлиять на позицию вышестоящего органа.
Жалоба вышестоящему налоговому органу (ст. 101.2 НК РФ)	Административный порядок обжалования, предшествующий судебному. Эффективность: статистически, вышестоящие органы отменяют или изменяют около 15-20% оспариваемых решений. Стратегическое значение: формирование дополнительной административной позиции, которая может быть использована в суде.
Судебные механизмы защиты: арбитражная практика и доктринальные подходы	
Метод	Сущность
Двойственная система судебного обжалования	А. Оспаривание решений по результатам проверки (гл. 24 АПК РФ): Срок обращения — 3 месяца со дня получения решения. Основания для признания недействительным (по данным судебной статистики): Процессуальные нарушения (40-50% успешных дел): отсутствие решения, нарушение сроков, неправомерное истребование документов.

	Несоответствие выводов фактическим обстоятельствам (30-40%): ошибки в расчетах, неправильная квалификация операций. Нарушение презумпции добросовестности налогоплательщика (ст. 54.1 НК РФ): ключевая доктрина последних лет. Б. Оспаривание действий/бездействия в ходе проверки (гл. 24 АПК РФ): Позволяет пресечь нарушения на ранней стадии. Особенность: необходимость доказать нарушение прав и законных интересов непосредственно оспариваемым действием.
Доктринальные принципы в судебной практике	Принцип правовой определенности: позиция Конституционного Суда (Постановление № 9-П от 2003 г.) о недопустимости произвольного толкования норм. Презумпция добросовестности налогоплательщика (ст. 54.1 НК РФ): бремя доказывания необоснованности налоговой выгоды лежит на инспекции. Принцип пропорциональности: санкции должны соответствовать тяжести нарушения (позиция КС РФ № 31-П от 2017 г.).
Превентивные механизмы: от теории управления рисками к правовой реальности	
Метод	Сущность
Внутренняя минимизация налоговых рисков	Разработка и внедрение внутренних стандартов документооборота. Проведение налогового аудита перед сделками. Юридический мониторинг изменений законодательства и судебной практики.
Правовые конструкции минимизации рисков	Предварительные налоговые консультации с инспекцией (ст. 21 НК РФ) - малоиспользуемый, но эффективный инструмент. Заключение соглашений о ценообразовании (ст. 105.18 НК РФ) для трансфертного ценообразования. Использование правовых позиций Конституционного и Верховного Судов в общении с инспекцией.

С 2025 году на территории Российской Федерации реализуется системный переход к обновлённой модели контрольно-надзорной деятельности, основанной на приоритетах риск-ориентированного подхода. Частота и интенсивность проведения контрольно-надзорных мероприятий теперь напрямую соотносятся с уровнем потенциальных рисков, присущих

контролируемым объектам массово-хозяйственной деятельности. Одним из ключевых изменений в нормативном регулировании стало прекращение с начала 2025 года действия моратория на внеплановые проверки, установленного Постановлением Правительства РФ от 10 марта 2022 года № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля»[6]. Действие моратория сохраняется в отношении плановых проверок и исключительно для объектов, не отнесённых к категории высокорисковых. Тем не менее, даже в условиях действующих ограничений по плановым мероприятиям государственные органы обладают широкой совокупностью инструментов контроля за деятельностью предпринимательских субъектов[7].

Отметим, что эффективная защита требует не только знания конкретных норм НК РФ, но и понимания конституционных принципов, административно-процессуальных теорий и современной судебной доктрины. Проведение выездных налоговых проверок представляет собой неотъемлемую часть системы налогообложения, соблюдение установленных законом процедур и защита прав налогоплательщика играют ключевую роль в поддержании доверия предпринимателей к государственным органам власти. Своевременное использование механизмов правовой защиты позволяет минимизировать негативные последствия возможных ошибок и злоупотреблений со стороны контролирующих структур.

---

[6] Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1715.

[7] См.: Татьянина Д.В. Практические вопросы реализации контроля и надзора в сфере государственного управления // Вестник науки. 2025. № 12 (93).

Особенности оспаривания сделок должника с предпочтением

Муканова Линара Кайрадовна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Автором рассматриваются особенности оспаривания сделок должника с предпочтением. Отмечено, что оспаривание сделок с предпочтением — важный механизм обеспечения принципа равенства кредиторов в деле о банкротстве. Его эффективное применение требует точного соблюдения сроков, установленных Законом о банкротстве, доказывания факта оказания предпочтения одному кредитору, учёта разъяснений Верховного суда РФ и сложившейся судебной практики.

Ключевые слова: сделка с предпочтением, оспаривание сделок, неплатежеспособность (банкротство), очередность удовлетворения требований кредиторов, конкурсный кредитор, арбитражный управляющий.

В рамках процедур банкротства одним из основных принципов является обеспечение равенства кредиторов, заключающееся в том, что кредиторы, равные по отношению к должнику, имеют право на равное и справедливое удовлетворение своих требований за счет распределения денежных средств должника, включенных в конкурсную массу.

Важнейшим инструментом реализации этого принципа выступает оспаривание сделок с предпочтением, посредством которого должник предоставляет одному или нескольким кредиторам преимущества в ущерб остальным.

Целью данной статьи является анализ нормативно-правового регулирования, условий и особенностей оспаривания таких сделок, опираясь на нормы законодательства о банкротстве.

Понятие «сделка с предпочтением» закреплена в п. 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 года № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального

закона «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которому: «сделка, совершенная должником в отношении отдельного кредитора или иного лица, может быть признана судом недействительной, если такая сделка влечет или может повлечь за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований (сделка с предпочтением)»[1].

Условия признания сделки с предпочтением недействительной закреплены в ст. 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), а именно такая сделка:

- направлена на обеспечение исполнения обязательства должника или третьего лица перед отдельным кредитором, возникшего до совершения оспариваемой сделки;

- привела или может привести к изменению очередности удовлетворения требований кредитора по обязательствам, возникшим до совершения оспариваемой сделки;

- привела или может привести к удовлетворению требований, срок исполнения которых к моменту совершения сделки не наступил, одних кредиторов при наличии не исполненных в установленный срок обязательств перед другими кредиторами;

- привела к тому, что отдельному кредитору оказано или может быть оказано большее предпочтение в отношении удовлетворения требований, существовавших до совершения оспариваемой сделки, чем было бы оказано в случае расчетов с кредиторами в порядке очередности в соответствии с законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве)[2].

Причем указанное выше постановление Пленума указывает: чтобы

---

[1] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 3.

[2] Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

предпочтение было признано и доказано, необходимо хотя бы одно из таких условий. Перечень условий остается открытым, поэтому сделка может быть признана недействительной по условиям, которые будут признаны судом допустимыми.

В п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве предусмотрено более строгое основание: сделка, совершённая в период от шести месяцев до одного месяца до возбуждения дела о банкротстве, может быть оспорена, если будет доказано, что контрагент знал или должен был знать о неплатёжеспособности должника.

Ключевым признаком указанной сделки является оказание предпочтения одному кредитору перед другими, то есть исполнение должником обязательства перед одним, в то время как иные кредиторы остаются без удовлетворения. Говоря о принципе равенства кредиторов, необходимо отметить, что помимо него удовлетворение требований кредиторов должно основываться на принципах очередности и пропорциональности, смысл вместе которых заключается в том, чтобы равным кредиторам могло быть гарантировано справедливое и равное удовлетворение своих требований за счет распределения средств конкурсной массы между кредиторами пропорционально объему требований, включенных в реестр, от общей суммы задолженности.

В постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2024 года № 09АП-28647/24 установлено: вопреки доводам возражений ответчика, последствия признания сделки недействительной на основании положений ст. 61.3 Закона о банкротстве направлены на восполнение принципа равенства кредиторов и уравнивание всех конкурсных кредиторов должника в их праве на получение пропорционального удовлетворения требований в рамках процедуры несостоятельности.

В связи с чем суд приходит к выводу о том, что при оспаривании сделки с предпочтением не имеет значения ни вина конкретного кредитора, ни получение исполнения иными кредиторами по таким же преференциальным сделкам. Оспариваемая сделка обладала всеми необходимыми признаками

сделки с предпочтением и была признана недействительной в соответствии с п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, на что правомерно указано судом первой инстанции[3].

По смыслу ст. 61.3 Закона о банкротстве при оспаривании сделок с предпочтением, требующие доказывания добросовестности контрагента необходимо устанавливать обстоятельства, при которых такие сделки влекут или могут повлечь оказание предпочтения одному кредитору перед другими, и совершены должником в течение шести месяцев до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом.

Право на подачу заявления об оспаривании сделки с предпочтением имеют:

1. Арбитражный управляющий, действующий в целях пополнения конкурсной массы;

2. Конкурсные кредиторы — если считают, что сделка совершена с предпочтением, соответственно ущемлением их права;

3. Уполномоченные органы — в рамках своих полномочий.

Заявление об оспаривании сделок с предпочтением подаётся в тот же арбитражный суд, где рассматривается дело о банкротстве.

В деле об оспаривании сделок с предпочтением, совершенных не ранее чем за шесть месяцев и не позднее чем за один месяц до принятия судом заявления о признании должника банкротом, необходимо установить:

- факт оказания предпочтения;

- наличие условий, предусмотренных абз. 2 и 3 ст. 61.3. Закона о банкротстве.

Если же отсутствуют вышеуказанные условия, то необходимо установить факт, что на момент совершения сделки кредитору или иному лицу, в отношении которого совершена такая сделка, было или должно было быть

---

[3] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2024 № 09АП-28647/24 по делу № А40-224835/2024 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 12.01.2026).

известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества.

Соответственно, немаловажным условием недействительности сделок с предпочтением является осведомленность кредитора о неплатежеспособности или недостаточности имущества.

В п. 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 63 указано следующее: получение кредитором платежа в ходе исполнительного производства, или со значительной просрочкой, или от третьего лица за должника, или после подачи этим или другим кредитором заявления о признании должника банкротом само по себе еще не означает, что кредитор должен был знать о неплатежеспособности должника[4]. То есть, если должник допускал незначительные просрочки платежей, то данное обстоятельство не свидетельствует об осведомленности лица, в отношении которого совершена сделка, о наличии признаков неплатежеспособности либо недостаточности имущества.

Согласно постановлению Арбитражного суда Московского округа от 28 ноября 2023 года № Ф05-24624/21 суд устанавливал два ключевых обстоятельства:

- оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника;

- должно ли названное лицо было знать о неплатежеспособности (недостаточности имущества) должника в указанный момент, то есть знало ли оно о нарушении по отношении к нему названных принципов[5].

---

[4] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 3.

[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.11.2023 № Ф05-24624/21 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 12.01.2026).

Данные обстоятельства были установлены, соответственно принципы пропорциональности и очередности нарушены, так как имело место удовлетворение требований аффилированного кредитора приоритетно по сравнению с независимыми. Знание аффилированного лица о неплатежеспособности (недостаточности имущества) должника предполагалось. К моменту совершения оспариваемых сделок ответчик отвечал признаку неплатежеспособности и недостаточности имущества должника и ответчику было известно о неплатежеспособности и недостаточности имущества должника.

В случае признания сделки с предпочтением недействительной применяются последствия, предусмотренные ст. 61.6 Закона о банкротстве, а именно:

- имущество, переданное по сделке, возвращается в конкурсную массу;

- требования кредитора, получившего предпочтение, подлежат включению в реестр требований кредиторов в общем порядке и на общих основаниях;

- если возврат имущества в натуре невозможен, кредитор обязан возместить его стоимость в денежной форме.

Таким образом, оспаривание сделок с предпочтением — важнейший механизм обеспечения принципа равенства кредиторов в деле о банкротстве. Его эффективное применение требует точного соблюдения сроков, установленных ст. 61.3 Закона о банкротстве, доказывания факта оказания предпочтения одному кредитору, учёта разъяснений Верховного суда РФ и сложившейся судебной практики. Суды, руководствуясь позицией Верховного суда РФ, последовательно развивают подходы к оспариванию таких сделок, обеспечивая баланс интересов всех участников банкротного процесса и пополнение конкурсной массы должника.

Правовое регулирование деятельности медицинских организаций в Российской Федерации: современные векторы развития

Подян Гаяне Андраниковна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена анализу нормативно-правовой базы, регулирующей работу медицинских организаций в России. Рассматриваются конституционные основы, отраслевое законодательство, механизмы контроля. Особое внимание уделено новеллам 2025–2026 годов: введению обязательной отработки для выпускников ординатуры, изменениям в государственно-частном партнерстве, регулированию телемедицины и усилению ответственности за нарушения. В данной статье рассматривается многоуровневая система правового регулирования деятельности медицинских организаций в России. Анализируются основные нормативные акты, обязанности медицинских учреждений, механизмы контроля и надзора. Особое внимание уделяется вопросам качества оказания медицинской помощи, защиты прав пациентов и контрольно-надзорной деятельности.

Ключевые слова: правовое регулирование деятельности медицинских организаций, качество оказания медицинской помощи, наставничество в медицине, объем и условия предоставления бесплатной медицинской помощи.

Деятельность медицинских организаций в Российской Федерации относится к числу наиболее строго регулируемых сфер правоотношений. Это обусловлено высокой социальной значимостью охраны здоровья граждан, которая согласно ст. 41 Конституции РФ включает право на бесплатную медицинскую помощь в государственных учреждениях. Правовое регулирование в этой сфере представляет собой сложную, иерархически выстроенную систему, включающую как общие законодательные акты, так и узкоспециализированные подзаконные документы, регламентирующие буквально каждый аспект работы медицинского учреждения — от порядка

приема пациентов до критериев качества оказанной помощи.

Фундаментом правового регулирования выступает Конституция РФ, закрепляющая право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Базовым является Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1].

В нем рассматриваются правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья, права и обязанности граждан, полномочия органов власти, а также права и обязанности медицинских организаций и работников. Ключевые принципы здравоохранения: приоритет интересов пациента, доступность медицинской помощи, соблюдение врачебной тайны и ответственность медицинских организаций.

Важнейшим элементом системы является Федеральный закон от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»[2], который определяет финансовый механизм реализации конституционных гарантий. Ежегодно Правительство РФ утверждает Программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, которая детализирует виды, объемы и условия предоставления бесплатной медицинской помощи. Так, Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2024 года № 1940 утверждена программа на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов.

Статья 79 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Обязанности медицинских организаций». Анализ данной статьи. Медицинская организация обязана:

Оказывать помощь в экстренной форме;

Осуществлять деятельность в соответствии с порядками оказания помощи и клиническими рекомендациями, а также обеспечивать соответствие помощи критериям оценки качества;

Соблюдать врачебную тайну, в том числе при использовании

---

[1] Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
[2] Собрание законодательства РФ. 2010 № 49. Ст. 6422.

медицинских информационных систем;

Информировать граждан о возможности получения бесплатной помощи;

Обеспечивать применение разрешенных лекарственных препаратов и медицинских изделий;

Предоставлять возможность посещения пациентов родственниками, включая отделения реанимации (важная гарантия, закрепленная законодательно);

Вести медицинскую документацию, обеспечивать ее учет и хранение.

Осуществлять наставничество — новая обязанность, введенная Федеральным законом от 17 ноября 2025 года № 424-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»[3].

Отдельный блок обязанностей предусмотрен для организаций, работающих в системе ОМС, включая проведение профилактических мероприятий и пропаганду здорового образа жизни.

Контроль и надзор: механизмы обеспечения качества.

Соблюдение медицинскими организациями многочисленных требований является предметом федерального государственного контроля (надзора) качества и безопасности медицинской деятельности.

Статья 87 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ и принятое во исполнение ее Постановление Правительства РФ от 29 июня 2021 года № 1048 регламентируют этот процесс. Контроль осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор).

Предметом контроля является соблюдение:

Прав граждан в сфере охраны здоровья;

Порядков оказания медицинской помощи и стандартов;

Порядка и условий предоставления платных медицинских услуг;

Ограничений, налагаемых на медицинских работников;

Требований к организации внутреннего контроля качества;

Требований доступности для инвалидов;

---

[3] Российская газета. 2025. № 262 (9801).

Лицензионных требований;

Защита прав пациентов и правовая медицина.

Для защиты своих прав пациенты могут использовать несколько инструментов:

1. Фиксация медицинских оснований (назначения, выписки, направления);

2. Досудебный порядок: обращения к главврачу, в страховую медицинскую организацию, ТФОМС или Росздравнадзор;

3. Судебная защита: взыскание вреда здоровью, компенсация морального вреда, оспаривание отказов в помощи.

Современное законодательство также активно развивает цифровые сервисы: результаты диспансеризации теперь должны предоставляться гражданам, в том числе через личный кабинет на портале «Госуслуги».

Основные тенденции:

1. Развитие статуса научных центров: Федеральным законом от 28 декабря 2025 года установлен порядок присвоения медицинским организациям статуса национальных медицинских исследовательских центров для совершенствования научной и методической работы.

2. Уточнение порядка выбора поликлиники: Приказами Минздрава России от 14 апреля 2025 года № 215н и № 216н детализирован порядок выбора гражданином медицинской организации как внутри региона, так и за его пределами.

3. Совершенствование доступной среды: В Программу государственных гарантий внесены изменения, касающиеся диспансеризации маломобильных пациентов (возможность краткосрочной госпитализации для обследования), что закреплено Постановлением Правительства РФ № 1365 от 4 сентября 2025 года.

4. Наставничество в медицине: Введена законодательная норма об обязанности медицинских организаций осуществлять наставничество в отношении лиц, завершивших обучение.

В заключение отметим, что правовое регулирование деятельности

медицинских организаций в России представляет собой динамично развивающуюся систему. С одной стороны, она направлена на детальную регламентацию всех процессов для обеспечения качества и безопасности медицинской помощи. С другой стороны, законодательство реагирует на современные вызовы, внедряя цифровые инструменты, уточняя права пациентов и создавая условия для развития медицинской науки.

Основной вектор развития последних лет — это повышение доступности помощи для социально уязвимых категорий граждан и усиление ответственности медицинских организаций за соблюдение прав пациентов. Можно прогнозировать дальнейшую цифровизацию контрольно-надзорной деятельности и совершенствование механизмов досудебного урегулирования споров, что сделает защиту прав пациента более оперативной и эффективной.

Правовые принципы функционирования электронных торговых площадок

Скопинцева Анна Игоревна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена изучению правовых принципов функционирования электронных торговых площадок. Показано, что электронные торговые площадки обладают общими характерными чертами в виде принципов, на основе которых они действуют. Данные принципы формируют основу эффективной деятельности электронных торговых площадок, обеспечивают прозрачность проводимых операций при проведении электронной торгово-закупочной деятельности, способствуют развитию предпринимательства в Российской Федерации

Ключевые слова: электронная торговая площадка, принципы работы электронной торговой площадки, юридическая сила сделок, заключенных на электронной торговой площадке, электронные торги, оператор торговой площадки

Сегодня в Российском законодательстве отсутствуют четко установленные правовые принципы, регулирующие деятельность электронных торговых площадок, а также легальное определение, которое охватывало бы все существующие разновидности электронных торговых площадок (ЭТП).

Л.П. Гаврилов определяет электронную торговую площадку как «информационную торговую систему, которая дистанционно предоставляет возможность вести поиск, покупать и продавать товары и услуги, совершать различные сделки при помощи информационных технологий»[1]. Можно выделить принципы, на основе которых функционирует электронная торговая

[1] Гаврилов Л.П. Электронная коммерция: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Л.П. Гаврилов. М.: Юрайт, 2019. — Текст: электронный // Образовательная платформа «Юрайт» [сайт]. — URL: urait.ru (дата обращения: 07.01.2026).

площадка. Для всех разновидностей ЭТП такими принципами выступают:

1. Независимость от географического положения;
2. Юридическая сила сделок, заключенных на ЭТП;
3. Отсутствие физического контакта между заказчиком и участниками торгов.

Охарактеризуем вышеуказанные принципы.

Независимость от географического положения подразумевает, что принять участие в электронных торгах можно из любого субъекта Российской Федерации. Для этого необходимо лишь иметь доступ к сети Интернет и сертификат электронной подписи. Этот принцип позволяет взаимодействовать поставщикам и заказчикам вне зависимости от их физического местоположения. Теперь нет необходимости ограничиваться рамками своего региона, поскольку ЭТП предоставляет доступ ко всем заказам и участникам торгов без учета их географического расположения.

Получить всю необходимую информацию, подать заявку, подписать договор можно из любой точки РФ. Создание электронных торговых площадок, и электронных торгов в целом способствуют расширению географии предпринимательства и роста числа заказчиков-клиентов, поскольку ими могут выступать любые компании, размещающие свои заказы на электронных торговых площадках.

Принцип юридической силы сделок, заключенных на ЭТП, означает признание органами государственной власти и обществом законности таких сделок. Договоры, подписанные на ЭТП, наделяются той же юридической силой, что и договоры, которые лица подписали вручную. Для воплощения данного принципа существует ряд условий.

- Наличие электронной подписи обеих сторон, которая признается равнозначной рукописной подписи. Такое предписание установлено Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[2]. Например, в статье 6 указанного Закона

[2] Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

установлены условия признания электронных документов, подписанных электронной подписью, равнозначными документам на бумажном носителе, подписанным собственноручной подписью.

- Сделка, заключенная на электронной торговой площадке, должна соответствовать требованиям законодательства Российской Федерации. Это общее правило, действующее для всех видов договоров, заключенных в РФ.
- Порядок оформления договора должен отвечать регламенту, установленному оператором электронной торговой площадки. Регламент оператора ЭТП – это документ, устанавливающий правовые и организационные основы проведения торгово-закупочной деятельности на электронной торговой площадке, а также порядок взаимодействия между заказчиками, поставщиками, операторами и пользователями ЭТП.

Отсутствие физического контакта между заказчиком и участниками торгов. Данный принцип вытекает из положения о географической независимости. В связи с тем, что проведение торгов происходит посредством ЭТП, исключается физическое взаимодействие между ними. Вся необходимая информация относительно участника торгов в том объеме, в котором она разрешена до подведения итогов, представлена на ЭТП. До окончания процесса закупки заказчик не вправе запрашивать у поставщиков какую-либо идентификационную информацию.

Сохранение анонимности стимулирует рост конкуренции среди поставщиков за право заключить контракт. Принцип подтверждается обязанностью при проведении торгов для обеспечения государственных нужд оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки обеспечить конфиденциальность информации об участнике закупки, направившем информацию и документы, и их содержания до направления такой информации и документов заказчику[3].

---

[3] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

Электронные торговые площадки, несмотря на различия в формате своей деятельности, обладают общими характерными чертами в виде принципов, на основе которых они действуют. Данные принципы формируют основу эффективной деятельности электронных торговых площадок, обеспечивают прозрачность проводимых операций при проведении электронной торгово-закупочной деятельности и способствуют развитию предпринимательства в Российской Федерации.

К вопросу о правосубъектности индивидуального предпринимателя

Турмухамбетова Мадина Маратовна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемных аспектов правосубъектности индивидуального предпринимателя. Установление в п. 3 ст. 23 Гражданского кодекса РФ положения о применении правил, регламентирующих деятельность коммерческих организаций, на деятельность физического лица – индивидуального предпринимателя порождает научные дискуссии о характере правосубъектности индивидуального предпринимателя.

Отсутствие целостного концептуального подхода к регулированию правосубъектности индивидуального предпринимателя порождает проблемы, связанные, в частности, с разграничением правосубъектности гражданина, осуществляющего предпринимательскую деятельность, и гражданина, не являющегося предпринимателем.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, правосубъектность, гражданская правосубъектность, специальная правосубъектность

Предпринимательская деятельность граждан – лиц, зарегистрировавшихся в качестве индивидуальных предпринимателей, регламентируется нормами ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1], которые, однако носят общий характер и не определяют ни правовое положение граждан – индивидуальных предпринимателей, ни особенности их правосубъектности по отношению к гражданам – не предпринимателям. Данное обстоятельство порождает многочисленные дискуссии относительно вопроса правосубъектности лиц, осуществляющих индивидуальную предпринимательскую деятельность.

Наиболее полному и точному уяснению обозначенной проблематики

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (часть первая) (в ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2025. № 31. Ст. 4669.

будет способствовать обращение к понятийно-категориальному аппарату. В первую очередь, целесообразным представляется обратиться к ключевой категории – «правосубъектность».

Категория «правосубъектность», являясь основной характеристикой субъекта и достаточно исследованной в отечественной доктрине, не получила до настоящего момента единой, универсальной трактовки в научной литературе. Правосубъектность понимается как свойство субъекта[2], как способность быть участником правоотношений[3], как возможность выступать в качестве субъекта прав и обязанностей[4], как система стабильных юридических свойств (способностей) субъекта[5], как правоспособность и дееспособность, вместе взятые, то есть право-дееспособность[6], как юридическое свойство, общественно юридическое состояние принадлежности к правовой системе, присутствия в ней в качестве полноправного участника, возможности пользоваться ресурсами данной системы, получать от нее защиту[7], как общее правовое состояние, которое позволяет лицу в рамках конкретной правовой системы выступать субъектом правовых отношений, иметь и осуществлять права и обязанности[8]; как признаваемая законом способность быть участником конкретных правоотношений[9], возможность или способность лица быть субъектом права со всеми вытекающими отсюда последствиями[10].

Ключевое юридическое значение понятия «правосубъектность» состоит в том, что она выступает предпосылкой конкретных взаимоотношений между участниками общественных отношений, предопределяет содержание их

---

[2] См.: Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2012. С. 87.
[3] Там же. С. 88.
[4] См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 107.
[5] См., например: Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. М., 2017. С. 27.
[6] Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А. В. Малько. М., 2022. С. 77.
[7] См. об этом: Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование): автореф. дис … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 17.
[8] См.: Бурьянова Е.И. Условия, определяющие правосубъектность индивида (общетеоретический аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 7.
[9] См.: Сырых В.М. Указ. соч. С. 319.
[10] Теория государства и права. / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2022. С. 79.

поведения в различных жизненных ситуациях[11]. Кроме того, правосубъектность позволяет констатировать признак субъекта общественных отношений у гражданина; провести его квалификацию в качестве субъекта или возможного субъекта конкретных субъективных прав и обязанностей. Иными словами, правосубъектность обозначает субъектный состав в правовых институтах и возможность гражданина быть как субъектом права вообще, так и конкретных субъективных прав и обязанностей[12].

По нашему мнению, верной следует признать позицию тех ученых, которые трактуют категорию «правосубъектность» через неразрывное единство с понятиями правоспособности и дееспособности. Полагаем, что правосубъектность следует определять как юридическую категорию, элементами которой являются правоспособность и дееспособность гражданина.

Установлению специфики правосубъектности индивидуального предпринимателя будет способствовать исследование проблемы соотношения предпринимательской правосубъектности индивидуального предпринимателя и гражданской правосубъектности физического лица.

Существующие теории правосубъектности индивидуального предпринимателя предполагают производность правосубъектности индивидуального предпринимателя от гражданской правосубъектности физического лица. Такой же подход нашел свое отражение в отечественном законодательстве.

Так, Т.А. Батрова считает, что правосубъектность участников товарного рынка производна от их гражданской правосубъектности. Это, по ее мнению, подтверждается тем, что:

1) момент ее возникновения и прекращения непосредственно связан с возникновением и прекращением гражданской правосубъектности;

---

[11] См.: Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 13.
[12] См.: Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 26.

2) содержание гражданской правосубъектности, включая ограничения, установленные ГК РФ для отдельных категорий субъектов (в том числе по признаку принадлежности к коммерческим либо некоммерческим организациям для юридических лиц, по возрасту и состоянию здоровья – для граждан), предопределяет возможность их вовлечения в сферу торгового оборота[13].

По мнению М.Д. Шапсуговой, при разрешении вопроса о правосубъектности индивидуального предпринимателя следует исходить из положения о том, что статус физического лица в гражданском праве и статус индивидуального предпринимателя в предпринимательском – это разные отраслевые статусы. Считаем, что индивидуальный предприниматель является субъектом предпринимательского права, следовательно, обладает самостоятельной отраслевой предпринимательской правосубъектностью[14].

По мнению С.А. Зинченко, все субъекты предпринимательства имеют специальный правовой статус, как и специальную правосубъектность. В действующем гражданском законодательстве этот специальный правовой статус определен посредством указания на цель деятельности[15].

В.Ф. Попондопуло определяет предпринимательскую правосубъектность как меру возможного правообладания в сфере предпринимательской деятельности, то есть меру свободы действий предпринимателя в рамках действующего законодательства[16].

Схожую позицию занимает С.Г. Страхова, она подчеркивает многоотраслевой характер предпринимательской правосубъектности, которая

---

[13] См.: Батрова Т.А. Правосубъектность участников товарного рынка и проблемы ее правового закрепления // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Вып. 6. / Под ред. В.Ф. Попондопуло, Д.Ф. Нефедова. М., 2007. С. 89.

[14]См. по этому вопросу: Шапсугова М.Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 24.

[15] См.: Зинченко С.А., Корх С.Э., Шапсугов Д.Ю. Предпринимательство и статус его субъектов в современном российском праве. Ростов-на-Дону, 1999. С. 87.

[16] См.: Попондопуло В.Ф. Правовой режим предпринимательства / В.Ф. Попондопуло; Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 78.

выражена в наличии у лица двух взаимосвязанных статусов: частноправового и публично-правового[17].

М.Д. Шапсугова, отмечает, что правосубъектность индивидуального предпринимателя как субъекта предпринимательского права включает способности в сфере как частного, так и публичного права.

Частноправовые элементы правосубъектности являются предпосылкой участия индивидуального предпринимателя в «горизонтальных» отношениях, включают предпринимательскую сделкоспособность.

Публично-правовые элементы правосубъектности индивидуального предпринимателя (способность иметь права и обязанности в «вертикальных» правоотношениях) выступают предпосылкой его участия в отношениях, возникающих между индивидуальным предпринимателем и органами государственного регулирования и контроля[18].

На комплексность правосубъектности предпринимателей, охватывающую как частноправовые, так и публично-правовые аспекты предпринимательской деятельности, обращает внимание И.В. Ершова[19]. Соглашаясь с указанными позициями, В.В. Тихонов отмечает, что правосубъектность предпринимателя по-разному проявляется в зависимости от того, с каким субъектом он вступает в правоотношения.

Если контрагентом предпринимателя является другой предприниматель или потребитель, то его правосубъектность развертывается в полном ее правовом объеме, т. е. набор прав и обязанностей, положенный в правосубъектность, реализуется сугубо по усмотрению предпринимателя. Он свободен в выборе своего поведения. Это есть проявление правосубъектности предпринимателя в оперативно-хозяйственных («горизонтальных»)

---

[17] См., например: Страхова С.Г. Ограничения права на осуществление предпринимательской деятельности: частноправовые и публично-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 10.

[18]См.: Шапсугова М.Д. Указ. соч. С. 24.

[19] Российское предпринимательское право: Учебник / Отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. М., 2013. С. 190.

правоотношениях[20].

В то же время, вступая в правоотношения с органами власти, предприниматель не может действовать сугубо по собственному усмотрению, поскольку данные правоотношения всегда будут строго регламентированы нормативными правовыми актами. В данном случае правосубъектность предпринимателя не может получить полной реализации, поскольку законодательно закрепленные права и обязанности органа власти, представляющие его компетенцию, находят корреспонденцию с конкретными правами и обязанностями предпринимателя, включенными в его правосубъектность. Например, право на получение лицензии у предпринимателя корреспондирует с обязанностью выполнения им лицензионных требований[21].

Системный анализ положений п. 2 ст. 17, ст. 18, 23 ГК РФ позволяет выявить несогласованность правового регулирования правосубъектности граждан и правосубъектности индивидуальных предпринимателей. В частности, момент возникновения правоспособности у гражданина связан с моментом его рождения, тогда как право осуществлять предпринимательскую деятельность является одним из элементом правоспособности гражданина. Вместе с тем, момент возникновения у гражданина правосубъектности индивидуального предпринимателя связан с моментом государственной регистрации физического лица в таком качестве. Разными являются и моменты прекращения правосубъектности физического лица и индивидуального предпринимателя. В первом случае таковым является смерть гражданина, во втором – прекращение статуса гражданина как субъекта предпринимательской деятельности в установленном законом порядке и основаниям.

В соответствии с этим полагаем целесообразным выделить два вида правосубъектности физических лиц:

---

[20] См.: Тихонов В.В. Правосубъектность предпринимателя: проблемы теории и юридической практики // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. № 3. С. 57.
[21] Там же. С. 57.

– правосубъектность, которая реализуется в отношениях, не связанных с предпринимательской деятельностью;

– предпринимательская правосубъектность.

Правосубъектность индивидуального предпринимателя служит предпосылкой для возникновения у него конкретных субъективных прав и обязанностей и одновременно особым субъективным правом. Одновременно с этим она не может быть выражена исключительно совокупностью перечисленных категорий, тогда как правосубъектность гражданина представлена ими.

В отсутствие у гражданина обычной гражданской правосубъектности (правоспособности и дееспособности) у него не может возникнуть правосубъектность индивидуального предпринимателя. Именно обычная гражданская правосубъектность служит ключевой предпосылкой для возникновения правосубъектности индивидуального предпринимателя.

Таким образом, правосубъектность физического лица не является структурным элементом правосубъектности индивидуального предпринимателя, а служит ее непосредственной предпосылкой. Для того, чтобы у лица возникла правосубъектность индивидуального предпринимателя необходимо соблюсти установленные законодательством запреты и ограничения на осуществление предпринимательской деятельности. Кроме того, необходимо наличие оснований – государственная регистрация и в отдельных случаях лицензирование.

Такое мнение находит подтверждение в судебной практике. Так, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 6 июня 2016 года по делу № А40-208630/2015 указано, что «гражданское законодательство не содержит положений, согласно которым физическое лицо и индивидуальный предприниматель рассматривались бы одновременно как два отдельных субъекта гражданских правоотношений»[22].

---

[22] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.06.2016 по делу № А40-208630/2015. URL: https://base.garant.ru/57591426/#block_13 (дата обращения: 26.01.2026).

Можно говорить о том, что правосубъектность индивидуального предпринимателя, имея самостоятельный характер, производна от обычной гражданской правосубъектности гражданина и гражданской правосубъектности юридического лица – коммерческой организации.

Таким образом, правосубъектность индивидуального предпринимателя представляет собой последовательное расширение общей правосубъектности гражданина. По сравнению с правосубъектностью гражданина как физического лица это выражается, в первую очередь, в дополнительной способности фактически осуществлять предпринимательскую деятельность, которой лишено физическое лицо, не прошедшее государственную регистрацию, и возложении на индивидуального предпринимателя обязанности нести повышенную гражданско-правовую ответственность по своим обязательствам.

Эволюция правового регулирования выставочно-ярмарочной деятельности в России: от советского периода к современности

Цупова Надежда Павловна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье автором показаны изменения правового регулирования выставочно-ярмарочной деятельности в России. Отмечено, что на всем протяжении советской истории выставочно-ярмарочная деятельность так и не получила автономного и целостного законодательного оформления. Регулирование носило фрагментарный характер, осуществляясь через подзаконные акты, ведомственные инструкции и временные положения. Постсоветский этап, напротив, ознаменовался отказом от директивного управления, однако породил новые вызовы: разрозненность норм, конкуренцию юрисдикций и правовую неопределенность. В настоящий момент отрасль нуждается в системной законодательной достройке, ключевыми элементами которой могли бы стать специальный федеральный закон и долгосрочная стратегия развития.

Ключевые слова: правовое регулирование выставочно-ярмарочной деятельности, организационный и идеологический контроль государства, оптовая торговля, потребительская кооперация.

Период становления СССР характеризуется глубокими социально-экономическими потрясениями, такие как Первая мировая война, Революция 1917 года, а также Гражданская война. Главными следствием этого периода является перестройка всех систем общества.

Как известно, расцвет выставочно-ярмарочной деятельности пришелся на период Императорской России. Первые ярмарки начали проводиться еще в X–XI веках на Руси, их проведение регулировалось городским правом. Однако подлинный размах это явление приобрело в XVIII–XIX веках, когда возникли знаменитые всероссийские центры торговли — такие как Макарьевская, а затем

и Нижегородская ярмарка, Ирбитская и другие, превратившиеся в настоящие «торговые столицы» империи.

Ярмарки имели важное значение для экономической и культурной жизни государства: стимулировали торговлю между регионами, развивали их специализацию; способствовали социальной мобильности, социальному взаимодействию и благоустройству городов; также являлись центрами культурного обмена. Б.Н. Миронов поддерживает данную позицию и называет ярмарки «информационными центрами для городских низов и крестьян», а также «важным каналом формирования общественного мнения»[1], что говорит о том, что ярмарки связывали страну не только в экономическом, но также в информативном и культурном смыслах.

Выставки же появились гораздо позднее, так, первые выставки были проведены в начале XIX века в г. Санкт-Петербурге: Всероссийская мануфактурная выставка и общероссийская сельскохозяйственная выставка.

Однако к концу XIX века с развитием капиталистических отношений и ростом промышленности значимость ярмарок и выставок стала снижаться, но несмотря на это, ярмарки и выставки сохраняли свою роль как центры социального взаимодействия. К 1913 году в России ежегодно проводилось более пятнадцати значительных выставочных мероприятий. Преимущественно это были смотры, посвященные сельскому хозяйству и кустарным промыслам. Однако с 1915 года выставочно-ярмарочная деятельность пошла на спад, а в период с 1916 по 1918 год практически полностью прекратилась.

Приход к власти большевистской партии в России ознаменовал собой кардинальные изменения в экономической и правовой системах. В первые годы советской власти выставочно-ярмарочная деятельность оказалась на периферии государственной политики, поскольку приоритетом стали национализация промышленности, перераспределение ресурсов и решение задач военного коммунизма.

---

[1] Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981.

Ситуация изменилась в период новой экономической политики (1921–1928 гг.). Политика военного коммунизма привела к разрыву как внутренних, так и внешних торговых связей, что сделало необходимым частичное восстановление рыночных механизмов. Легализация ярмарок стала одним из инструментов оживления товарооборота. Примечательно, что в этот период отсутствовал единый законодательный акт, специально посвященный выставочно-ярмарочной деятельности. Регулирование осуществлялось фрагментарно — через подзаконные акты, постановления, ведомственные инструкции. Нормы, касавшиеся ярмарок и выставок, включались в документы более общего характера, регулировавшие торговлю и экономику в целом. Так, например, Декрет совнаркома от 28 марта 1921 года[2] разрешал свободный обмен, покупку и продажу сельскохозяйственных продуктов в ряде регионов, также стоит отметить, что Декрет от 7 апреля 1921 года «О потребительской кооперации»[3] предоставлял право потребительским обществам обменивать, скупать и сбывать излишки сельскохозяйственного производства, кустарных и ремесленных изделий, кроме этого, существовал Декрет от 24 мая 1921 года «Об обмене»[4], в рамках которого гражданам разрешалось покупать и продавать товары и изделия: «Обмен, покупка и продажа может производиться как на рынках и базарах, так и в других местах, с лотков и ларей и в закрытых торговых помещениях»[5].

В период НЭПа было проведено несколько ярмарок, самая первая из них была организована в г. Ирбит в 1922 году, которая была утверждена 10 января 1922 г. постановлением Совета труда и обороны РСФСР «Об Ирбитской ярмарке»[6], а затем с августа 1922 года возобновила свою работу знаменитая

---

[2] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 26. Ст. 148-149.
[3] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 26. Ст. 150.
[4] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 26. Ст. 149; Ст. 150.
[5] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 40. Ст. 212.
[6] Постановление Совета Труда и Обороны. Положение об Ирбитской ярмарке от 10.01.1922 //

Нижегородская ярмарка. И к 1927 году по стране насчитывалось 7,5 тысяч ярмарок, однако они были ликвидированы к началу 1930-х годов Постановлением СНК от 11 октября 1931 года № 848 «Об организации и составе комитета цен при совете труда и обороны»[7], таким образом, была полностью запрещена частная торговля (кроме колхозных рынков).

Ситуация начала меняться лишь во второй половине XX века, однако первоначально вектор развития был иным. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 1953 года «Об организации оптовой торговли промышленными и продовольственными товарами в системе Министерства внутренней и внешней торговли СССР», произошла жесткая централизация оптового звена. Функции по распределению товаров были сконцентрированы в союзном Министерстве торговли и его региональных структурах (областных, краевых управлениях, городских и районных отделах). Их деятельность сводилась к директивному планированию сбыта, выдаче нарядов на отгрузку и составлению планов перевозок. В этих условиях ярмарки не играли сколько-нибудь значимой роли, уступив место административному распределению. Лишь к концу 1950-х годов наметилась тенденция к восстановлению ярмарочной формы торговли, однако полноценное возрождение произошло значительно позже.

Принципиально новый этап развития ярмарочной деятельности связан с периодом перестройки и началом экономических реформ 1980-х годов. В конце десятилетия были предприняты системные шаги по нормативному закреплению статуса ярмарок как инструмента организованной оптовой торговли.

Ключевым событием стало принятие в 1989 году двух взаимосвязанных документов:

Известия ВЦИК Советов. 1922. № 25.

[7] Постановление Совета народных комиссаров от 11.10.1931 № 848 «Об организации и составе Комитета цен при Совете труда и обороны» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1931. № 282.

1. Временное положение о порядке организации и проведения ярмарок по оптовой продаже товаров народного потребления (утв. Минторгом СССР и Госснабом СССР 17 марта 1989 года)[8];

2. Временное положение об организации и проведении ярмарок по продаже продукции производственно-технического назначения (утв. Госснабом СССР 29 марта 1989 года, постановление № 19)[9].

Данные акты детально регламентировали процедуру: предусматривалось создание ярмарочных комитетов, наделенных полномочиями по руководству и формированию рабочих органов (дирекции, арбитража, учетных групп, отраслевых комиссий). Определялись сроки и география проведения, а также круг участников, который расширился за счет совместных предприятий и организаций из стран — членов СЭВ. Важной новацией стала возможность заключения договоров по образцам, каталогам и проспектам.

Иерархия ярмарок выстраивалась по территориально-административному принципу: от межобластных и региональных до республиканских и межреспубликанских. Нормативную базу усилило Постановление Совета Министров СССР от 25 июля 1988 года № 888[10], закрепившее общий порядок организации и проведения ярмарок на уровне союзного правительства. Кроме того, Закон СССР от 26 мая 1988 года № 8998-XI «О кооперации в СССР»[11] легитимировал участие кооперативов в ярмарочной деятельности, предоставив им право самостоятельно заключать договоры как на поставку своей продукции, так и на закупку необходимых ресурсов.

Несмотря на либерализационные тенденции, регулирование ярмарок в

---

[8] Утверждено Минторгом СССР и Госснабом СССР 17.03.1989 и Постановлением Госснаба СССР от 29.03.1989 № 19 // БНА министерств и ведомств СССР. 1989. № 10.

[9] Утверждено Минторгом СССР и Госснабом СССР 17.03.1989 и Постановлением Госснаба СССР от 29.03.1989 № 19 // БНА министерств и ведомств СССР. 1989. № 10.

[10] Постановление Совета Министров СССР от 25.07.1988 № 888 «Об утверждении Положения о поставках продукции производственно-технического назначения, Положения о поставках товаров народного потребления и Основных условий регулирования договорных отношений при осуществлении экспортно-импортных операций» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1988. № 24-25. Ст. 70.

[11] Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI «О кооперации в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

позднем СССР сохраняло ряд специфических черт. Во-первых, сохранялся жесткий государственный контроль: решения о проведении и составе комитетов утверждались на уровне от местных исполкомов до союзных министерств. Во-вторых, ярмарки вписывались в логику плановой экономики, будучи инструментом выполнения госзаказов и распределения фондов. В-третьих, прослеживался идеологический компонент: они служили площадкой для демонстрации достижений социализма. Наконец, фрагментарность нормативной базы (отсутствие единого закона, использование временных положений и ведомственных актов) свидетельствовала о переходном характере института. С распадом СССР в 1991 году и началом радикальных рыночных реформ прежняя система регулирования ярмарочной деятельности была демонтирована, уступив место новым экономическим реалиям.

Параллельно с развитием ярмарочной деятельности в СССР с 1918 г. активно развивалась выставочная. В так называемый восстановительный период начинают устраивать выставки крупные промышленные предприятия «в целях ознакомления отечественных и зарубежных кругов с производственными процессами, техникой и экономикой производства, с состоянием данного предприятия и его местом в соответствующей отрасли промышленности и в народном хозяйстве»[12].

В апреле 1921 года Президиум ВЦИК принял Постановление «Об образовании Всероссийского выставочного комитета»[13]. Этот орган был создан при Народном комиссариате просвещения для руководства выставочным делом в РСФСР. При всех наркоматах организовывались выставочные бюро, подчинённые Всеросвысткому. Новому органу поручались координация действий различных ведомств и губерний, а также практическое осуществление выставок.

Важно отметить, что в этот период регулирование выставок

---

[12] Большая советская энциклопедия, 2-е изд. Т. 9. С. 494.

[13] Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об организации Всероссийского Выставочного Комитета» // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1921. № 91.

осуществлялось по аналогии с ярмарочным: единый законодательный акт отсутствовал. Нормативная база формировалась через постановления, приказы и ведомственные инструкции; правила организации выставок определялись индивидуально, в зависимости от целей мероприятия, ведомства-организатора и территориальных особенностей.

Выставочная деятельность в СССР находилась под строгим организационным и идеологическим контролем государства. К началу 1930-х годов она была жестко вписана в рамки командно-административной системы, а в качестве устроителей выставок выступали крупные промышленные предприятия и министерства. И в период с 1930-х до 1941 гг. выставочное направление в СССР развивалось.

Такое динамичное развитие выставочной деятельности требовало правового регулятора и 15 января 1959 года было принято Постановление Совета Министров СССР № 85 «О Выставке достижений народного хозяйства СССР»[14], оно устанавливало цели ВДНХ, порядок финансирования, обязанности министерств и ведомств по предоставлению экспонатов и участию в работе выставки. Отметим также Постановление Совета Министров РСФСР от 20 сентября 1972 года № 610 «О повышении роли выставок в пропаганде достижений науки и передового опыта и во внедрении их в сельскохозяйственное производство»[15], которое определяло роль выставок в развитии сельского хозяйства.

Правовое регулирование выставочной деятельности в СССР было направлено на обеспечение полного контроля государства над этой сферой. Выставки служили инструментом пропаганды, а их организация и содержание строго регламентировались высшими органами власти. Идеологический

---

[14] Постановление Совета Министров СССР от 15.01.1959 № 85 «О Выставке достижений народного хозяйства СССР. — Текст: электронный // base.garant.ru: [сайт]. — URL: https://base.garant.ru/6549770/ (дата обращения: 18.03.2026).

[15] Постановление Совета Министров РСФСР 20.09.1972 № 610 «О повышении роли выставок в пропаганде достижений науки и передового опыта и во внедрении их в сельскохозяйственное производство» // Собрание постановлений правительства РСФСР. 1972. № 1-23. — М.: Юрид. лит., б. г. (167).

компонент оставался доминирующим на протяжении всего периода, вплоть до распада СССР.

Таким образом, на всем протяжении советской истории выставочно-ярмарочная деятельность так и не получила автономного и целостного законодательного оформления. Регулирование носило фрагментарный характер, осуществляясь через подзаконные акты, ведомственные инструкции и временные положения. Это отражало утилитарный подход государства: ярмарки и выставки рассматривались не как самостоятельные элементы рыночной инфраструктуры, а как инструменты решения текущих хозяйственных или пропагандистских задач. Лишь с отказом от плановой модели управления данная сфера утратила прежние регулятивные рамки, открыв новый этап своего развития.

Кардинальная смена экономической модели в 1991–1992 гг. привела к упразднению прежней системы управления выставочным делом. К 1992 г. фиксируется почти полное исчезновение либо реорганизация большинства профильных государственных структур, что повлекло за собой обвал выставочной активности: количество проводимых мероприятий сократилось более чем в 12 раз по сравнению с последним стабильным периодом 1980-х годов.

Регуляторная политика государства приобрела либеральный характер, ограничившись косвенным регулированием. В отсутствие централизованного управления правовая база формировалась точечно — через включение отсылочных норм в законодательные акты, регламентирующие смежные сферы (налогообложение, бухгалтерский учет, рекламную деятельность). Ключевым инструментом стала координация, осуществляемая на добровольных началах. Институциональную основу координационного механизма составили: на федеральном уровне — ТПП РФ и отраслевые союзы (преемники МСВЯ), на местах — региональные координационные структуры.

Несмотря на попытки упорядочения (например, разработка Концепции развития в 2001 г. и утверждение обновленной Концепции распоряжением

Правительства РФ № 1273-р в 2014 г.), системность в регулировании достигнута не была.

Вплоть до настоящего времени сохраняется фрагментарность нормативной базы. Отсутствие профильного федерального закона компенсируется разрозненными нормами, содержащимися в Гражданском, Налоговом, Земельном кодексах, а также в законах «Об экспортном контроле», «О торгово-промышленных палатах» и др. Единственным сегментом, получившим относительно целостное регулирование, стали розничные ярмарки, порядок организации которых регламентирован ст. 11 Федерального закона от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ[16].

На региональном уровне принимаются собственные нормативные акты, регулирующие организацию и проведение выставочно-ярмарочных мероприятий, что создает дополнительную правовую неоднородность. Так, если в одних субъектах Федерации разработаны детальные порядки организации ярмарок и предоставления мест, например, в Республике Адыгея действует Постановление Кабинета Министров от 22 декабря 2010 года № 256 «О Порядке организации ярмарок на территории Республики Адыгея и требованиях к организации продажи товаров на ярмарках»[17], этот документ детально регламентирует обязанности исполнительных органов власти, требования к продавцам и др. То в других регулирование ограничивается общими нормами, например, Постановление Правительства Оренбургской области от 1 февраля 2022 года № 55-пп «Об утверждении Порядка организации конкурсных, выставочно-ярмарочных, конгрессных,

---

[16] Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

[17] Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 22.12.2010 № 256 «О Порядке организации ярмарок и продажи товаров (выполнения работ, оказания услуг) на них на территории Республики Адыгея и требованиях к организации продажи товаров (в том числе товаров, подлежащих продаже на ярмарках соответствующих типов и включению в соответствующий перечень) и выполнения работ, оказания услуг на ярмарках» (с изменениями и дополнениями). — Текст: электронный // base.garant.ru: [сайт]. // URL: https://base.garant.ru/32329281/ (дата обращения: 18.03.2026).

презентационных мероприятий, направленных на развитие потребительского рынка Оренбургской области»[18]. Данное Постановление регулирует организацию мероприятий, которые финансируются из областного бюджета, но его содержание носит скорее формальный характер и не содержит детальных норм, касающихся непосредственно выставочно-ярмарочной деятельности.

В профессиональном сообществе признается необходимость принятия специального федерального закона, который закрепил бы понятийный аппарат, разграничил полномочия уровней власти и сформировал основу единой государственной политики в данной сфере. В качестве перспективного документа также обсуждается разработка отраслевой Стратегии развития до 2030 года. Эволюция правового регулирования выставочно-ярмарочной деятельности в России демонстрирует переход от жесткой централизации советского образца к децентрализованной и фрагментарной модели, характерной для 1990–2000-х гг. Советский период характеризовался отсутствием автономного законодательства и утилитарным подходом к ярмаркам и выставкам как к инструментам решения хозяйственных и пропагандистских задач. Постсоветский этап, напротив, ознаменовался отказом от директивного управления, однако породил новые вызовы: разрозненность норм, конкуренцию юрисдикций и правовую неопределенность. В настоящий момент отрасль нуждается в системной законодательной достройке, ключевыми элементами которой могли бы стать специальный федеральный закон и долгосрочная стратегия развития.

---

[18] Постановление Правительства Оренбургской области от 01.02.2022 № 55-пп «Об утверждении Порядка организации конкурсных, выставочно-ярмарочных, конгрессных, презентационных мероприятий, направленных на развитие потребительского рынка Оренбургской области». — Текст: электронный // base.garant.ru: [сайт]. — URL: https://base.garant.ru/403484804/ (дата обращения: 18.03.2026).

Секция 6. «Традиционная ценность единства народов: конституционно-правовая доктрина и реализация в органах власти»

Правовая категория «сельская агломерация»: от неопределенности к единообразию

Бергалиева Эльмира Жанаристановна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается правовая категория «сельская агломерация», исследуется значение термина в советском и современном законодательстве. Обращается внимание на актуальное состояние сельских агломераций на примере Московской и Оренбургской области, по результатам исследования сформированы основные признаки термина: центром агломерации является населенный пункт, координирующей межмуниципальное сотрудничество; они объединены общими ресурсами; основная цель заключается в осуществлении эффективного взаимодействия.

Ключевые слова: территория, экономическая деятельность, сельская агломерация, сельские поселения, население.

В современных социально-экономических условиях развития Российской Федерации сельским территориям отводится роль стратегического ресурса, поскольку именно они направлены на удовлетворение насущных жизненных проблем, как сельских жителей, так и населения страны в целом. Кроме того, и ресурсы отрасли играют важную роль в экономике страны, а потому в последние годы Правительство Российской Федерации активно разрабатывает и внедряет комплексные программы для развития сельского хозяйства. По данным на 2025 год на территории Российской Федерации сельское население составляет 36,324 миллиона человек–24,9% от общего населения страны[1].

[1] Население России // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Население_России (дата обращения: 03.03.2026).

В нормативных правовых актах наряду с использованием терминов «сельское поселение», «сельская территория», «сельская местность» можно встретить и термин «сельская агломерация», который не имеет широкого распространения в обыденной жизни, но все чаще упоминается в законодательстве, что указывает на необходимость проведения его правового анализа.

Если обратиться к сущности термина «агломерация» можно увидеть, что он означает пространственную связь с населенным пунктом и его населением. Данный термин впервые появился в XX веке, и тогда он обозначал притяжение между предприятиями, которые находятся в одной местности. Позднее термин стал означать особую экономическую деятельность, которая распространяется на населенные пункты. Н. Перцик в своем исследовании представил довольно лаконичное определение: «это продукт современной урбанизации, приемник города в авторитарной точечной форме»[2], однако это определение не отражает всю сущность и ключевые признаки термина.

Еще в советские годы термин «сельская агломерация» применялся в отношении группы сел и городов, которые имеют разные размеры, но связаны между собой, например, через дороги или единую систему подачи воды. Однако, в Российской Федерации понятие «сельская агломерация» впервые возникло в 2019 году; в Постановлении Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 года № 696 было определено: «сельские агломерации составляют населенный пункт и прилегающая территория, что определяется исполнительным органов власти». Через некоторые время во исполнение указанного Постановления некоторые территории России утвердили перечни сельских агломераций[3].

В следующем акте – Постановлении Правительства Российской

---

[2] Перцик Е.Н. Крупные городские агломерации: развитие, проблемы проектирования. Проблемы развития агломераций России. М.: Крассанд, 2009. С. 55.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (в ред. от 27.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 23. Ст. 2953.

Федерации от 22 июня 2022 года № 1119 понятие было расширено и появились дополнительные признаки: «… это сельские территории и (или) граничащие с сельскими территориями поселки городского типа и (или) малые города»[4]. Также появился количественный признак, согласно которому численность сельской агломерации не может превышать 30000 человек.

На данный момент в Московской области уже образовано одиннадцать сельских агломераций, но их создание не привело к изменению административно-территориального устройства области и не изменило статус сельских населенных пунктов или городов. Следовательно, в Московской области современная сельская агломерация фактически образуется на территориях муниципальных районов или округов, но необходимые агломерационные процессы до сих пор осмысляются через призму мегаполиса, а не действуют по логике «сельской агломерации», для которой свойственна общая инфраструктура и доминанта сельского образа жизни и занятости.

На данный момент в большинстве регионов приняты законы, касающиеся создания городских агломераций, но в отношении сельских агломераций правовая база отсутствует, за исключением перечней сельских агломераций по отдельным субъектам, что делается в целях субсидирования. Например, в Постановлении Правительства Оренбургской области от 14 февраля 2020 года № 52-пп «Об утверждении перечня сельских населенных пунктов Оренбургской области, относящихся к сельской территории (сельской местности), и перечня сельских агломераций Оренбургской области» указано, что на территории Оренбургской области представлено шесть сельских агломераций, например: город Медногорск, поселок Блявтамак и село Рысаево[5].

Несмотря на упоминание сельских агломераций в законодательстве

---

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2022 № 1119 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу реализации государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» (в ред. от 25.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 26. Ст. 4499.

[5] Постановление Правительства Оренбургской области от 14.02.2020 № 52-пп «Об утверждении перечня сельских населенных пунктов Оренбургской области, относящихся к сельской территории (сельской местности), и перечня сельских агломераций Оренбургской области» // URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.03.2026).

Советского Союза и современное возрождение института, и внимание к нему законодателя, сельские агломерации пока не являются популярным предметом исследования авторов, и в научной литературе представлено малое количество научных работ по данному вопросу. Однако, определение, данное в законодательстве, не отражает сущность и признаки данного явления, за исключением количественного критерия.

В рамках исследования удалось выделить научный труд П.Д. Косинского, который дал авторское определение термина: «сельская агломерация – форма организации жизнедеятельности нескольких сельских поселений или групп поселений в рамках ограниченной территории, объединенных общими трудовыми, финансовыми, материальными, информационными ресурсами на взаимовыгодном и эффективном их использовании, представляющая собой сложную социально-экономическую систему, имеющую интенсивные внутренние связи»[6]. Данное определение дает наиболее полное понимание термина.

Также в работе М.Н. Гаврилюк указано, что у сельских агломераций представлены следующие признаки:

- общая численность населения агломерации;

- качество жизни населения;

- наличие развитой транспортной инфраструктуры, позволяющей эффективно соединять населенные пункты в пределах агломерации;

- состояние экологии;

- центр агломерации как административный центр муниципального района, муниципального округа[7].

Верно обобщенные и представленные автором признаки позволяют прийти к выводу, что сельская агломерация представляет собой сложную

---

[6] Косинский П.Д., Меркурьев В.В., Харитонов А.В. Агломерация как инструмент устойчивого развития сельских территорий региона // Фундаментальные исследования. 2017. № 9. С. 450-454.

[7] См.: Гаврилюк М.Н. Сельские агломерации: проблемы формирования правового статуса // Имущественные отношения в РФ. 2024. № 8 (275). С. 88-92.

социально-экономическую систему, в которой несколько сельских населенных пунктов или малые города объединены общими ресурсами и интересами. Это должно улучшить качество жизни населения и повысить эффективность использования ресурсов, а также помогает в проведении эффективной государственной политики в области развития сельских территорий.

В условиях стремительного развития сельских территорий, наблюдаемого в последние десятилетия, актуальность данной категории возрастает, однако пока законодательство находится на этапе своего становления. Очевидна необходимость дальнейшего развития законодательства, так как это позволит понять сущность явления, закладываемого государством. В 2020 году был разработан, но не принят проект Федерального закона «О городских агломерациях», который должен был определить правовые и экономические условия для развития городских агломераций и межмуниципального сотрудничества[8].

Таким образом, сельское хозяйство имеет важное значение для экономики России, так как удовлетворяет потребности населения и положительно влияет на экономическое развитие. Для подержания данной сферы законодатель вернул в российское законодательство сельские агломерации, которые встречались в советских нормативных правовых актах, и планирует возрождать интерес к данным территориям.

По результатам исследования считаем необходимым разработать проект Федерального закона «О городских и сельских агломерациях», уделив достаточное внимание исследуемому в рамках научной статьи явлению. В рамках данного закона следует также закрепить выделенные в рамках проведенного исследования авторские признаки понятия «сельская агломерация», так как это позволит лучше понять данную правовую категорию.

Так помимо численного критерия, данного законодателем (не более 30000

---

[8] Проект Федерального закона «О городских агломерациях»: подготовлен Минэкономразвития России 04.09.2020 // URL: https://base.garant.ru/56845457/ (дата обращения: 05.03.2026).

человек), считаем необходимым выделить и иные признаки:

- центр сельской агломерации – опорный населенный пункт, который выступает как центр координации, формируемый договорами межмуниципального сотрудничества;

- территории сельских агломераций объединены общими транспортными, финансовыми, информационными ресурсами на основе соглашений об их совместном использовании, с учетом методических рекомендаций Правительства Российской Федерации;

- основывают свою деятельность на взаимовыгодном и эффективном использовании ресурсов, что также регулируется такими государственными программами, как Комплексное развитие сельских территорий.

Таким образом, сельские агломерации представляют собой эффективный механизм пространственного развития, объединяя достижения экономической науки с доктриной муниципального права[9]. Однако недостаток федерального регулирования данного института существенно осложняет его практическую реализацию. Исследование подчеркивает необходимость законодательного определения характеристик агломераций и закрепления правовых основ межмуниципального взаимодействия в их правовой природе.

[9] См.: Соколова А.И. Коммуниципальный союз как альтернатива агломерации и перспективная форма территориального развития местного самоуправления // Градостроительное право. 2023. № 2. С. 29.

Правовой режим генетической информации как объекта конституционно-правовой охраны в сфере здравоохранения

Гачковская Анастасия Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается формирование правового режима генетической информации в контексте реализации конституционного права на охрану здоровья. На основе анализа законодательства автор исследует проблему баланса между приватностью генетических данных, потребностями здравоохранения и требованиями биологической безопасности. Обосновывается вывод о трансформации генетической информации из объекта врачебной тайны в объект публичного порядка и национальной безопасности.

Ключевые слова: генетическая информация, право на здоровье, биомедицинские технологии, конституционно-правовая охрана, генетическая дискриминация, национальная база генетической информации.

Развитие биомедицинских технологий и персонализированной медицины обусловило превращение генетической информации в значимый объект правового регулирования. Уникальность такой информации заключается в ее способности раскрывать не только текущее состояние здоровья индивида, но и предрасположенности к заболеваниям в будущем, а также данные о его биологических родственниках. В связи с чем, на современном этапе в рамках исследования конституционного права на охрану здоровья при применении биомедицинских технологий, особое место занимает вопрос о правовом режиме генетической информации. В частности, 20 февраля 2026 года принят Федеральный закон № 43-ФЗ[1], знаменующий переход к новому этапу

[1] Федеральный закон от 20.02.2026 №43-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (не вступил в силу) // Собрание законодательства РФ. 2026. № 8. Ст. 778.

конституционно-правовой охраны генетической информации, где права индивида тесно переплетаются с интересами национальной безопасности.

Конституционно-правовая охрана генетической информации в сфере здравоохранения имеет двойственную природу. С одной стороны, она выступает элементом права на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции Российской Федерации) и врачебной тайны (ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»)[2]. С другой стороны, генетические данные имеют публичное значение для развития здравоохранения и предупреждения эпидемий. Как отмечено в научной литературе, генетические исследования, помогая правоохранительным органам и медицине, одновременно ставят под угрозу право на личную тайну гражданина из-за противоречий в нормативном регулировании.

Федеральный закон от 20 февраля 2026 года № 43-ФЗ впервые на федеральном уровне определяет категорию «генетические данные человека» – сведения о последовательности нуклеотидов в полимерах нуклеиновых кислот и их химических модификациях, полученные с использованием молекулярно-генетических методов. Устанавливается специальный режим для их оборота: передачей считаются любые действия по предоставлению доступа, пересылке, распространению, размещению в сетях, в результате которых информация становится доступной иностранным субъектам. Конституционный Суд РФ в определении № 1839-О подчеркнул высокую доказательственную значимость генетической информации и указал на обязанность государства гарантировать защиту прав граждан при ее использовании.

Суд разъяснил, что стороне защиты должны быть доступны сведения об обстоятельствах получения геномной информации, а отказ в их предоставлении вступал бы в противоречие с правовыми позициями Конституционного Суда

---

[2] Федеральный закон от 21.1.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2025. № 47. Ст. 7052.

РФ[3]. Эта позиция имеет универсальное значение и для сферы здравоохранения, где доступ пациента к информации о происхождении своих генетических данных также не может быть необоснованно ограничен.

Ключевым элементом нового правового режима является установление запрета на передачу генетических данных человека, полученных в ходе проведения популяционных генетических и иммунологических исследований, иностранным государствам, иностранным физическим и юридическим лицам. Данное ограничение коррелирует с конституционной обязанностью государства по охране здоровья граждан и обеспечению национальной безопасности. В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что целью вводимого регулирования является защита генетических данных граждан России и предотвращение ситуаций, когда чувствительная информация может быть использована для разработки биологического оружия, нацеленного на определенные народы[4]. Как указывала вице-спикер Государственной Думы РФ И. Яровая, парламентским расследованием подтверждены случаи проведения исследований с биологическими образцами россиян в зарубежных лабораториях[5]. Законодатель предусмотрел закрытый перечень целей, при которых передача генетических данных за пределы территории РФ допускается: оказание медицинской помощи конкретному пациенту; разработка и изготовление лекарственных препаратов и биомедицинских клеточных продуктов для конкретного пациента; осуществление международного научного сотрудничества. Важно отметить, что ко второму чтению формулировки были уточнены: исключение об оказании медпомощи теперь

---

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2025 № 1839-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лаптева О.А. на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 15 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и частями первой и второй статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (документ опубликован не был) // официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: https://www.ksrf.ru/ (дата обращения: 01.02.20206).

[4] Комитет Госдумы поддержал законопроект о биологической безопасности государства URL: https://www.pnp.ru/social/komitet-gosdumy-podderzhal-zakonoproekt-o-biologicheskoy-bezopasnosti-gosudarstva.html (дата обращения: 01.02.20206).

[5] Там же. URL: https://www.pnp.ru/social/komitet-gosdumy-podderzhal-zakonoproekt-bezi (дата обращения: 01.02.20206).

касается всех пациентов, а не только граждан России, а международное сотрудничество возможно не только в сфере охраны здоровья и биобезопасности, но и в иных целях. Порядок такой передачи будет устанавливаться Правительством РФ.

Создание Государственной информационной системы «Национальная база генетической информации» является логичным продолжением политики централизации генетических данных. Законом от 20 февраля 2026 года перенесен срок передачи обязательной информации в Национальную базу с 31 декабря 2025 года на 31 декабря 2027 года, что свидетельствует о технической сложности и деликатности процесса. Целями создания базы заявлены обеспечение национальной безопасности, охрана жизни и здоровья граждан, а также обеспечение суверенитета в сфере хранения и использования генетических данных. С точки зрения конституционного права на охрану здоровья, наличие такой базы создает предпосылки для более эффективного эпидемиологического контроля, развития персонализированной медицины и фармакогенетики, проведения масштабных научных исследований.

Однако формирование централизованных баз данных ставит вопрос о гарантиях защиты от неправомерного использования информации. Конституционный Суд РФ в определении № 1839-О указал, что геномная информация в федеральной базе данных является служебной, и право на ее использование имеют строго определенные субъекты. При этом Суд подчеркнул, что специальный режим информации не должен создавать неустранимых препятствий для реализации прав граждан.

Одним из наиболее чувствительных аспектов правового режима является защита граждан от генетической дискриминации[6]. В научной литературе отмечается, что данные генетических исследований могут быть использованы в целях дискриминации в трудовой, банковской и иных сферах. Создание баз ДНК-профилей должно сопровождаться надежной нормативно-правовой

---

[6] См.: Романовский Г.Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Сравнительное право. № 7 (116). 2016. С. 93.

основой, регулирующей хранение и применение результатов анализов и охраняющей конституционные права граждан[7].

Российское законодательство пока не содержит детализированного запрета генетической дискриминации. Введение Национальной базы генетической информации актуализирует необходимость разработки механизмов, защищающих граждан от отказа в страховании или трудоустройстве по генетическим причинам. Представители медицинского сообщества обращают внимание, что излишне жесткие ограничения не должны препятствовать развитию трансплантологии и международного сотрудничества в области донорства костного мозга.

Таким образом, правовой режим генетической информации в сфере здравоохранения в Российской Федерации находится в стадии активного формирования. Принятие Федерального закона № 43-ФЗ от 20 февраля 2026 года создало основу для защиты генетических данных как объекта национальной безопасности. Конституционно-правовая охрана этого объекта должна строиться на системе сдержек и противовесов, включающей три ключевых элемента: обеспечение суверенитета и безопасности (ограничение трансграничной передачи, централизованный учет); защиту автономии личности и запрет дискриминации (требует дальнейшего совершенствования законодательства); обеспечение доступности биомедицинских технологий в рамках позитивных обязательств государства по охране здоровья. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на поиск баланса между публичными интересами развития геномной медицины и правом каждого гражданина на генетическую приватность, что является необходимым условием реализации конституционного права на охрану здоровья в эпоху биомедицинских технологий.

---

[7] См.: Хижняк Я.А. К вопросу о генетической экспертизе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Т. 12. 2020. С. 111.

Полномочия органов местного самоуправления и правовое регулирование в области жилищно-коммунальных отношений

Гугина Лиана Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В работе рассмотрены полномочия органов местного самоуправления по организации жилищных и коммунальных услуг, включая тарифообразование, учет фонда и контроль инфраструктуры. Проанализированы типичные проблемы: износ сетей, задолженности потребителей, несогласованность нормативных актов. Особое внимание уделено механизмам межведомственного взаимодействия и вовлечению населения.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, жилищно-коммунальное хозяйство, правовое регулирование, жилищные отношения, коммунальные услуги, полномочия, тарифы.

Согласно ст. 12 Конституции РФ[1] местное самоуправление составляет одну из важнейших основ конституционного строя Российской Федерации, соответственно оно признается и гарантируется, а также осуществляется на всей территории Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[2] местное самоуправление – это признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации форма самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с изм. и доп. от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237; 2020. № 144.
[2] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

населения (вопросов местного значения).

Органы местного самоуправления выступают первичным и ключевым институтом, обеспечивающим удовлетворение жилищно-коммунальных потребностей населения. Исторически земские и городские учреждения как их прямые предшественники с XVIII века успешно решали группу вопросов местного значения, которые в настоящее время объединяются термином «жилищно-коммунальное хозяйство»[3].

Однако в настоящее время комплекс жилищно-коммунального хозяйства в России пребывает в кризисном состоянии и требует существенных изменений, которые бы повлияли на качество предоставляемых услуг. Среди факторов, которые препятствуют дальнейшему положительному развитию можно выделить следующие: износ коммунальной инфраструктуры; значительный объем ветхого и аварийного жилищного фонда; высокий уровень необходимых ресурсов для развития комплекса жилищного-коммунального хозяйства[4].

Сегодня жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой сложную, комплексную отрасль народного хозяйства, которая обеспечивает функционирование инженерной инфраструктуры, различных зданий населенных пунктов, создающих удобства и комфорт для проживания и нахождения в них граждан путем предоставления им широкого спектра жилищно-коммунальных услуг[5]. Данная социальная сфера напрямую связана с качеством жизни каждого отдельного гражданина муниципального образования, в связи с чем нуждается в формировании эффективного правового

---

[3] См., например: Соколова А.И. Исторические и иные местные традиции Оренбургской области как основа адаптации муниципальной реформы в регионе // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2025. № 3 (65). С. 45.

[4] См.: Шишкина Е.В. Жилищно-коммунальное хозяйство как важнейший фактор обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования и его правовое регулирование // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 3. С. 19.

[5] См., например: Стукалов А.В. Правовые аспекты полномочий органов местного самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства и особенности их реализации // Административное право и практика администрирования. 2012. № 1. С. 24.

механизма взаимодействия населения с органами местного самоуправления с целью реформирования жилищно-коммунального комплекса для его перевода на качественно новую материально-техническую базу.

Рассмотрим более подробно полномочия органов местного самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

М.Н. Кондратьева разделяет жилищно-коммунальное хозяйство на две подсистемы – жилой фонд и коммунальную инфраструктуру (водоканал, тепло-энергосети и т. д.). При этом первая является главной, основной, вторая – обслуживающей[6].

В соответствии со ст. 1 Жилищного кодекса Российской Федерации[7] жилищное законодательство основывается на необходимости обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления условий для осуществления гражданами права на жилище, его безопасность, неприкосновенность и недопустимость произвольного лишения жилища, необходимость беспрепятственного осуществления вытекающих из отношений, регулируемых жилищным законодательством, прав, а также на признании равенства участников регулируемых жилищным законодательством отношений по владению, пользованию и распоряжению жилыми помещениями.

В ст. 14 Жилищного кодекса РФ закреплены полномочия органов местного самоуправления в области жилищных отношений. К ним относятся: управление муниципальным жилищным фондом, регулирование предоставления жилья малоимущим гражданам, контроль за использованием помещений и обеспечение безопасности жилищного фонда.

Стоит отметить, что органы местного самоуправления обладают достаточно большим кругом полномочий, которые имеют наибольшую практическую направленность на удовлетворение потребностей граждан,

---

[6] См.: Кондратьева М.Н. Методологические основы управления жилищно-коммунальным хозяйством в условиях реформы местного самоуправления: автореф. дис. … д-ра экон. наук / М.Н. Кондратьев. Нижний Новгород, 2009. С. 50.

[7] Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ (с изм. и доп. от 20.02.2026 № 23-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 14; 2025. № 26. Ст. 3510.

поскольку органы власти федерального и субъектного уровней имеют более организационные и контрольные функции. Таким образом, далее встает вопрос о качестве и полноте осуществления данных полномочий.

Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[8] в ст. 17 также выделяет перечень полномочий органов местного самоуправления относительно коммунальной сферы: установление тарифов на услуги, предоставляемые муниципальными предприятиями и учреждениями, и работы, выполняемые муниципальными предприятиями и учреждениями, если иное не предусмотрено федеральными законами; полномочиями по организации теплоснабжения, предусмотренными Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 190-ФЗ «О теплоснабжении»[9]; полномочиями в сфере водоснабжения и водоотведения, предусмотренными Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»[10] и др.

Следовательно, органы местного самоуправления осуществляют как разработку комплексных программ по совершенствованию жилищно-коммунальной сферы, так непосредственно их и реализуют.

При этом, следует отметить особенности, присущие сфере ЖКХ в настоящее время: отсутствие кодификации нормативно-правовых актов данной отрасли в один правовой акт; сложный, дифференцированный характер жилищно-коммунальных услуг, имеющих социальную значимость; региональные особенности (климатические, национальные, демографические и др.); необходимость в надлежащем контроле сферы жилищно-коммунального хозяйства, обеспеченным государственным принуждением за ненадлежащее

---

[8] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 20.03.2025 № 33-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

[9] Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (с изм. и доп. от 27.10.2025 № 391-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4159; 2022. № 18. Ст. 3013.

[10] Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (с изм. и доп. от 27.10.2025 № 391-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7358; 2022. № 18. Ст. 3013.

предоставление данных услуг.

На наш взгляд, целесообразно инкорпорировать полномочия в сфере жилищно-коммунального хозяйства, закрепленные в ст. 17 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в качестве блока собственных, неперераспределяемых полномочий. Подобная юридическая конструкция обеспечит институциональную устойчивость кадрового потенциала ЖКХ: она подчеркнет необходимость сохранения профильных специалистов и создаст правовые предпосылки для их системной поддержки.

Таким образом, органы местного самоуправления выступают первичным и ключевым институтом, обеспечивающим удовлетворение жилищно-коммунальных потребностей населения. Надзор за реализацией их полномочий осуществляют федеральные органы государственной власти и органы власти субъектов федерации. Создание действенной правовой модели управления жилищно-коммунальным хозяйством представляет собой многоступенчатый и трудоемкий процесс. Несмотря на наличие значительного практического опыта в данной области, он нуждается в комплексном анализе – как со стороны представителей различных научных дисциплин, так и со стороны тех, кто применяет нормы права на практике.

Цифровой суверенитет как фундамент информационной безопасности: вызовы и перспективы

Загуменников Максим Сергеевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается трансформация понятия государственного суверенитета в эпоху цифровизации. Анализируется концепция цифрового суверенитета как основы обеспечения национальной информационной безопасности. Особое внимание уделяется вызовам, с которыми сталкиваются государства в киберпространстве, а также перспективам развития суверенной цифровой инфраструктуры на примере Российской Федерации и ее международных партнеров.

Ключевые слова: государственный суверенитет, цифровой суверенитет, национальная безопасность, информационная безопасность, цифровые технологии, технологическая независимость.

В условиях стремительной цифровой трансформации и нарастающей геополитической напряженности категория цифрового суверенитета приобретает значение одного из ключевых элементов национальной безопасности. Для Российской Федерации, столкнувшейся с беспрецедентным санкционным давлением и необходимостью обеспечения технологической независимости, вопросы правового регулирования цифрового суверенитета выходят на первый план конституционно-правовой политики. Актуальность темы подтверждается не только ростом числа научных публикаций, посвященных данной проблематике, но и активной законотворческой деятельностью: от принятия «закона о суверенном Рунете» до введения новых требований к использованию иностранного программного обеспечения на объектах критической информационной инфраструктуры. Целью настоящей работы является выявление места цифрового суверенитета в системе информационной безопасности и анализ современных тенденций его

конституционно-правового регулирования в России.

В юридической науке до сих пор продолжается дискуссия о соотношении цифрового и информационного суверенитета. Анализ актуальных исследований позволяет выделить два основных подхода. Согласно первому, цифровой суверенитет является частью (подотраслью) более широкого понятия информационной безопасности. Так, А.С. Агафонов прямо указывает, что место правового обеспечения цифрового суверенитета находится в суботрасли правового обеспечения информационной безопасности[1]. Второй подход рассматривает цифровой суверенитет как самостоятельную категорию, отражающую способность государства контролировать не столько контент, сколько технологическую инфраструктуру и данные[2].

Представляется, что для конституционно-правового анализа наиболее продуктивным является понимание цифрового суверенитета именно как объекта информационной безопасности. Если информационная безопасность представляет собой состояние защищенности, то цифровой суверенитет выступает той ценностью, которая подлежит защите. Он включает в себя три ключевых компонента: инфраструктурный, предполагающий контроль над физическими сетями связи, включая автономность Рунета; компонент данных, обеспечивающий национальную юрисдикцию в отношении обработки и хранения данных граждан; а также технологический, подразумевающий способность создавать и контролировать сквозные технологии, включая искусственный интеллект и объекты критической информационной инфраструктуры. Таким образом, в современной парадигме цифровой суверенитет перестает быть только политической декларацией и превращается в сложный правовой институт, требующий детальной регламентации.

Правовое регулирование цифрового суверенитета в Российской Федерации прошло путь от точечных изменений до формирования системной

---

[1] См.: Агафонов А.С. Место цифрового суверенитета в системе информационного права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 2. С. 15.

[2] См., например: Кареев Д.А. Цифровой суверенитет // Государство и право: теория и практика. 2025. № 4. С. 80.

нормативной базы. Анализ законодательства последних лет позволяет выделить несколько устойчивых тенденций. Первая тенденция связана с «суверенизацией» инфраструктуры связи. Принятие и имплементация Федерального закона от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ, известного как «Закон о суверенном Рунете»[3], заложили технико-правовой механизм автономной работы российского сегмента интернета. Как отмечает С.А. Спартак, практика реализации этих мер идет по пути «усиления централизации управления сетями связи и расширения полномочий Роскомнадзора по маршрутизации трафика»[4]. В последующий период эта тенденция дополнилась требованиями по использованию исключительно отечественных средств связи на объектах критической информационной инфраструктуры, что законодательно закрепило приоритет национального оборудования в стратегически важных секторах экономики.

Вторая тенденция характеризуется экстерриториальным подходом и усилением контроля над данными. Законодательство о локализации персональных данных, закрепленное в ст. 18 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»[5], получило новое развитие в виде ужесточения правил трансграничной передачи данных. Российская модель идет по пути цифрового протекционизма: данные российских граждан должны храниться на территории страны, а их передача за рубеж возможна лишь при соблюдении жестких условий, включающих наличие адекватной защиты и разрешения уполномоченного органа. Эта политика, по мнению Э.О. Сидоренко, направлена на то, чтобы избежать «цифровой кабалы и предотвратить экстерриториальное применение иностранного права к

---

[3] Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 18. Ст. 2214.

[4] Спартак С.А. Правовые основы цифрового суверенитета в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2025. № 5. С. 26.

[5] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изм. и доп. от 24.06.2025 № 156-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451; 2025. № 26 (ч. 1). Ст. 3486.

российским субъектам»[6]. Данный подход демонстрирует стремление государства обеспечить юрисдикционный контроль над информацией, имеющей ключевое значение для прав и законных интересов граждан.

Третья тенденция связана с осознанием технологического суверенитета как фундаментальной основы цифрового. Новейший этап регулирования ознаменован принятием стратегических документов, увязывающих цифровой суверенитет с технологическим лидерством. Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, в рамках правового регулирования технологической политики наблюдается определенное концептуальное несоответствие: провозглашая цели лидерства, законодательство пока в полной мере не создает механизмов, гарантирующих полную технологическую независимость от зарубежных компонентов, особенно в сфере аппаратного обеспечения и системного программного обеспечения[7]. Вектор развития очевиден: государство стремится стимулировать создание и внедрение отечественных решений во всех значимых сегментах цифровой экономики.

Усиление мер по обеспечению цифрового суверенитета неизбежно входит в определенное противоречие с конституционными правами граждан, прежде всего с правом на неприкосновенность частной жизни, закрепленным в ст. 23 Конституции Российской Федерации, и правом свободно искать и получать информацию, предусмотренным ст. 29 Конституции Российской Федерации. В научной дискуссии справедливо выделяются следующие риски: фрагментация интернета и ограничение доступа к глобальным ресурсам могут нарушать право на доступ к информации, а усиление мер технического контроля, включая системы оперативно-розыскных мероприятий и глубокого анализа трафика, создает угрозы избыточного вмешательства в частную жизнь граждан[8]. Ключевая задача конституционно-правового регулирования на

---

[6] Сидоренко Э.О. Россия выстраивает независимую модель регулирования цифровых прав // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru (дата обращения: 01.02.2026).

[7] Обеспечение информационного суверенитета России: противостояние киберугрозам // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 4. С. 122.

[8] См.: Агафонов А.С. Правовое регулирование технологической политики в Российской

современном этапе заключается в поиске оптимального баланса между публичными интересами обеспечения безопасности и частными интересами реализации цифровых прав. Обеспечение цифрового суверенитета не должно вести к автоматическому свертыванию цифровых свобод. Примером попытки достижения такого баланса является активно обсуждаемая в профессиональном сообществе концепция Информационного кодекса РФ: предполагается систематизировать разрозненные нормы, четко разграничив публичные интересы безопасности и частные интересы граждан.

В России сформировалась устойчивая модель правового регулирования, в которой цифровой суверенитет выступает приоритетным объектом информационной безопасности. Основные тенденции, включая обеспечение инфраструктурной автономии, локализацию данных и технологический протекционизм, направлены на создание защитного периметра национального цифрового пространства. Однако данная модель сталкивается с системными вызовами, главными из которых являются сохранение определенной технологической зависимости, особенно в сфере производства микроэлектроники, а также необходимость неукоснительного обеспечения конституционных прав граждан. Развитие правового регулирования должно осуществляться не тотальными запретами и ограничениями, а путем институционализации прозрачного контроля, стимулирования развития собственных технологических платформ, способных на равных конкурировать с зарубежными аналогами. Перспективы возможной кодификации информационного законодательства видятся в создании документа, способного закрепить этот сложный баланс на системном уровне, сочетая императивные требования безопасности с диспозитивными возможностями реализации цифровых прав.

Федерации: трансформация регуляторных подходов в контексте информационного права и цифрового суверенитета // Российское право: образование, практика, наука. 2026. № 1. С. 46.

К вопросу о равном доступе граждан к муниципальной службе

Заркова Екатерина Дмитриевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуется принцип равного доступа граждан к муниципальной службе, анализируется законодательство, закрепляющее действие данного принципа. Изучаются актуальные проблемы в сфере его применения, и предлагаются способы разрешения возникающих проблем.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, равный доступ граждан, принципы права, муниципальные служащие.

Для эффективной деятельности органов местного самоуправления необходима муниципальная служба, под которой понимается профессиональная деятельность граждан, занятых на постоянной основе и действующих на основании заключенного контракта или трудового договора. В своей деятельности указанные служащие занимаются вопросами в разных сферах, будь то здравоохранение, образование, жилищные аспекты или благоустройство. Это повышает доверие населения к существующим государственным институтам, поскольку позволяет гражданам самим осуществлять полномочия в сфере управления обществом.

Все граждане Российской Федерации обладают правом поступить на муниципальную службу, так как это следует из принципа равного доступа граждан к ней. Хоть данный принцип и не представлен напрямую в положениях Конституции Российской Федерации, он следует из части 4 статьи 32 Конституции Российской Федерации: «граждане обладают правом на равный доступ к гражданской службе». Органы самоуправления не являются частью системы государственной власти, но поскольку существует принцип взаимосвязанности государственной и муниципальной службы, требования к деятельности в данной сфере едины. Все служащие должны трудиться,

соблюдая положения о законности и профессионализме.

Право на равный доступ к муниципальной службе рассматривается как часть существующего конституционного права на управление делами государства. Е.А. Царев[1] отмечает: «подобная формулировка прямо следует из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2003 года № 32-О: «Каждый человек вправе свободно решать, какой деятельностью он будет заниматься, выбирать себе род занятий и распоряжаться своими правами в сфере труда». Это же и означает реализацию принципа равного доступа к муниципальной службе, так как ее прохождение – способ реализации гарантированного государством трудового права[2].

Данный принцип можно назвать косвенным, так как он прямо не следует из положений Конституции Российской Федерации, но благодаря анализу его можно выделить и применять в данных отношениях. На федеральном уровне равный доступ граждан к муниципальной службе прямо установлен и следует из статьи 4 Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». Все граждане имеют доступ к муниципальной службе на равных основаниях, если они владеют русским языком и отвечают иным требованиям закона. Все проходят эту службу на равных условиях, независимо от расы и национальности, а также пола, должностного и имущественного положения. Не допускается дискриминация по религиозным убеждениям или принадлежности к каким-либо объединениям, если это не касается профессиональных качеств человека[3].

Далее, уже в статье 16 Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ подчеркивается, что принцип соблюдается и после поступления на службу и

---

[1] Царев Е.А. Принцип равного доступа граждан к муниципальной службе. Казань: Молодой ученый, 2019. С. 59-61.

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2003 № 32-О «По запросу судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 6 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/12130232/ (дата обращения: 01.03.2026).

[3] Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

при ее прохождении, так как все граждане трудятся на равных основаниях, независимо от расы и национальности, а также пола, должностного и имущественного положения. Не допускается дискриминация по религиозным убеждениям или месту жительству; запрещается установление каких-либо преимуществ одного лица перед другим по указанным признакам.

Принцип равного доступа к муниципальному служению закрепляет возможность каждого человека, вне зависимости от его индивидуальных (непрофессиональных) характеристик, стать служащим. На практике это означает, что любой гражданин может поступить на службу, если будет соответствовать установленным профессиональным требования и пройдет конкурс, что следует из статьи 17 Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ. Конкурс включает в себя тестирование, собеседование и экзамен.

На региональном уровне законодательство также устанавливает некоторые требования в данной сфере. Например, Закон Оренбургской области от 10 октября 2007 года № 1611/339-IV-ОЗ «О муниципальной службе в Оренбургской области»[4] допускает поступление на муниципальную службу лиц в возрасте от 18 лет, имеющих гражданство Российской Федерации, владеющих русским языком и отвечающих квалификационным требованиям. Дискриминация также не допускается, и это прямо следует из регионального законодательства, установлен запрет на дискриминацию по полу, расе, половым признакам, месту проживания и прочим основаниям. Не является дискриминацией отказ принять лицо на муниципальную службу, в связи с рядом обстоятельств: недееспособность; отказ в допуске к государственной тайне; уголовное осуждение; наличие заболевания.

Органы местного самоуправления обладают правом самостоятельно выдвигать требования к муниципальным служащим. Но фактически модель правового регулирования построена по принципу подчиненности, то есть региональное законодательство должно отвечать требованиям федеральных

---

[4] Закон Оренбургской области от 10.10.2007 № 1611/339-IV-ОЗ «О муниципальной службе в Оренбургской области» // Южный Урал. 2007. № 208-211.

положений, а муниципальные акты подчиняются актам региональным. При этом субъекты обладают рядом особых полномочий в сфере регулирования муниципальной службы, но это не обеспечивает единство публичной власти и их самостоятельность.

Такое положение вызывает споры среди научных исследователей, поскольку очевидно, что регионы лучше понимают, какие требования следует выдвигать к кандидатам, в какой сфере специалистов нужно больше, а потому они могли бы создать более специфичные требования к муниципальной службе на региональном и муниципальном уровнях, адаптируя общие федеральные правила к существующим условиям. Правовое регулирование должно строиться при помощи эффективной системы управления и учитывать не только государственные интересны, но и потребности конкретного региона.

Равный доступ граждан к муниципальной службе, как принцип, прямо следует из принципа публичности и открытости деятельности органов местного самоуправления, что указано в статье 4 Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[5]. Этот принцип также означает, что на официальных интернет-порталах органов власти должны содержаться сведения, касающиеся актуальных вакансий, а также кадрового обеспечения для того, чтобы кандидат понимал, какие имеются требования (квалификационные) для прохождения службы, какие вакансии актуальны и в каких сферах.

Обращение к существующему интернет-порталу Оренбургской области как официальному средству связи, демонстрирует, что сведения не отвечают реальности, поскольку опубликована лишь одна вакансия за 2025 год в сфере информатики и связи, и одна вакансия за 2026 год[6]. Очевидно, что количество

---

[5] Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (в ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

[6] Официальный портал города Оренбурга. URL: https://orenburg.ru/activity/15881/ (дата обращения: 07.03.2026).

таких вакансий было больше, но они не размещались на официальном интернет-портале. Отсутствие столь важной информации или её размещение не в полном объёме нарушает право граждан на равный доступ к муниципальной службе и гарантированные, конституционные права. Необходимо установить обязательство со стороны органов власти публиковать официальные вакансии на порталах муниципальных органов власти для того, чтобы будущий кандидат мог увидеть процедурные вопросы и актуальный перечень должностей, которые открыты в соответствующий момент.

Таким образом, муниципальная служба невозможна без принципа равного доступа к ней, который косвенно гарантируется ч. 4 ст. 32 Конституции Российской Федерации и указан в Федеральном законе от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ. Провозглашается самостоятельность органов местного самоуправления, однако на практике это не всегда реализуется таким образом. Очевидна необходимость создания эффективного правового регулирования, подчиняющегося федеральным требованиям, но с учетом актуальных потребностей регионального и местного уровня.

В связи с развитием цифровизации очевидна необходимость публичного размещения актуальных вакансий на официальных интернет-порталах, поскольку обратное нарушает принцип равного доступа к муниципальной службе. Следует установить в Федеральном законе от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ перечень конкурсных должностей и обязать муниципалитеты публиковать данные на официальных интернет-порталах.

Цифровизация в правотворческом процессе: конституционно-правовой аспект

Иванов Никита Валентинович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена анализу возможностей цифровизации правотворческого процесса в Российской Федерации с учётом существующих государственных информационных систем и цифровых платформ. Рассматриваются механизмы интеграции систем обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы, портала проектов нормативных правовых актов и других государственных правовых информационных ресурсов. Особое внимание уделяется использованию технологий анализа больших данных и искусственного интеллекта для оценки эффективности законодательства и прогнозирования последствий принимаемых актов. Исследуются возможности цифрового участия граждан в законодательной деятельности и повышения прозрачности процесса через государственные платформы. На основе анализа практических инструментов предлагаются конкретные механизмы реализации цифровизации правотворческого процесса. Выявлена значимость интегрированных цифровых решений для повышения оперативности и качества законодательной деятельности, а также для укрепления взаимодействия государства и общества.

Ключевые слова: цифровизация, правотворческий процесс, государственные информационные системы, законодательная деятельность, электронное участие граждан, большие данные, искусственный интеллект.

Цифровая трансформация государственного управления является одной из ключевых тенденций развития современного государства. В условиях стремительного развития информационных технологий происходит изменение традиционных механизмов публичной власти, включая процедуры подготовки и принятия нормативных правовых актов. Особое значение данный процесс

приобретает в сфере правотворчества, поскольку именно законодательная деятельность определяет основные направления развития правовой системы государства.

Цифровизация правотворческого процесса рассматривается как важный элемент формирования концепции «цифрового государства» и «электронной демократии». Современные информационные технологии позволяют значительно повысить прозрачность законодательной деятельности, расширить возможности участия граждан в обсуждении законопроектов, а также ускорить процедуры подготовки и принятия нормативных актов. В научной литературе отмечается, что внедрение цифровых платформ и информационных систем способствует оптимизации процессов обработки информации и повышению эффективности деятельности законодательных органов[1].

В Российской Федерации цифровая трансформация государственного управления осуществляется в рамках государственной политики цифровизации и развития электронного правительства. Одним из ключевых направлений этой политики является внедрение цифровых технологий в деятельность органов государственной власти, включая законодательные органы. Согласно данным Счётной палаты России, в системе государственного управления используется более 600 федеральных государственных информационных систем, содержащих огромные массивы данных, которые используются в управленческой и правотворческой деятельности[2].

Дополнительным фактором актуальности исследования является развитие цифровых платформ взаимодействия государства и общества. Одним из наиболее известных примеров является портал государственных услуг, предоставляющий гражданам возможность получать государственные услуги и взаимодействовать с органами власти в электронной форме.

---

[1] См.: Курочкина А.М. Цифровизация правотворческой деятельности: проблемные аспекты и перспективы развития // Правовой альманах. 2025. № 19. С. 19.

[2] Бюллетень Счётной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/83f/mrnrad21u58czwp2t05scehoiodj0y90.pdf (дата обращения: 17.03.2026).

Таким образом, цифровизация правотворческого процесса становится важным элементом модернизации государственного управления и требует комплексного анализа с точки зрения конституционного права.

Важным элементом цифровизации правотворческого процесса является внедрение электронных систем подготовки и рассмотрения законопроектов. В Государственной Думе функционирует специализированная информационная система, позволяющая отслеживать стадии прохождения законопроектов, анализировать их содержание и обеспечивать доступ граждан к информации о законодательной деятельности[3].

Кроме того, правотворческая деятельность постепенно интегрируется в систему электронного правительства, что позволяет осуществлять обмен информацией между органами государственной власти в цифровом формате и сокращает сроки подготовки нормативных актов. Цифровизация правотворчества предполагает внедрение современных информационных технологий на всех стадиях законодательного процесса. Это включает подготовку проектов нормативных актов, проведение правовой экспертизы, обсуждение законопроектов, их принятие и официальное опубликование.

Использование цифровых технологий позволяет автоматизировать процессы документооборота и повысить эффективность взаимодействия между субъектами законодательной инициативы. По мнению исследователей, внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность парламентов способствует повышению прозрачности законодательной деятельности и расширяет возможности анализа информации, используемой при разработке законопроектов[4].

Одним из ключевых направлений цифровизации правотворчества

---

[3] Система обеспечения законодательной деятельности (СОЗД) [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: [офиц. сайт] // URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 17.03.2026).

[4] См.: Лолаева А.С. Проблемы и перспективы использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Вестник университета. 2022. Т. 15. № 1. С. 32-40 // URL: https://journals.eco-vector.com/2072-3164/article/view/531489 (дата обращения: 17.03.2026).

является развитие инструментов электронного участия граждан в законодательном процессе. Современные цифровые платформы позволяют гражданам направлять предложения, участвовать в общественных обсуждениях законопроектов и выражать свое мнение относительно принимаемых нормативных актов. Такие механизмы рассматриваются как элемент электронной демократии и способствуют повышению открытости государственного управления.

В последние годы также обсуждается возможность использования технологий искусственного интеллекта для анализа нормативных актов, прогнозирования последствий правового регулирования и подготовки аналитических материалов для законодателей. Исследования показывают, что технологии искусственного интеллекта способны существенно повысить эффективность обработки больших массивов правовой информации[5].

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации правотворческого процесса, внедрение новых технологий сопровождается рядом правовых проблем. Одной из таких проблем является необходимость обеспечения конституционных принципов открытости и прозрачности законодательной деятельности.

Использование цифровых технологий может создавать риски ограничения доступа граждан к информации о законодательном процессе, особенно в случаях недостаточной прозрачности алгоритмов обработки данных. В связи с этим особое значение приобретает обеспечение открытости информационных систем, используемых органами государственной власти.

Другой важной проблемой является защита персональных данных и информационная безопасность. В условиях цифровизации правотворческого процесса государственные органы обрабатывают значительные объемы

---

[5] См.: Саулен Н. Применение инструментов искусственного интеллекта в законодательном процессе и классическая парадигма законотворчества: проблемы интеграции / Н. Саулен, А.А. Макарцев, Д.Б. Тебаев // Вестник Института законодательства и правовой информации. 2025. Т. 80. № 2. С. 235-243. — DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_2_235 // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82604523 (дата обращения: 17.03.2026).

информации, включая персональные данные граждан, что требует разработки эффективных механизмов их защиты.

Также необходимо учитывать риски технологической зависимости правотворческого процесса от цифровых платформ и информационных систем. В случае технических сбоев или кибератак функционирование законодательных органов может быть существенно затруднено.

Перспективным направлением совершенствования правотворческого процесса является развитие и интеграция уже существующих государственных информационных систем, используемых при подготовке и рассмотрении нормативных правовых актов. В частности, целесообразно обеспечить более тесную технологическую интеграцию системы обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы (СОЗД), федерального портала проектов нормативных правовых актов, а также государственных правовых информационных систем официального опубликования нормативных актов. Такая интеграция позволит обеспечить автоматизированный обмен данными между органами государственной власти, сократить сроки подготовки законопроектов, а также обеспечить единый доступ к актуальной информации о ходе законодательного процесса.

Практическая реализация данного механизма может включать внедрение единых цифровых стандартов подготовки проектов нормативных актов, использование автоматизированных систем проверки законопроектов на соответствие действующему законодательству и выявление коллизий правовых норм. Например, цифровые аналитические инструменты могут использоваться для сопоставления предлагаемых норм с уже действующими нормативными актами, оценки возможных правовых противоречий и прогнозирования социально-экономических последствий принятия законопроекта. Применение технологий анализа больших данных позволит законодателям учитывать статистическую информацию о правоприменительной практике и оценивать эффективность действующего регулирования.

Не менее важным направлением является развитие механизмов

цифрового участия граждан в правотворческом процессе на базе уже функционирующих государственных платформ. В частности, портал проектов нормативных правовых актов позволяет проводить общественное обсуждение законопроектов и собирать предложения граждан и экспертов. Дальнейшее совершенствование данного механизма может заключаться в расширении возможностей обратной связи, введении обязательного рассмотрения поступивших предложений профильными комитетами законодательных органов, а также публикации мотивированных ответов на наиболее значимые инициативы. Реализация указанных мер позволит повысить прозрачность правотворческой деятельности, усилить общественный контроль за законодательным процессом и обеспечить более широкое участие гражданского общества в формировании государственной политики.

Таким образом, цифровизация правотворческого процесса является важным направлением модернизации государственного управления и развития правовой системы Российской Федерации. Использование современных информационных технологий позволяет повысить эффективность законодательной деятельности, обеспечить открытость правотворческого процесса и расширить возможности участия граждан в управлении государством.

Вместе с тем цифровизация правотворчества требует решения ряда конституционно-правовых проблем, связанных с обеспечением прозрачности законодательной деятельности, защитой персональных данных и информационной безопасностью. В связи с этим дальнейшее развитие цифровых технологий в сфере правотворчества должно сопровождаться совершенствованием нормативно-правового регулирования и созданием эффективных механизмов контроля за использованием цифровых инструментов в деятельности органов государственной власти.

Участие населения в решении вопросов местного значения как условие «дееспособности» муниципальной власти

Конева Анастасия Валерьевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются положения об участии населения в решении вопросов местного значения. По мнению автора, участие населения следует рассматривать как необходимое условие работы муниципальной власти, оно обеспечивает связь муниципального решения с реальными потребностями территории. Следует выделять: информационную, легитимирующую, контрольно-оценочную функции такого участия.

Ключевые слова: местное самоуправление, информационная функция участия населения, легитимирующая функция участия населения, контрольно-оценочная функция участия населения.

Местное самоуправление (далее – МСУ) традиционно рассматривается как уровень публичной власти, наиболее приближенный к повседневным условиям жизнедеятельности граждан[1]. На этом уровне публичное управление непосредственно соприкасается с интересами местного сообщества. Именно здесь проявляется природа муниципального интереса – не частного интереса отдельных лиц, а совокупности коллективных потребностей, связанных с решением вопросов местного значения и устойчивым развитием территории проживания[2].

В зарубежной правовой доктрине идея связи участия граждан на местном уровне с качеством демократического устройства получила теоретическое

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.03.2011 № 2-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «Город Чита» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2190.

[2] См.: Колесников В.А. Муниципальные интересы в современной России: социально-политические особенности и факторы обеспечения: дис. … д-ра полит. наук. Волгоград, 2006. С. 113-135.

обоснование. Так, Дж. Брайс подчеркивал, что местное самоуправление выступает «лучшей школой демократии» и одной из наиболее надежных гарантий ее успешного развития[3]. Значение этого тезиса для муниципальной практики состоит в том, что участие легитимирует управленческие процессы. Однако данный механизм выступает подлинной «школой», а не имитацией лишь при условии, что вовлечение жителей имеет проверяемые правовые последствия и напрямую влияет на действия власти.

В отечественной конституционной модели публичной власти местное самоуправление нацелено на самостоятельное решение населением вопросов местного значения[4]. Из этого следует разграничение: наличие у муниципальной власти формально учрежденных органов и нормативно закрепленных полномочий не гарантирует результативного решения локальных задач. Как отмечает А.А. Акмалова, организационно-структурные и функциональные особенности местного самоуправления во многом обусловлены условиями территории – её правовыми, территориальными, финансово-экономическими и иными характеристиками, а также потребностями населения[5]. Следовательно, владение компетенцией не тождественно дееспособности. Дееспособность муниципальной власти целесообразно понимать как ее фактическую способность переводить локальные запросы в управленческие решения, реализовывать их и достигать социально значимого эффекта.

Понимание дееспособности муниципальной власти как способности к фактическому разрешению вопросов местного значения неизбежно ставит вопрос о том, каким образом местное сообщество как носитель муниципального интереса представлено в муниципальном управлении. В этом смысле участие населения следует рассматривать не как внешнюю по

---

[3] Bryce J. Modern Democracies. Vol. 1. New York: Macmillan, 1921. P. 93. URL: https://oll-resources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll3/store/titles/2084/Bryce_1427-01_EBk_v6.0.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

[4] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[5] См.: Акмалова А.А. Модели местного самоуправления: монография. М.: Прометей, 2001. С. 3-5.

отношению к публичной власти форму социальной активности, а как юридически значимый способ включения жителей в осуществление местного самоуправления[6].

Показательно, что речь идет не об эпизодических механизмах. Масштаб практик участия в последние годы возрастает. Во Всероссийском онлайн-голосовании за объекты благоустройства участие населения выросло с 9,7 млн. человек в 2021 г. до 17,2 млн. человек по итогам 2024 г.[7] Одновременно расширяется и инициативное бюджетирование: число реализованных проектов увеличилось с 33640 в 2023 г. до 37351 в 2024 г.[8] Эти данные показывают, что участие населения выступает уже не периферийным, а массовым каналом влияния на решение локальных вопросов.

Значение участия для дееспособности муниципальной власти раскрывается через несколько взаимосвязанных функций.

Прежде всего, участие выполняет информационную функцию. Муниципальная власть не располагает исчерпывающим знанием о состоянии локальной среды, доступности услуг, конфликтных точках и реальных приоритетах жителей. Значительная часть такой информации связана с повседневным опытом населения. Поэтому участие обеспечивает включение локально значимой информации в процесс подготовки муниципального решения.

Согласительная функция участия проявляется в том, что именно через процедуры вовлечения населения муниципальная власть получает возможность

---

[6] См., например: Шугрина Е.С. Понятие права на осуществление местного самоуправления // КиберЛенинка: науч. электрон. б-ка // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prava-na (дата обращения: 25.12.2025).

[7] Во Всероссийском онлайн-голосовании за объекты благоустройства приняли участие 17,2 млн. россиян // URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/vo-vserossiyskom-onlayn-golosovanii-obekty (дата обращения: 11.03.2026).

[8] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях: лучшие практики инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации за 2024 год // URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2025/Doklad_o_luchshikh_praktikakh-2025.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

выявлять, соотносить и согласовывать разнонаправленные интересы, существующие на территории муниципального образования. Следовательно, согласительная функция участия непосредственно связана с дееспособностью муниципальной власти. Чем раньше и качественнее муниципальная власть получает возможность выявить и соотнести интересы затронутых групп, тем ниже издержки конфликтного управления и тем выше вероятность того, что принятое решение будет воспринято как справедливое и подлежащее исполнению.

Легитимирующая функция участия состоит в том, что через процедуры вовлечения населения муниципальная власть получает не только формальное основание для принятия решений, но и их общественное признание на уровне местного сообщества. Участие создаёт условия, при которых муниципальное решение воспринимается как прошедшее публичное обсуждение и потому заслуживающее общественного принятия. Именно поэтому легитимирующее действие имеют не сами по себе процедуры участия, а их способность обеспечить открытость обсуждения, возможность выражения позиции и понимание того, каким образом эта позиция была учтена либо по каким мотивам отклонена.

Контрольно-оценочная функция участия состоит в том, что население включается не только в обсуждение муниципального решения, но и в оценку того, как оно реализуется и к каким последствиям приводит. Для местного самоуправления это имеет принципиальное значение, поскольку дееспособность муниципальной власти проявляется не в самом факте принятия акта, а в его реальном воздействии на условия жизни на территории. В этом смысле участие позволяет сопоставлять ожидаемый и фактический результат муниципального решения, выявлять случаи, когда формальное исполнение не приводит к заметным изменениям для жителей и возвращать информацию о качестве исполнения в управленческий цикл.

В современных условиях значение участия населения как условия дееспособности муниципальной власти дополнительно возрастает в связи с

преобразованием территориальной организации местного самоуправления и общим курсом на построение единой системы публичной власти. По данным Минфина России, на 1 января 2025 года общее количество муниципальных образований составило 17051, сократившись за год на 1237 единиц[9]. Одновременно ускорился переход к модели муниципальных округов: если в 2023 г. было создано 125 новых муниципальных округов и их общее число достигло 324, то в 2024 году было образовано еще 204, в результате чего их число возросло до 528[10]. Эти данные не позволяют измерить ослабление связи муниципальной власти с населением непосредственно, однако свидетельствуют об укрупнении муниципальной модели и сокращении числа самостоятельных локальных уровней, что объективно повышает риск ослабления непосредственной связи муниципального управления с местными сообществами.

Таким образом, участие населения в решении вопросов местного значения следует рассматривать как необходимое условие дееспособности муниципальной власти. Его значение состоит в том, что оно обеспечивает связь муниципального решения с реальными потребностями территории. В современных условиях преобразования территориальной организации местного самоуправления участие населения приобретает также компенсаторное значение: именно через юридически оформленные процедуры участия может сохраняться связь муниципальной власти с локальным сообществом при укрупнении муниципальных образований.

---

[9] Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год // URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/monitoring_results/Monitoring_local (дата обращения: 11.03.2026).

[10] Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год // URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/monitoring_results/Monitoring_localid (дата обращения: 11.03.2026).

Эволюция конституционно-правовых основ защиты конкуренции: от классических принципов к современным институтам регулирования

Коннова Мария Максимовна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург.

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы развития основ защиты конкуренции, современные правовые инструменты в ее регулировании. Развитие конкуренции как института рыночных отношений сопровождается трансформацией конституционно-правовых основ её защиты. От классических принципов современного капитализма, обеспечивавших свободу и функционирование предпринимательства, а также недопущение монополизации, к современным многоуровневым механизмам регулирования конкурентной среды, которые прошли значительное историческое и институциональное развитие.

Ключевые слова: конкуренция, институт конкуренции, конституционно-правовые основы, защита конкуренции, свобода предпринимательства, невмешательство государства, рыночные отношения

В эпоху становления капиталистических отношений (XVII–XIX вв.) за основу была принята идея экономического либерализма (А. Смит, Д. Рикардо), базирующаяся на таких принципах как невмешательство государства в экономику, саморегулирование рынка через механизм «невидимой руки», свобода договоров и предпринимательской деятельности.

Акты конституционного характера того периода (например, Конституция США 1787 г., французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г.) в основном закрепляли общие гарантии собственности и свободы договоров, специальные нормы о защите конкуренции предусмотрены не были.

В начале XX века преимущественным фундаментом оставалась свобода предпринимательства, обеспеченная конституционными нормами о частной

собственности, свободе договора и ограничении вмешательства государства в экономику[1]. В этот период правовые инструменты регулирования были слабо развиты, а контроль над монополиями проводился точечно, в основном через уголовное и гражданское право, чаще всего применялись такие рычаги как переговоры, запрет на картели. В качестве примера может служить Закон Шермана 1890 года в США. Он является первым антимонопольным законом в Соединенных Штатах, который дал начало антимонопольному законодательству, запретив антиконкурентные соглашения и одностороннее поведение, направленное на монополизацию рынка[2].

В послевоенное время и период «Великой депрессии» стало очевидным, что классических принципов недостаточно для защиты конкуренции, закрепилась концепция социального рыночного хозяйства. Согласно этой концепции, право собственности не является абсолютным и должно реализовываться в соответствии с социальными потребностями. Наиболее ярко эта идея выражена в ст. 14 Основного закона Федеративной Республики Германии (1949 г.), где прямо указано: «Собственность обязывает. Её использование должно служить общему благу»[3]. Данная норма ознаменовала отход от классического понимания собственности как неограниченного права владения и пользования, введя императивное требование о социально ориентированном характере её реализации.

В зарубежной практике появились специальные антимонопольные органы и комплексное регулирование рыночных отношений через создание правовых норм, детализирующих допустимые запрещённые действия хозяйствующих субъектов[4].

---

[1] Марченко М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко. М: Проспект. 2019. С. 640.

[2] Козлов В.О. Формирование антимонопольного законодательства в США (по материалам личной переписки сенатора Дж. Шермана) / В.О. Козлов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2015. № 6. С. 93.

[3] Основной закон Федеративной Республики Германии от 23.05.1949 // Федеративная Республика Германия: Конституция и законодательные акты / пер. с нем.; под ред. Ю.П. Урьяса. М.: Прогресс, 1991. С. 38.

[4] См.: Пузыревский С.А. Антимонопольное регулирование в современных условиях: вызовы, задачи и перспективы развития/ С.А. Пузыревский // Российское конкурентное право и

Например, в Германии функционирует Федеральное Управление по борьбе с картелями, созданное в 1958 году. В Австралии этим вопросом занимается специальная Комиссия по вопросам конкуренции и защите потребителей.

В XXI веке антимонопольная политика оформилась в комплекс устойчивых институтов и механизмов защиты конкуренции. Основной тенденцией стало развитие наднационального регулирования, в частности в Европейском союзе основополагающими нормами стали ст. 101 и 102 Договора о функционировании ЕС, запрещающие антиконкурентные соглашения (картели) и злоупотребление доминирующим положением на рынке[5].

Параллельно укрепилась система национальных антимонопольных органов, наделенных широкими полномочиями по контролю рыночных отношений.

В России примером служит Федеральный закон «О защите конкуренции» № 135-ФЗ от 26 июля 2006 года,[6] закрепляющий конституционные принципы защиты конкуренции и особенности правового статуса Федеральной антимонопольной службы (ФАС России) как органа, наделённого полномочиями по контролю и надзору.

К тому же существенно расширился предмет антимонопольного регулирования, например на современном этапе к нему относятся и цифровые рынки, и экологические стандарты в рамках концепции «зеленой конкуренции».

Современные экономические реалии выдвигают новые требования к конституционно-правовым основам защиты конкуренции.

Одним из ключевых вызовов стало создание цифровых монополий:

экономика. 2023. № 2. С. 34.

[5] Договор о функционировании Европейского Союза (консолидированная версия) // Официальный журнал Европейского Союза. С. 326 от 26.10.2012. С. 1–390.

[6] Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

глобальные технологические экосистемы, которые концентрируют рыночную власть, контролируя платформы. Для них необходимы специальные правовые механизмы, например, в ЕС приняты нормативные акты вроде «Digital Markets» Act, направленные на предотвращение злоупотреблений со стороны указанных субъектов[7].

В России также ведется активная работа по изменению законодательства в рамках цифровой сферы, например, регулирование платформенной занятости и алгоритмической конкуренции.

Согласно данным Росстата, в последние годы наблюдается положительная динамика в развитии конкурентной среды в РФ в секторе электронной торговли, где особенно актуальна проблема доминирования крупных платформ, объём рынка вырос с 2,7 трлн. руб. в 2020 году до 5,7 трлн. руб. в 2023 году (+111%), при этом доля трёх крупнейших маркетплейсов сократилась с 68% до 59% за счёт роста нишевых игроков.

Индекс концентрации рынка (HHI) в ключевых отраслях демонстрирует умеренные значения: в розничной торговле — 1350 пунктов (умеренная концентрация), в услугах связи — 1680 пунктов (близко к высокой концентрации), что требует особого внимания регуляторов[8].

Конституционно-правовые основы защиты конкуренции в своем развитии должны быстро реагировать на меняющуюся реальность.

Например, во время кризисов (COVID-19) антимонопольные органы многих стран усилили контроль за рынками в фармацевтической сфере, в сфере медицинских товаров. Так в Китае более 4500 компаний были оштрафованы за завышение цен на медицинские изделия и продукты питания. В Италии антимонопольный орган возбуждал дела против Amazon и eBay за необоснованное повышение цен на маски и дезинфицирующие средства.

---

[7] Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) // Official Journal of the European Union. L 265. 12.10.2022. P. 1–49.

[8] Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальная статистика: предпринимательство, цифровая экономика, индексы концентрации // URL: https: //rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

Стоит выделить следующие инструменты, развивающиеся на современной исторической ступени:

- комплексное антимонопольное законодательство, регламентирующее действия хозяйствующих субъектов (слияния, злоупотребления доминирующим положением, картельные соглашения);

- институционализация органов контроля и надзора (ФАС России, Европейская комиссия по конкуренции) с расширением полномочий и введением мониторинга цифровых рынков;

- механизмы стимулирования конкуренции, включая применение мобильных телефонов, электронных торгов, правовых стимулов инноваций;

- внедрение превентивных мер — обязательное согласование крупных сделок, мониторинг электронных платформ и косвенных форм ограничения конкуренции.

Практическим примером необходимости адаптации законодательства о защите конкуренции к новым реалиям подтверждается и практикой, например в 2021 году ФАС России инициировала дело о злоупотреблении доминирующим положением на рынке такси, обвиняя крупные агрегаторы в сговоре с целью ограничения цен и вытеснения конкурентов. Решение суда подчеркнуло необходимость адаптации законодательства к цифровой экономике[9].

В 2017 году Европейская комиссия наложила на компанию «Google» рекордный штраф в размере 2,42 млрд. евро за злоупотребление доминирующим положением на рынке интернет-поиска в рамках дела «Google Shopping». Регулятор установил, что корпорация искусственно продвигала собственный сервис сравнения товаров «Google Shopping», занижая в поисковой выдаче позиции аналогичных сервисов конкурентов. Такие действия нарушали ст. 102 Договора о функционировании Европейского союза[10],

---

[9] Решение ФАС России по делу № 05/01/18.1-123/2021 о нарушении антимонопольного законодательства на рынке услуг такси от 15.06.2021 // Официальный сайт ФАС России // URL: https: //br.fas.gov.ru/to/leningradskoe-ufas-rossii/3dd66f5d-f1df-439c-8de0-a2cae41cbddd/ (дата обращения: 10.02.2026).

[10] Договор о функционировании Европейского союза (г. Рим, 25 марта 1957 г.) (в ред.

запрещающую злоупотребление доминирующим положением для ограничения конкуренции. Решение Еврокомиссии стало знаковым прецедентом: оно задало новые стандарты антимонопольного регулирования цифровых платформ и подчеркнуло необходимость защиты честной конкуренции в цифровой экономике[11].

Конституционно-правовые основы защиты конкуренции прошли путь от формальных принципов свободы предпринимательства к сложной системе регулирования, включающую функционирование специализированных органов и работу современных инструментов контроля. Такой эволюционный процесс отражает вызовы современного рынка, прежде всего цифровой трансформации, а также требования к эффективной защите прав субъектов экономических отношений.

Лиссабонского договора 2007) (2016/C 202/01) // URL: base. garant. ru (дата обращения 10.02.2026).

[11] European Commission. Antitrust: Commission fines Google €2.42 billion for abusing dominance as search engine by giving illegal advantage to own comparison-shopping service. Press Release IP/17/1784, 27 June 2017. // URL: web. archive. org (дата обращения: 10.02.2026).

Конституционно-правовой статус религиозных объединений

Крашенинников Леонид Денисович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена анализу конституционно-правового статуса религиозных объединений в Российской Федерации. Рассматриваются элементы правового статуса: правосубъектность, субъективные права и обязанности, юридические гарантии и юридическая ответственность. Особое внимание уделяется системе запретов и ограничений в отношении религиозных объединений, реализующих принцип светскости. На основе имеющейся судебной практики рассматривается возможность религиозных объединений осуществлять предпринимательскую деятельность.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, религиозное объединение, религиозная организация, светское государство, правосубъектность, некоммерческая организация.

Религиозное объединение, как институт, является субъектом права, на него распространяются нормы гражданского, уголовного и иного законодательства. Являясь субъектом права, религиозное объединение должно обладать своим правовым статусом. Конституционно-правовой статус религиозного объединения — это права и обязанности религиозной организации, закрепленные в Конституции и иных законодательных актах и определяющие положение во взаимоотношениях с обществом и государством.

В статье 14 Конституции закреплено, что Российская Федерация — это светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные организации отделены от государства и равны перед законом.

На основании данной статьи действует федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»[1],

[1] Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

который гарантирует свободу совести и свободу вероисповедания. Под свободой в данном смысле, понимается право индивидуально или совместно исповедовать или не исповедовать какую-либо религию, право на мировозренческий выбор человека. Ограничение данного права возможно только для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья и прав человека.

Согласно федеральному закону, в Российской Федерации религиозные объединения могут создаваться в двух формах: религиозные группы и религиозные организации. Отличие религиозной группы от организации заключается в следующем: обязательное наличие российского гражданства участников религиозной группы, что объясняется сложностью их учета (они не регистрируются) и наименьшей возможностью контроля в отношении религиозных групп со стороны государства. Вторым отличием является обязательная в установленном законом порядке регистрация организации в качестве юридического лица, что не характерно для религиозной группы.

В свою очередь религиозные организации в зависимости от территориальной сферы деятельности разделяются на местные и централизованные.

К элементам, которые содержатся в правовом статусе объединения можно отнести:

• Правосубъектность - способность быть участником правоотношений. Состоит из деликтоспособности и правоспособности.

• Субъективные права и обязанности. Под правами понимается юридическая возможность религиозного объединения действовать определенным образом. Обязанности - мера должного поведения, которого требует государство.

• Юридические гарантии религиозной организации — это закрепленные в законодательстве меры и способы защиты прав организации.

• Юридическая ответственность - обязанность претерпевать неблагоприятные последствия в связи с нарушением правовых норм.

Необходимо рассмотреть вопрос осуществления религиозными объединениями предпринимательской деятельности, установленные запреты и ограничения. Религиозные объединения являются некоммерческими организациями. Некоммерческая организация не имеет цели извлечения прибыли в качестве основной в своей деятельности и не распределяет полученную прибыль между участниками.

В п. 4 ст. 50 ГК РФ содержатся условия, при соблюдении которых некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую деятельность. Такая деятельность должна быть зафиксирована в уставе организации, служить достижению уставных целей, соответствовать этим целям.

Практике известен случай, когда на территории здания, где находилось религиозное объединения функционировали тренажерный зал, книжный магазин и кафетерий. Средства от предпринимательской деятельности поступали в кассу религиозной организации. Управление Министерства юстиции РФ потребовало прекращения осуществления предпринимательской деятельности, не соответствующей целям создания и деятельности религиозной организации. Не согласившись с требованиями Управления, религиозная организация обратилась в Арбитражный суд с заявлением о признании незаконным такого требования. Арбитражный суд отказал в удовлетворении заявленных требований местной религиозной организации.

Таким образом, религиозное объединение в первую очередь является некоммерческим объединением граждан, основной целью которого является совместное исповедование и распространение веры. Также религиозное объединение может заниматься предпринимательской деятельностью, при условии, что она строго соответствует уставу объединения.

Основные этапы эволюции порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

Кургузов Андрей Витальевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: В статье исследуется сложный процесс эволюции одной из палат Федерального Собрания – Совета Федерации. Было выделено четыре основных этапа его развития: выборная модель, ознаменовавшая переход к новой системе, основанной на Конституции Российской Федерации; модель членства в Совете Федерации глав законодательного (представительного) и исполнительного органов власти субъектов; переход к действующей модели формирования; расширение состава Совета Федерации после поправок в Конституцию в 2020 г. Действующий порядок формирования подвергается дискуссиям в современной науке, поэтому процесс реформирования нельзя назвать завершенным.

Ключевые слова: Совет Федерации, законодательный орган, исполнительный орган, сенатор, разделение властей, субъект Российской Федерации, демократия, статус сенатора.

Согласно части 1 статьи 95 Конституции РФ[1]: «Федеральное Собрание состоит из двух палат - Совета Федерации и Государственной Думы». Совет Федерации имеет сложную историю развития и реформирования, что выражается в поиске наиболее эффективной модели формирования. Следует выделить четыре основных этапа развития Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Первый этап (1993-1995 годы) – переходный, так как на данном этапе происходил переход от системы государственных органов, установленных Конституцией РСФСР 1978 г., согласно которой высшим представительным

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // https:// pravo.gov.ru.

органом являлся Съезд народных депутатов и избираемый им Верховный Совет. Раздел Второй Конституции 1993 г. закрепил выборность Совета Федерации первого созыва и двухлетний срок его полномочий. Данный порядок был установлен в связи с тем, что региональные органы законодательной и исполнительной власти ещё не были сформированы в соответствии с новой Конституцией, поэтому и не могли реализовать свои полномочия по назначению представителей в Совет Федерации. Выборы регулировались Положением, утвержденным Указом Президента Российской Федерации[2]. Несмотря на то, что данный порядок был довольно демократичным, он не мог стать постоянным, так как это противоречило бы статье 95 Конституции Российской Федерации. Ещё одной особенностью данного Положения являлся довольно ограниченный уровень требований к кандидатам, что, потенциально, могло способствовать прохождению в верхнюю палату парламента лиц, не соответствующих высокому статусу члена Совета Федерации.

Второй этап (1995 - 2000 годы) был отмечен принятием Федерального закона от 15 декабря 1995 года № 192-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»[3], наделившим полномочиями членов Совета Федерации глав законодательного (представительного) и исполнительного органов власти субъектов. Данный порядок имел существенные недостатки, поскольку превращал Совет Федерации в орган, неспособный к осуществлению своих полномочий на постоянной основе, что либо замедляло законодательный процесс, либо превращало рассмотрение в Совете Федерации законопроекта в формальность. Кроме того, имело место противоречие принципу разделения властей, отсутствовали какие-либо критерии и требования к кандидатам. Возникала и неоднозначность статуса, так как члены Совета Федерации одновременно принимали законы и в отдельных сферах должны были их исполнять.

---

[2] Указ Президента Российской Федерации от 11.10.1993 № 1626 «О выборах в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»// http:// pravo.gov.ru

[3] Федеральный закон от 15.12.1995 № 192-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4869.

Указанный закон противоречил ряду конституционных положений, например, ч. 1 ст. 99: «Федеральное Собрание является постоянно действующим органом». Таким образом, возникла насущная необходимость дальнейшего реформирования.

Третий этап (2000-2020 годы) связан с ключевыми изменениями процедуры формирования Совета Федерации. Данный период отмечен принятием законов 2000 и 2012 года, которые неоднократно подвергались изменениям. С 2000 г. в Совет Федерации входят представители, назначаемые законодательным (представительным) и исполнительным органом власти[4]. Кроме того, устанавливались требования к кандидатам, была введена обязанность предоставления сведений об имуществе и доходе. По мнению С.Н. Кожевникова данный закон был принят, в первую очередь, с целью «удаления руководителей исполнительной и законодательной власти субъектов Российской Федерации из состава Совета Федерации, чтобы они могли уделять большее внимание работе на местах»[5].

Но, несмотря на изменения, порядок формирования все равно подвергался критике со стороны научного сообщества, так как теперь многие члены Совета Федерации оказывались мало связанными с теми субъектами, которых они представляли. Всё это вынуждало законодателя проводить дальнейшее реформирование. Так, был установлен минимальный десятилетний срок проживания в субъекте Российской Федерации для кандидата. Но из этого правила было существенное число исключений, перечень которых неоднократно расширялся: для военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, прокуратуры, лиц, занимавших государственные должности, проходивших дипломатическую службу, некоторых категорий государственных гражданских служащих. Таким образом, законодатель стремился, с одной стороны, укрепить связь представителей с субъектами, которых они представляют, а с другой, не препятствовать назначению лиц, в

---

[4] Федеральный закон от 05.08.2000 № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3336.

[5] Кожевников С.Н. К вопросу о возможности изменения Конституции Российской Федерации // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 86–91.

силу своих профессиональных качеств способных наиболее эффективно представлять интересы субъекта. Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»[6] разделил порядок назначения в зависимости от процедуры избрания высшего должностного лица, ужесточил требования к кандидатам. Например, вводились запреты на хранение денежных средств за пределами Российской Федерации, что имело целью оградить верхнюю палату парламента от иностранного влияния и криминальных интересов. Кроме того, была введена обязанность кандидата на должность высшего должностного лица, представлять в избирательную комиссию три кандидатуры, одна из которых в случае избрания представившего ее кандидата наделялась полномочиями члена Совета Федерации. А для тех субъектов, где высшее должностное лицо избирается депутатами представительного (законодательного), был определен круг возможных кандидатов: депутаты Государственной Думы Российской Федерации, депутаты законодательного (представительного) органа, муниципального представительного органа. Данные нововведения были существенными, так как вводили учет волеизъявления граждан и элементы выборности членов Совета Федерации, носившей, однако, косвенный характер. По мнению С.А. Авакьяна эти изменения стали подтверждением того, что «член Совета Федерации – представитель не просто органа, а субъекта и его населения»[7].

В 2014 году в Конституцию Российской Федерации были внесены изменения, согласно которым в состав Совета Федерации, впервые были введены и представители Российской Федерации, назначаемые Президентом Российской Федерации, число которых не могло составлять более десяти процентов от общего числа членов Совета Федерации[8]. В 2020 году это число

---

[6] Федеральный закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50. Ст. 6952.

[7] Авакьян С.А. Совет Федерации: четверть века проблем формирования палаты // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2020. № 2. С. 3-20.

[8] Закон РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О поправке к Конституции РФ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. №

было увеличено до тридцати сенаторов. Данное нововведение подвергалось критике в научном сообществе, так как, по мнению некоторых специалистов, противоречило принципам федеративного устройства, не было достаточно обосновано и урегулировано[9]. Ещё одним неоднозначным положением было право представителя от законодательного органа субъекта совмещать при ряде условий деятельность в Совете Федерации и в законодательном органе субъекта Российской Федерации, что порождало неравенство в их статусе. Одной из наиболее дискуссионных новелл стало закрепление такого требования, как «безупречная репутация», что создает риск злоупотреблений и является существенным коррупциогенным фактором.

Четвертый этап ознаменован поправками в Конституцию 2020 г., затронувшими, в том числе, и порядок формирования Совета Федерации[10]. Согласно изменениям, Совет Федерации расширялся, так как в его состав могли входить не только представители субъектов Российской Федерации, но и Президенты Российской Федерации, прекратившие свои полномочия. Существенным изменением стало введение категории «пожизненный сенатор». Данное дополнение не являлось уникальным явлением, так как опиралось на существенный международный опыт. Например, согласно ст. 59 Конституции Италии пожизненными сенаторами являются бывшие президенты, и пять граждан, назначенных президентом, имеющих выдающиеся достижения в различных областях[11]. Кроме того, некоторые требования к сенаторам, которые ранее регулировались исключительно законом, получили закрепление на конституционном уровне. В развитие новых конституционных положений был принят и очередной, уже четвертый Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской

---

30. Ст. 4202.

[9] Виноградов О.В., Кокорин И.С. Теоретические и правовые проблемы формирования Совета Федерации Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 2 (56). С. 57-64.

[10] Закон РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[11] Конституция Итальянской Республики. Ст. 59 // URL: https: // legalns.com

Федерации» от 22 декабря 2020 года № 439-ФЗ. Закон дополнительно ужесточил требования к кандидатам и расширил основания прекращения этого статуса. Кроме того, была сохранена обязанность кандидатов на должность высшего должностного лица, представлять кандидатуры будущих сенаторов.

Несмотря на активное реформирование, существующий порядок формирования Совета Федерации продолжает подвергаться критике специалистов. Среди проблем называют: недостаточный учет волеизъявления граждан, влияние исполнительной власти[12] и Президента на законодательную ветвь власти, создающее противоречие принципу разделения властей. Часто звучат предложения о переходе к выборной модели формирования Совета Федерации, которая бы повысила его легитимность и наиболее соответствовала демократическим началам. Вместе с тем, такая реформа потребует конституционных изменений, что не будет способствовать стабильности конституционного регулирования. Поэтому наиболее важно, на наш взгляд, расширение участие населения в формировании Совета Федерации в пределах существующих конституционных норм. Целесообразно ввести обязанность для кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта публиковать в СМИ информацию о кандидатурах на должность сенатора, так как в настоящее время закреплена лишь обязанность размещения на информационном стенде в помещении для голосования[13], что не даёт возможности избирателям заранее ознакомиться с соответствующей информацией. Ещё одним нововведением, способствующим большему участию населения, могло бы быть введение обязанности политических партий, принимающих участие в выборах в представительные органы субъекта, заранее представлять возможные кандидатуры будущих сенаторов, из которых, в последующем представительным органом будет выбираться сенатор от соответствующего органа власти субъекта РФ. Кроме того, следует уточнить требование «безупречной репутации». Например, Т.В. Серкова предлагает закрепить

---

[12] См.: Миерхольд А.А. Конституционная эволюция порядка формирования и полномочий Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Lex Russica. 2018. № 11 (144). С. 134-144.
[13] Федеральный закон от 22.12.2020 № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации ФС РФ» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52. Ст. 8585.

следующие критерии безупречной репутации: отсутствие судимости (в том числе и погашенной), отсутствие определенных заболеваний (наркомании, алкоголизма), проведение специализированной проверки в отношении кандидатов со стороны Федеральной службы безопасности[14].

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации прошёл длинный и сложный путь реформирования. Первый этап был направлен на утверждение демократических начал и на переход к новой системе власти, установленной Конституцией Российской Федерации 1993 г. На втором этапе верхняя палата парламента включала в себя руководителей высших органов субъектов РФ. Но данный подход был подвергнут существенной критике в научном сообществе, так как создавал двойственность статуса, затруднял законодательный процесс и противоречил некоторым конституционным принципам. Третий этап был ознаменован переходом к новой системе: формирование Совета Федерации из представителей законодательного и исполнительного органа субъекта Российской Федерации. Но процесс реформирования этим не ограничился: ужесточались требования к кандидатам, в том числе направленные на усиление связи между субъектом и лицом его представляющим, повышении влияния населения на формирование Совета Федерации. В дальнейший период происходило расширение состава сенаторов, включение иных категорий сенаторов, в том числе, пожизненных. Законодателем выявлялись определенные проблемы и недостатки, что способствовало дальнейшему правовому совершенствованию. Совет Федерации был превращен в постоянно действующий орган, который способен активно и профессионально участвовать в законодательном процессе и представлять интересы субъектов Российской Федерации. Некоторые аспекты формирования Совета Федерации подвергаются критике в научном сообществе, например, звучат предложения о переходе к выборной модели. Поэтому процесс реформирования Совета Федерации пока нельзя назвать завершенным.

---

[14] См.: Серкова Т.В. Понятие «безупречная репутация» как одно из требований к сенаторам в Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества 2022. № 21. С. 58-65.

Проблемы реализации активного избирательного права отдельными категориями граждан Российской Федерации

Майер Анастасия Андреевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассмотрены определения терминов «избиратель», «отдельная категория избирателей», выделена классификация отдельных категорий избирателей в отечественном законодательстве. Приведены основные теоретические подходы, позиция практики к определению проблематики реализации активного избирательного права.

Ключевые слова: активное избирательное право, избиратели, отдельные категории граждан РФ, правовой статус избирателя, избирательные права осужденных, избирательные права инвалидов.

Исторически, начиная с эпохи европейских буржуазных революций, право участвовать в управлении публичными делами занимает ведущее положение в системе политических прав и свобод граждан демократических государств[1]. Неотъемлемой частью этого права являются субъективные избирательные правомочия, которые включают активное и пассивное избирательные права.

Избиратель – это гражданин РФ, обладающий активным избирательным правом, то есть законной возможностью голосовать на выборах или референдумах федерального, регионального и местного уровня. Избирателями являются граждане, которым исполнилось 18 лет.

Право голосовать не могут реализовать недееспособные лица и осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях по приговору суда, вступившему в законную силу.

В данном случае речь идет о субъектах, обладающих общим правовым

---

[1] См.: Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности: монография. – М.: Норма, 2011. С. 54.

статусом избирателя[2].

Отдельная категория граждан-избирателей – это избиратели, обладающие специальным правовым статусом, которые не имеют возможности полноценно реализовать свои активные избирательные права из-за состояния здоровья, процессуального статуса, местоположения и нахождения.

Специальный статус избирателя отражает особенности правового положения отдельных категорий граждан и основывается на общем конституционном статусе избирателя, но имеет свою специфику, определяемую нормами различных отраслей права. Однако, такой статус избирателя получил в законодательстве недостаточное закрепление, что существенно затрудняет реализацию и защиту активного избирательного права отдельных категорий граждан.

По вопросам классификации отдельных категорий избирателей в теории российского конституционного права существует не так много исследований. Большая часть работ не носит системного и комплексного характера, так как авторы поднимают проблематику реализации активного избирательного права только для одной отдельной категории граждан.

При разрешении вопроса о выделении классификации отдельных категорий избирателей, обладающих специальным правовым статусом, исследовательский интерес представляет диссертационная работа М.Д. Бандикян, посвященная проблемам реализации активного избирательного права отдельными категориями граждан.

Автор выделил следующие категории: «граждане, содержащиеся под стражей; граждане, постоянно проживающие или временно находящиеся на территории иностранного государства; граждане, являющиеся инвалидами»[3].

Лица, заключенные под стражу, не лишаются государством гражданских

---

[2] См.: Рыльских С.С. Понятие, сущность и основные проблемы реализации активного избирательного права гражданами Российской Федерации // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права: сборник научных статей / отв. ред. В. В. Коровин. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 94.

[3] Бадикян М.С. Реализация активного избирательного права отдельными категориями граждан: дис. … канд. юрид. наук. – Пенза, 2020. С. 77.

прав. Однако, реализация ими активного избирательного права имеет свою специфику. Наибольшие сложности возникают на выборах регионального и местного уровня. Территориальное расположение следственных изоляторов зачастую не совпадает с местом жительства подозреваемых и обвиняемых, что лишает их возможности проголосовать на своем избирательном участке.

Граждане РФ, находящиеся за пределами страны, сталкиваются с серьезными препятствиями при реализации активного избирательного права. Основной проблемой является отсутствие доступных избирательных участков в некоторых государствах, что полностью исключает возможность голосования. Вторая проблема – региональные и муниципальные выборы и референдумы не всегда поддерживают дистанционный формат голосования, что нивелирует возможность гражданина реализовать активное избирательное право удаленно.

Значительная часть граждан РФ, имеющих инвалидность (более 11,4 млн. человек), сталкивается с препятствиями при реализации активного избирательного права. Ключевой проблемой остается инфраструктурная недоступность избирательных участков. Поправки, внесенные в профильные федеральные законы и облегчающие положение избирателей-инвалидов в РФ, носят в значительной степени декларативный характер, так как не были подкреплены действенными механизмами реализации. Решение проблемы видится в применении комплексных социально-правовых мер.

Стоит заметить, что данная проблема нашла свое отражение также в трудах Е.В. Бердниковой и А.В. Титовской. Авторы считают целесообразным внести изменения в Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», дополнив его специальной главой, которая бы детально регламентировала все аспекты организации голосования лиц с ограниченными физическими возможностями[4].

---

[4] См.: Бердникова Е.В., Титовская А.В. Конституционно-правовые гарантии реализации избирательных прав лиц с ограниченными физическими возможностями // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3. С. 198.

Приведенная классификация, на наш взгляд, может быть расширена посредством включения еще одной группы избирателей. Ряд авторов акцентирует внимание на проблеме реализации избирательных прав вынужденными переселенцами. Проблема приобретает особую значимость в контексте роста миграции[5].

Кроме этого, в научной литературе существует мнение, согласно которому избирателей можно классифицировать по следующим основаниям:

1) по месту нахождения: голосующие по месту жительства, по месту нахождения, в местах временного пребывания;

2) по способу голосования: голосующие в помещении участковой избирательной комиссии, вне помещения (на дому по состоянию здоровья или инвалидности), дистанционное электронное голосование (посредством сети Интернет), досрочно голосующие (в труднодоступных местностях, на судах дальнего плавания и т. д.);

3) по статусу и социальным особенностям: военнослужащие (часто голосуют на закрытых избирательных участках военных частей); лица, находящиеся в СИЗО; маломобильные группы граждан (требуют особого оборудования участков)[6].

Проведенный анализ позволяет заключить, что современный механизм реализации активного избирательного права содержит значительное число латентных препятствий, которые обнаруживаются лишь в процессе правоприменения и способны создавать угрозы для осуществления иных конституционных прав граждан. Особую сложность представляет реализация избирательных прав гражданами со специальным статусом. Недостаточная проработка в федеральном законодательстве особенностей их правосубъектности приводит к тому, что возможность голосовать для многих из них становится труднодостижимой. Разрозненные акты избирательных

---

[5] См.: Ручьев А.А., Курилова Е.В. Стратегические проблемы избирательного права и процесса Российской Федерации. Пути их решения // Вестник науки. 2025. № 1. С. 740.

[6] См.: Турищева Н.Ю. Активное избирательное право: развитие форм реализации // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 39.

комиссий, признающие отдельные категории граждан особыми субъектами правоотношений, не формируют целостной системы гарантий.

В этой связи представляется целесообразным дополнить Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»[7] отдельной главой, объединяющей нормы, регламентирующие правовое положение граждан, для которых общий порядок голосования невозможен или затруднителен.

Предлагаемая глава могла бы включать: единый перечень категорий граждан, имеющих право на особые условия голосования; основания и порядок реализации избирательных прав для каждой категории; механизмы взаимодействия избирательных комиссий с уполномоченными органами; гарантии соблюдения принципов тайны голосования и свободы волеизъявления при особых процедурах; ответственность за нарушение прав указанных категорий избирателей.

Такая систематизация позволит устранить существующий пробел в правовом регулировании, обеспечить единообразие правоприменительной практики и, как следствие, более полную реализацию конституционных прав граждан, обладающих специальным правовым статусом.

[7] Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

Минцифры России и национальная безопасность: правовой аспект

Мамонов Михаил Алексеевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена исследованию правовых аспектов деятельности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Отмечено, что реализация государственной информационной политики характеризуется усилением правового регулирования и политико-административного контроля информационно-коммуникационного пространства, совершенствованием технологического оснащения мониторинга и отражения угроз национальной безопасности

Ключевые слова: национальная безопасность, информационная безопасность, государственная информационная политика, пределы реализации свобод человека.

В условиях обострения внутри- и внешнеполитических конфликтов особую актуальность приобретает проблема эффективного противостояния новым угрозам национальной безопасности Российский Федерации. В этой связи возникла необходимость в поиске таких инструментов, которые не только обеспечивали бы оперативное реагирование на угрозы безопасности, но и обладали бы превентивным потенциалом их предотвращать.

Термин «национальная безопасность» является многоаспектным; в доктрине не сложилось единого и универсального подхода к определению рассматриваемого понятия. Систематизировав позиции учёных, можно констатировать, что категория «национальная безопасность» раскрывается через обеспечение защиты национальных интересов – интересов государства, общества и личности.

Нормативно определение национальной безопасности сформулировано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной

безопасности Российской Федерации» [1]. Безопасность определяется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны». Исследование приведенного определения позволяет сделать вывод, что законодатель определяет термин «национальная безопасность» через категорию «состояние защищенности», которое, в свою очередь, обеспечивается в отношении личности, общества и государства.

Исходя из содержания Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности»[2], можно сделать вывод, что национальная безопасность является частью и внутренней, и внешней политики и представляет собой единую совокупность политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указывается, что защита национальных интересов России обеспечивается за счет ряда стратегических национальных приоритетов, в числе которых названа информационная безопасность.

На настоящий момент информационно-коммуникационное пространство выступает основной средой политической конфронтации, которая реализуется в различных формах, с применением различных методов и технологий. «Информационный фронт» становится сферой усиления противоборства между государствами, что приводит к возникновению новых вызовов и угроз национальной безопасности в информационной сфере.

Основные цели и направления обеспечения информационной безопасности с учетом стратегических национальных приоритетов определены в Доктрине

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
[2] Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (в ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 29. Ст. 5304.

информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»[3]. В документе отмечается, что организационную основу системы информационной безопасности составляет сочетание законодательной, правоприменительной, правоохранительной, судебной, контрольной и других форм деятельности государственных органов. К их числу относится Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (далее – Минцифры), выполняющее ведущую роль в реализации государственной информационной политики.

В рамках обеспечения информационной безопасности как ключевого элемента национальной безопасности России Минцифры осуществляет свою деятельность в правовой и организационной форме. В рамках настоящего исследования рассмотрим правовой аспект.

В последнее время наблюдается активное изменение законодательства в информационной сфере. В частности, был принят закон о «фейковых новостях», устанавливающий запрет на публикацию и распространение заведомо ложной или недостоверной информации как достоверных сообщений[4]. Была введена административная ответственность за размещение и распространение в информационных сетях сообщений, оскорбляющих государство и общество (закон о «неуважении к власти»)[5].

К числу нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере относится и закон о «суверенном Интернете», в соответствии с которым на операторов связи возлагается обязанность устанавливать на сети и серверы специальное оборудование от Роскомнадзора управления и фильтрации трафика в том числе «в

---

[3] Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

[4] Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1221.

[5] Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1218.

случае возникновения угроз целостности, устойчивости и безопасности функционирования интернета»[6].

Федеральным законом от 7 апреля 2025 года № 72-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральный закон «О рекламе»[7] статья 5 Закона о рекламе была дополнена частью 10.7, предусматривающей недопустимость распространения рекламы на информационных ресурсах иностранной или международной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Реализация вышеперечисленных законоположений осуществляется при участии федеральной службы Минцифры – Роскомнадзора, наделенного широкими полномочиями в области обеспечения информационной безопасности. В частности, он обладает возможностью самостоятельной блокировки и внесения в реестр запрещенных сайтов доменов, содержащих запрещенную в Российской Федерации информацию; полномочием блокировать мессенджеры, отказывающиеся предоставлять свои коды, блокировать сайты, содержащие материалы международных и неправительственных организаций, деятельность которых нежелательна на территории Российской Федерации, удалять сообщения, запрещенные законами о «фейковых новостях» и «оскорблении власти и общества».

До 15 апреля 2026 года на публичном обсуждении находится разработанный Минцифры России проект Закона об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации (ID 02/04/03-26/00166424)[8]. В качестве целей указанного

---

[6] Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 18. Ст. 2214.

[7] Федеральный закон от 07.04.2025 № 72-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральный закон «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 15. Ст. 1798.

[8] Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов // URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения: 21.03.2026).

закона провозглашается обеспечение безопасности личности, общества и государства, государственного технологического суверенитета при использовании технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации.

В статье 5 проекта в качестве принципа регулирования отношений в сфере применения технологий искусственного интеллекта устанавливается принцип безопасности. При этом приводится его трактовка как предотвращение угроз конституционному строю, обороне и безопасности государства, технологической независимости государства, жизни и здоровью физических лиц, деловой репутации и имуществу физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, окружающей среде, а также обеспечение информационной безопасности и устойчивости функционирования объектов информатизации с применением технологий искусственного интеллекта.

Оценивая в целом вносимые изменения и дополнения в систему нормативных правовых актов, регламентирующих информационную область общественных отношений, и используемые инструменты для проведения государственной информационной политики, следует отметить, что они отличаются усилением «регуляторного давления»[9]. Предпринимаемые меры, направленные на обеспечение информационной безопасности, в определенной степени ограничивают отдельные свободы граждан, устанавливают пределы их реализации[10].

Такая специфика регулирования в сфере информационной безопасности обусловлена противостоянием безопасности и свободы, проявляющееся «в противопоставлении, с одной стороны, права индивида на личную жизнь и защиту персональных данных, свободы перемещений, а, с другой стороны, – необходимости государства обеспечивать безопасность общества, что неизменно предполагает вторжение в личное пространство индивида».

В настоящее время имеются прецеденты обращения в суд о признании

---

[9] См.: Ковалев М.К. Государственная информационная политика Российской Федерации как инструмент противодействия новым вызовам и угрозам национальной безопасности: дис. … канд. полит. наук. М., 2025. С. 137.

[10] См.: Бочарова А.П. Факторы общественного восприятия Российской государственной политики в области информационной безопасности: дис. … канд. полит. наук. М., 2026. С. 3.

незаконным и необоснованным частичного ограничения звонков в мессенджерах Telegram и WhatsApp. Так, Таганским районным судом г. Москвы был принят иск К. Ларионова к Роскомнадзору и Минцифры о признании их действий незаконными (дело № 02а-0857/2025[11]). Определением Таганского районного суда г. Москвы от 29 декабря 2025 года производство по административному делу прекращено. Рассмотрев апелляционную жалобу, судебная коллегия по административным делам Московского городского суда согласилась с выводами суда первой инстанции о том, что оспариваемые административными истцами действия ответчиков сами по себе не нарушают либо иным образом не затрагивают права, свободы и законные интересы заявителей, не возлагают на административных истцов никаких обязанностей. Судебная коллегия находит правомерным вывод судьи о прекращении производства по делу, поскольку, оснований предполагать, что права и свободы административных истцов, о защите которых они просят, нарушены или существует реальная угроза их нарушения оспариваемыми действиями не имеется[12].

Таким образом, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций играет важную роль в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Реализация государственной информационной политики характеризуется усилением правового регулирования и политико-административного контроля информационно-коммуникационного пространства, совершенствованием технологического оснащения мониторинга и отражения угроз национальной безопасности.

---

[11] Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы // URL: https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/kas/details/2917fff1-e0b0-11f0-8cb7-25af42351195?caseNumber (дата обращения: 21.03.2026).

[12] Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Московского городского суда от 19 февраля 2026 по делу № 33а-2391/26 // URL: https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/kas/details/2917fff1-e0b0-11f0-8cb7-25af42351195?caseNumber (дата обращения: 21.03.2026).

Цифровые права как четвертое поколение прав человека: доктринальные основания и конституционные перспективы

Маслов Данил Кириллович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматриваются доктринальные основания концепции цифровых прав как четвертого поколения прав человека и анализируются перспективы их конституционно-правового закрепления. В современном глобальном дискурсе обосновывается позиция, согласно которой виртуальная среда порождает качественно новые вызовы для защиты прав человека, что позволяет рассматривать цифровые права в качестве самостоятельного поколения. По мнению одних исследователей, цифровизация обусловливает необходимость конституционализации соответствующих правомочий. Другие авторы, напротив, полагают возможным интерпретировать цифровые права в парадигме традиционных личных (гражданских) и политических прав, не выделяя их в отдельное поколение. Кроме того, определяются перспективы их конституционно-правового закрепления.

Ключевые слова: права человека, четвертое поколение прав человека, цифровизация, искусственный интеллект, эволюция прав человека, виртуальное пространство.

Дискуссия о признании цифровых прав в качестве четвертого поколения прав человека сохраняет в юридической науке свою актуальность и дискуссионный характер. Сторонники концепции признания нового поколения прав обосновывают свою позицию тем, что цифровые технологии уже вступили в эпоху Web 3.0, где интеллектуальное взаимодействие и слияние виртуального и реального стали действительностью, что открыло новую форму существования человека и общественной жизни. Если в трех предыдущих поколениях прав человека преобладала физическая личность, то права человека в цифровую эпоху реагируют на человека, перемещающегося в физическом и виртуальном

пространстве. Ключевой аргумент в пользу выделения цифровых прав в новое поколение заключается не просто в появлении новых объектов правового регулирования, а в качественном изменении субъекта права, который обретает цифровую личность, существующую одновременно в двух пространствах, что требует принципиально иного подхода к защите его прав по сравнению с защитой физической личности в индустриальную эпоху.

В связи с этим Гун Нань считает, что «необходимость создания четвертого поколения прав человека заключается именно в том, что фоновые знания в промышленно-коммерческом контексте, олицетворяемые тремя предыдущими поколениями прав человека..., уже являются знаниями в контексте цифрового общества, которое значительно изменилось... Одним словом, особые черты цифрового общества требуют особых прав для их гарантии»[1].

Цифровые права человека значительно расширяют автономию человека, и отношение к ним как к правам человека четвертого поколения нацелено на устранение таких угроз, как информационная пропасть, алгоритмическая дискриминация, гегемония алгоритмов и мониторинг общества. Если права первого поколения защищали человека от государства, второго поколения предоставляли блага от государства, третьего поколения защищали коллективы, то цифровые права направлены на обеспечение суверенитета личности в новом гибридном мире, гарантируя человеку возможность свободно формировать и реализовывать свою цифровую личность, не будучи порабощенным алгоритмами или цифровыми монополиями. Вместе с тем, концепция цифровой личности встречает критику, согласно которой цифровая человечность — это не новая природа человека, а лишь внешнее проявление, представляющее собой серьезный парадокс внешнее обоснование, отчуждение внутренней структуры человеческой природы. Признание цифровой человечности основанием прав человека ведет к субъектной виртуализации, морфологической мутации и расширению

---

[1] Гун Нань. Четвертое поколение прав человека в умном обществе и трансформация основных конституционных прав / Нань Гун // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2024. Право 4. С. 1158.

обязанностей. Таким образом, спор о цифровой личности выявляет расхождение в понимании того, что может служить основанием для признания нового поколения прав – изменение условий реализации прав или природы самого субъекта.

По мнению В.Д. Зорькина, цифровые права человека представляют собой конкретизацию универсальных прав человека применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации[2]. В условиях цифровизации иной характер приобретают право на поиск, получение и передачу информации, право на свободу мысли и слова, право на защиту достоинства личности. Существенное расширение сферы их реализации не меняет их сути, но влияет на содержание.

В рамках другого подхода цифровые права рассматриваются в публично-правовом измерении как принципиально новое поколение прав человека, что влечет за собой выработку соответствующих международных и национальных стандартов их закрепления и защиты[3]. Более того, ставится вопрос о признании цифровых прав неотъемлемыми правами человека, что неизбежно повлечет за собой изменение фундаментальных прав.

Особого внимания заслуживает проблема разграничения прав человека и прав гражданина применительно к цифровой сфере. Представляется обоснованной позиция А.Н. Позднышова, согласно которой «приравнивание доступа в Интернет к фундаментальным правам человека размывает понятие фундаментальных прав и границы между правами человека и правами гражданина. Классический подход к пониманию прав человека рассматривает их как принадлежащие человеку от рождения, тогда как права гражданина складываются в системе координат личность - государство и предполагают государственное участие. В связи... можно ли говорить, что неотъемлемым правом человека наравне с правом на жизнь, достоинство и неприкосновенность

---

[2] Зорькин В.Д. Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан / В.Д. Зорькин // Российская газета. 2018. Столичный выпуск № 115 (7578).

[3] Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // Peace Human Rights Governance. 2017. – Vol. 1. – Iss. 2. – P. 226.

является общепризнанное право на доступ к... Интернету»[4].

Автор настоящей статьи полагает, что Конституция Российской Федерации обладает достаточным нормативным потенциалом для адаптации к цифровым реалиям без внесения изменений в главу вторую, закрепляющую права и свободы человека и гражданина. Статья 23, гарантирующая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, в системном толковании с иными положениями способна охватывать такие аспекты цифровых прав, как защита персональных данных и тайна цифровых коммуникаций. Статья 24, устанавливающая запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, также получает в цифровую эпоху расширительное содержание, распространяясь на деятельность операторов персональных данных и цифровых платформ.

Вместе с тем специфика цифровых отношений требует не только интерпретационного развития конституционных положений, но и их законодательной конкретизации. Актуальность данного подхода подтверждается разработкой Министерством цифрового развития Российской Федерации законопроекта «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»[5]. Разрабатываемый законопроект создает нормативную основу для дальнейшей законодательной конкретизации цифровых прав. В развитие данного подхода представляется целесообразным принятие специального федерального закона, закрепляющего систему цифровых прав, включая право на доступ к интернет-инфраструктуре, право на забвение, право на защиту от алгоритмической дискриминации, право на цифровую идентичность и право на ментальную

[4] Позднышов А.Н., Непранов Р.Г. Искусственный интеллект и цифровые технологии как факторы формирования нового поколения прав человека и гражданина: теоретико-правовой анализ / А.Н. Поздышев, Р.Г. Непранов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 16 (2). С. 47-48.

[5] Проект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] – режим доступа URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения: 19.03.2026).

неприкосновенность. При этом указанные права следовало бы рассматривать как производные от конституционных прав на свободу информации, неприкосновенность частной жизни и достоинство личности, что обеспечило бы их согласованность с системой Основного закона.

Что касается возможного конституционного закрепления, то допустимо дополнение статьи 71 или 72 Конституции положениями о том, что в ведении Российской Федерации или в совместном ведении с субъектами Российской Федерации находятся регулирование и защита прав человека в цифровой среде, обеспечение цифрового суверенитета и безопасности личности в информационно телекоммуникационных сетях.

Вопросы местного значения: преобразование института в свете муниципальной реформы

Морев Владислав Сергеевич,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье анализируется реформа органов местного самоуправления. Автор показывает, что сегодня сохраняется угроза огосударствления местного самоуправления, когда автономия приносится в жертву управляемости. Отмечено, что необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в сторону уточнения природы вопросов местного значения, их финансового обеспечения и неукоснительного соблюдения принципа субсидиарности.

Ключевые слова: муниципальная реформа, органы местного самоуправления, система публичной власти, вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения,

Институт вопросов местного значения на протяжении всего современного этапа развития России оставался центральным элементом муниципально-правового регулирования. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1] (далее – Закон № 131-ФЗ) закрепил легальное определение вопросов местного значения как вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно. Указанное определение, при всей его значимости, порождало ряд доктринальных и правоприменительных проблем.

Как справедливо отмечал О.А. Кожевников, первоосновой многих негативных явлений в сфере местного самоуправления является «неудачное

[1] Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

описание законодателем главной функции местного самоуправления»[2]. Закон № 131-ФЗ устанавливал разветвленную систему вопросов местного значения, дифференцированную по семи типам муниципальных образований: поселения (городские и сельские), муниципальные районы, городские округа, внутригородские территории городов федерального значения, внутригородские районы. Перечни вопросов местного значения для каждого вида муниципальных образований закреплялись в статьях 14-16.2 Закона № 131-ФЗ и носили закрытый характер. При этом законодатель предусмотрел возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, что создавало сложную, многослойную конструкцию компетенции муниципалитетов.

Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ) знаменует собой принципиально новый этап в развитии рассматриваемого института[3]. Закон вступил в силу с 19 июня 2025 года, за исключением отдельных положений, которые начнут действовать с 1 января 2027 года.

Ключевым изменением, имеющим не только терминологическое, но и концептуальное значение, является замена понятия «вопросы местного значения» на понятие «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». Статья 32 Федерального закона № 33-ФЗ, которая вступит в силу с 1 января 2027 года, регламентирует полномочия органов государственной власти и местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Представляется, что данная новация приводит к усугублению методологической проблемы, на которую обращает внимание О.А. Кожевников – смешение понятий «вопросы местного значения» и «полномочия органов местного самоуправления». В научной литературе подчеркивается, что понятия

---

[2] Кожевников О.А. О нормативной регламентации вопросов местного значения // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 55 - 61.
[3] Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

«вопросы местного значения» и «полномочия органов местного самоуправления» взаимосвязаны, но не тождественны. Вопрос обозначает сферу или задачу (что нужно делать), а полномочие – юридическое средство, инструмент для её решения (как и чем делать).

При этом, Т.М. Бялкина отмечает, что наиболее распространенный подход к определению содержания компетенции субъектов публичной власти заключается в том, что она представляет собой совокупность предметов ведения (областей, сфер общественных отношений) и полномочий (совокупности прав и обязанностей в данных областях, сферах) по их решению[4]. Таким образом, осуществленное законодателем слияние двух этих понятий в действительности выхолащивает само понятие «вопросы местного значения», что не может положительно сказаться на эффективности местного самоуправления в России. Не менее значимым на протяжении всего пути развития местного самоуправления является вопрос перераспределения функций, который особенно ярко проявился в двухуровневой системе местного самоуправления, что обусловило необходимость специальных механизмов регулирования.

Уже до принятия Федерального закона № 33-ФЗ законодательство предоставило субъектам Российской Федерации ограниченную возможность влиять на распределение функций между уровнями местного самоуправления, особенно в двухуровневой системе (муниципальный район – поселения). В ряде случаев региональным законом могло быть предусмотрено перераспределение отдельных полномочий между поселениями и районом, если это продиктовано территориальными особенностями. Так возникло понятие вопросов местного значения межпоселенческого характера – то есть таких задач, которые формально относятся к поселениям, но фактически решаются на районном уровне (например, обслуживание межпоселенных территорий, организация крупных объектов инфраструктуры, обслуживающих несколько поселений). В 2014 году в 131-ФЗ была введена норма, позволившая субъектам Российской Федерации

---

[4] См.: Бялкина Т.М. Компетенция местного самоуправления в свете поправок к Конституции Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (43). С. 29.

перераспределять полномочия по решению вопросов местного значения между муниципалитетами и региональными органами власти. Этот механизм помогал региону изъять у муниципалитета исполнение определённых функций местного значения и взять их на свой уровень или, наоборот, делегировать вниз свои государственные полномочия. Однако данная законодательная новация получила противоречивые оценки. Исследования показывают, что на практике перераспределение полномочий шло преимущественно по пути изъятия «лакомых» или ресурсоёмких функций у местного самоуправления в пользу региональных органов, что нередко приводило к ущемлению интересов местного самоуправления и нарушению принципа самостоятельности. Е.С. Шугрина отмечает, что отсутствуют чёткие критерии целесообразности и эффективности такого изъятия; действия региональной власти в разных субъектах Российской Федерации носили несистемный и хаотичный характер, зачастую снижая качество местного управления и подрывая доверие населения[5]. В новейших реформах законодатель не только сохранил возможность перераспределения полномочий органов местного самоуправления, но и закрепил хотя и строго определенный, но достаточно широкий перечень полномочий органов местного самоуправления, подлежащих перераспределению для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации. В данный перечень фактически были отнесены наиболее важные вопросы местного значения, относящиеся к «естественной» компетенции муниципалитетов, которые с должной эффективностью могут решаться именно на местном уровне. В свою очередь такие не свойственные местному самоуправлению вопросы как профилактика терроризма и экстремизма, ликвидация чрезвычайных ситуаций, профилактика и противодействие коррупции были отнесены к перечню полномочий органов местного самоуправления, не подлежащих перераспределению. К тому же реального правового механизма как муниципалитеты могли бы повлиять на

---

[5] См.: Шугрина Е.С. Перераспределение полномочий по решению вопросов местного значения в материалах правоприменительной практики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. №. 2 (30). С. 189-192.

содержание перераспределенных полномочий в законе субъекта РФ не предусмотрено.

Таким образом, дальнейшее развитие муниципального законодательства демонстрирует стремление к всеобщей унификации и обновлению функциональной модели местного самоуправления в ущерб самостоятельности и независимости органов местного самоуправления.

Как отмечается в научной литературе, в компетенционном аспекте местное самоуправление выступает в двух качествах: как результат самоорганизации населения и как базовый уровень публичной власти, формируемый в рамках государственной политики территориальной организации власти. Однако результатом реформы местного самоуправления стало изменение этого статуса – местное самоуправление скорее теперь занимает не базовый, а нижний уровень публичной власти в прямом вертикальном подчинении государственной власти субъекта РФ. Принятие Федерального закона № 33-ФЗ в 2025 году является попыткой привести институт местного самоуправления в соответствие с новой конституционной доктриной «единой системы публичной власти». Однако простая смена территориальной организации и функциональной модели местного самоуправления, повлекшая утрату изначального содержания института вопросов местного значения, может не дать ожидаемого эффекта.

Анализ показывает, что реформа лишь частично решает некоторые проблемы, обозначенные в научной литературе, однако создает множество новых проблем. Сохраняется угроза огосударствления местного самоуправления, когда автономия приносится в жертву управляемости. Чтобы избежать этого, необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в сторону уточнения природы вопросов местного значения, их финансового обеспечения и неукоснительного соблюдения принципа субсидиарности. Только в этом случае местное самоуправление останется не просто нижним уровнем административной вертикали, а одной из основ конституционного строя Российской Федерации и формой осуществления народом своей власти самостоятельно без прямого подчинения государственной власти субъекта.

Искусственный интеллект в избирательном процессе Российской Федерации: проблематика применения

Нигматулин Радмир Радикович,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуются правовые проблемы применения технологий искусственного интеллекта в избирательном процессе России. На основе анализа законодательных инициатив, судебной практики и позиций государственных органов рассматриваются риски использования искусственного интеллекта в предвыборной агитации, дипфейк-атаки как угроза достоверности волеизъявления, а также перспективы технологической идентификации ИИ-контента. Автором обосновывается вывод о необходимости формирования сбалансированного правового регулирования, основанного на принципах прозрачности и сохранения человеческого контроля при принятии юридически значимых решений в избирательном процессе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, избирательный процесс, предвыборная агитация, цифровые технологии, избирательные права, правовое регулирование.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед правовой системой принципиально новые вызовы. Избирательный процесс, будучи одним из наиболее чувствительных к достоверности информации публично-правовых институтов, оказался в зоне особого риска. Как отмечает председатель ЦИК России Э.А. Памфилова: «применение искусственного интеллекта не всегда идет во благо, особенно в избирательных системах. При этом адекватного законодательства в этой сфере пока нет»[1].

Актуальность темы подтверждается реальными прецедентами: в 2025 году зафиксированы случаи использования дипфейков для дискредитации кандидатов,

[1] Э. Памфилова призвала законодательно урегулировать применение ИИ в избирательной сфере // Редакция сайта ТАСС URL: https://tass.ru/politika/24618073 (дата обращения: 01.02.2026).

а Челябинский областной комитет КПРФ стал участником судебного спора о законности агитационной листовки, полностью сгенерированной нейросетью. Так, региональное отделение КПРФ использовало агитационную листовку «Нам важен каждый!», созданную нейросетью. Изображение содержало собирательные образы людей, сгенерированные искусственным интеллектом, а не фотографии реальных лиц. Челябинский областной суд первоначально удовлетворил иск представителей КПРФ, придя к выводу, что запрет на использование в агитации изображений физических лиц, не являющихся кандидатами, распространяется только на реальных людей[2]. Однако Второй апелляционный суд общей юрисдикции отменил это решение. Ключевое значение имеет позиция Верховного Суда РФ, который в феврале 2026 года подтвердил: использование изображений людей, созданных искусственным интеллектом, в предвыборной агитации признается незаконным. Суд указал, что специальное регулирование, допускающее использование лишь изображений кандидатов, направлено на предотвращение формирования у избирателей искаженного восприятия участников выборов[3].

Параллельно с развитием судебной практики активизировалась законотворческая деятельность. В сентябре 2025 года в Государственной Думе РФ рассматривался законопроект № 467977-8, предусматривавший легализацию использования ИИ для генерации голоса и изображений в агитационных материалах при условии обязательного информирования избирателей об этом[4]. Автор инициативы Я.Е. Нилов аргументировал позицию необходимостью борьбы с дезориентацией избирателей в неконтролируемой интернет-среде. Однако законопроект был отклонен. Содокладчик А.П. Тетердинко привел убедительный контрпример: «Возможность использования изображения уважаемого политика

---

[2] Агитация без генерации // Газета Коммерсантъ // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8160512 (дата обращения: 01.02.2026).

[3] Кассационное определение Верховного Суда РФ по делу № 48-ИКАД26-1-А2 от 02.02.2026 // Официальный сайт Верховного Суда РФ URL: https://www.kommersant.ru/doc/8160512 (дата обращения: 01.02.2026).

[4] Законопроект № 467977-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в архиве) // Система обеспечения законодательной деятельности // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/467977-8 (дата обращения: 01.02.2026).

для агитации за другого кандидата. Правительство РФ и профильный комитет также не поддержали инициативу. Более перспективным представляется подход, предлагающий запрет на использование ИИ-изображений людей в агитации»[5].

Наиболее серьезную опасность представляют дипфейки – сгенерированные ИИ изображения, видео или аудиозаписи, создающие иллюзию подлинных высказываний или действий реальных лиц. Глава ЦИК России привела показательный пример: в одном из регионов распространялось видео с «дипфейком» от имени известного кандидата, который якобы заявлял о снятии своей кандидатуры[6].

Также особую проблему представляет использование ИИ для создания образов, обладающих эмоциональным и историческим влиянием. Генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций Д. Орлов отмечает, что ситуация особенно чувствительна при воссоздании образов ушедших политических деятелей, обладающих сильным символическим влиянием. Исторические фигуры, «оживленные» с помощью ИИ, могут оказать заметное воздействие на восприятие кампании и поведение избирателей. Политические силы, прибегающие к таким образам, фактически могут обходиться без полноценной политической программы, используя эмоциональный и исторический капитал известных личностей. Это создает риск искажения подлинной воли избирателей, которые голосуют не за реальные программы кандидатов, а за искусно сгенерированные образы[7].

При разработке правового регулирования необходимо учитывать технологические ограничения. Директор проектного офиса правительственной

---

[5] Стенограммы обсуждения законопроекта № 467977-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части использования технологий искусственного интеллекта в период избирательных кампаний) URL: https://api.duma.gov.ru/api/transcript/467977-8 (дата обращения: 01.02.2026).

[6] Э. Памфилова призвала законодательно урегулировать применение ИИ в избирательной сфере // Редакция сайта ТАСС URL: https://tass.ru/politika/24618073 (дата обращения: 01.02.2026).

[7] Показатель явки: предлагается запретить использование изображений людей, созданных искусственным интеллектом, в ходе предвыборной агитации // Известия. URL: https://en.iz.ru/en/2056982/liubov-lezhneva/turnout-figure-ai-generated-images-people-are-proposed-be-banned-election-campaigning (дата обращения: 01.02.2026).

комиссии РФ Л. Гонтарь констатирует: «существуют отдельные технические методы, позволяющие выявлять изображения, созданные с помощью ИИ, но гарантировать стопроцентное обнаружение таких материалов пока невозможно»[8]. При использовании специализированных систем, особенно при локальной генерации, идентифицировать источник обычно сложно из-за отсутствия водяных знаков и метаданных. Существующие сервисы также не дают точного ответа на вопрос о происхождении изображения. Определенным решением мог бы стать стандарт – цифровой подписанный блок данных, внедряемый в файл. Однако его внедрение требует изменений нормативной базы и адаптации стандарта для использования в России. Это объективное противоречие требует поиска баланса между запретительными и регуляторными мерами.

Анализ дискуссии позволяет выделить консенсусное направление регулирования – требование прозрачности использования ИИ. Важно сформулировать базовый принцип: избиратель должен понимать, когда перед ним продукт, созданный с применением нейросетей. Маркировка ИИ-контента повысит прозрачность информационной среды, позволит избирателям осознанно воспринимать контент. Однако простой маркировки недостаточно. Необходимо разграничение допустимого и недопустимого использования ИИ. Следует ввести запрет на использование ИИ для создания цифровых клонов реальных политиков без их согласия, закрепить требования к прозрачности агитации, установить ответственность за распространение контента, вводящего в заблуждение.

Наиболее дискуссионным остается вопрос о применении ИИ при подсчете голосов – ключевой стадии, определяющей результаты выборов. Сенатор А. Шейкин считает, что преждевременно говорить о полной передаче этой функции алгоритмам. При этом нейросети могут применяться во вспомогательных задачах: для выявления технических ошибок, статистических аномалий или анализа больших массивов данных[9]. Представитель ЦИК России А. Лопатин

---

[8] Там же. URL: https://en.iz.ru/en/2056982/liubov-lezhneva/turnout-figure-ai-generated-images (дата обращения: 11.02.2026).

[9] В России хотят ввести правила использования ИИ на выборах // СенатИнформ. URL: https://senatinform.ru/news/v_rossii_khotyat_vvesti_pravila_ispolzovaniya_ii_na_vyborakh_/ (дата

подтверждает: комиссия уже использует ИИ для анализа подписных листов с 2019 года. Нейросети автоматически выявляют подозрительные совпадения и аномалии, сокращая нагрузку на человека. Однако системы не принимают решений вместо людей, но помогают увидеть то, что глаз не всегда замечает[10].

На основе проведенного анализа можно выделить следующие направления правового регулирования. Во-первых, запрет на создание дипфейков политиков без согласия. Во-вторых, обязательная маркировка ИИ-контента. В-третьих, законодательное закрепление подхода Верховного Суда РФ о запрете на использование изображений людей, не являющихся кандидатами. В-четвертых, сохранение человеческого контроля на ключевых стадиях: подсчет голосов, подведение итогов и определение результатов выборов должны осуществляться человеком. В-пятых, развитие технических стандартов верификации происхождения контента.

Таким образом, применение технологий искусственного интеллекта в избирательном процессе Российской Федерации порождает комплекс правовых проблем, требующих безотлагательного решения. Формирующаяся судебная практика создает основу для законодательного регулирования, но не заменяет его. Основными рисками являются: создание дипфейков для дискредитации кандидатов и дезинформации избирателей; использование эмоционально заряженных образов как замена содержательной политической программе; технологическая сложность идентификации ИИ-контента. В связи с чем, совершенствование правового регулирование должно быть направлено на создание оптимальной модели, основанной на принципах прозрачности, запрете наиболее опасных форм использования и сохранении контроля на ключевых стадиях избирательного процесса.

обращения: 11.02.2026).

[10] ЦИК будет использовать нейросети для проверки подписей на выборах // Газета Коммерсантъ URL: https://www.kommersant.ru/doc/4604916 (дата обращения: 01.02.2026).

Понятие и виды экономических прав граждан и их защита в конституционном судопроизводстве

Петрова Дарья Витальевна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуются разновидности экономических прав граждан и вопросы их защиты в конституционном судопроизводстве. Конституционное правосудие является важным институтом гарантирования прав граждан. Нарушения прав в изучаемой сфере могут быть следствием противоречащих законодательству России действий или бездействия органов публичной власти и их должностных лиц, а также быть вызваны несоответствием оспариваемых нормативных правовых актов основополагающим конституционным принципам

Ключевые слова: экономические права граждан, конституционное производство, обращения в Конституционный Суд РФ, самозанятость, орган конституционного контроля.

1. Важным вопросом при анализе сферы конституционного судопроизводства является изучение сущности конституционных экономических прав граждан. Прежде чем обратиться к сфере их защиты, необходимо определить правовое содержание экономических прав в аспекте их взаимосвязи с социальными правами. И.Н. Плотникова усматривает различное материально-правовое содержание социальных и экономических прав[1]. На первый взгляд, отмечает специалист, их связь заключается в направленности на удовлетворение материальных и социальных потребностей, а также в отнесении к категории прав второго поколения, что закреплено во Всеобщей декларации прав человека 1948 года[2]. С другой стороны, прослеживается дифференциация соблюдения и защиты

---

[1] Плотникова И.Н. Система экономических прав и свобод человека и гражданина: проблемы классификации и содержания // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 41.

[2] Всеобщая декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 // Библиотека «Российской газеты». 1995. № 11. С.

социальных (право на социальное обеспечение) и экономических прав.

2. Ключевое значение поправок, внесенных в Конституцию в 2020 году, как отмечает В.Д. Зорькин, состоит в закреплении более высокого уровня гарантий социальных и экономических прав граждан, конкретизирующих конституционный принцип социального государств. Роль Конституционного Суда РФ как главного арбитра в преодолении возникающих противоречий заключается в поиске компромиссных правовых решений социальных и экономических проблем, ведь, резюмирует председатель Конституционного Суда РФ, «...суд это не только процедура, но еще и смысл»[3].

3. Важно отметить, что основные виды экономических прав граждан закреплены в Конституции РФ[4]. Из них можно выделить следующие: право на свободу предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34), право частной собственности и ее наследования (ст. 35), право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37), право на труд и на вознаграждение за труд (ст. 37), право на отдых (ст. 37).

4. На официальном сайте Конституционного Суда РФ на регулярной основе ведется статистика по количеству обращений. Так, сохраняется достаточно высокая востребованность органа конституционного правосудия как института защиты прав физических лиц в налоговой сфере: за 2022 год поступило 148 обращений, в 2023 год – 130, в 2024 год – 142, в 2025 год – 190[5]. Среди проанализированных актов Конституционного Суда по обращениям физических лиц преобладают обращения по государственной пошлине, налогу на доходы

10.

[3] Зорькин В.Д. Под знаком Основного Закона // Российская газета. 2020. 28 октября (№ 247 (8598)).

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля (№ 144).

[5] Статистика по решениям Конституционного Суда РФ // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // URL: https://www.ksrf.ru/Decision/isticses.php (дата обращения: 01.02.2026).

физических лиц, налогу на имущество физических лиц, налогу на добавленную стоимость, страховым взносам.

5. В настоящее время также достаточно актуальным в сфере экономического права заниматься предпринимательской деятельностью остается вопрос легального закрепления понятия «самозанятые граждане», их прав и свобод. В отличие от ранее приведенной статистики поиск информации о статистике обращений самозанятых в Конституционный Суд РФ по вопросам судебной защиты их нарушенных прав привел к отрицательному результату. Отсутствие обобщенной статистики вовсе не означает, что самозанятые граждане не пользуются правом на обращение в орган конституционного правосудия с конкретной жалобой, наоборот, роль Конституционного Суда РФ в этом случае достаточно значима.

6. Итак, российское законодательство характеризуется приоритетом защиты, в частности, экономических прав граждан именно в судебном порядке. Конституционное правосудие является важным институтом гарантирования прав граждан. Нарушения прав в изучаемой сфере могут быть следствием противоречащих законодательству России действий или бездействия органов публичной власти и их должностных лиц, а также быть вызваны несоответствием оспариваемых нормативных правовых актов основополагающим конституционным принципам. В настоящее время граждане и их объединения обладают правом обратиться с жалобой в Конституционный Суд в случае, если примененный нормативный акт нарушает, по их мнению, конституционные права, в т. ч. экономические[6].

7. В разрезе судебной защиты экономических прав граждан важно отметить дискуссию правоведов относительно существования и упразднения института конституционных (уставных) судов субъектов. Некоторые представители науки высказывались о необходимости их существования. Так, Б.С. Эбзеев отмечал, что

---

[6] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6118.

отсутствие в субъектах органов конституционного контроля нарушает основополагающие принципы организации государственной власти, прямо противореча установленному в ст. 19 Конституции РФ принципу равенства граждан перед законом и судом вне зависимости от места проживания[7]. При этом эффективность деятельности таких судов была низкой ввиду малого количества обращений, снижения финансирования, отсутствия политической поддержки со стороны Федерации. Это привело к конфликту между решениями Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов[8].

8. Перечисленные факторы привели к принятию Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»[9]. Нормативный правовой акт предусматривал упразднение конституционных (уставных) судов субъектов до 1 января 2023 года, закрепив возможность создания конституционных (уставных) советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов. Следовательно, конституционные советы не входят в судебную ветвь власти и занимаются лишь просветительской деятельностью в отличие от ранее существовавшего института. Упразднение конституционных (уставных) судов оказало негативное влияние на доступ граждан к судебной защите, в том числе, их экономических прав. В силу того, что потенциал конституционных (уставных) судов остался невостребованным, имела место процедура «ликвидации органов, обеспечивающих защиту

---

[7] См.: Эбзеев Б.С. Конституционное правосудие в России: системность и роль в обеспечении единства и целостности российского государства // Конституционное правосудие в Российской Федерации: правовое регулирование, опыт, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 17 июня 2005 г. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. С. 15-21.

[8] См.: Несмеянова С.Э. Опыт и перспективы развития конституционного контроля: отечественная и зарубежная практика // European and Asian Law Review. 2024. № 1. Т. 7. С. 24-34.

[9] Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50. Ст. 8029.

конституционных прав и свобод личности»[10].

9. Определяя правовое содержание экономических прав в аспекте их взаимосвязи с социальными правами, необходимо констатировать их различное материально-правовое содержание. Основные виды экономических прав граждан закреплены в Конституции РФ. К тому же, наблюдается приоритет судебной защиты экономических прав граждан. Конституционный Суд РФ, являясь в иерархии российской судебной системы главным и единственным органом конституционного контроля, посредством специальной судебной процедуры разрешает возникающие экономические проблемы, что подтверждает статистика на официальном сайте суда. Отмечая научную дискуссию относительно причин и последствий упразднения института конституционных (уставных) судов, превалирует мнение, что этот процесс носит негативный характер с точки зрения защиты экономических прав граждан на уровне субъектов.

[10] Рудман М.Н., Туриянов А.Р. Проблемы развития системы конституционного контроля в субъектах Российской Федерации после конституционной реформы 2020 года // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономичесие и правовые исследования. 2022. Т. 8. № 3 (31). С. 122.

Правовые механизмы участия органов местного самоуправления в защите населения от опасных биологических факторов

Тарабанова Дарья Ивановна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В современных условиях особое значение приобрела необходимость координации всех элементов публичной власти России для решения задач по защите населения от разнообразных угроз, в частности – источников химической и биологической опасности. Настоящее исследование раскрывает особенности правового регулирования участия органов местного самоуправления в защите населения от опасных биологических факторов в контексте конституционной реформы 2020 года и принятия нового закона об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Отдельное внимание уделено конкретным полномочиям органов местного самоуправления при защите населения от биологических угроз.

Ключевые слова: местное самоуправление, орган местного самоуправления, единая система публичной власти в Российской Федерации, биологическая безопасность, биологическая защита, план реагирования на биологические угрозы (опасности), противоэпидемические мероприятия, противоэпизоотические мероприятия, противоэпифитотические мероприятия, гражданская оборона.

Как следует из статьи 130 Конституции Российской Федерации, самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью в Российской Федерации обеспечивается местным самоуправлением[1]. Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

власти», статья 132 Конституции дополнена частью 3 следующего содержания: «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»[2].

Понятие единой системы публичной власти впоследствии было раскрыто статьей 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 года № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»[3]. Так, ее образуют федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», за исключением определенных положений, для которых были установлены иные сроки и порядок вступления в силу, вступил в силу 1 января 2009 года[4]. На настоящий момент действительными остаются только положения главы 3 (статьи 14–18) данного закона, поскольку с 1 января 2027 года полностью вступает в силу Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах

---

[2] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[3] Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. 3). Ст. 8039.

[4] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[5]. Новый закон призван как в целом усовершенствовать правовое регулирование местного самоуправления в России, так и, в частности, привести его в концептуальное соответствие с конституционной реформой 2020 года.

Так, в соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 32 нового закона, в целях обеспечения жизнедеятельности населения законом субъекта Российской Федерации может быть принято решение об осуществлении органами местного самоуправления полномочий по организации и осуществлению мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, защите населения и территории муниципального образования от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, включая поддержку в состоянии постоянной готовности к использованию систем оповещения населения об опасности, объектов гражданской обороны, создание и содержание в целях гражданской обороны запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств. В Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» аналогичное положение было определено лишь как вопрос местного значения.

В современных условиях бесспорным является возрастание значения совершенствования и уточнения правового регулирования гражданской обороны в частности и защиты населения в целом для всех элементов публичной власти. И, конечно, особое значение данная проблема принимает для органов местного самоуправления. Представляя собой признаваемую и гарантируемую Конституцией Российской Федерации форму самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, местное самоуправление на настоящий момент призвано, во-первых, обеспечить подлинное народное единство на всей территории России, а во-вторых, опираясь

---

[5] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

на данное единство, обеспечить защиту населения от любых возможных угроз. Очевидно, что данные задачи являются взаимосвязанными и неотделимы друг от друга, как в нынешних условиях, так и в целом, отражая сущность местного самоуправления в России.

Обеспечение химической, а равно и биологической безопасности является важнейшим компонентом системы национальной безопасности России. Как пишет А.И. Ларин, «причиной этому является развитие новых технологий в области химии и биологии, создающее потенциальные риски для безопасности населения»[6]. Кроме того, данные риски существуют не только в условиях различных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и военных действий. Химические и биологические производственные и научно-исследовательские объекты сами по себе представляют опасность для граждан и для окружающей среды. Полное исключение рисков в данной сфере практически невозможно.

Указом Президента РФ от 11 марта 2019 года № 97 утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»[7]. Так, подпункт 5 пункта 11 Основ в качестве одного из принципов закрепляет взаимодействие и координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при обеспечении химической и биологической безопасности.

На основании данного Указа решением коллегии МЧС России от 4 декабря 2019 года также была утверждена актуализированная Концепция радиационной, химической и биологической защиты, перенявшая названные выше положения

---

[6] Ларин А.И. Обеспечение химической и биологической безопасности - важнейший компонент системы национальной безопасности Российской Федерации / А.И. Ларин // Гражданская оборона и защита от чрезвычайных ситуаций в учреждениях, организациях и на предприятиях. 2025. № 10. С. 14.

[7] Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: pravo. gov. ru (дата обращения: 12.01.2026).

Основ, в частности – в рамках механизмов реализации мер по защите национальных интересов в области обеспечения радиационной, химической и биологической защиты населения Российской Федерации в мирное и военное время[8]. Более того, пункт 5 определяет Концепцию как основу для конструктивного взаимодействия в сфере радиационной, химической и биологической защиты населения уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, институтов гражданского общества, а также граждан Российской Федерации.

Исследуя вопрос защиты населения от опасных биологических факторов, необходимо уделить особое внимание соответствующей терминологии. Так, в один год с конституционной реформой, был принят Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»[9]. Как указано в преамбуле, данный закон как устанавливает основы государственного регулирования в области обеспечения биологической безопасности в Российской Федерации, так и определяет комплекс мер, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз (опасностей), создание и развитие системы мониторинга биологических рисков.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», биологическая безопасность представляет собой состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска.

Под опасным биологическим фактором понимается событие, условие,

---

[8] Решение Коллегии МЧС России от 04.12.2019 № 8/II «Об утверждении актуализированной редакции Концепции радиационной, химической и биологической защиты населения» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 25.01.2026).

[9] Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 31.

свойство, эпидемический, эпизоотический, эпифитотический процессы или их комбинация, являющиеся причиной возможного воздействия патогенных биологических агентов (патогенов), паразитических организмов и содержащих их объектов, которые способны нанести вред здоровью человека, животным и (или) растениям, продукции животного и (или) растительного происхождения и (или) окружающей среде.

Таким образом, биологической угрозой (опасностью) является наличие потенциально опасных биологических объектов, а также наличие внутренних (находящихся на территории Российской Федерации) и внешних (находящихся за пределами территории Российской Федерации) опасных биологических факторов, способных привести к возникновению и (или) распространению заболеваний с развитием эпидемий, эпизоотий, эпифитотий, массовых отравлений, превышению допустимого уровня биологического риска.

И, наконец, еще одним значимым для нашего исследования термином является план реагирования на биологические угрозы (опасности), представляющий собой порядок действий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления при возникновении биологических угроз (опасностей). План может включать в себя принятие административных, организационно-технических и иных мер по обеспечению готовности к таким угрозам (опасностям) и реагированию на них, по поддержанию допустимого уровня биологического риска.

Среди основных задач деятельности по обеспечению биологической безопасности, перечень которых определен ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», необходимо выделить координацию действий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления при обеспечении биологической безопасности. Данное положение дополнительно подчеркивает значение данной деятельности для всех элементов публичной власти, на что мы

указывали выше.

Так, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обеспечения биологической безопасности закреплены в статье 5 Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации». Необходимо отметить, что пунктом 4 части 3 к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации отнесено, в частности, информирование органов местного самоуправления и населения о реализуемых на территории субъекта Российской Федерации мероприятиях, направленных на обеспечение биологической безопасности. В соответствии с частью 4 статьи 5 Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», к полномочиям органов местного самоуправления в области обеспечения биологической безопасности относится участие в реализации противоэпидемических, противоэпизоотических, противоэпифитотических мероприятий на территориях муниципальных образований. Для определения сущности данных мероприятий необходимо обратиться к законодательству Российской Федерации.

Так, санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия, в соответствии с ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», проводятся в целях предупреждения возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений)[10]. В их число входят: мероприятия по осуществлению санитарной охраны территории Российской Федерации, введению ограничительных мероприятий (карантина), осуществлению производственного контроля, мер в отношении больных инфекционными заболеваниями, проведению медицинских осмотров, профилактических прививок, гигиенического воспитания и обучения граждан,

[10] Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

санитарно-гигиенического просвещения населения и пропаганды здорового образа жизни.

Для определения иных терминов, указанных в статье 5 Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», необходимо обратиться к «ГОСТ 22.0.04-97/ГОСТ Р 22.0.04-95. Межгосударственный стандарт. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения» (далее – ГОСТ 22.0.04-97/ГОСТ Р 22.0.04-95)[11]. Так, в соответствии с пунктом 3.3.1, под эпизоотией понимается одновременное прогрессирующее во времени и пространстве в пределах определенного региона распространение инфекционной болезни среди большого числа одного или многих видов сельскохозяйственных животных, значительно превышающее обычно регистрируемый на данной территории уровень заболеваемости.

В соответствии с пунктом 3.3.11 ГОСТ 22.0.04-97/ГОСТ Р 22.0.04-95, противоэпизоотические мероприятия представляют собой комплекс плановых мероприятий, направленных на предупреждение, обнаружение и ликвидацию инфекционных болезней сельскохозяйственных животных, предусматривающих обезвреживание и ликвидацию источников возбудителя инфекционной болезни и факторов передачи возбудителя, повышение общей и специфической устойчивости сельскохозяйственных животных к поражению патогенными микроорганизмами.

В соответствии с пунктом 3 статьи 2.6 Закона РФ от 14 мая 1993 года № 4979-1 «О ветеринарии», перечень и порядок проведения необходимых дополнительных противоэпизоотических мероприятий, а также порядок информирования физических лиц и юридических лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления о мероприятиях по регионализации территории Российской Федерации, порядок составления, актуализации и

---

[11] «ГОСТ 22.0.04-97/ГОСТ Р 22.0.04-95. Межгосударственный стандарт. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения» (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 25.01.1995 № 16) // URL: base. garant. ru (дата обращения: 16.01.2026).

опубликования данных и карты регионализации территории Российской Федерации устанавливаются ветеринарными правилами проведения регионализации территории Российской Федерации[12]. Так, соответствующие правила утверждены приказом Минсельхоза России от 14 декабря 2015 года № 635[13]. Раздел IV данных правил регулирует порядок определения зоны исключения внутри благополучного региона или региона с неопределенным статусом. На территории неблагополучного региона, зоны исключения, защитной зоны проводятся мероприятия по ликвидации заразной болезни животных в соответствии ветеринарными правилами, а в отсутствие ветеринарных правил - в соответствии с имеющимися данными о степени опасности и параметрах распространения данной заразной болезни животных.

Границы защитной зоны являются границами применения комплекса противоэпизоотических мероприятий, осуществляемых в защитной зоне и не осуществляемых на иной территории благополучного региона, к которой прилегает защитная зона.

В соответствии с пунктом 3.4.1 ГОСТ 22.0.04-97/ГОСТ Р 22.0.04-95, под эпифитотией понимается массовое, прогрессирующее во времени и пространстве инфекционное заболевание сельскохозяйственных растений и/или резкое увеличение численности вредителей растений, сопровождающееся массовой гибелью сельскохозяйственных культур и снижением их продуктивности.

Исследовав вышеуказанные нормативные акты, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в качестве основного принципа участия органов местного самоуправления в защите населения от опасных биологических факторов, исходя из приведенных актов, можно назвать взаимодействие и координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного

---

[12] Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 24. Ст. 857.

[13] Приказ Минсельхоза России от 14.12.2015 № 635 (в ред. от 22.11.2021) «Об утверждении Ветеринарных правил проведения регионализации территории Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.03.2016 № 41508) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 18.

самоуправления при обеспечении химической и биологической безопасности. Во-вторых, ФЗ-492 устанавливает закрытый перечень полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения биологической безопасности.

Вместе с этим, следует отметить, что в современных условиях динамичное изменение глобальной обстановки в мире может повлиять на отнесение на органы местного самоуправления и иных полномочий, что, в частности, в настоящий момент предусмотрен и Федеральным законом от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Соответственно, возможно и внесение новелл в относительно новый для российского законодательства Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации».

Подтверждением актуальности данных проблем, помимо всего прочего, является и положение Концепции общественной безопасности Российской Федерации (далее – Концепция), указывающей следующее[14]. В области защищенности населения и окружающей среды от опасных биологических и химических факторов наблюдаются тревожные признаки: анализ ситуации, сложившейся в различных сферах обеспечения биологической и химической безопасности, позволяет сделать вывод, что существуют серьезные риски причинения вреда жизни и здоровью людей, окружающей среде. На фоне значительного ухудшения обеспечения санитарно-эпидемиологической, ветеринарно-санитарной, фитосанитарной и экологической безопасности, а также упадка биотехнологической и химической промышленности появились новые биологические и химические угрозы общественной безопасности. Более того, подпункт «г» пункта 5 Концепции указывает, что Российская Федерация при обеспечении общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования системы обеспечения общественной безопасности, а также политических, организационных, социально-

---

[14] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 07.01.2026).

экономических, информационных, правовых и иных мер по совершенствованию государственного управления в области пожарной, химической, биологической, ядерной, радиационной, гидрометеорологической, промышленной и транспортной безопасности.

Принятый 5 октября 2023 года Указ Президента РФ № 743 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по противодействию современным угрозам биологической безопасности» возложил на комиссию функцию по анализу эффективности работы федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов, органов местного самоуправления и организаций по выполнению решений Совета Безопасности, направленных на защиту национальных интересов Российской Федерации в области обеспечения биологической безопасности[15].

Тем не менее, как и указывалось нами ранее, более глубокие изменения полномочий органов местного самоуправления по защите населения от опасных биологических факторов будут напрямую зависеть от актуальных задач обеспечения национальной безопасности России, а их реализация зависит как от органов и должностных лиц, так и от организаций и граждан, поскольку современные условия диктуют необходимость обеспечить единство всего населения перед вызовами времени. Дополнительным подтверждением тому является содержание курсового обучения в области гражданской обороны, неотъемлемой темой которого является изучение поражающих факторов обычного, ядерного, химического, а равно и биологического оружия[16].

---

[15] Указ Президента РФ от 05.10.2023 № 743 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по противодействию современным угрозам биологической безопасности» (вместе с «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по противодействию современным угрозам биологической безопасности») // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 07.01.2026).

[16] Примерная программа курсового обучения работающего населения в области гражданской обороны, утв. МЧС России 20.11.2020 № 2-4-71-27-11 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 07.01.2026).

Конституционно-правовые аспекты защиты религиозных чувств верующих: соотношение с правом на свободу слова и выражения мнений

Шугурова Екатерина Александровна,
магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена исследованию конституционно-правовых механизмов защиты религиозных чувств верующих и анализу их соотношения с правом на свободу слова и выражения мнений в Российской Федерации. Рассматриваются нормативные и теоретические основы обеспечения баланса между свободой совести и вероисповедания, с одной стороны, и свободой выражения мнений – с другой. Анализируются основные положения законодательства, международно-правовые нормы и практика конституционного правосудия. Особое внимание уделяется выявлению баланса между защитой чувств верующих и обеспечением свободы самовыражения, а также рассматриваются актуальные примеры из судебной практики и средств массовой информации. Практическая значимость исследования заключается в формулировании предложений по совершенствованию правового регулирования в данной области.

Ключевые слова: религиозные чувства, свобода слова, свобода мнений, конституционное право, баланс интересов.

В настоящее время вопросы баланса между правами человека становятся все более острыми. Особенно это заметно там, где сталкиваются свобода слова и выражения мнений с правом на свободу совести и вероисповедания. Защита религиозных чувств верующих – не просто юридическая формальность, а жизненно важный элемент уважения к человеческому достоинству.

На первый взгляд всё выглядит просто: есть Конституция, международные договоры, законы — в общем, четкие правила, которые вроде бы должны объяснять всем, где граница дозволенного. Но в реальной жизни эти «границы» куда более расплывчаты, чем кажется на первый взгляд.

Мы живем в мире, когда возможности для публичных высказываний выросли многократно и особенно активно развиваются в интернете, случаи оскорбления чувств верующих происходят все чаще. Стоит также упомянуть и интенсивную миграцию населения, которая тоже обостряет напряжённость из-за разногласий в ценностных установках. Как видим, проблема одновременно и правовая, и социальная. Законодательные акты, направленные на охрану свободы вероисповедания, призваны гарантировать достойное отношение к различным религиям и их последователям, исключить провокационные действия, порождающие недопонимание и дискриминацию. Тем не менее, чрезмерная трактовка или неопределённость подобных норм рискуют затронуть фундаментальное право личности — свободу слова, являющуюся гарантом любой демократии.

Актуальность исследования очевидна: несмотря на глобализацию, подходы к защите религиозных чувств существенно различаются в разных странах, а дискуссии о допустимых ограничениях свободы слова продолжаются. Поэтому важно тщательно изучить конституционно-правовые элементы защиты верующих, определить границы вмешательства государства и по возможности предложить пути совершенствования законодательства.

Целью данной статьи является детальное исследование конституционно-правовых аспектов защиты религиозных чувств верующих в России, раскрытие их соотношения с правом на свободу слова и выражения мнений, а также анализ актуальных примеров из судебной практики и средств массовой информации для иллюстрации вызовов, возникающих при поиске баланса между этими, казалось бы, противоречивыми, но взаимосвязанными правами.

Свобода совести и вероисповедания признается фундаментальным правом человека, отраженным в ключевых международных актах. Например, в статье 18 Всеобщей декларации прав человека (принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) закрепляется, что каждый имеет право свободно выбирать, менять и выражать религиозные и духовные убеждения — индивидуально или коллективно, публично или приватно, в том числе через обучение и обряды.

Так же обеспечивается защита свободы вероисповедания и взглядов, но в то же время предусматривается возможность легальных ограничений, направленных на обеспечение общественного спокойствия, морали и интересов других граждан[1]. При этом прямого упоминания «защиты религиозных чувств» в международном праве нет, хотя сама идея предотвращения религиозной дискриминации подразумевает именно это.

В России фундаментальные права верующих защищают сразу несколько конституционных норм: запрет на дискриминацию по признаку религии (статья 19), свобода совести и вероисповедания (статья 28), а также гарантии свободы слова с оговоркой про недопустимость разжигания ненависти (статья 29).

В российском законодательстве нет чёткого определения того самого чувства верующего, которое подлежит защите. Если брать широко — это целый эмоциональный и духовный пласт: трепет перед святынями, ощущение связи с традицией, личное переживание своей принадлежности к какой-либо религии. Но когда дело доходит до суда, судьи вынуждены толковать это чувство каждый раз заново. Как определить оскорбление объективно? Где грань между честной критикой и хамством? Например, уместен ли юмор в отношении церковных институтов? Всё это требует осмысления как контекста, сказанного или сделанного, так и мотивов автора.

Прояснить ситуацию помогают резонансные примеры из практики последних лет. Дело «Пусси Райот»[2] в 2012 году привлекло международное внимание. Участницы группы были привлечены к уголовной ответственности за действия, квалифицированные как хулиганство с элементами религиозной вражды или унижения верующих (ранее, до появления статьи 148 УК РФ, разбирательство велось по нескольким статьям, однако акцент делался именно на

---

[1] Международный пакт о гражданских и политических правах (Принятый 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // ст. 18 п. 3. // СПС КонсультантПлюс // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 13.03.2026).

[2] Приговор Хамовнического районного суда г. Москвы по делу № 1-170/12 от 17.08.2012 //Электронная версия открытой библиотеки «Викитека» // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Приговор_по_делу_Pussy_Riot (дата обращения: 12.03.2026).

оскорблении религиозных убеждений). Суд определил, что совершённые ими поступки в Храме Христа Спасителя квалифицируются как кощунство и нанесение обиды множеству верных последователей религии. Данный случай стал причиной активных дебатов по поводу пределов свободы выражения мнений и охраны священных объектов веры, что и повлекло к появлению ст. 148 УК РФ. После этого суды стали активно рассматривать дела оскорблений религиозных чувств.

Еще в одном из случаев, связанном с публикацией оскорбительных карикатур на религиозные символы, суд ограничился штрафом, признав, что действия носили характер оскорбления, но не достигли уровня возбуждения ненависти или вражды.[3]

Дело «ЕС против Австрии»[4] высветило сложную дилемму баланса между свободой выражения мнения (статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) и необходимостью уважать религиозные чувства. Заявительница жаловалась на преследование со стороны властей за высказывание, которое сочли оскорбительным для мусульман. Отклонив жалобу, ЕСПЧ подчеркнул: «установление пределов свободы слова — процесс глубоко контекстуальный. Он зависит не только от буквального содержания фразы, но и от атмосферы общественных дискуссий, исторического фона и культурных особенностей государства». Суд ещё раз напомнил: неотъемлемая часть свободы выражения — это личная ответственность говорящего, предполагающая сознательное избегание формулировок, способных нанести ущерб религиозным святыням или фигурам, почитаемым верующими.

Таким образом, ЕСПЧ, подводя черту, заявил: «государство — как опытный дирижёр в оркестре свободы слова. Оно вправе решать, где сделать акцент, а где

---

[3] Постановление Пермского краевого суда от 08.02.2017 по делу №44а-116/2017. Текст электронный // URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/postanovlenie-_-44a-116_2017 (дата обращения: 14.03.2026).

[4] Постановление Европейского суда по правам человека от 18.03.2019 «Дело ЕС против Австрии» // Сайт Европейского суда по правам человека. Текст электронный // URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#%7B%22itemid%22:%5B%22003-6234980-8105265%22%5D%7D (дата обращения: 15.03.2026).

— приглушить звук, чтобы не нарушить гармонию межрелигиозных отношений. И это разумно: именно национальные власти лучше всего чувствуют пульс общества и могут вовремя заметить, когда безобидная реплика грозит перерасти в громкий конфликт»[5].

Европейские суды эту логику поддерживают. Немецкий Конституционный Суд[6], например, сравнил свободу вероисповедания с двусторонним щитом: с одной стороны, он защищает верующих от вмешательства государства, с другой — обязывает государство оградить их от нападок тех, кто мыслит иначе. Проблема оскорбления религиозных чувств довольно актуальна и решение этой проблемы, возможно следующим образом:

— уточнить само понятие «религиозного чувства» в законе, отделить запрещённое унижение от допустимой критики;

— развивать медиативные методы урегулирования таких споров, а также системно повышать уровень культуры публичных дискуссий вокруг веры.

Именно тогда баланс между свободой слова и защитой религиозных чувств станет устойчивым фундаментом общественного доверия вместо повода для очередного раскола общества пополам.

---

[5] Клишас А.А. Свобода слова и защита чувств верующих: в поиске баланса / Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству. – 15.11.2018. – Текст электронный // Совет Федерации Российской Федерации: официальный сайт // URL: https://council.gov.ru/services/discussions/blogs/98327/ (дата обращения: 14.03.2026).

[6] Постановление Федерального Конституционного Суда Федеративной Республики Германии (BVerfGE 93, 1) от 12.05.1987. Электронная версия постановления // Сайт Техасского юридического университета // URL: https://law.utexas.edu/transnational/foreign-lawgerman (дата обращения: 15.03.2026).